

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

МОСКВА И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

**СОВЕТСКО-
ЮГОСЛАВСКИЙ
КОНФЛИКТ
И СТРАНЫ
СОВЕТСКОГО
БЛОКА
1948–1953 ГГ.**

Очерки истории

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2017

УДК 94
ББК 63.3(0)63
М821

Редакционная коллегия:

д. и. н. *Т. В. Волокитина*
к. и. н. *А. С. Аникеев* (ответственный редактор)

Рецензенты:

д. и. н. *А. А. Улуриян*
к. и. н. *Г. Н. Энгельгардт*

М821 Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока. 1948–1953 гг. Очерки истории / Отв. ред. А. С. Аникеев. М.; СПб. : Нестор-История, 2017. — 432 с.

ISBN 978-5-4469-1083-0

Очерки посвящены одной из важных проблем послевоенной истории, известной как конфликт Сталина и Тито. Советско-югославское противостояние 1948–1953 гг. исследуется не только как самостоятельный феномен, но и в контексте не менее сложного процесса — начавшегося после войны складывания «лагеря» стран народной демократии во главе с Советским Союзом. Авторы рассматривают воздействие конфликта на формирование особого типа отношений в рамках строго соподчиненной структуры, этапы его эскалации, попытки Кремля использовать конфликт в интересах консолидации советского блока. Важный аспект исследования — изучение деятельности югославской политической эмиграции в странах «социалистического лагеря», настроений населения и влияния конфликта на отношения власти и общества.

Для историков, политологов, специалистов по международным отношениям и всех интересующихся историей XX в.

ISBN 978-5-4469-1083-0

© Коллектив авторов, 2017
© Институт славяноведения РАН, 2017
© Издательство «Нестор-История», 2017

Корректор *А. М. Никитина*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*. Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 15.03.2017. Формат 60×90^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 27,0
Тираж 800 экз. Заказ № 866

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)622-01-23

Содержание

К читателю	4
<i>А. С. Аникеев</i> Югославия в годы конфликта с СССР и странами «народной демократии»	15
<i>Т. В. Волокитина</i> От конфронтации до нормализации. Болгария и советско-югославский конфликт. 1948–1956 гг.	105
<i>К. Кимура, А. С. Стыкалин</i> Венгерско-югославские отношения на рубеже 1940–1950-х гг.: от примирения недавних врагов к межгосударственному конфликту ...	214
<i>А. С. Гладышева</i> Советско-югославский конфликт и Румыния: вовлечение в полемику. 1948–1956 гг.	270
<i>А. Животич</i> Советско-югославский конфликт и укрепление советского влияния в Албании. 1948–1953 гг.	326
<i>В. В. Волобуев</i> Польша и советско-югославский конфликт	349
<i>Г. П. Мурашко</i> Советско-югославский конфликт и Чехословакия: борьба в политическом руководстве и эволюция общественных настроений	386
Заключение	429

К читателю

Книга посвящена знаковому для послевоенной истории Восточной Европы событию, начавшемуся летом 1948 г. Речь идет о советско-югославском конфликте, или, выражаясь проще, конфликте Сталина и Тито, которому в 2018 г. исполняется 70 лет. Пристальное внимание мировой общественности к первому расколу «социалистического лагеря» с момента его возникновения было понятным, но путь постижения истины оказался трудным и длительным: от спонтанной реакции политической публицистики, прежде всего западной, до попыток анализа, предпринятых советологами и политологами и наконец до появления в 1950-х гг. первых исторических исследований¹. Следующий важный исследовательский рубеж обозначился в связи с процессом нормализации советско-югославских отношений в середине 1950-х гг., отмеченным появлением работ по истории конфликта². 1960-е — 1980-е гг. характеризовались всесторонним изучением феномена «титоизма» и его влияния на страны советского блока, отношений с США, формирования новой внешнеполитической ориентации Югославии. В контексте означенных проблем рассматривал-

¹ См., напр.: *White L.* Balkan Caesar: Tito versus Stalin. N.Y., 1951; *Armstrong H.* Tito and Goliath. New York, 1951; *Ulam F.* Titoism and the Cominform. Cambridge, 1952; *Hammond T.* Yugoslavia between East and West. N.Y., 1954; *Dragnich A.* Tito's Promised Land. Bronswick, 1954.

² См., напр.: *Neal F.* Titoism in Action. The Reforms in Yugoslavia after 1948. Berkeley—L.A., 1958; *Halperin E.* The triumphant Heretic: Tito's Struggle against Stalin. London, 1958; *Farell B.* Yugoslavia and the Soviet Union. 1948—1956. N.Y., 1956; *Drashkovich S.* Tito, Moscow's Trojan horse. Chicago, 1957.

ся и советско-югославский конфликт³. С конца 1980-х гг. постепенно обновляется источниковая база, позволившая расширить круг исследуемых западными и югославскими авторами проблем⁴.

Новый этап исследований истории конфликта начался благодаря «архивной революции» 1990-х гг. в России: исследователи получили в свое распоряжение без преувеличения огромное количество недоступных прежде источников и возможность проанализировать важные и неизвестные ранее факты⁵. Ныне благодаря усилиям историков и архивистов советско-югославский конфликт занял самостоятельное место в историографии среди исследований по истории внешней политики и международных отношений, «социалистического лагеря», «холодной войны». Важное место в изучении конфликта принадлежит российским ученым⁶. В 2000-х гг. в результате широкого

³ Заметным явлением западной историографии стали работы Дж. Кембелла (J. Campbell), Э. Рубинштейна (A. Rubinstein), С. Клиссолда (S. Clissold), Ф. Оти (Ph. Auty), Б. Хойзер (B. Heuser), Д. Русинофф (D. Rusinoff), Д. Ларсона (D. Larson), В. Вучинича (W. Vucinich), Дж. Иатридиса (J. Iatrides) и др.

⁴ См. работы Р. Уэста (R. West), Л. Лис (L. Lees), Г. Свэйн (G. Swain), Дж. Лампе (J. Lampe), С. Павловича (S. Pavlovitch), И. Банаца (I. Banac), Д. Бекича (D. Bekic), Б. Петрановича и др.

⁵ Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949: Документы и материалы / Ред. Г. М. Адиебеков, А. Ди Бьяджо, Л. Я. Гибианский, Ф. Гори, С. Понс. М., 1998; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.: В 2 т. / Отв. ред. Г. П. Мурашко. М., 1997; 1998; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы: В 2 т. / Отв. ред. Т. В. Волокитина. М., 1999; 2002; Советско-югославские отношения. 1945–1956: документы и материалы / МИД РФ, МИД Республики Сербии. Новосибирск, 2010 и др.

⁶ Первыми исследователями проблемы стали российские историки Л. Я. Гибианский, В. К. Волков, архивисты В. А. Горлов, И. В. Бухаркин, Г. М. Адиебеков. Наиболее последовательно и плодотворно исследовал историю советско-югославского конфликта Л. Я. Гибианский, опубликовавший по данной теме более 40 работ. См., напр.: *Гибианский Л. Я.* 1) К истории советско-югославского конфликта 1948–1953 гг.: секретная советско-югославо-болгарская встреча в Москве 10 февраля 1948 года // Сов. славяноведение. 1991. № 3; 2) (в соавт. с В. К. Волковым). На пороге первого раскола в «социалистическом лагере»: переговоры руководящих деятелей СССР, Болгарии и Югославии. 1948 г. // Исторический архив. 1997. № 4; 3) Секретная советско-югославская переписка 1948 года // Вопросы истории. 1992. № 4–7, 10; 4) У начала конфликта: балканский узел // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 2; 5) Вызов в Москву // Политические исследования. 1991. № 1; 6) От «нерушимой дружбы» к беспощадной борьбе: модель «социалистического лагеря» и советско-югославский конфликт 1948 г. // У истоков «социалистического содружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995 и др. Взаимоотношения Югославии с США и их

открытия югославских и архивов бывших республик Югославии историография пополнилась работами национальных историков⁷.

Однако «узким» местом всё еще остается изучение отражения конфликта в странах «социалистического лагеря». В историографии нет пока работ, специально и всесторонне исследующих данный сюжет. Следует также учитывать, что и сегодня на рассмотрение научных проблем заметное влияние оказывают подчас отнюдь не научные факторы — политическая конъюнктура, выраженная в новых «социальных заказах», априорно обвинительный уклон при трактовках действий советского руководства без необходимого всестороннего анализа и выявления истоков их мотивации, сознательное отведение национальным компартиям сугубо пассивной роли «вассалов» все сильного московского «сюзерена» и пр. Не всем авторам удается следовать мудрому наставлению древних и решать исследовательские проблемы *sine ira et studio* — «без гнева и пристрастия».

В предлагаемых вниманию читателя «Очерках» советско-югославский конфликт 1948–1953 гг. исследуется в контексте не менее сложного процесса — начавшегося после войны складывания «лагеря стран народной демократии» во главе с Советским Союзом. Авторы попытались показать воздействие этого конфликта не только на развитие особого типа отношений в рамках нового для Европы общества, но и на «поведение» власти и ее конкретные мероприятия, обстановку в странах «социалистического лагеря», настроения населения. Югославия длительное время являлась для них «настоящей революционно-социалистической страной», примером для подражания, но возникший конфликт и его эскалация превратили вчерашнего союзника во врага, предателя и шпиона, против которого следовало вести беспощадную борьбу. Сложность и масштабы такой трансформации, приобретшей с учетом фактора времени поистине драматический характер, также предстояло оценить авторам. Еще один важный аспект рассматриваемой проблемы — попытки Москвы использовать противостояние с Белградом для консолидации советского блока. Внимание исследователей сосредоточено на изучении основных

союзниками в годы конфликта, формирование Балканского пакта в начале 1950-х гг. с участием Югославии исследовались в работах А. С. Аникеева.

⁷ См., напр., исследования сербских авторов Л. Димича, Дж. Трипковича, М. Терзича, А. Животича, М. Милкича, Д. Богетича, Б. Димитриевича, Р. Петковича, Д. Бозозана, М. Ристович, хорватского историка Т. Яковины, словенского — Б. Репе и др.

этапов эскалации конфликта через призму событий в странах блока, выявлении особенностей контактов «национальных» коммунистов с советским руководством, влияния межпартийного конфликта на межгосударственные отношения в разных сферах.

Сталин и его окружение, создавая после войны блок восточноевропейских стран, исходили из перспективы его «социализации», однако вплоть до рубежа 1947–1948 гг. эта задача не стояла на повестке дня, уступая необходимости сохранения сотрудничества с бывшими западными союзниками по антигитлеровской коалиции и поддержания баланса в международных делах в соответствии с распределением сфер влияния в послевоенном мире. Этот баланс оказался нарушен, когда вслед за «первыми заморозками» задули ветры «холодной войны». Расколовшийся мир начинал жить по законам нового противостояния.

В странах Восточной Европы, вошедшей по итогам войны в советскую сферу влияния, оказавшиеся у власти компартии признавали безусловное главенство ВКП(б) как руководящей силы в первом в мире социалистическом государстве и в международном коммунистическом движении и в силу существовавшей еще со времен Коминтерна иерархии отношений в целом четко следовали «советам» и указаниям своего признанного лидера. Со своей стороны советское политическое руководство оставляло за ВКП(б) мессианскую роль — утверждение коммунистической идеи в мировом масштабе. Фактическая самоидентификация советской компартии с этой идеей придавала авторитету ВКП(б) в международном коммунистическом движении почти сакральный характер. Немалое значение имела при этом и харизматическая личность советского руководителя. Однако, как показало время, Сталин, превратив ВКП(б) у себя в стране в послушное орудие, не смог в силу разных причин безоговорочно подчинить национальные компартии. В формировавшемся «социалистическом лагере» возникал зародыш будущих противоречий и конфликтов.

Отношения ВКП(б) и КПЮ и их лидеров Сталина и Тито на рубеже войны и мира казались практически безоблачными. Их объединяла общая цель и боевое братство. Несомненно, существовало и взаимное личное уважение. Проявления активности и определенной самостоятельности Тито и его близкого окружения, прежде всего в вопросах внешней политики, чреватые осложнением отношений

с западными союзниками, хотя и раздражали Москву и вызывали некоторые трения, но не привели в то время к охлаждению. По окончании войны, когда в международном коммунистическом и рабочем движении большую популярность приобрела концепция «национального пути к социализму», признававшаяся до определенного времени советским политическим руководством и самим Сталиным, югославские коммунисты точнее всех следовали советской модели. Не случайно Югославия в глазах Кремля стала образцом успешного применения марксистско-ленинской (читай — сталинской) теории на практике.

Однако осенью 1947 г. ситуация резко изменилась. В условиях обострения международной обстановки Сталин и его ближайшее окружение с большим раздражением встретили независимые проявления Белграда в международных делах — на Балканах и, в частности, в Албании. В действиях югославо советское руководство усматривало претензии на роль регионального лидера, способного выскользнуть из-под твердой руки Москвы. На реакцию «хозяина» чутко отреагировала советская дипломатическая служба в Югославии, искусно подбирая факты, рисовавшие Тито и его окружение не в самом приглядном с точки зрения политики и партийных норм виде. Существенную негативную роль сыграл посол А. И. Лаврентьев. Позднее в придание конфликту характера жесткого партийного разбирательства значительный вклад внесли В. М. Молотов и А. А. Жданов: в известной самостоятельности «зарвавшегося» Тито они усмотрели угрозу авторитету Кремля.

Вызванные в начале февраля 1948 г. в Москву югославские и болгарские руководители были встречены упреками со стороны Сталина и Молотова в излишней самостоятельности в международных делах, в несогласованных с Кремлем высказываниях и действиях, которые могли сыграть на руку «англо-американцам». Похоже, никто из прибывших — ни Г. Димитров, ни Э. Кардель — не поняли, в чем причина столь резкой реакции на заявления их стран о возможном создании федераций в Восточной Европе и намерении послать югославскую дивизию в Албанию. Они не знали, что из надежного источника Сталин получил донесение о готовности американцев направить ограниченный военный контингент в Грецию в случае признания «народными демократиями» греческого партизанского правительства (ВДПГ). Поэтому не случайно на встрече прозвучала еще одна тема — стоило

ли югославам и болгарам по-прежнему оказывать активную помощь греческим партизанам? Вопрос о болгаро-югославской федерации в таком контексте следовало понимать как опасение Кремля относительно возможного присоединения к ней греческой Эгейской Македонии, которая почти вся находилась в руках партизан, и требовалось лишь небольшое усилие — военная помощь «соседей» с севера, чтобы решить эту задачу. А югославская дивизия в Албании могла бы рассматриваться США и Великобританией именно как один из шагов в этом направлении. Сталин с полным основанием опасался реальной, как ему казалось, перспективы возникновения полномасштабного военного конфликта на Балканах, в который мог быть вовлечен и Советский Союз, связанный с Югославией и Болгарией договорами о взаимной помощи. Тито еще долго в своем ближайшем окружении с раздражением говорил о запрете Москвы на отправку югославской дивизии в Албанию. «Когда греки туда придут, расхлебывать придется нам», — подчеркивал он.

Тито и его соратники искренне стремились разрядить обстановку, не допустить крайностей в отношениях с Москвой и до последнего боролись за примирение, просили не отзываться советских гражданских и военных специалистов, продолжить торговые переговоры. Обнаружив «утечку» информации из Политбюро ЦК КПЮ, виновником которой был наказанный за это позднее С. Жуйович, они, по-видимому, решили, что главная причина кремлевского гнева заключалась в ставших известными в Москве высокомерных и обидных характеристиках ВКП(б) и советского партийного руководства, исходивших от Тито и его окружения. Вероятно, это действительно оказало некоторое влияние на принимаемые в Кремле решения, но не было определяющим. Насколько можно судить, решение «поставить Тито на место» было принято в Кремле ранее, в январе–феврале 1948 г.

Точкой невозврата в развитии конфликта стало письмо Сталина и Молотова от 27 марта 1948 г. югославскому руководству, разосланное компартиям — членам Информбюро без уведомления ЦК КПЮ. Тито воспринял это как оскорбление ЦК и всей партии. После этого уже не было речи о приезде югославской делегации в Москву, как того требовали в Кремле. Теперь югославы для установления истины в споре ждали советских представителей только у себя. Невозможно представить, чтобы подобная ситуация могла возникнуть

в отношениях Сталина с кем-то из лидеров компартий стран «народной демократии». И в этом кроется еще одна причина ужесточения конфликта, обретения им бескомпромиссного характера. Как эта формулировка ни далека от академических определений, но Тито оказался «крепким орешком», и это добавило настойчивости советскому руководству, стремившемуся отныне к замене его на более приемлемую фигуру. Для этого Кремлю требовалось коллективное решение, и вскоре последовал вызов югославов «на ковер» второго совещания Информбюро в июне 1948 г. Югославы отказались приехать и были осуждены как ревизионисты. С принятием бухарестской резолюции о положении в КПЮ конфликт стал достоянием мировой общественности и послужил началом широкомасштабной антиюгославской кампании в СССР и странах «народной демократии».

К концу 1948 г. резко сократились политические, экономические и культурные контакты между Югославией и странами советского блока, стали возникать различного рода трения в межгосударственной сфере, участились пограничные инциденты. Эта тенденция продолжилась по нарастающей в 1949 г., завершившись сфабрикованными процессами по «делу» объявленных «титоистами» болгарина Трайчо Костова и венгра Ласло Райка.

«Дело» Райка послужило поводом для разрыва Москвой и другими странами советского блока договоров о дружбе и взаимопомощи с Югославией и принятием в ноябре 1949 г. на третьем совещании Информбюро в Будапеште резолюции, объявившей руководство КПЮ «шпионами и убийцами». В соответствии с установками Коминформа в Восточной Европе началась почти средневековая «охота на ведьм», развернулись масштабные поиск и наказание «титоистов», усилилась шпиономания. Особый размах эти процессы приобрели в соседних балканских странах — Болгарии и Румынии и в центральнойвропейской Венгрии.

В Болгарии каждый пятый член партии был «вычищен» из БКП по политическим мотивам. Разоблаченные «шпионы» исчислялись сотнями. Только с начала 1951 до конца августа 1953 г. были выявлены 1019 вражеских «агентов», причем основная масса их — 422 чел. — якобы работали на югославскую разведку. Число процессов над «вредителями» и «шпионами» к началу 1950-х гг. достигло 250. Еще на стадии предварительного следствия в качестве подозреваемых проходили более 1500 болгарских коммунистов.

В Румынии поиск югославских «шпионов» был сопряжен с депортациями населения из пограничных с ФНРЮ районов. В результате судебных процессов над «титовцами» пострадали в общей сложности около 100 румынских сербов, переселению подверглись порядка 44 тыс. чел., среди которых были этнические сербы, хорваты, швабы (немцы Баната), румыны-беженцы из Бессарабии и Буковины.

Настоящим милитаристским психозом была охвачена в условиях советско-югославского конфликта соседняя Венгрия: ее армия, вопреки ограничениям, наложенным Парижским мирным договором 1947 г., достигла значительной численности— 120 тыс. солдат и офицеров, 700 боевых машин. В жернова репрессий попали на протяжении 1949–1951 гг. почти все кадровые офицеры высокого ранга, некоторые были расстреляны, причем чаще всего по обвинениям антиюгославского характера — шпионаж в пользу Тито, участие совместно с югославскими военными в заговоре против венгерского государственного строя и т. д.

В самой Югославии, фактически изгнанной из советского блока, происходили противоречивые процессы. Пытаясь ответить на обвинения, точнее, убедить Москву в следовании советской модели, ЦК КПЮ принял непродуманное решение о коллективизации села, от которого уже вскоре пришлось отказаться. Вместе с тем развернувшаяся критика сталинской теории построения социализма под лозунгом «возвращения к Марксу» привела к введению рабочего самоуправления на предприятиях, в определенной степени декларативного и декоративного, к переоценке роли партии в обществе, к известной либерализации культуры.

В сфере внешней политики, отвечая на «пророчество» бухарестской резолюции Информбюро (считалось, что Югославия вскоре окажется в лагере империалистических государств), Тито поручил своим соратникам начать разработку нового внешнеполитического курса. Его главным вектором было сотрудничество с афро-азиатскими странами, освободившимися от колониальной зависимости. Во внутренней политике, по контрасту с поиском «титоистов» в странах «социалистического лагеря», развернулась борьба с теми, кто поддержал резолюцию Коминформа. Масштабные репрессии против «информбюровцев» потребовали многократного увеличения руководящего аппарата и оперативного состава органов госбезопасности.

Сопротивление Югославии давлению со стороны стран советского блока фактически до самой смерти Сталина в марте 1953 г. являлось постоянным фактором общественной жизни. Конфликты на границах, переброска групп, доставлявших в страну пропагандистскую литературу, привели к увеличению в три раза численности погранвойск. В ожидании военного вторжения были в несколько раз повышены расходы на армию. Населению настойчиво внушалось, что принимаемые меры, включая репрессивные, необходимы, что пребывание в «осажденной крепости» требовало непоколебимого единства, твердости и веры в свое руководство и правильность его действий. Пропагандистские усилия власти следует признать до определенного момента успешными: югославское общество вплоть до конца 1953 г. оставалось сплоченным и по большому счету не знало оппозиционных настроений.

Экономическая блокада вынудила югославское руководство обратиться к США, которые, видя в советско-югославском конфликте возможность ослабить СССР, приступили к развертыванию широкой программы помощи, в том числе и военной.

Борьба стран советского блока с «титовской» Югославией инициировалась и направлялась Москвой. Коминформбюро формулировало и жестко контролировало выполнение решений, направленных на эффективное развертывание мощной пропагандистской кампании в средствах массовой информации, организацию радиовещания на Югославию, выпуск газет и пропагандистской литературы на языках народов ФНРЮ и их заброску в страну, установление экономической блокады, поддержку югославской политэмиграции, усиление бдительности, регулярные чистки в партийных и государственных структурах, «профилактический» террор.

С началом конфликта штаб-квартира Информбюро, как и редакция его печатного органа газеты «За прочный мир, за народную демократию!», прежде находившиеся в Белграде, были перемещены в Бухарест. В Румынии усилиями коминформовской эмиграции с мая 1949 г. издавалась газета «Под знаменем интернационализма», рассчитанная на распространение не только внутри страны, но и на территории Югославии, ежемесячный тираж пропагандистских брошюр и листовок достигал соответственно 10–15 тыс. и 20–25 тыс. Через радиостанцию г. Брашов осуществлялась ретрансляция передач на ФНРЮ. Газеты и пропагандистские издания антититовского

содержания, в том числе и для заброски в Югославию, печатались во всех странах советского блока.

Важной составляющей антиюгославской кампании являлось поддержание постоянного напряжения на границах с сопредельными ФНРЮ странами. Там наблюдался, за малыми исключениями, неуклонный рост инцидентов, в том числе и вооруженных. Во всех странах советского блока произошло увеличение численности силовых структур и усиление разведывательной и контрразведывательной деятельности на югославском «направлении».

Вместе с тем каждая из стран «социалистического лагеря» вносила свою специфическую лепту в эскалацию конфликта. Для некоторых из них постоянным дополнительным раздражителем являлись неурегулированные национально-территориальные споры (македонский для Болгарии, косовский для Албании). «Советы» Москвы, обусловленные, как правило, задачами «большой политики», слабо учитывали национальные интересы малых стран.

Однако, несмотря на значительные усилия СССР и стран — участниц советского блока, добиться раскола югославского общества и победы «здоровых сил» в партийном руководстве не удалось. Вся антиитовская кампания явилась в конечном итоге поражением Сталина.

Конфликт с СССР и странами «народной демократии» не изменил кардинально природу югославского социализма, сохранив в значительной степени присущие авторитарной, однопартийной системе черты. Окрепшая на обильной западной помощи югославская экономика, заимствовавшая отдельные элементы свободного рынка, а также последующая частичная либерализация общественной жизни постепенно сделали Югославию привлекательным примером для других стран Восточной Европы. Главным итогом и достижением политики югославского руководства времен советско-югославского конфликта стала почти полная независимость от Москвы, свобода от необходимости координировать с ней свои внешнеполитические планы и действия за исключением тех случаев, когда это совпадало с интересами самой Югославии. Так, Белград поддерживал в 1960–1970-х гг. в значительной степени советскую политику в третьем мире. Вместе с тем Тито, считая себя автором «югославской модели социализма», всегда готов был поделиться опытом с другими, в том числе с Хрущевым и Брежневым, которые наивно полагали, что смогут вернуть Югославию в «лагерь социализма».

Предпринимая исследование, авторы руководствовались благими намерениями внести свой вклад в историографию конфликта. С пиететом относясь к работе предшественников, они стремились представить свою интерпретацию событий, обосновать собственную позицию, преодолеть существующие пристрастия, добиться максимальной объективности изложения. Каждый из членов авторского коллектива также считал важным по возможности расширить источниковую базу исследования, и, опираясь на новые документы, верифицировать некоторые устоявшиеся в исторической литературе выводы, уточнить факты. При этом авторы были свободны в своих суждениях и оценках. Это относится в первую очередь к понятию «народная демократия». Являясь, по существу, лексической ошибкой (демократия — уже власть народа), оно тем не менее закрепилось в языке и стало нормативным определением, в силу чего некоторые авторы «Очерков» не прибегают к кавычкам при его использовании. Другие, напротив, используют кавычки, выражая таким образом собственную политизированную оценку данного феномена. Редколлегия, уважая авторскую позицию, не сочла нужным унифицировать указанное понятие.

Работа выполнена в Институте славяноведения РАН при поддержке РГНФ (исследовательский грант № 12-01-00125, руководитель А. С. Аникеев).

Авторский коллектив составили сотрудники Института славяноведения РАН: к. и. н. А. С. Аникеев, д. и. н. Т. В. Волокитина, к. и. н. В. В. Волобуев, к. и. н. А. С. Гладышева, д. и. н. Г. П. Мурашко, к. и. н. А. С. Стыкалин, к. и. н. Каори Кимура (Япония), а также д. и. н. Александр Животич (Белградский университет, Сербия).

Редколлегия

А. С. Аникеев

Югославия в годы конфликта с СССР и странами «народной демократии»

1948 год. Начало конфликта Москвы и Белграда

Победа союзников над фашистской Германией и ее сателлитами стала началом распада антигитлеровской коалиции. Главная задача была решена, и началась борьба за буферные зоны, которые каждый из идеологических противников стремился закрепить за собой. Планы советского руководства создать вдоль западных границ Советского Союза блок стран, которые после Ялты отошли в сферу советского влияния, стали постепенно реализовываться уже на заключительном этапе войны. Сталин и его ближайшее окружение формулировали основные направления процесса объединения всех стран Восточной Европы вокруг Советского Союза, пытаясь на первом этапе учитывать европейские традиции этих стран и специфику их развития. Особые отношения устанавливались с момента подписания двусторонних договоров о дружбе и взаимопомощи между СССР и странами Восточной Европы.

Установка Кремля на ускоренное продвижение к власти коммунистов в этих странах в 1945—1947 гг. явилась не только главным фактором постепенной идеологической консолидации формирующегося содружества, но одновременно и элементом нарастающей конфликтности с Западом. США и их союзники встретили начавшуюся экспансию СССР в Восточную Европу, несмотря на Ялтинские договоренности, решительным противодействием. После начала второго раунда гражданской войны в Греции весной 1946 г., инициированного греческой компартией, Вашингтон принимает «доктрину Трумэна», направленную на политическую и вооруженную поддержку греческого правительства. Греция в соответствии с известными

условиями, согласованными на переговорах Черчилля со Сталиным в октябре 1944 г., отходила в сферу влияния Великобритании (90%). Американцы, замещая здесь британцев по их просьбе, дали понять Москве, как они будут реагировать на все ее попытки дестабилизировать ситуацию в Европе. Советское руководство увидело в американской политике на Балканах опасный прецедент для дела социализма во всем восточноевропейском регионе и приступило к разработке ответных мер.

Формирующаяся в мире биполярность заставляла Кремль рассматривать варианты тесного сотрудничества со своими союзниками не только в военно-политической, но и в экономической сфере. План Маршалла, предложенный США в 1947 г. всем европейским странам для восстановления послевоенной экономики, был негативно воспринят руководством СССР, которое, «разгадав» намерения американцев, немедленно запретило своим союзникам присоединяться к нему. В Москве решили предложить сателлитам альтернативный проект, целью которого было экономически привязать их к Советскому Союзу. Отчасти этот замысел был реализован в начале 1949 г. с созданием Совета экономической помощи (СЭВ), в который вошли все страны советского блока.

События 1947 г. считаются началом жесткого противостояния между двумя формирующимися военно-политическими и идеологическими блоками — получившим развитие в последующие годы миром советского тоталитаризма и традиционной западной демократией. Первые послевоенные годы были временем формирования в СССР программного антиамериканизма. Кремлевское руководство, считавшее, что ответом США и их союзников на советскую большевистскую стратегию является подготовка к новой мировой войне, в качестве одной из целей противодействия этой угрозе поставило задачу объединения всех «прогрессивных» политических и общественных движений на континенте. Эти пацифистские планы Кремля были в действительности пропагандистским прикрытием продолжающихся попыток идеологического, политического, а иногда, где возможно, и военного преобразования общественных систем других стран в соответствии с коммунистическими шаблонами. Важным элементом этой стратегии объединения всех прогрессивных с точки зрения Москвы сил в мире было создание условий для тесного взаимодействия коммунистических партий, в первую очередь европейских.

Летом 1946 г. на встрече Сталина с И. Б. Тито и Г. Димитровым обсуждалась идея создания информационного органа коммунистических партий, на периодических заседаниях которого, по мысли советского вождя, происходил бы обмен опытом и принимались решения необязательного характера¹. Спустя год, в мае 1947 г., Сталин предложил В. Гомулке возглавить работу по организации учредительного совещания такого информбюро, подчиненного Москве органа, который позволил бы ей контролировать все сферы деятельности коммунистических партий стран-сателлитов, а также наиболее крупных западноевропейских компартий. Как известно, после формального роспуска Коминтерна в 1943 г. его функции частично перешли к Отделу международной информации (позднее — Отдел внешней политики (ОВП)) ЦК ВКП(б), в котором регулярно готовились аналитические записки о состоянии европейских компартий.

Осенью 1947 г. в Польше, под руководством А. А. Жданова прошло учредительное совещание, объединившее все эти партии вокруг ВКП(б). Было создано Коммунистическое информационное бюро (Коминформ), в рамках которого, по мысли кремлевского руководства, должен был проводиться строгий, всеохватывающий мониторинг состояния этих партий, контроль над реализацией ими на практике основных положений марксистско-ленинской теории социализма в ее сталинской интерпретации. Воплощение этой идеи должно было способствовать еще большей консолидации стран «народной демократии» вокруг Москвы и стать дополнительным «ответом американцам на их антисоветскую политику».

В докладе Жданова на совещании, в частности, отмечалось, что «нельзя признать правильным постоянное подчеркивание некоторыми деятелями братских компартий своей независимости от Москвы», поскольку Москва «никого не ставила и не желает ставить в зависимое положение». «Нарочитое подчеркивание этой “независимости” от Москвы, “отречение” от Москвы, — указывал Жданов, — по сути дела, означает угодничество, приспособленчество, подыгрывание тем, кто считает Москву врагом». Компартии не должны были, по мнению Жданова, бояться заявлять о своей поддержке «миролюбивой и демократической политики Москвы», поскольку эта

¹ Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 4.

политика соответствует интересам других миролюбивых народов². В разделе доклада Жданова, посвященном международному положению, отмечалась необходимость преодоления разобщенности между коммунистическими партиями, ставшими влиятельной силой «почти во всех странах Европы и Азии», поскольку такая разобщенность «неправильна, вредна и по сути дела, неестественна». Приводился пример с воссозданием социалистами Интернационала, с возникновением различных других международных общественных и профессиональных объединений и союзов. Еще раз указывалось, что проблема отсутствия такого рода центра, который удовлетворял бы потребность в «консультации и добровольной координации действий отдельных партий», в особенности назрела сейчас, когда продолжающаяся разобщенность может приводить «к ослаблению взаимного понимания, а порой и к серьезным ошибкам»³. Вслед за этим Жданов перешел к подробному анализу таких ошибок, которые совершили французские и итальянские компартии, допустившие удаление из правительств своих стран коммунистов, а также недостаточно последовательно возражавшие против получения займов от «американских империалистов»⁴. Патерналистский, безапелляционный тон выступления Жданова, представлявшего точку зрения ВКП(б), говорил о том, что, несмотря на фразы о консультациях и добровольной координации действий, стиль работы нового органа будет близок его предшественнику. Известно, что в Коминтерне провинившиеся компартии нередко распускались, а их руководство репрессировалось. Подобная перспектива, похоже, была реальной и для партий, вошедших в Коминформ. Коминтерновский стиль обсуждения недостатков и ошибок в работе компартий, который Кремль приветствовал в качестве универсального для межпартийного общения, был характерен для выступлений А. Паукер и Э. Карделя, предпринявших резкую леворадикальную критику политики итальянских коммунистов. Л. Лонго осторожно, избегая открытой полемики, пытался отвести обвинения в адрес своей компартии.

Обстановка на учредительном совещании Коминформа уже говорила о том, что заданный на ней советскими и другими участниками

² Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. С. 300.

³ Там же. С. 297–298.

⁴ Там же. С. 298–300.

обвинительный тон в отношении допустивших «ошибки» компартий будет не только сохранен, но и получит дальнейшее развитие. Данная установка советского партийного руководства была обозначена в их выступлениях и учредительных документах нового партийно-информационного органа.

Между тем уже в начале 1948 г. этот межпартийный институт Кремль решил использовать в том числе и для решения двусторонних межгосударственных проблем. Неразрывная связь идеологии и политики была особенностью тоталитарных режимов. Речь шла о советско-югославских отношениях, в которых появились определенные разногласия, связанные в частности с политикой Югославии на Балканах, не во всем устраивавшей Сталина. Поскольку Англия, экономически ослабленная после войны, не могла поддерживать греческий режим в его борьбе с коммунистами, она вынуждена была обратиться за помощью к США, которые, отойдя от политики изоляционизма, готовы были заместить британцев в регионе. В США в этот период, в том числе и под влиянием таких дипломатов, как Дж. Кеннан, происходило формирование жесткой глобальной антикоммунистической стратегии. В этих условиях советское руководство, стремясь избежать прямой конфронтации с Америкой и ее союзниками, решило сосредоточить всю балканскую политику сателлитов в своих руках. Что касается Югославии, то Сталина стала раздражать самостоятельная и не всегда контролируемая линия Белграда в отношении Албании, коммунистического движения в Греции и планов создания Балканской федерации⁵. Помимо балканской проблематики кремлевскому руководству предстояло решать и другие сложные вопросы отношений с бывшими союзниками в Европе. Сталин ожидал исхода выборов в Италии и Чехословакии, а организуя опасную для дела мира блокаду Берлина летом 1948 г., пытался сорвать планы США и их союзников по созданию сепаратного германского государства на Западе⁶.

В конце августа 1947 г., незадолго до создания Информбюро, в аналитической записке, подготовленной в ОВП ЦК ВКП(б)

⁵ Подробнее см.: *Аникеев А. С.* Албано-югославские отношения в первые послевоенные годы в контексте советской политики на Балканах // *Studia Balkanica*. К юбилею Р. П. Гришиной. М., 2010. С. 281–294.

⁶ *Волков В. К.* Узловые проблемы новой и новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 132.

и посвященной состоянию дел в компартиях восточноевропейских стран, в адрес югославской компартии, получившей большое число лестных характеристик, были вместе с тем высказаны некоторые замечания: говорилось об отсутствии внутрипартийной демократии, отмечалась «национальная узость» при принятии решений в области внешней политики (речь шла о неправильной позиции по вопросу о Триесте), указывалось на «существование определенных тенденций у руководителей компартии в переоценке своих достижений и стремление поставить югославскую компартию в положение своеобразной “руководящей” партии на Балканах»⁷.

Одним из наиболее значительных факторов, способствовавших ухудшению советско-югославских отношений в тот период, стали отношения в треугольнике Москва–Тирана–Белград. Советская сторона сразу после войны решила передать Албанию в сферу влияния Югославии. Это решение, обусловленное причинами международного значения, дополнительно определялось и характером отношений югославской и албанской компартий еще в годы войны: КПЮ стояла у истоков создания компартии Албании. Югославская политика в Албании была отмечена широкой военной и экономической помощью, практически полным включением ее в собственные хозяйственные планы, что мотивировалось, помимо прочего, и стратегическими соображениями: в Белграде рассматривали албанскую морскую границу в качестве продолжения собственной. Вместе с тем СССР с 1946 г. также начал предоставлять Албании свою помощь, что вызвало, с одной стороны, недовольство Белграда, считавшего, что советское взаимодействие с Тираной должно осуществляться, как было ранее оговорено, через югослава, а с другой — способствовало появлению в албанском руководстве двух противостоящих друг другу группировок. Одна из них продолжала выступать за приоритетные взаимоотношения с Югославией, в то время как другая, недовольная грубым, высокомерным и командным стилем югославских партийных и хозяйственных советников, настаивала на необходимости более тесного сотрудничества с Москвой. Внутрипартийные разногласия использовал в своих интересах и генсек партии Э. Ходжа, намеренно сталкивая между собой представителей разных групп

⁷ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.: В 2 т. / Отв. ред. Г. П. Мурашко. Т. 1: 1944–1948 гг. М.–Новосибирск, 1997. С. 708.

и стремясь представить себя в зависимости от складывавшейся ситуации сторонником ориентации то на Москву, то на Белград.

В августе 1947 г. Тито в беседе с советским послом в Югославии А. И. Лаврентьевым отметил изменения, которые произошли у албанского руководства по отношению к ФНРЮ после посещения Советского Союза правительственной делегацией Албании. Как ему стало известно, некоторые албанцы говорили о том, что Югославия за малые деньги хотела бы «положить лапу на Албанию», что она много обещает, но практически ничего не дает. Югославский лидер, опровергая эти утверждения, подчеркнул, что его страна в своей политике исходит прежде всего из интересов самого албанского народа, стремясь к сохранению независимости Албании. Вместе с тем он отметил, что Югославия заинтересована в Албании, поскольку та занимает важнейшее географическое и военно-стратегическое положение на Балканах. Критически был упомянут Нако Спиру, который, по мнению Тито, проводил политику отдаления Албании от Югославии, клеветал на Ходжу во время своего последнего посещения Белграда. Тито был готов пригласить в Югославию Э. Ходжу и К. Дзодзе с неофициальным визитом и обсудить весь комплекс югославо-албанских отношений, а также сообщить и о своем желании удалить Спиру из албанского руководства. Албанцам планировалось объяснить, что помощь СССР Албании нельзя рассматривать как намерение Москвы оторвать их страну от Югославии, а наоборот — как содействие сближению между двумя соседними странами⁸.

В ноябре 1947 г. состоялось заседание Политбюро ЦК КПА, на котором министр промышленности Н. Спиру был подвергнут резкой критике за антиюгославскую позицию. Соответствующий материал на него поступил от С. Златича, югославского представителя ЦК КПЮ при ЦК КПА, потребовавшего удаления Спиру из руководства. Понятно, что за этим требованием стоял Тито. Спиру сразу после рассмотрения его «персонального дела» и осуждения как вдохновителя тенденций, направленных против тесного союза с Югославией, пришел к временному поверенному в делах СССР в Албании А. Н. Гагаринову, пытаясь найти у него поддержку, объяснить, что решение Политбюро является для него фактически приговором. «На нашем албанском языке это означает, что я враг», — обреченно сказал

⁸ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. С. 687–688.

Спиру советскому дипломату. Спустя несколько дней он вновь попытался встретиться с Гагариновым, но ему было отказано. 20 ноября, не видя выхода из сложившейся ситуации, Спиру покончил жизнь самоубийством⁹.

Югославская сторона, возможно, предупреждая закономерные вопросы кремлевского руководства, решила представить свою версию случившегося, и 4 декабря 1947 г., по договоренности Тито со Сталиным, состоялась встреча А. А. Жданова с югославским послом в Москве В. Поповичем. Очевидно, информация оказалась неполной, поскольку через несколько дней посол направил Жданову письмо, в котором сообщал о значительной материальной и финансовой помощи, оказанной Албании, а также подробно охарактеризовал антиюгославскую деятельность Спиру и его сторонников. Попович писал, что после убийства Спиру «на поверхность всплыло то, о чем не было известно, или может быть скрывалось, и что этот случай дал возможность очистить и консолидировать албанскую компартию». Он отметил, что в этом отношении большую помощь албанским «друзьям» оказывает Тито, который планирует пригласить в Белград Ходжу и Дзодзе. В письме Тито от 8 декабря 1947 г. Попович передал содержание беседы со Ждановым и сообщил о новой встрече с советским функционером спустя два дня после отправки ему упомянутого письма. На второй встрече Жданов по поручению Сталина поставил два вопроса. Советский лидер интересовался, во-первых, о каком чиновнике советского посольства в Тиране, с которым Спиру имел контакт, идет речь и из чего видно, что Спиру пытался использовать эти связи в своих личных целях. Во-вторых, без каких советских специалистов в Албании югославы могли бы обойтись (в первую очередь это касалось специалистов-нефтяников). Последний вопрос интересовал Сталина, вероятно, в связи с упомянутым в письме Поповича Жданову взаимодействием советских и югославских советников в Албании. Как писал Попович, ссылаясь на содержание переговоров Тито со Сталиным в 1946 г., он сообщил Жданову, что Югославия сможет оказывать Албании всестороннюю помощь, включая и помощь специалистами¹⁰. Возможно, переданная Поповичем информация

⁹ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. С. 735–736.

¹⁰ Архив Югославии (далее — АЈ). Ф. 836. Кабинет Маршала Югославии (далее — КМЈ). I-3-b/651. L. 2–3.

отразила замысел Тито: во время встречи посла со Ждановым помимо обсуждения югославо-албанских отношений поставить вопрос об отзыве советских специалистов из Албании «в связи с наметившимися тенденциями в Албании противопоставить советских специалистов югославским и на этой основе нарушить установленный модус отношений Албании и Югославии»¹¹.

Переговоры Поповича и Жданова не удовлетворили Сталина, и 23 декабря 1947 г. он направил Тито письмо, в котором говорилось: «Ввиду того, что в ходе бесед вскрылись новые вопросы, мы бы хотели, чтобы Вы направили в Москву ответственного товарища, может быть, Джиласа или другого наиболее осведомленного о положении в Албании». Он добавлял: «Я готов выполнить все Ваши пожелания, но нужно, чтобы я знал в точности эти пожелания». Письмо заканчивалось товарищеским приветом¹². Казалось, что сдержанный и спокойный тон письма говорил о готовности советского руководителя к компромиссам и товарищеской дискуссии по вопросу, представлявшему взаимный интерес. А между тем «албанская тема» стала осью возникающего конфликта.

Джилас прибыл в Москву 17 января 1948 г. и в тот же день, в 11 час. вечера, был приглашен на встречу со Сталиным, Молотовым и Ждановым. Как он сообщал в телеграмме Тито, разговор сразу же начался с изложения советской позиции по Албании, которая, как отметил Джилас, была идентична югославской. Сталин подчеркнул, что в качестве приоритетной задачи следует рассматривать сохранение албанской независимости и свободного самоопределения, особо обращая внимание на то, чтобы у таких колеблющихся и нерешительных людей, как Энвер Ходжа, по возможности не создалось впечатления, что югославы хотят их подчинить или сделать что-либо подобное¹³. Вместе с тем, как отмечал Джилас, ему пришлось выслушать от советского вождя одно неприятное замечание. Сталин заметил: «А у вас там, в Албании, стреляются члены Центрального комитета! Это нехорошо, очень нехорошо!» Джилас стал объяснять, что Спиру противился связи Албании и Югославии, самоизолировался в ЦК, но, не успев, как он пишет, закончить фразу, услышал неожиданную

¹¹ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг.: В 2 т. / Отв. ред. Т. В. Волокитина. Т. 1: 1944–1948 гг. М., 1998. С. 511.

¹² КМЖ. I-3-b/651. L. 6.

¹³ КМЖ. I-3-b/651. L. 11.

реплику Сталина: у СССР в Албании нет никаких особых интересов. «Мы согласны на то, чтобы Югославия проглотила Албанию!» Свои слова он сопроводил характерным жестом, сложив пальцы правой руки и поднеся их ко рту. В ответ на возражение Джиласа, что они хотят объединяться, а не проглатывать, Молотов пояснил: «Так это и значит проглатывать». Джилас отмечал в своих мемуарах, что в то же время «вся атмосфера, несмотря на такой метод выражения, была сердечной и более чем дружеской»¹⁴.

В этот период в Москву по линии внешней разведки (скорее всего, от Д. Маклина, советского разведчика, работавшего вторым секретарем британского посольства в Вашингтоне. — А.А.) стала поступать информация о готовности США оказать прямую военную поддержку греческому режиму в случае признания северными соседями повстанческого Временного демократического правительства Греции (ВДПГ), созданного в горных районах Эгейской Македонии в декабре 1947 г., и последующего вторжения интернациональных бригад с севера на территорию Греции¹⁵. Сталина, готовящегося к реализации серьезных планов в Центральной Европе, не устраивало усиление гражданской войны в Греции и возможное расширение военного конфликта на весь балканский регион, к тому же с возможным участием американских войск. Югославы были вызваны в Москву для подробных объяснений и обсуждения разногласий. Были приглашены и болгарские коммунисты, лидеру которых Димитрову предстояло держать ответ за несанкционированное Кремлем высказывание в интервью о планах федерации восточноевропейских стран. Не исключено, что информация «по Димитрову» могла поступить в Кремль либо пополниться деталями от находившегося тогда в Москве Джиласа. 19 января 1948 г. А. Ранкович направил ему телеграмму, в которой передал пожелание Тито — попросить советскую сторону воздействовать на «болгарских товарищей», чтобы те были осторожнее, давая разные интервью. Указывалось, что речь шла о последних заявлениях относительно Греции, федерации восточноевропейских стран и роли болгаро-югославского пакта, сделанных Димитровым в Румынии. В частности, как считали в Белграде, имея в виду высказывания

¹⁴ Джилас М. Разговоры со Сталиным. М., 1991. С. 102–103.

¹⁵ Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). Diplomatic. Papers. 1949. Washington, 1974. Vol. IV. P. 3–8.

Димитрова о Греции, «американцы и греческая реакция» могли «свалить свою вину на соседние с Грецией страны». Кроме того, добавлял Ранкович, слова болгарского лидера могли быть расценены и как позиция Югославии¹⁶.

Албанская проблематика оставалась актуальной в югославо-советских отношениях в течение зимы и весны 1948 г. Как сообщал Ранкович Джиласу в срочной телеграмме от 29 января, югославское руководство 19 января, опираясь на полученную информацию о возможном вторжении греческих войск в южную часть Албании, предложило Ходже разместить вблизи югославской границы, в районе Корчи, югославскую дивизию. Ходжа 20 января ответил согласием и попросил Тито уточнить детали и время проведения этой операции. Между тем, как сообщал Ранкович, пока еще ничего не было принято для реализации этого плана. Он подчеркивал, что, по мнению «товарища Маршала», «греки и без прямого участия англо-американцев могут проникнуть на албанскую территорию, откуда их потом будет намного сложнее изгнать». Ранкович просил Джиласа сообщить советским руководителям о плане Тито и постараться убедить их в его оправданности. В противном случае следовало срочно узнать мнение Москвы о мерах, необходимых для сохранения целостности Албании¹⁷. Вероятно, Джилас не успел или не смог вовремя сообщить кремлевскому руководству о плане Тито, но через два дня, 31 января, югославы получили грозное письмо от Молотова. В нем Тито обвинялся в том, что его решение послать дивизию не только не стало предметом консультаций с СССР, но что югославское правительство даже не информировало об этом советское руководство. «Советское правительство, — указывал Молотов, — совершенно случайно узнало о решении Югославского правительства относительно отправки ваших войск в Албанию из частных бесед советских представителей с албанскими работниками». В телеграмме подчеркивалось, что СССР считает «такой порядок ненормальным» и не может согласиться с тем, «чтобы его ставили перед свершившимся фактом», и как союзник Югославии «не может нести ответственность

¹⁶ КМЈ. I-3-b/651. L. 1.

¹⁷ Ibid. L. 24. В историографии существует устоявшееся мнение, что Тито принял решение о вводе дивизии без консультации с Москвой (см., напр.: Югославия в XX веке. С. 573. Автор раздела — Л. Я. Гибианский). Как видим, югославская сторона всё же стремилась узнать мнение Москвы, но не получилось.

за последствия такого рода действий». Молотов далее сообщал, что Москва принимает к сведению решение югославского руководства задержать посылку войск в Албанию. В концовке телеграммы стояла, однако, ключевая фраза, содержащая намек на начало конфликта. Указывалось, что между советским и югославским правительством «имеются серьезные разногласия в понимании взаимоотношений между нашими странами, связанными между собой союзническими отношениями». Послание Молотова завершалось предложением так или иначе исчерпать эти разногласия во избежание недоразумений¹⁸. Югославское руководство еще раз подтвердило решение об отказе послать дивизию в Албанию. 1 февраля Ранкович сообщил Джиласу в Москву о том, что «по предложению товарища Молотова мы отказались от намерения организовать в Корче нашу военную базу». Он просил проинформировать об этом Сталина или Молотова¹⁹. Можно предположить, что именно самостоятельное решение Тито об отправке дивизии стало прелюдией советско-югославского конфликта.

На совещании 10 февраля 1948 г. в Москве, на котором присутствовали Сталин, Молотов, Жданов, Маленков, югославская и болгарская делегации, возглавляемые Карделем и Димитровым, был вновь поставлен вопрос албано-югославских отношений, предпринята попытка оценить перспективы греческих коммунистов в их борьбе с «монархо-фашистами» и проанализированы планы возможного создания федеративных объединений на Балканах.

Атмосфера на совещании, по воспоминаниям Джиласа, была нервной. Сталин и вторивший ему Молотов, не сдерживая себя, выговаривали югославам за «дивизию», которую те собирались послать в Албанию, рассуждали о возможности победы греческих партизан либо, в случае бесперспективности этой борьбы, о прекращении их поддержки, интересовались мнением югославов по этому поводу. Димитров, бледный от волнения, должен был выслушивать, как «комсомолец», гневный монолог кремлевского вождя по поводу его несвоевременных и, главное, не согласованных с Москвой рассуждений о федерациях в Восточной Европе. Ссылаясь на напряженные отношения с Западом, советское руководство говорило о необходимости в этих условиях обязательного согласования

¹⁸ КМ]. I-3-b/651. L. 9.

¹⁹ Ibid. L. 25.

всех внешнеполитических шагов Югославии и Болгарии с Москвой. 12 февраля 1948 г. между СССР и Югославией были подписаны протоколы о консультациях по международным вопросам в качестве приложения к Договору о дружбе и взаимной помощи²⁰.

Албанская тема и перспектива объединения Югославии и Албании на условиях Белграда всерьез беспокоили Москву, несмотря на продемонстрированную Джиласу готовность к югославскому «поглощению» Албании. Сталину приходилось учитывать, с подачи Молотова как руководителя внешнеполитического ведомства, также и позицию США и Великобритании, с которыми СССР в годы войны заключил соглашение о гарантиях суверенитета и территориальной целостности Албании. Очевидно, с этим были связаны и колебания кремлевского руководства в вопросе о конфигурации возможных балканских федераций. На совещании, говоря о возможности создания югославо-болгаро-албанской федерации, Сталин неожиданно предложил, чтобы сначала объединились Югославия и Болгария, а позднее к ним присоединилась бы Албания, хотя раньше он предлагал вариант югославо-албанского объединения.

В Белграде, кажется, понимали, что кремлевский вождь находится на грани решительных действий в связи с Албанией, и Кардель сообщил советскому руководству, что Тито готов приехать в Москву для обсуждения всего комплекса двусторонних отношений, в том числе и связанных с Албанией. Сталин положительно отнесся к этой инициативе²¹.

Югославская делегация, вернувшись в Белград, 19 февраля 1948 г. отчиталась на заседании Политбюро ЦК КПЮ о результатах московских переговоров. Было решено не соглашаться с предложением Кремля о федерации Югославии и Болгарии. На расширенном заседании Политбюро 1 марта Тито мотивировал эту позицию особыми, подчиненными отношениями болгарской компартии с ВКП(б),

²⁰ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 06. Оп. 10. П. 1. Д. 2. Л. 43. Э. Кардель сообщил Тито об этом телеграммой от 13 февраля, указав, что такой же протокол подписали и болгары. В этой же телеграмме он сообщал о переданной советской стороне просьбе предоставить ФНРЮ кредит золотом в размере 60 тонн и о готовности Тито посетить Москву в течение ближайших двух месяцев (Архив Југославије (далее — АЈ). F. 507. SK J. II D/25).

²¹ Југословенско-совјетски односи. 1945–1956: Зборник докумената. Београд, 2010. С. 254.

что чревато для югославов попаданием в зависимость от Москвы²². На этом же заседании из уст Тито и его соратников прозвучал ряд других совершенно недопустимых с точки зрения строго подчиненных отношений с ВКП(б) высказываний. Речь шла о том, что СССР не желает считаться с интересами Югославии и стран «народной демократии», не готов заключать сейчас торговое соглашение на 1948 г., откладывая переговоры по нему до декабря и ограничивая ассортимент товаров для поставок, в том числе и вооружений. Джилас, докладывая об обсуждении в Москве проблемы военного строительства, пришел к выводу о намерении поставить Югославию в зависимость от СССР²³.

Проблемы югославо-советских экономических отношений Тито обсуждал 10 марта с послом А. И. Лаврентьевым, пытаясь выяснить, какие причины побудили советскую сторону отказаться от подписания торгового договора, что не позволяло Югославии реализовать значительную часть своих экономических проектов. Как отмечал посол в своем дневнике, Тито был заметно взволнован и в присутствии своего заместителя Карделя подчеркивал, что он ставит этот вопрос официально²⁴. Спустя неделю югославский руководитель подготовил письмо на ту же тему, выражая озабоченность состоянием советско-югославских торгово-экономических отношений²⁵. Вопросы экономической, военной и финансовой помощи от СССР занимали большое место в югославо-советских отношениях зимой и весной 1948 г. Югославы хотели получить дополнительные средства для развития военной промышленности, рассчитывали на передачу советской стороной части трофейных военных кораблей. Кардель сделал запрос советской стороне о возможности предоставления Югославии кредита в размере 60 млн долларов, но получил отказ. С такой же позицией

²² Там же. С. 255. Проблема федерации была озвучена в середине марта болгарями, известившими албанцев, которые уже знали об этом из другого источника, о планах Кремля. Югославы, со своей стороны, немедленно информировали Э. Ходжу, что, по их мнению, условия для создания федерации еще не созрели. А. Ранкович через югославского посла в Тиране сообщил албанской стороне, что Югославия не готова будет на предложенную Москвой схему, но считает, что объединяться следует сразу всем трем странам (*Животић А.* Југославија, Албанија и велике силе (1945–1961). Београд, 2011. С. 308).

²³ Југословенско-совјетски односи. С. 260–264.

²⁴ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. С. 778–779.

²⁵ Советско-югославские отношения. 1945–1956. Новосибирск, 2010. С. 232–233.

советской стороны югославы столкнулись и по всем другим запросам. Москва ссылалась на тяжелую ситуацию в экономике, связанную с ее переходом на мирные рельсы²⁶. Это вызвало откровенное раздражение югославского руководства, что проявлялось на партийных форумах и отражалось в их документах. Возможно, югославские расчеты и запросы в сфере экономики встречали негативную реакцию советской стороны, поскольку рассматривались как завышенные. Советское руководство пыталось объяснить югославам, что им следует умерить свои амбиции, отказаться от планов создания автаркической экономики, развития всех отраслей тяжелой и военной промышленности, напоминая им, что многое они могут получить от СССР, а кроме того он служит гарантом и югославской безопасности.

Член ЦК КПЮ Сретен Жуйович, давний конфидент посла Лаврентьева, сообщил ему о содержании выступлений на пленуме, возможно, добавив кое-что от себя. Информация была направлена в Москву, откуда 7 марта через советского посла Жуйовичу поступила благодарность от ЦК ВКП(б) за подписью Молотова за разоблачение «мнимых друзей Советского Союза из югославского ЦК»²⁷. Лаврентьев был вызван в Москву и 12 марта на заседании у Сталина доложил об обстановке в КПЮ. Присутствовало почти всё Политбюро. Вероятнее всего, именно тогда и было принято окончательное решение о начале «серьезного» разговора с Тито с опорой на поэтапно избираемые механизмы принуждения к послушанию, хотя еще несколько дней советская сторона пыталась скрыть свои истинные намерения, отправляя югославам дипломатические послания, призванные их успокоить²⁸.

Последней каплей стал отказ югославы предоставить советским специалистам информацию о состоянии югославской экономики. Эта процедура была почти рутинной, но годом ранее в Белграде было принято решение о запрете выдавать эту информацию без специального разрешения, которое теперь следовало запрашивать в высших инстанциях. Югославы мотивировали это нововведение тем, что без строгого контроля происходило нежелательное

²⁶ Там же. С. 220–221.

²⁷ Гиренко Ю. С. Сталин–Тито. М., 1991. С. 353.

²⁸ Гибианский Л. Я. Секретная советско-югославская переписка 1948 года // Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 124 (далее – Вопросы истории. 1992 – с указанием номеров журнала).

распыление такого рода сведений. Именно в высшие инстанции и были вынуждены отныне обращаться советские представители, хотя прежде советские специалисты всегда имели свободный доступ к такой информации²⁹.

Рубежным днем в советско-югославских отношениях стало 18 марта 1948 г. В этот день Молотов направил югославскому руководству две телеграммы. Одна из них касалась отказа югославам предоставлять советским советникам экономическую информацию³⁰. Вторая, отправленная по поручению Сталина как председателя Совета министров, была прямо связана с первой, но в ней уже говорилось о том, что отказ в предоставлении экономической информации правительством СССР рассматривает как «акт недоверия к советским работникам в Югославии и как проявление недружелюбия в отношении СССР», что заставляет его немедленно отозвать всех советских и гражданских специалистов из Югославии³¹. Одновременно югославская сторона уведомлялась об отзыве военных советников и инструкторов.

18 марта в ОВП ЦК ВКП(б) справкой о Югославии была открыта весенняя серия информационно-аналитических материалов о состоянии дел в компартиях «братских» стран. (В течение двух последующих недель появились справки о компартиях Венгрии, Польши и Чехословакии.) Называлась эта справка, в отличие от предыдущих, уже иначе, а именно: «Об антимарксистских установках руководителей компартии Югославии в вопросах внешней и внутренней политики». Если предположить, что этот объемный материал готовился не одну неделю, то, скорее всего, «решение по югославским товарищам» было принято накануне или в ходе февральской встречи в Москве. Возможно, это было еще раньше — 31 января, когда Молотов направил югославскому руководителю письмо, в котором строго «выговаривал» за намерение послать дивизию в Албанию.

В справке, состоящей из пяти обвинительных пунктов, говорилось о пренебрежении КПЮ марксистской теорией, переоценке

²⁹ Советско-югославские отношения. С. 234.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 233–234. Решение об отзыве за подписью Председателя Совета министров Сталина было принято 18 марта 1948 г. Вторым пунктом решения Молотову как министру иностранных дел поручалось уведомить об этом югославское правительство.

достижений в развитии Югославии по пути к социализму и, главное, об игнорировании Советского Союза как решающей силы «лагеря демократии и социализма». Выводы, сделанные ее авторами Л. С. Барановым, В. В. Мошетовым и В. И. Лесаковым, давали кремлевскому руководству возможность опираться на мнение «экспертов» в принятии любых, в том числе и кардинальных решений. В справке констатировалось, что лидеры югославской компартии не являются марксистами, «допускают серьезные политические ошибки, выражающиеся в недоброжелательном отношении к Советскому Союзу и братским компартиям. Эти ошибки превращают их в подголосков буржуазии в проведении внутренней и внешней политики страны, что таит в себе большие опасности для дальнейшего развития и построения социализма в Югославии»³².

Трудно было представить, что, выступая с обвинениями такого характера, Кремль сможет договориться о чем-то с Тито и его окружением, которые, конечно, оставались марксистами, но стремившимися к защите национальных интересов своей страны, казалось, даже ценой конфликта с кремлевским руководством. Такая позиция не могла устроить Сталина, который в духе существующей внутри «лагеря» иерархии отношений рассматривал страны «народной демократии» не в качестве равноправных и свободных союзников, а скорее как послушных вассалов. Начиная с этого дня, югославское руководство пыталось доказать советской стороне свое право отстаивать собственную точку зрения на возникшие разногласия, но непременно подчеркивая свою безусловную лояльность Кремлю и готовность выполнять его «советы» и поручения, а также исправлять ошибки, но только те, которые они сами сочтут таковыми. Это уже относилось к сфере партийной практики КПЮ и внутренней политики югославского государства. Вероятно, всё это вызывало бесконечное раздражение у кремлевского руководства, которое считало, что любая их критика требовала немедленного удовлетворения. В случае с Югославией Сталин столкнулся с чем-то новым для себя. Он не ожидал, по всей видимости, от Тито и его товарищей такого бескомпромиссного отстаивания своей точки зрения, рассчитывая, что югославы будут вести себя в соответствии с принятой в системе партийной дисциплиной и иерархическими принципами. Отсюда такое стремительное

³² Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. С. 787–800.

разрастание конфликта с переносом его на межгосударственный уровень и подключением к нему всех советских сателлитов. Какая форма покаяния была нужна Кремлю, точно неизвестно, но ясно, что не простая партийная самокритика. По всем признакам кремлевские лидеры уже хотели смены руководства КПЮ. Через два месяца в Бухаресте, в резолюции Коминформа это «пожелание» будет окончательно сформулировано.

С марта 1948 г. советско-югославский конфликт покатился как снежный ком, накручивая на себя всё вокруг: политику, экономику, идеологию, заставляя компартии стран «народной демократии» и их правительства следовать курсом Москвы, искать у себя «титоистов» и беспощадно с ними бороться.

Югославское руководство в первое время после решения Москвы об отзыве специалистов не оставляло надежды на его пересмотр. 24 марта югославский посол Попович встретился с Молотовым и передал ему два письма от Тито.

Во время семиминутного разговора посол несколько раз обращался к министру с просьбой пересмотреть решение советского правительства и не отзывать советников, обещая, что виновники возникшей ситуации будут строго наказаны и что нет никакой причины сомневаться в дружеском отношении Югославии к СССР. Молотов в свою очередь, ссылаясь на сделанные ранее заявления, подчеркивал, что советское правительство не на словах, а на деле выступает за дружбу с Югославией, что вина целиком лежит на югославском правительстве из-за его позиции по отношению к советским специалистам, что, наконец, «советское правительство исходит из фактов, а не предположений». Попович в ответ сказал, что югославы и Тито с трудом воспринимают этот тезис³³.

Югославский посол в телеграмме, отправленной Тито на следующий день после короткой беседы с Молотовым, сообщал, что, по его впечатлению, Кремль получил информацию от человека или людей, которым он абсолютно доверяет, и тем сложнее всё это будет выяснить³⁴. Прямым следствием данного предположения стал начатый югославами поиск предателей в своих рядах. Оставался вопрос, по какой причине они попали в разряд предателей, что югославское

³³ Югословенско-советски односи. С. 280–281.

³⁴ Там же. С. 283.

руководство могло рассматривать в качестве информации, закрытой для советских «пользователей».

27 марта 1948 г. советское руководство ответило на два письма Тито, переданные Поповичем Молотову тремя днями ранее. В этом ответе содержались обвинения югославских руководителей в ревизии марксизма, отказе от легальной формы работы партии. Сталин и Молотов объясняли решение Москвы отозвать своих военных и гражданских специалистов крайне недружественной обстановкой, которая была создана вокруг них. Подвергалось сомнению и даже осмеянию объяснение югославами случая с отказом предоставить экономические данные советским специалистам. Обвинения в клевете на ВКП(б) основывались скорее всего на информации, полученной от С. Жуйовича. В связи с этим в письме говорилось, что советскому руководству известны циркулирующие среди «руководящих товарищей в Югославии» антисоветские высказывания типа «ВКП(б) переродилась», «в СССР господствует великодержавный шовинизм», «СССР стремится экономически поработить Югославию», «Коминформ является средством для подчинения других компартий ВКП(б)». Эти антисоветские заявления, говорилось в письме, обычно прикрываются левыми фразами, что «социализм в СССР перестал быть революционным» и что «только Югославия является истинным носителем “революционного социализма”». Авторы письма со злой иронией замечали, что «смешно слушать подобные рассказы о ВКП(б) от таких сомнительных марксистов, как Джилас, Вукманович, Кидрич, Ранкович и другие». Эта часть послания завершалась констатацией, что подобные измышления уже давно распространяются среди многих руководящих товарищей, продолжают и в настоящее время, что, естественно, создает антисоветскую атмосферу, способствующую ухудшению отношений между ВКП(б) и КПЮ. Далее в письме упоминался Троцкий, который также, как подчеркивали авторы, в свое время обвинял ВКП(б) в перерождении, национальной ограниченности и великодержавном шовинизме³⁵. Именно отсюда берут начало ярлыки, которые вскоре стали навешиваться на югославов, — ревизионисты, троцкисты. Можно предположить, что сформулированный в Москве набор югославских «девиаций» стал идеологической основой начавшегося конфликта с Белградом. Видимо,

³⁵ Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 127–129.

у Сталина от любви к Тито до ненависти к нему путь был короток. Однако с точки зрения Кремля изменение политики по отношению к Югославии казалось совершенно логичным, повторяя накопленный опыт во внутривосточных делах. Ведь любые попытки сопротивления Сталину, трактовавшиеся как отход от генеральной линии, в СССР жестко и жестоко пресекались. В этом смысле руководство компартий восточноевропейских стран оказывалось в тех же условиях — ничего нового просто не могло быть. Отказ от бескомпромиссного подавления инакомыслия почти немедленно привел бы к распаду созданной Кремлем конструкции под названием «лагерь стран «народной демократии»» во главе с СССР.

Письмо ЦК ВКП(б) от 27 марта, без уведомления об этом КПЮ, было сразу же разослано в компартии стран-участниц Коминформа в расчете получить широкое, солидарное осуждение югославского руководства. Однако большинство лидеров этих партий не спешили с ответом в поддержку советских обвинений. Политбюро ЦК болгарской компартии приняло соответствующую резолюцию 6 апреля, но она была отправлена в Москву только 18 апреля. Г. Димитров, следуя из Софии через Белград в Прагу, в беседе с М. Джиласом 19 апреля выразил поддержку югославам, рассчитывая на обратном пути задержаться и встретиться с Тито³⁶. Быстрее всего отреагировали на московское послание венгры. Решение, осуждающее югославскую позицию, было принято 8 апреля, и тогда же о нем известили Кремль с примечанием, что с венгерской точкой зрения можно ознакомить и другие компартии. Руководство венгерской компартии со своей стороны направило копии принятой резолюции в КПЮ и другие компартии, входившие в Коминформ³⁷. Руководство КПЧ, как оно сообщило позднее в Москву, осудило югославское руководство, но не приняло специального решения по этому вопросу, считая, что этого не требуется. Это было похоже на наивную уловку, за которой, не исключено, стояло желание дистанцироваться от навязчивого стремления Кремля подключить всех к своей антиюгославской кампании. Румыны также не отнеслись серьезно к советским обвинениям. Секретарь РРП Г. Георгиу-Деж именно в таком духе прокомментировал содержание письма ЦК ВКП(б) югославскому послу

³⁶ Совещания Коминформа. С. 369.

³⁷ Там же.

в Бухаресте 16 мая 1948 г.³⁸ Однако к концу апреля все компартии приняли «нужные» Москве резолюции, что стало основой для решения Кремля вынести вопрос о Югославии на очередное совещание Информбюро.

Очевидно, что руководству югославской компартии необходимо было срочно ответить на советские обвинения. 12–13 апреля 1948 г. впервые за долгие годы состоялся пленум ЦК КПЮ, на котором были подвергнуты обсуждению причины разногласий с ВКП(б) и одобрен ответ на советское письмо от 27 марта. 13 апреля письмо за подписью Тито и Карделя было отправлено в адрес ВКП(б). Югославские руководители попытались отвергнуть все предъявленные им обвинения, в чем уже содержался вызов Кремлю. Однако процитированные в советском письме «клеветнические» высказывания югославских руководителей в адрес политики ВКП(б), что, как представляется, сильнее всего оскорбило Сталина, в ответном послании югославы сопроводили минимальным комментарием. На пленуме ЦК КПЮ С. Жуйович и А. Хебранг (обвинения в отношении последнего позднее были подвергнуты сомнениям), предоставившие советской стороне неточную и клеветническую информацию, в том числе и приписываемые некоторым югославским партийным руководителям высказывания, были объявлены главными виновниками. Пленум принял решение о выводе Жуйовича из состава ЦК КПЮ и проведении «дальнейшего партийного следствия» по его и Хебранга делу³⁹. Белград не только осмелился подвергнуть сомнению всё сказанное Москвой, но и сам осудил ее политику по отношению к Югославии, в частности деятельность в стране советских спецслужб. Югославское руководство заявило, называя русские фамилии, о неоднократных попытках вербовки своих граждан, в том числе руководящих работников разных уровней. Письмо заканчивалось предложением к ВКП(б) прислать в Югославию нескольких своих представителей для изучения всех затронутых в письме вопросов⁴⁰.

Отказ югославского руководства приписать ему Кремлем ошибки можно считать самым важным, ключевым моментом разгоравшегося конфликта. Это свидетельствовало о готовности

³⁸ Там же.

³⁹ Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 165.

⁴⁰ Югослоvensко-совјетски односи. С. 293–303.

югославов бескомпромиссно отстаивать свои позиции, что, в свою очередь, лишало надежды на скорое решение возникшей проблемы. Сталина мог устроить только один вариант — чтобы Тито полностью признал весь набор кремлевских обвинений, а отказ пойти на выполнение этих требований означал для советской стороны постановку новой задачи — смены югославского руководства «здоровыми силами партии», о чем и было вскоре объявлено.

В марте–апреле 1948 г., когда в Кремле готовилось решение, там внимательно изучали и другие «антисоветские» высказывания югославских руководителей. Так, в частности, проанализировали все высказывания М. Джиласа во время визита в марте в Будапешт. По сообщению венгров советскому руководству, Джилас, например, заявил им, что в Югославии нет необходимости изучать историю ВКП(б)⁴¹. Подобные факты суммировалось, постепенно создавая мрачную картину отхода югославов от единого курса СССР и стран «народной демократии».

Изменение советской политики по отношению к Югославии беспокоило не только Тито и его ближайшее партийное окружение. В конфликт постепенно включались и правительственные структуры, в частности МИД, которому на дипломатическом уровне приходилось решать вопросы, связанные с урегулированием территориальных споров с Италией и Австрией. Москва постепенно отказывалась от поддержки югославских требований в этих вопросах, обвиняя Югославию в нарушении договора о взаимных консультациях в сфере внешней политики⁴². Заместитель министра иностранных дел Югославии А. Беблер в беседе с А. И. Лаврентьевым 21 апреля по собственной инициативе попытался сформулировать причину возникновения разногласий между двумя странами. По его мнению, специфические проблемы, которые возникали перед югославской внутренней и внешней политикой, были связаны с тем, что Югославия занимала особое географическое положение и должна была самостоятельно бороться с капитализмом, решать внешнеполитические вопросы и преодолевать внутренние проблемы. Пытаясь объяснить некоторые действия югославского руководства последнего времени, Беблер говорил, что ему необходимо было проявлять оперативность

⁴¹ Там же. С. 304–306.

⁴² Там же. С. 310–313.

и проводить такую политику, которая отличалась от политики СССР. «Могут быть вопросы, интересы по которым обеих стран могут не совпадать», считал югославский дипломат. Как ему казалось, в этой ситуации именно отсутствие консультаций Югославии с Советским Союзом по внешнеполитическим вопросам и стало причиной советского недовольства. Дополнительным свидетельством того, что политика ФНРЮ в Албании стала катализатором конфликта с Москвой, можно считать комментарий Лаврентьева, в котором он, не соглашаясь с рассуждениями югославского дипломата, отмечал, что особое географическое положение Югославии не может определять ее особую внешнюю политику. По своей направленности, по мнению посла, «внешняя политика может иметь только две концепции: концепцию капиталистических стран и концепцию демократических стран во главе с Советским Союзом». Как считал Лаврентьев, события на Балканах и в Средиземноморье настолько переплетались с общемировой политикой, что любой неосторожный шаг мог вызвать серьезные осложнения, «тем более что англо-американцы стремятся к усложнению обстановки в этой части Европы»⁴³. На вопрос Беблера, что нужно сделать для улучшения отношений между двумя странами, советский посол, следуя имеющимся инструкциям, ответил, что, по его личному мнению, нужно исправить допущенные югославами ошибки и прислушаться к замечаниям Москвы⁴⁴.

Получив во второй половине апреля 1948 г. ответы от «братских» компартий с поддержкой советской позиции и осуждением югославской, Кремль 4 мая направил очередное послание в Белград. Письмо начиналось с констатации, что в присланных «документах» югославских «товарищей» (ответное письмо от 13 апреля за подписью Тито и Карделя и сообщение о решении пленума ЦК КПЮ. — А. А.) нет никакого прогресса в сравнении с их предыдущими «документами», что они еще «больше запутывают дело и обостряют конфликт». «Непомерно амбициозный», по мнению Сталина и Молотова, тон свидетельствовал о нежелании «выяснить истину, признать по-честному свои ошибки, признать необходимость ликвидации этих ошибок»⁴⁵. Кремль на сей раз решил вспомнить и подверстать к списку

⁴³ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. С. 862–863.

⁴⁴ Там же. С. 865.

⁴⁵ Гиренко Ю. С. Сталин–Тито. С. 376–378; Вопросы истории. 1992. № 10. С. 141.

прегрешений югославы и более ранние высказывания руководства КПЮ, в частности речь Тито в Любляне в конце мая 1945 г. о ситуации вокруг Триеста. Советские руководители пытались выстроить схему требований и поведения югославской стороны в триестском кризисе в мае–июне 1945 г. Тогда югославская армия в ходе быстрого наступления планировала занять город раньше британских войск, и СССР вначале поддерживал это намерение, но западные союзники спешно вошли в Триест, не оставив югославам шанса. Сталин был лично вовлечен в переписку с Черчиллем по этому поводу и в результате рекомендовал Тито не обострять ситуацию. Это вызвало недовольство югославы, рассчитывавших на советскую поддержку в реализации своих планов в Истрии. Но, как подчеркивалось в письме, СССР не мог пойти на новую войну, теперь уже с Западом. Возможно, этим объяснялась крайне негативная реакция кремлевского руководства на заявление Тито, что Югославия «не желает оплачивать чужие счета и не хочет быть разменной монетой», а также не желает, чтобы ее «вмешивали в какую-либо политику сфер влияния» (Тито, скорее всего, к этому времени было известно о переговорах Сталина и Черчилля в октябре 1944 об определении зон ответственности между союзниками на Балканах. — А.А.). Как отмечалось в письме, заявление Тито в Любляне было направлено не только против империалистических держав, но и против СССР. «Антисоветская установка тов. Тито», считали авторы письма, не встретила отпора со стороны Политбюро ЦК КПЮ и, более того, стала основой клеветнической пропаганды руководителей КПЮ, развернутой среди партийных кадров. Речь шла об обвинениях в «перерождении» СССР в империалистическую державу, намеревавшуюся «экономически захватить Югославию», а также о «перерождении» ВКП(б), стремящейся «захватить через Коминформ другие партии»⁴⁶. Развивая тему об антисоветском курсе Белграда, авторы письма подчеркивали, что «югославские товарищи должны принять во внимание, что остаться на таких позициях — значит встать на путь отрицания дружественных отношений с Советским Союзом и народно-демократическими республиками». Письмо содержало важные выводы о перспективах экономических отношений с Югославией. Сталин и Молотов (если считать их подлинными авторами послания) советовали югославам

⁴⁶ Вопросы истории. 1992. № 10. С. 143–144.

учесть, что, «оставаясь на таких позициях, они лишают себя права требовать материальную и иную помощь от Советского Союза, ибо Советский Союз может оказывать помощь только друзьям».

Так по сути был дан старт экономической блокаде Югославии, развернутой в полном объеме уже в следующем году с привлечением всех коминформовских стран. Все попытки югославской стороны договориться о продлении торгово-экономических соглашений, о чем начиная с января 1948 г. велись двусторонние переговоры, оказывались напрасными. Это не могло не вызвать в Белграде резко отрицательной реакции, став дополнительным катализатором разгорающегося конфликта.

В письме от 4 мая вновь повторялись обвинения руководства КПЮ в неверной трактовке марксистско-ленинской теории, в отказе от признания неизбежного обострения классово-борьбы, в принижении роли рабочего класса и возвышении крестьянства без его деления на бедняков и кулаков. Говорилось о растворении партии в Народном фронте, сектантской, лишенной внутренней демократии партийной жизни. Главная же причина отрицания «очевидных» ошибок и нежелания добросовестно их исправить, крылась, как считали в Кремле, в чрезмерном зазнайстве югославских руководителей. Формулировалось это утверждение в классическом партийном стиле, который должен был восприниматься югославами как еще скрытая, но вполне реальная угроза. Так, авторы считали, что «после одержанных успехов у них (югославских руководителей. — А.А.) закружилась голова, они зазнались и считают, что им теперь море по колена (орфография оригинала. — А.А.). Они не только зазнались, но они еще и проповедуют зазнайство, не понимая, что зазнайство может погубить югославских руководителей»⁴⁷. Югославским «товарищам», которые «прожужжали всем уши своим непомерным хвастовством», ставились в пример компартии Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Албании, которые несмотря на не меньшие заслуги «ведут себя скромно и не шумят о своих успехах». Авторы письма, объединяя разновременные факты, утверждали, что в период тяжелого кризиса народно-освободительного движения в Югославии «Советская армия пришла на помощь югославскому народу, разгромила немецких оккупантов, освободила Белград и создала, тем самым,

⁴⁷ Вопросы истории. 1992. № 10. С. 150.

необходимые условия для прихода югославской компартии к власти»⁴⁸. Позднее критика этого неточного утверждения стала непременной частью югославской историографии.

В письме предложение руководства КПЮ о присылке в Белград представителя ЦК ВКП(б) для изучения вопроса советско-югославских разногласий было отвергнуто с объяснением, что речь «идет не о проверке отдельных фактов, а о принципиальных разногласиях». Предлагалось рассмотреть этот вопрос на ближайшем заседании Информбюро, поскольку «дело о советско-югославских разногласиях стало уже достоянием ЦК девяти компартий». В связи с этим подчеркивалось, что «было бы неправильно отстранить от этого дела другие компартии»⁴⁹. Таким образом, представляется, что в Кремле еще до рассылки «братским» компартиям письма от 27 марта приняли решение провести югославское руководство через коллективное «чистилище» и, если оно отвергнет предъявленные ему обвинения, определить меру наказания.

Ответ югославского руководства на это кремлевское письмо, направленный в Москву 19 мая, был предельно кратким и основывался на решении Политбюро ЦК КПЮ от 9 мая «не идти» на заседание Коминформа, так как предстоящая на нем дискуссия беспредметна: все компартии уже осудили югославов. Письмо ЦК ВКП(б) от 4 мая было признано членами Политбюро «ужасным», с которым невозможно согласиться. Тито предложил завершить дискуссию с Кремлем кратким письмом. На этом же заседании было принято решение на основании проведенного специальной комиссией разбирательства исключить из партии Жуйовича и Хебранга, лишить их депутатской неприкосновенности и передать для дальнейшего следствия органам госбезопасности⁵⁰. Спустя некоторое время они были арестованы, что вызвало волну возмущения в Москве. 9 июня Молотов направил Тито телеграмму, в которой арест Жуйовича и Хебранга связывался с возможной перспективой их последующей физической ликвидации югославскими властями. Вероятно, подобные опасения были продиктованы советской практикой политических процессов десятилетней давности. В телеграмме говорилось, что, если «Политбюро

⁴⁸ Там же. С. 151.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ AJ. Fond 507. Sednice Politbiro CK SKJ. Sednica CK KPJ od 9.V. 1948 godine / 1948 CK SKJ III/ 33. L. 1–2.

ЦК КПЮ осуществит этот свой замысел, то ЦК ВКП(б) будет считать Политбюро ЦК КПЮ уголовными убийцами». Завершалось послание к Тито требованием, чтобы расследование дела арестованных коммунистов проходило при участии представителей ЦК ВКП(б)⁵¹. Югославы отвергли это требование Кремля на заседании Политбюро ЦК КПЮ 13 июня⁵². Вопрос о дальнейшей судьбе Жуйовича и Хебранга спустя неделю был вновь поставлен на совещании Коминформа, причем в докладе Жданова «О положении в Коммунистической партии Югославии» он уже увязывался с требованием смены югославского режима, охарактеризованного как «чисто турецкий, террористический»⁵³.

Югославское ответное письмо от 19 мая 1948 г. стало фактически последним в переписке Москвы и Белграда, которая в действительности отражала разные представления Сталина и Тито о форме и содержании социализма и методах его построения. Думается, конфликт именно оттого и случился, что у Тито и его ближайшего окружения к 1948 г. начало складываться иное, отличное от советского видение способа строительства социалистического общества. Набор критических «цитат» о Советском Союзе, приписываемый югославам, не был, скорее всего, «придуман» Жуйовичем, он неоднократно звучал в кабинетах партийного руководства. В советском письме от 4 мая не случайно отмечалось, что «беседа тов. Жуйовича с советским послом тов. Лаврентьевым не дала и десятой доли того, что содержится в ошибочных и антисоветских речах югославских руководителей»⁵⁴. Сталин же исходил из того, что советский опыт является универсальным образцом, которому должны следовать все компартии стран «народной демократии» без исключения. И действительно, все компартии, подчиняясь иерархическому принципу, исполняли эту главную задачу — «возводить» социализм по советским лекалам. Тито неожиданно для всех решил нарушить это незыблемое правило и пошел против Сталина, который, похоже, сознательно его провоцировал, вводя санкции, затягивая экономические переговоры, отзывая советников из Югославии, рассчитывая в полном

⁵¹ Вопросы истории. 1992. № 10. С. 156.

⁵² Югословенско-советски односи. С. 358.

⁵³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 575. Оп. 1. Д. 46. Л. 21; Совещания Коминформа. С. 400.

⁵⁴ Вопросы истории. 1992. № 10. С. 150.

объеме обнаружить истинные намерения югославского руководства. Тито, который в 1946 г., находясь в Москве, слышал от Сталина его рассуждения, которыми тот делился в то время со многими партийными деятелями разного уровня — о многообразии путей к социализму, необязательности установления диктатуры пролетариата и следования по советскому пути к социализму в странах «народной демократии», мог поверить в искренность советского лидера. Как могли поверить в это и польские коммунисты Б. Берут и Э. Осубка-Моравский, с которыми Сталин беседовал в мае того же года, убеждая их в том, что строй, установленный в Польше, Югославии, и отчасти в Чехословакии, — это новый тип демократии, отличный как от буржуазной, так и в определенной степени от советской, рабоче-крестьянской⁵⁵. Как представляется, изменение взглядов Сталина на проблему строительства социализма в странах советского блока могло произойти по причине изменения характера отношений СССР с Западом, их ужесточения, вызванного его обидой на бывших союзников, которые, по его мнению, вопреки ранним договоренностям, решили разными способами противодействовать советским усилиям по консолидации стран, отошедших в сферу военно-политического влияния СССР. Тогда в ожидании нового военного конфликта задачей Кремля становилась предельно возможная унификация политических систем стран «народной демократии» по советскому образцу и жесткая привязка их к политике Москвы. Сталинский, условно говоря, «либерализм» 1946 г. можно было бы объяснить необходимостью трансляции этих идей западным руководителям, которые должны были поверить, как это было с роспуском Коминтерна в 1943 г., в отказ Кремля от намерения распространять законы своей коммунистической империи на Восточную Европу. Кажется, Сталин решил пожертвовать Югославией, чтобы «оградить» компартии стран «народной демократии» от тех «ошибок», а в отдельных случаях «ереси», обвинения в которых были предъявлены КПЮ. Югославскую компартию можно считать в известном смысле «сакральной» жертвой Сталина, принесенной во имя утверждения нового курса ВКП(б) по отношению к странам «народной демократии». Он обозначил новые, более жесткие рамки, в которых должны были развиваться политика, экономика и идеология этих стран, теперь еще

⁵⁵ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. С. 457–458.

больше привязанных к сталинской теории социализма и внешнеполитической линии СССР.

Примечательно в этой связи выступление Жданова еще 27 марта 1948 г. на совещании в ЦК ВКП(б), посвященном подготовке к конгрессу ученых-славяноведов. (В тот день Сталин и Молотов направили Тито первое письмо с обвинениями в отходе от марксистско-ленинской линии.) Жданов указал на «неверные концепции», которые получили распространение в Югославии. Речь шла об утверждениях, будто бы Югославия является «настоящей революционно-социалистической страной», а путь, избранный странами народной демократии для строительства социализма, — «более верным и более надежным, чем тот путь, по которому шел Советский Союз». Критикуя данное утверждение, Жданов подчеркнул, что развитие народно-демократических стран не исключает классовую борьбу, осудил, имея в виду югославских коммунистов, «руководителей некоторых стран за отсутствие марксистского анализа» и попытку представить крестьян как «основу югославского государства», а «югославского кулака» — демократическим элементом⁵⁶. Вероятно, эти слова Жданова, содержавшие фрагменты первого кремлевского письма югославам, можно считать началом публичной критики югославского руководства.

Выше говорилось, что Тито неоднократно заявлял о готовности обсудить возникшие, как утверждали в Кремле, «разногласия», которые в Белграде даже не считали таковыми. Руководство КПЮ выполнило к тому времени большую часть указаний Москвы: отказалось от посылки дивизии в Албанию, подписало договор о консультациях по внешнеполитическим вопросам, приступило к пересмотру своей аграрной политики, ужесточило подход к проблеме частной собственности. При желании начавшийся конфликт можно было урегулировать в самом начале, но Сталин и Молотов, зная Тито и его окружение, вероятно, решили «поставить эксперимент» над руководством КПЮ, проявлявшим самостоятельность, и, используя разные способы давления, добиться безусловного признания инкриминируемых ему «ошибок». Не исключено, как мы уже отмечали, что подобная тактика, преследуя цель подавить в зародыше югославскую «ересь», являлась также попыткой

⁵⁶ Понс С. Сумерки Коминформа // Совещания Коминформа. С. 375.

продемонстрировать другим компартиям способ упреждающей борьбы Кремля с инакомыслием. Нельзя сказать, что уже на том этапе Тито открыто выступал с обоснованием альтернативной модели социализма, пытаясь противопоставить ее сталинской, но сам характер югославской части переписки, а также принимаемые по его инициативе на Политбюро ЦК решения убедительно свидетельствовали о зарождении неких новых принципов, согласно которым должны были строиться отношения внутри лагеря «народных демократий». Тито был готов отстаивать интересы своей страны, защищать самостоятельность партии вопреки давлению и принятой иерархии отношений, что создавало для Кремля абсолютно недопустимую ситуацию. Важным было и то, что югославский лидер и его соратники осмелились считать себя равными кремлевским руководителям в трактовке теории марксизма. Это была дерзость, которую Кремль никому не мог позволить.

Решение руководства КПЮ не посылать свою делегацию на заседание Информбюро было еще раз повторено советской стороне в ответном письме Тито руководителю Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) М. А. Сулову от 20 мая 1948 г. Через два дня, 22 мая, в Белград было направлено письмо за подписью Сталина и Молотова, в котором была продолжена критика югославских товарищей, теперь уже за отказ от участия в заседании Информбюро, и в этой связи делались серьезные выводы. Во-первых, этот факт, по мнению кремлевского руководства, свидетельствовал о том, что югославам нечего сказать в свое оправдание и что они тем самым «молчаливо признают себя виновными и боятся показаться перед лицом братских партий». Такая позиция, как отмечалось в письме, означала, что «ЦК КПЮ стал на путь откола от единого социалистического фронта народных демократий с Советским Союзом и готовит свою партию и народ к тому, чтобы предать этот единый фронт». Подчеркивалось, что, поскольку партийной основой фронта является Информбюро, «такая политика ведет к измене делу международной солидарности трудящихся и к переходу на позиции враждебного делу рабочего класса национализма»⁵⁷. Тем самым еще до заседания Информбюро была точно квалифицирована югославская политика, в основе которой лежало стремление четко формулировать и защищать свои

⁵⁷ Советско-югославские отношения. С. 307–309.

национальные интересы. После отказа югославы от участия в совещании Коминформа лидеры некоторых «братских» компартий самостоятельно либо по инициативе Москвы пытались вступить в контакт с югославским руководством и убедить его пересмотреть свое решение. Попытки выступить в роли посредников предпринимали в мае 1948 г. лидер польских коммунистов В. Гомулка, секретари компартии ГДР В. Пик и компартии Румынии Г. Георгиу-Деж. Политбюро ЦК БРП(к) поручило Г. Димитрову послать Тито личное письмо с просьбой взвесить все возможные последствия, вытекающие из решения не участвовать в совещании⁵⁸. Югославский посол в Москве В. Попович в телеграмме Тито от 1 июня предлагал ему написать личное, «теплое» письмо Сталину с изложением всех достижений югославской компартии, успехов, недостатков и ошибок, а также описать возможные последствия несправедливой позиции «по отношению к нам». Кроме этого, он считал целесообразным, чтобы это письмо подписали известные в Югославии люди, представители всех республик. Сообщая о своих беседах в Москве с некоторыми советскими официальными лицами, посол отмечал, что, по его мнению, этих людей «страшно бесило то, что мы не просим прощения», и они в частности почти не скрывали желания, чтобы из югославского руководства был удален Джилас. В то же время, как казалось Поповичу, многие в Москве были убеждены в том, что не следовало так поступать по отношению к Югославии, но, как он писал, «никто из них не имеет права это сказать»⁵⁹. Сообщения о настроениях и ожиданиях в Москве в связи с подготовкой к заседанию Коминформа Попович продолжал отправлять в Белград и в последующие дни. Так, согласно его информации от 4 июня, адресованной Карделю, в кругах, близких к советскому руководству, говорили о том, что Джилас и Кардель — «старые троцкисты, но весьма изощренные». Как можно было понять из сообщения югославского посла, в планы советского руководства входила изоляция Тито от Джиласа и Карделя, а затем нанесение удара по нему. Попович подчеркивал вместе с тем, что, по его мнению, к подобной информации следует относиться с осторожностью⁶⁰.

⁵⁸ Совещания Коминформа. С. 371.

⁵⁹ КМЖ. 1-3-b/660. Л. 6–7.

⁶⁰ Ibid. Л. 12.

Письмо югославам за подписью М. А. Сулова о решении провести совещание Информбюро, включив в повестку дня вопрос о положении в КПЮ, было доставлено в Белград его заместителем В. В. Мошетовым. 21 мая он встречался с Тито, повторившим, что вопрос о некоторых ошибках югославов мог бы быть рассмотрен в конфиденциальном порядке, но поскольку Москва уже сообщила о своих претензиях к КПЮ другим компартиям, то всякое обсуждение лишается смысла. Тито предложил пока оставить проблему открытой, подождать, когда всё «немного уляжется»⁶¹. Между тем, начиная с апреля в Москве была развернута подготовка к совещанию, и к середине июня был готов проект доклада и резолюции «О положении в Коммунистической партии Югославии». Оба документа дорабатывались под руководством Сталина. Готовность «братских» компартий к совещанию была определена 12 июня на заседании редколлегии органа Информбюро — газеты «За прочный мир, за народную демократию!», состоявшемся в Белграде. Все участвовавшие в заседании представители зарубежных компартий выступили с осуждением югославской позиции. В принятой резолюции, текст которой был предложен советской стороной с упоминанием, что резолюция сформулирована Сталиным, говорилось, что «антисоветская и антимарксистская политика ЦК КПЮ достойна того, чтобы она подверглась не косвенной, а прямой критике»⁶².

К открытию совещания Коминформбюро, проходившего в Бухаресте 19–23 июня 1948 г., кремлевское руководство уже приняло решение наказать Тито и его соратников за отказ признать свои «ошибки». Совещание стало лишь способом публично показать всем и в первую очередь компартиям стран «народной демократии», что Москва не допустит отхода от сталинской трактовки марксизма-ленинизма ни в теории, ни на практике.

19 июня по предложению А. А. Жданова от имени собравшихся участников совещания в ЦК КПЮ было направлено последнее приглашение прибыть в Бухарест. 21 июня был получен ответ, в котором югославское руководство еще раз повторило причину своего отказа от участия в совещании. В телеграмме подчеркивалось, что «ЦК КПЮ остается и впредь при своем убеждении, что только совместное

⁶¹ Совещания Коминформа. С. 371–372.

⁶² Там же. С. 373.

обсуждение спорных вопросов в прямом контакте ЦК ВКП(б) и ЦК КПЮ в самой Югославии является единственно правильным путем в разрешении существующих недоразумений». Не исключено, что за этим условием стояло помимо прочего не лишнее оснований подозрение Тито, прошедшего школу Коминтерна и знакомого с «кухней» московских процессов 1930-х гг., что пребывание югославской делегации в Румынии может закончиться драматически. 19 и 20 июня в ожидании ответа из Белграда состоялись беседы между советской делегацией и делегациями других компартий. Москва прокручивала свой сценарий, готовя всех участников совещания к единодушному осуждению Тито и его соратников.

Второе совещание Информбюро и интернационализация советско-югославского конфликта

Все второе совещание Коминформа было посвящено развернутой критике югославского руководства. Глава советской делегации А. А. Жданов выступил с докладом «О положении в Коммунистической партии Югославии», содержащим весь набор обвинений, выдвинутых против руководства КПЮ в советских письмах. В результате дискуссии участники пришли к единому выводу, отраженному в резолюции совещания. Руководству КПЮ вменялось в вину, что оно «за последнее время проводит в основных вопросах внешней и внутренней политики неправильную линию, представляющую отход от марксизма-ленинизма»⁶³. Большая часть делегатов совещания использовали трибуну не только для осуждения югославов, но и для безудержного восхваления ВКП(б) и ее руководства. Так, член ЦК БРП(к) Тр. Костов в своем выступлении отмечал, что «ЦК ВКП(б) и лично т. т. Сталин и Молотов давали нам чрезвычайно ценные советы и помогали нам исправлять наши ошибки». Явно отмежевываясь от югославов, Костов подчеркнул: «Мы не боимся, что ЦК ВКП(б) будет иметь свою собственную информацию о положении дел в нашей партии, т[ак] к[ак] в лице СССР мы видим искреннего друга, прекрасного советника и наставника. Наша коммунистическая совесть

⁶³ Совещания Коминформа. С. 455.

чиста, у нас нет никаких секретов от ЦК ВКП(б), от тов. Сталина. А у югославских руководителей, видимо, совесть не совсем чиста». Перечисляя «ошибки» югославских руководителей, Костов указал на недооценку ими руководящей роли СССР в борьбе против империализма и в строительстве социализма, на «узконационалистическую переоценку роли и значения новой Югославии», «зазнайство и головокружение от успехов, которые достигнуты при помощи Советского Союза». Перечень «ошибок» завершала констатация отхода югославского руководства от теории марксизма-ленинизма, стремления внести в теорию «свои югославские поправки, от которых веет духом оппортунизма и троцкизма»⁶⁴. Костов поставил вопрос о том, каким способом можно не допустить «отхода Югославии от демократического фронта»; в противном случае Болгарии и Албании «придется оглядываться в сторону Югославии», поскольку все экономические связи Болгарии с Западной Европой проходят через нее. По мнению «болгарских товарищей», подчеркивал Костов, следует сделать этот вопрос предметом широкого обсуждения, вынести его «на суд партийных и народных масс Югославии», «развязать внутренние силы партии и страны и опереться на них». Важно, по мысли Костова, сделать это до съезда КПЮ, «чтобы помешать маневрам Тито противопоставить всю партию Информбюро»⁶⁵.

Совещание приняло резолюцию по докладу Жданова, констатирующую, что «в руководстве КПЮ за последние 5–6 месяцев открыто возобладали националистические элементы», и оно стало на путь национализма. Подчеркивалось, что югославские руководители, «переоценивая внутренние национальные силы и возможности Югославии», думают о сохранении ее независимости и построении социализма «без поддержки коммунистических партий других стран, без поддержки стран народной демократии, без поддержки СССР». Рисовалась мрачная перспектива взаимоотношений Югославии с капиталистическими странами, причем задолго до того, как начались, на первых порах во многом вынужденные ее реальные контакты с Западом. Авторы резолюции, опираясь на какие-то только им известные факты и информацию, утверждали, что югославские руководители, «плохо разбираясь в международной обстановке и запуганные

⁶⁴ Совещания Коминформа. С. 429.

⁶⁵ Там же. С. 432.

шантажистскими угрозами империалистов, полагают, что путем ряда уступок империалистическим государствам» они могут приобрести их расположение, «договориться с ними о независимости Югославии и постепенно привить югославским народам ориентацию на эти государства, то есть ориентацию на капитализм». В документе констатировалось, что причины подобных надежд югославского руководства заключались в следовании «известному буржуазно-капиталистическому тезису», в силу которого «капиталистические государства представляют меньшую опасность для независимости Югославии, чем СССР»⁶⁶. Завершалась резолюция словами, в которых выражалась надежда на то, что «в недрах компартии Югославии имеется достаточно здоровых элементов», которые должны «заставить своих нынешних руководителей открыто и честно признать свои ошибки и исправить их, порвать с национализмом, вернуться к интернационализму и всемерно укреплять единый социалистический фронт против империализма». В противном случае задача «здоровых сил» будет состоять в том, чтобы сменить нынешних руководителей и «выдвинуть новое, интернационалистическое руководство КПЮ»⁶⁷.

На следующий день после появления резолюции Информбюро состоялся пленум ЦК КПЮ, на котором был сформулирован развернутый югославский ответ на этот документ. Все обвинения были названы несправедливыми и отвергнуты как самая большая историческая ложь, направленная против героического югославского народа и партии. Пленум, отвечая на кремлевские призывы к «здоровым силам партии» сменить руководство, призывал членов КПЮ сплотиться в борьбе за проведение партийной линии и «еще большее укрепление единства партии, а рабочий класс и остальных трудящихся, объединенных в Народном фронте, еще настойчивее продолжать работу по строительству социалистической родины»⁶⁸.

Проблема отношений с ВКП(б) и компартиями, входившими в Информбюро, стала одной из главных на съезде КПЮ, решение о проведении которого было принято 20 мая 1948 г. Созыв партийного форума сам по себе явился ответом на обвинения Москвы в нарушении югославами норм партийной жизни: предыдущий съезд

⁶⁶ Совещания Коминформа. С. 460.

⁶⁷ Там же. С. 461.

⁶⁸ Югословенско-советски односи. С. 380.

прошел в ноябре 1928 г. Состоявшийся в конце июля 1948 г. 5-й съезд КПЮ одобрил решения пленума КПЮ от 29 июня, которые были сформулированы в ответ на резолюцию Информбюро. Выступивший на съезде с докладом Тито отверг все обвинения, назвав их чудовищными, но заверил делегатов съезда, что ЦК КПЮ несмотря ни на что полон решимости восстановить хорошие отношения с ВКП(б). На съезде вновь прозвучало приглашение к советскому партийному руководству приехать в Югославию и «на месте убедиться в неточности своих обвинений»⁶⁹.

Согласно принятому на совещании Информбюро решению, из Белграда в Бухарест в конце июня — начале июля 1948 г. была перенесена штаб-квартира этого органа, а также редакция газеты «За прочный мир, за народную демократию!». Кремль постепенно переходил к изоляции КПЮ и теперь, уже после интернационализации конфликта — к публичной критике его руководства. Компартиям стран «народной демократии» предписывалось «нести в массы» решения совещания в Бухаресте, добиваться осуждения югославских «оппортунистов» и «изменников». В июле, после опубликования резолюции началась кампания вовлечения в межпартийный конфликт широких партийных масс компартий всех стран-участниц Информбюро. На многочисленных собраниях проходило обсуждение материалов прошедшего совещания. Наиболее драматическая ситуация сложилась в Югославии, где после июльского съезда КПЮ все партийные структуры — от актива до рядовых членов — должны были высказаться в поддержку «генеральной линии» партии. Этот болезненный процесс, проходивший при активном участии спецслужб, возглавляемых А. Ранковичем, выявил неоднозначный подход к конфликту. Несогласные, высказавшиеся в поддержку резолюции Информбюро, вскоре попали в категорию так называемых «информбюровцев». На первом этапе им выносили выговоры, подвергали партийным наказаниям, а уже через год наиболее упорствующих в убеждении, что югославской компартии необходимо остаться верной СССР, ВКП(б) и Сталину, стали отправлять в концентрационные лагеря, причем среди них были не только коммунисты, но и беспартийные граждане⁷⁰.

⁶⁹ V конгрес КПЈ. 21–28 јула 1948: Стенографске белешке. Београд, 1949. С. 148–159.

⁷⁰ Hrvatski Drzavni Archiv (HDA). Fond SDS / Sluzba drzavne sigurnosti. Informbiro. God / 1949–1954.

Вопрос о борьбе с инакомыслием в верхних эшелонах партии встал перед югославским руководством спустя всего неделю после принятия резолюции в Бухаресте. Тито и почти всё его ближайшее окружение — Э. Кардель, М. Джилас, А. Ранкович, М. Пьяде, С. Вукманович-Темпо, Б. Кидрич и др. — прибыли в Сараево на совместное заседание Политбюро ЦК КПЮ и Краевого комитета КПЮ Боснии и Герцеговины (БиГ). Ситуация в партийном руководстве республики сложилась непростая: часть его высказалась в поддержку решений Информбюро и осудила отказ центрального руководства КПЮ послать делегацию на совещание в Бухарест. Открывая заседание, Тито попытался кратко обрисовать некоторые, с его точки зрения важные причины возникшего конфликта, сообщив, что трения начались после принятия пятилетнего плана. Сталин обещал создать в Югославии военную промышленность, но вплоть до начала обмена письмами ничего не было сделано. Торговый договор в Москве не хотели подписывать, отложили эту процедуру на декабрь 1948 г.

Один из боснийских лидеров Родолюб Чолакович признался, что спор между КПЮ и ВКП(б) не только привел его в замешательство, но и полностью деморализовал. Он так верил в непогрешимость позиции ВКП(б) в споре с КПЮ, что даже думал о самоубийстве. Теперь же благодарит Тито и Карделя и считает, что истоки его колебаний кроются в недостаточной марксистской подготовке, догматизме. Член ЦК Угleshа Данилович подчеркнул, что несмотря на неверную оценку политики КПЮ со стороны ВКП(б) всё же следовало отправить делегацию в Бухарест. Его позицию разделяли Радован Папич и другие коммунисты. Хасан Бркич, председатель правительства БиГ, полагал, что некоторые положения, изложенные в письмах ЦК ВКП(б), следовало признать. Джилас коснулся недостатков в идеологической работе и отсутствия четкой позиции относительно политики на селе, но закончил свое выступление признанием того факта, что «у Югославии нет другого пути, кроме как с СССР». Кардель объяснил боснийским товарищам, что занятая ЦК КПЮ позиция отрицания всех обвинений была единственно верной и возможной. Отставка Тито завершилась бы распадом страны⁷¹.

⁷¹ AJ. F. 507. Sednica CK za BiH 7 jula 1948. III/35. S. L. 1–5.

Югославская дипломатия в странах «народной демократии» в ситуации противодействия коминформовским атакам

Появление резолюции быстро повлияло на характер двусторонних отношений в различных сферах. Известно, что в СССР в различных учебных заведениях, преимущественно военных, обучалось значительное число граждан СФРЮ. Югославские дипломаты сообщали из Москвы о попытках советских властей вовлечь их в конфликт уже в первые дни после совещания в Бухаресте. В сообщении, направленном 1 июля югославским посольством Э. Карделю, говорилось о том, что большинство югославов, реагируя спонтанно, занимали верную позицию, и лишь в редких случаях проявляли непонимание ситуации и колебания. В некоторых военных академиях руководителям общин рекомендовалось поддержать резолюцию Информбюро. Как отмечалось в телеграмме, уговаривая курсантов занять «правильную линию», они клеветали на маршала Тито. Были попытки уговорить некоторых слушателей отказаться от возвращения на родину. Автор этого сообщения, сотрудник посольства Пуниша предлагал написать общее письмо от имени всех находящихся в Москве югославов в поддержку позиции КПЮ для последующей передачи его в Белград⁷². Спустя неделю в еще одной телеграмме Карделю говорилось о попытках советских властей убедить югославских курсантов высказаться в поддержку резолюции. В академии Ворошилова⁷³ с этой целью их вызывали к руководству поодиночке и группами. В военно-политической академии⁷⁴ особым нападкам, как указывалось, подвергались Э. Кардель, А. Ранкович и М. Пьяде. Сообщалось о том, что в танковой академии⁷⁵ шесть курсантов высказались в поддержку резолюции Информбюро⁷⁶. Давление на учащихся и открытые попытки их индоктринации югославское правительство решило использовать как предлог для отзыва на родину всех находящихся и обучающихся в СССР югославских граждан.

⁷² КМЈ, I-3-b/660. L. 13.

⁷³ Точное название в 1948 г. — Высшая военная академия им. К. Е. Ворошилова.

⁷⁴ Военно-политическая академия им. В. И. Ленина.

⁷⁵ Военная академия бронетанковых и механизированных войск Красной Армии им. И. В. Сталина.

⁷⁶ КМЈ, I-3-b/660. L. 17.

Нота с подробным перечислением фактов такого рода была направлена 6 июля посольством ФНРЮ в Москве в МИД СССР. В ней говорилось, что это решение вызвано тем, что вокруг югославских граждан сознательно и организовано создана атмосфера, в которой их дальнейшее пребывание в СССР невозможно⁷⁷. 12 июля С. Фейич сообщил в Белград о том, что получен ответ на эту ноту, в котором выражается сожаление в связи с таким решением югославского правительства и делается предложение всем курсантам, желающим продолжить учебу, остаться в СССР⁷⁸. 13 июля посольство (Перович) сообщило Карделю о том, что уже три дня как в Москве прекращена агитация среди югославских слушателей академий и им предложено остаться для продолжения учебы, однако все высказались за отъезд. Отмечалось, что так же ведут себя курсанты в Киеве и Ленинграде⁷⁹. Югославские дипломаты, курирующие учащихся, вели себя активно и в первые дни после появления резолюции приняли меры для распространения среди своих подопечных информации из Югославии об отношении КПЮ к обвинениям Информбюро. Они тиражировали в посольстве поступающие из Белграда материалы — ответ ЦК КПЮ, письмо болгарским товарищам, материалы о Жуйовиче и Хебранге — и распространяли их среди студентов, курсантов и офицеров. Переводя их на русский, они предлагали ознакомиться с ними советским студентам, а также учащимся из «демократических стран», т. е. стран «народной демократии». «Империалистам» материалы было решено не посылать, а на вопросы о югославско-советских отношениях рекомендовать им слушать радиопередачи из Белграда. Посольство дополнительно с помощью учащихся собирало в Москве информацию об отношении к резолюции их однокурсников и знакомых. Так, в отправленном в Белград сообщении говорилось о том, что нередки случаи, когда советские, а особенно венгерские и чешские студенты, выслушивая контраргументы югославов, начинали сомневаться в правильности резолюции Информбюро⁸⁰.

К тому времени в СССР обучались в военных академиях и училищах 1424 курсанта и офицера. После появления резолюции

⁷⁷ Советско-югославские отношения. С. 343–344; Югословенско-советски односи. С. 392–394; Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. С. 909–910.

⁷⁸ КМЈ. I-3-b/660. L. 18.

⁷⁹ Ibid. L. 22.

⁸⁰ Ibid. L. 24.

и распоряжения югославских властей об их возвращении на родину вернулось 1082 чел.⁸¹

Отношения между двумя странами в последующие месяцы продолжали ухудшаться. На международных конференциях, например на Дунайской, которая проходила в Белграде с 30 июля по 18 августа 1948 г., представители обеих стран соблюдали внешнюю корректность, однако вскоре югославские дипломаты начали отмечать нарастающие негативные изменения. Временно исполняющий обязанности посла ФНРЮ в СССР С. Фейич в отчете за период с 10 августа по 21 сентября сообщал о почти полном прекращении контактов с советскими людьми кроме служебных, о периодической слежке за ним и военным атташе. Причина, по его мнению, заключалась в установках, данных советским органам госбезопасности: не допускать распространения пропагандистских материалов, отражавших югославскую точку зрения на конфликт. Фейич отмечал также изменение характера отношений с дипломатами из «демократических стран» (т. е. стран «народной демократии»), с которыми ранее велись долгие разговоры о двусторонних отношениях. Они стали сдержаннее, а некоторые, например, молодые сотрудники польского посольства в Москве — советник и первый секретарь, вели себя даже вызывающе и агрессивно. Говоря о посланнике Чехословакии Штефане, Фейич сообщал, что он немногословен, но его жена сообщила конфиденциально, что «не может верить во всё, о чем говорится, и что чехи всегда относились к югославам с особым чувством, учились у них». В стране, по ее словам, «партийцы» с большим интересом читают югославские материалы. Касаясь советско-югославского конфликта, она посоветовала собеседникам, чтобы Белград хотя бы частично признал выдвинутые против КПЮ обвинения, «так как эти (т. е. русские, как решил Фейич. — А. А.) вам не уступят»⁸². Югославский дипломат, говоря о временно исполняющем обязанности посла Венгрии в ФНРЮ Розе, отмечал, что его поведение в отношениях с югославами изменилось, очевидно, под влиянием полученных из Будапешта директив. Если раньше Роза позитивно воспринимал некоторые югославские аргументы в советско-югославском споре, то теперь уходил от обсуждения конфликта.

⁸¹ Советско-югославские отношения. С. 399.

⁸² КМЖ. 1-3-б/660. Л. 30.

К смерти А. А. Жданова, последовавшей 31 августа 1948 г., посольство отнеслось, как отмечалось в отчете, с соблюдением всех положенных протокольных норм: как и посольства «демократических стран», югославы направили письмо с соболезнованиями на имя Молотова, послали траурный венок, сотрудники посольства присутствовали на церемонии прощания и похорон. Фейич отмечал, что, поскольку из Белграда не поступило никаких дополнительных указаний в связи с похоронами, югославы ограничились только этим, в отличие от Польши и Чехословакии, приславших свои делегации и возложивших большое количество венков. В эти дни западные журналисты предпринимали попытки каким-то образом связать кончину советского функционера с отношениями между ЦК КПЮ и ЦК ВКП(б) и задавали югославам вопросы, как отмечалось в отчете, провокационного характера, «которые были решительно отвергнуты»⁸³. Фейич затронул и тему, связанную с появлением 8 сентября в «Правде» статьи «Куда ведет национализм группы Тито в Югославии» за подписью «ЦЕКА» (многие говорили, что она была написана лично Сталиным), в которой ужесточались обвинения против КПЮ и ее руководства. Западные дипломаты расценили ее появление как подтверждение того, что смерть Жданова не окажет влияния на отношения между КПЮ и ВКП(б), а дипломаты и журналисты «демократических стран» считали, что задачей статьи была дополнительная корректировка курса их стран и компартий в отношении Югославии в данный момент. По мнению югославских дипломатов, статья помимо прочего имела целью «авторитетно поддержать кампанию против ЦК КПЮ» и добавить к «путанице спекуляций», существующих в общественном мнении СССР и стран «народной демократии» относительно конфликта, некую «принципиальность». Статья была полна брани в адрес ЦК КПЮ, которая в уже развернутой и совершенно непристойной форме была использована год спустя в резолюции третьего совещания Информбюро (ноябрь 1949 г.). Выражения «клика шпионов и убийц», «пособники империалистов», «диктатура фашистского типа» и пр. становятся отныне устойчивыми пропагандистскими клише. Итоговый документ будапештского совещания был подготовлен, скорее всего, в Отделе внешней политики ЦК ВКП(б) по инициативе Суслова, учитывавшего настроения Сталина.

⁸³ КМЈ. 1-3-b/660. L. 30.

Резолюция должна была, наряду с материалами второго совещания Информбюро, стать на предстоящий период ориентиром для раскручивания антиюгославской пропагандистской кампании, для придания ей непрерывного характера с обязательным подключением компартий стран «народной демократии». Не исключено, что одной из целей этой статьи было стремление усилить критику таких сторонников «национального пути к социализму», без сомнения, симпатизировавших Тито, как В. Гомулка, подвергнутый на сентябрьском пленуме ЦК польской компартии острой критике и снятый с поста генерального секретаря. Как считал Фейич, связывая эти два события, которые широко освещала московская пресса, кремлевское руководство хотело указать югославской компартии верный путь, которым ей следовало пойти⁸⁴. Поляки, «убравшие» Гомулку, становились в этом примером.

Реакция партийного руководства, дипломатии и общественности стран «народной демократии» на развертывание советско-югославского конфликта

В архиве Тито находится интересный документ от 16 июля 1948 г. — запись частной беседы югославского гражданина Джурджев с президентом Чехословакии К. Готвальдом. Джурджев, возможно, входил в состав руководства Народного фронта ФНРЮ либо был как-то связан с югославской партийной верхушкой и знаком с чехословацким политиком. Разговор начал Готвальд с вопроса, как югославские руководители решились на такой шаг — выступить против СССР? Ведь «письмо подписал сам Сталин, знаешь ли ты?» — обращался он к собеседнику. «Такая позиция ваших (руководства ЦК КПЮ. — А.А.) ведет к троцкизму». В ответ Готвальд услышал странное объяснение о том, что советские товарищи были неверно информированы, а главным виновником являлся Жуйович, которого, считал Джурджев, Готвальд должен был хорошо знать как «старого фракционера». Согласно сформировавшейся к тому времени в партийных кругах КПЮ версии конфликта, которую излагал югослав, Сталин был обманут теми, кто сознательно подготовил

⁸⁴ КМЖ. 1-3-б/660. Л. 31.

неверную информацию о ситуации в Югославии. Джурджев подробно рассказал о том, какое негативное влияние оказала «насквозь лживая» резолюция Информбюро на югославское общество, твердо верящее в правильность позиции ЦК и лично Тито, какое она вызвала «огорчение» среди коммунистов и членов Народного фронта. Югослав несколько раз упомянул, что неожиданным для авторов документа результатом (положительным для югославского руководства) стало еще большее сплочение, которого страна не знала прежде, партийных масс и всего народа вокруг КПЮ и Тито. Говоря о прозвучавших на совещании антиюгославских выступлениях албанских руководителей, заявлении М. Ракоши о народно-освободительной борьбе югославского народа, критической речи Ж. Дюкло, Джурджев задавался вопросом: «Куда ведет эта ложь, компрометирующая руководство братских коммунистических партий?» Касаясь призыва к смене руководства КПЮ в принятой резолюции, Джурджев подчеркнул, что, насколько ему известна ситуация в Югославии, там нет силы, которая могла бы восстановить «нашу партию против Тито». Как отмечал Джурджев, Готвальд, как ему показалось, был несогласен с этой «безумной клеветой на руководителей ЦК КПЮ во главе с товарищем Тито»⁸⁵. В связи с этим заметим, что факты говорят иное: незадолго до встречи с Джурджевым Готвальд направил письмо Сталину с предложением существенно расширить список обвинений против югославов, опубликовав ряд материалов, компрометирующих их политику по отношению к СССР. Советский лидер, однако, посчитал ненужным добавлять что-либо в настоящее время к резолюции Информбюро, объясняя это тем, что целью Москвы на данном этапе было только «изолировать югославских руководителей в глазах других компартий и разоблачить их жульнические махинации». Предложение Готвальда вряд ли даст эффект, поскольку на созываемом съезде КПЮ у «группы Тито» будет достаточно возможностей для сохранения доминирующих позиций. Как считал Сталин, для постепенного отпадения от этой группы марксистских слоев югославской компартии необходимо время и терпение⁸⁶.

В том же духе прошла в ноябре беседа секретаря посольства ФНРЮ в Праге З. Стамбука с заместителем Председателя

⁸⁵ КМЖ. 1-3-b/188. Л. 8–9.

⁸⁶ Совещания Коминформа. С. 398, 520.

правительства ЧСР В. Широкий, который настойчиво убеждал югославского дипломата в том, что КПЧ борется не с народом Югославии, а только с одной группой в руководстве КПЮ, которая «ведет страну в пропасть». По его мнению, в Югославии немало коммунистов, которые готовы поддержать резолюцию, «если бы не было Ранковича и его полицейских». Широкий провокационно поставил вопрос о своей поездке в Югославию и предоставлении ему возможности свободно говорить с кем хочет и где хочет, гарантируя, что его не арестуют люди Ранковича. Тогда, подчеркнул Широкий, Стамбук увидит, как рассыплются все его аргументы. Продолжив атаку на югославского дипломата, Широкий обвинил руководство КПЮ в отсутствии самокритичности и упрямстве. По его мнению, еще никто не позволял себе разговаривать со Сталиным так, как югославы. «Тито стоит на точке зрения: ты Сталин, а я Тито! Вас необходимо научить скромности, вам слава ударила в голову...» Широкий не обошел также вопрос о поведении югославских представителей в Чехословакии: «Мы в свое время [немало] вытерпели от разных ваших людей, которые приезжали к нам и называли нас капитулянтами, контрреволюционерами, оппортунистами и тому подобное». Представляется, что ситуацию вокруг конфликта и поведение югославского руководства еще никто к тому времени не характеризовал так резко. Попытки Стамбука возражать свелись к ставшей к тому времени традиционной в Югославии оценке резолюции Информбюро как построенной на недостоверной информации и лживых обвинениях в адрес руководства КПЮ, а также набору уже не раз приводимых в югославской пропаганде примеров и штампов о выдающейся и героической роли КПЮ и ее руководства и отсутствии особых заслуг у «братских» компартий⁸⁷.

Вскоре после появления резолюции в отношениях между Югославией и странами «народной демократии» стали возникать конфликтные ситуации, как это случилось осенью 1948 г. Так, чехословацкие власти, следуя инструкциям Информбюро, рекомендовавшим ужесточить политику по отношению к Югославии, решили во второй половине августа воздействовать на группу обучавшихся в стране югославских граждан с целью их индоктринации. Обработке в стиле информбюровской пропаганды были

⁸⁷ КМЖ. 1-3-b/188. L. 64–68.

подвергнуты 2850 чел. в расчете на то, что многие останутся в Чехословакии, но такое решение приняли только 75 чел., причем, как отмечал югославский посол в Праге, лишь небольшая часть сделала это по причине согласия с резолюцией Информбюро⁸⁸. Белград предпринял ответную акцию, отозвав своих граждан обратно на родину, как он сделал это в СССР, чем вызвал недовольство чехов. Инцидент стал предметом острого разговора заместителя министра иностранных ФНРЮ В. Поповича с послом Чехословакии в Белграде Тауфером 1 октября 1948 г.⁸⁹ В то же время экономические отношения двух стран, как отмечалось в выдержке из отчета югославского посла в Праге М. Стилиновича за сентябрь 1948 г., в отличие от культурных, которые всё больше сужались, развивались нормально. ФНРЮ в чехословацком экспорте стояла сразу же за СССР, а в импорте — после СССР и Великобритании⁹⁰. Положение самих югославских дипломатов в Праге в последующие годы становилось всё более сложным. Они подвергались провокациям и непрерывному психологическому давлению⁹¹.

В Болгарии партийные и правительственные структуры, выполняя данные им поручения центральных органов, занялись югославским «вопросом» уже на завершающем этапе бухарестского совещания Информбюро. Многостраничный отчет с грифом «строго секретно» под названием «Сообщение о событиях в связи с резолюцией Коминформа», который подготовил временный поверенный в делах ФНРЮ в Болгарии Бл. Хаджипанзов, начинался с анализа статьи «Здоровые коммунистические силы в Югославии победят» в «Работническо дело», автором которой многие в Софии считали Тр. Костова. Статья вышла 29 июня вместе с материалами совещания Коминформа и в основном повторяла содержание резолюции, обвинявшей ЦК КПЮ в национализме и отходе от марксизма. Хаджипанзов обращал внимание на один из пассажей статьи, согласно которому югославским руководителям удавалось проводить свою «неправильную и вредную» политику благодаря тому, что «они это делали за спиной партии и народа», но с появлением резолюции партия и народ

⁸⁸ Ibid. L. 57.

⁸⁹ Ibid. 1-3-b/187. L. 28.

⁹⁰ Ibid. 1-3-b/188. L. 57.

⁹¹ Селишић С. Партија и дипломатија у Југославији 1945–1952. Београд, 2013. С. 274–275.

«узнают правду и сделают правильные выводы»⁹². Югославский дипломат проанализировал все материалы, связанные с совещанием Коминформа, появившиеся за этот период в болгарской прессе. Выступления болгарского руководства, посвященные этой теме, концентрировались вокруг тезиса о том, что югославский народ найдет в себе силы для «оздоровления югославского руководства». Об этом, в частности, говорилось на заседании Национального комитета Отечественного фронта, прошедшего под председательством Г. Димитрова, выразившем солидарность с бухарестской резолюцией и надежду на обновление ЦК КПЮ. Свой вклад в толкование резолюции попытался внести и В. Червенков: выступая перед активом Отечественного фронта, он поднял вопрос о роли СССР в освобождении Югославии. Червенков утверждал, что югославские народы не сами освободили свою страну, а это сделала Красная армия, так же как она освободила и другие страны «народной демократии». Утверждение югославского руководства, что советские войска вступили в уже освобожденную Югославию, он назвал неверным. Хаджипанзов особо отметил высказывание Червенкова о существовании такой проблемы в КПЮ, как единство партии и руководства, которого, по мнению болгарина, не было. «Сейчас в Югославии партия, страна, народ находятся по одну сторону, а сегодняшние югославские руководители — по другую»⁹³. Югославский дипломат отмечал, что уже 29 июня 1948 г. в Софии и по всей стране прошли собрания партийных активов. В столице Болгарии выступил секретарь горкома БРП(к) Т. Живков, в Пловдиве — секретарь ЦК БРП(к) В. Червенков, в Горной Джумале — министр иностранных дел А. Югов, в Сливене — председатель Исполкома профсоюзов Р. Дамянов. Тодор Живков, приводя набор обвинений из советских писем югославам и бухарестской резолюции, дополнил их новыми фактами, призванными усугубить вину югославских руководителей. Так, например, из выступления Живкова партийцам стало известно, что в Югославии немецкие специалисты получали в три раза большие зарплаты, чем советские. Напомнил он и о неизвестном диалоге М. Джиласа с П. Ф. Юдиным — шеф-редактором газеты «За прочный мир, за народную демократию!» во время пребывания редакции в Белграде. Джилас якобы заявил тогда, что

⁹² КМЈ. 1-3-b/147. L. 27.

⁹³ Ibid. L. 31.

организация югославской армии лучше, чем советской, и по этой причине советские военные специалисты не нужны в Югославии. Отвечая на вопросы из зала, Живков сказал, что политика ЦК КПЮ изменится, возможно, после смены руководства партии, когда к власти придут настоящие коммунисты, как, например, Хебранг и Жуйович, находящиеся ныне под следствием. Смену югославского руководства он связывал и с перспективой дальнейших переговоров о Балканской федерации. Отвечая на вопрос о Пиринской Македонии, докладчик сообщил, что Белград, судя по последним заявлениям председателя правительства Республики Македония Л. Колишевского, планирует «оторвать ее (Пиринскую Македонию. — А.А.) от Болгарии», несмотря на то что там живут болгары. «Если бы был поставлен вопрос о плебисците, этот факт стал бы очевиден», — подчеркнул Живков⁹⁴.

Состоялось обсуждение резолюции и на заседании македонского культурно-просветительского общества «Гоце Делчев». Председатель общества В. Ивановский привел факты грубого вмешательства Белграда в сферу образования. Были предприняты попытки изменить грамматику македонского языка, добиться включения либо исключения из азбуки ряда букв, заимствованных из сербского (эти попытки частично удалось пресечь благодаря личному вмешательству Г. Димитрова, поставившего вопрос об этом в Москве). Давление Белграда коснулось даже проведения в Югославии праздника по случаю Ильинденского восстания. Как сообщил Ивановский, его пытался отменить М. Джилас, заявивший, что такого праздника в НР Македонии не должно быть, так как это болгарское восстание. Колишевский, придерживаясь того же мнения, подчеркнул, что Гоце Делчев «ощущал себя болгаринном». Отвечая на вопрос о возможных переменах на предстоящем 5-м съезде КПЮ, Ивановский скептически отнесся к подобной перспективе. По его мнению, партийная масса (в основном армейская и партизанская с соответствующим уровнем идеологической подготовки) готова следовать курсом Тито⁹⁵.

Антиюгославская резолюция позволила болгарам делать заявления, на которые раньше они ни при каких условиях не решились бы. Теперь перед ними открылась возможность касаться ранее табуированных и наиболее болезненных тем, имеющих отношение

⁹⁴ КМЖ. 1-3-b/147. L. 32.

⁹⁵ Ibid. L. 34.

еще к периоду Балканских войн. Так, тот же Ивановский, как указывал в отчете Хаджипанзов, на одной из конференций в Софии заявил о необходимости помнить, что Югославия всё еще держит в рабстве 400 тыс. болгар в «западных районах» (имелись в виду Цариброд и Босилеград. — А.А.). Югославский дипломат отметил и снятие во всех административных учреждениях портрета Тито⁹⁶.

Спустя три дня после отправки указанного отчета в Белград был отослан новый объемный материал на ту же тему. Хаджипанзов провел детальный анализ антиюгославских материалов в болгарской прессе, сообщил о своих беседах с болгарскими функционерами, которые пытались объяснить своему собеседнику причины ухудшения двусторонних отношений. Один из них, директор Дирекции печати В. Топенчаров, говоря об ошибках югославского руководства, выражал надежду на изменение ситуации в лучшую сторону. В качестве примера он приводил статью Джиласа, в которой тот признавал отдельные ошибки ЦК КПЮ⁹⁷.

8 июля Хаджипанзов отправил в МИД сообщение о прошедшей в Софии конференции Народного фронта югославо́в, проживающих в Болгарии. Председатель организации Владо Митев, бывший член КПЮ, а в настоящее время — БРП(к), встав на сторону резолюции Информбюро, попытался вместе со своей группой в 15–20 чел. не допустить свободного обсуждения на конференции материалов ЦК КПЮ относительно конфликта, которые должен был изложить секретарь югославского посольства. Однако в результате настойчивости делегатов была принята проюгославская резолюция, а Митев и член руководства Тасев вынуждены были подать в отставку со своих постов⁹⁸.

Примечателен состоявшийся 25 июля разговор Г. Влахова, заместителя председателя Скупщины, с болгарским послом в Белграде П. Пеловским, во время которого речь зашла об отношениях в Болгарии к резолюции Информбюро. Влахов отметил, что в Болгарии в настоящее время многие готовы критиковать позицию югославской компартии, что вся болгарская печать полна подобными материалами. В связи с этим высокопоставленный чиновник выразил удивление,

⁹⁶ Ibid. L. 34–35.

⁹⁷ Ibid. L. 44.

⁹⁸ Ibid. L. 49–50.

что в полемику оказались вовлечены такие деятели, как Кимон Георгиев и Георгий Кулишев, бывшие фашистские руководители, члены политической группы «Звено»⁹⁹, а также «дружбаш»¹⁰⁰ Георгий Трайков, которые «выступают в роли адвокатов и защитников позиции болгарских коммунистов по отдельным принципиальным вопросам марксизма». «Жаль, что болгарскому народу лекции о марксизме читают такие люди», — подчеркнул Влахов¹⁰¹. В секретариат Кабинета Тито поступала информация от Ивана Караиванова, болгарина, работавшего в свое время вместе с Тито в Коминтерне, после войны проживавшего в Югославии, но сохранившего тесные связи в верхних эшелонах власти Болгарии и получавшего оттуда информацию. Он отмечал, что антиюгославская кампания развернулась в НРБ за несколько дней до появления резолюции и особенно широкие размеры приняла после ее опубликования. В выступлении министра обороны Дамянова, которое, как отмечал Караиванов, «дышало неудержимой злобой», говорилось о старом споре между болгарской и югославской компартиями. В том же духе выступали Тр. Костов и министр финансов И. Стефанов. Караиванов указывал, что рядовые партийцы и общество в целом оказались после появления резолюции в сложном положении, поскольку прежде им внушалось, что КПЮ — выдающаяся партия, вторая после ВКП(б). Массам непонятно, почему руководство БРП(к) обвиняет югославов во всех смертных грехах, ведь еще недавно Г. Димитров говорил, что болгары должны учиться у Югославии. Это обстоятельство заставляет ЦК болгарской компартии начать широкую разъяснительную кампанию по всей стране. Главными аргументами в ней стали тезисы о «неуважении к Сталину» и о «непослушании» югославского руководства. В этой грязной антиюгославской кампании, по замечанию Караиванова, агитаторы теряют чувство меры. Так, Костов, цитируя Сталина, сказал, что «Джилас разбирается в марксизме не лучше, чем осел в сене»¹⁰².

⁹⁹ Приведенная характеристика К. Георгиева и Г. Кулишева соответствовала бытовавшим в то время оценкам «Звена» как политической группировки, способствовавшей установлению военно-фашистского режима в стране в результате переворота 19 мая 1934 г.

¹⁰⁰ Дружбаш — член крестьянской партии Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС). «Дружбашами» назывались первичные организации БЗНС.

¹⁰¹ КМЈ. 1-3-б/146. L. 5–6.

¹⁰² КМЈ. 1-3-б/149. L. 15.

Прошло почти два месяца с момента принятия резолюции, но тема конфликта между советским и югославским партийным руководством продолжала оставаться не менее актуальной, обсуждались различные его аспекты. Югославская сторона неуклонно отстаивала свою позицию. На встрече Тр. Костова с югославским послом в Болгарии И. Джержжа 1 сентября в Софии собеседники вступили в дискуссию по вопросу, который беспокоил партийные массы и общество всех вовлеченных в процесс восточноевропейских стран. На утверждение болгарского функционера — «Нет смысла лгать самим себе, существует конфликт между ФНРЮ и СССР, а поскольку ВКП(б) является руководящей партией, то в этот конфликт оказались вовлечены и мы» — последовал не совсем обычный, но достаточно лукавый ответ югославского дипломата. Посол опроверг сказанное Костовым, заявив, что никакого конфликта между двумя странами не существует («по крайней мере, нам он неизвестен»). Между ЦК КПЮ и ЦК ВКП(б) действительно существовали некоторые проблемы, по которым югославской стороной были сделаны с целью их урегулирования конкретные предложения, но они до сих пор, не по вине югославов, не реализованы. «И это всё», — добавил посол. По его справедливому замечанию, этот процесс следовало ограничить межпартийными рамками, а не переносить противоречия в межгосударственную сферу, что в значительной степени осложнило для Югославии взаимоотношения со странами «народной демократии», в том числе и с Болгарией. В заключение Джержжа заметил, что ситуация для Югославии сложилась сейчас серьезная («мы это понимаем»), но в ней проявились сила и единство КПЮ и страны и «верный курс нашей политики». По словам югославского посла, Костов слушал его внимательно и без эмоций, а затем произнес несколько странную фразу: «Поверьте, и это также и наше желание, и дай бог, чтобы так и было»¹⁰³. Так ли говорил Костов или посол выдал желаемое за действительное, сказать трудно. Однако при знакомстве с документами югославской дипломатии того периода возникает ощущение, что в ходе вот таких двусторонних встреч собеседники югославов непременно так или иначе выражали симпатии югославской стороне. Возможно, такая их позиция, вряд ли документально полностью подтвержденная, должна была показать

¹⁰³ КМЖ. 1-3-б/147. L. 70–71.

югославскому руководству, что в государственных и партийных верхах стран «народной демократии» существовали альтернативные взгляды, и придать ему больше уверенности в правоте занятой в конфликте с СССР позиции.

В начале октября 1948 г. югославский посол встречался с заместителем министра иностранных дел С. Гановским (МИД Болгарии в то время возглавлял В. Коларов. — А.А.). Цель встречи — выразить протест по поводу решения болгарского правительства запретить в Болгарии деятельность общественной организации, известной под названием Народный фронт югославов, проживающих в НРБ. И. Джерджа отметил ужесточение болгарской политики по отношению к ФНРЮ, особенно в экономической сфере. Югославская сторона была информирована о том, что в ближайшее время транзит болгарских товаров будет переориентирован с ФНРЮ на Румынию и Венгрию. По мнению дипломата, это стало результатом давления советской стороны во время встречи Димитрова и Готвальда со Сталиным в Крыму¹⁰⁴. Спустя месяц посол, пытаясь решить ряд конкретных вопросов, связанных с отношением к югославским гражданам в Болгарии, а также выяснить перспективу возможной нормализации межгосударственных отношений, встречался с В. Коларовым. Джерджа отметил некоторую двойственность позиции болгарского министра иностранных дел по отношению к конфликту. С одной стороны, он говорил о том, что нынешние болгаро-югославские отношения являются только бледным отражением того, что происходит между ФНРЮ и СССР. С другой стороны, как показалось югославскому дипломату, в нем произошли какие-то изменения по сравнению с предыдущими встречами и с тем, что говорил ранее о нем С. Гановский. Речь Коларова была неуверенной, а высказывания противоречивы, и вообще он производил впечатление человека, действующего вопреки своим убеждениям, что посол связывал с возможным изменением его точки зрения, которая стала отличаться от взглядов его окружения. Джерджа сообщил в Белград, что подробную запись беседы вышлет с курьером¹⁰⁵.

¹⁰⁴ Ibid. L. 95–96.

¹⁰⁵ КМЈ. 1-3-b/147. L. 101.

Влияние конфликта на дипломатические и экономические отношения СССР с ФНРЮ во второй половине 1948 г.

Отношения между Югославией и странами «народной демократии» после принятия резолюции Информбюро стали постепенно ухудшаться. Идеологические факторы имели здесь определяющее значение: инструкции из Москвы, ставящие в качестве главной задачи момента борьбу всех компартий с ревизионизмом группы Тито на основе принятых в Бухаресте решений начали оказывать влияние и на характер межгосударственных связей. Почти все восточноевропейские страны должны были следовать в фарватере советской политики, которая во второй половине 1948 г., несмотря на межпартийный конфликт с КПЮ, еще сохраняла инерцию, предусматривающую выполнение прежних договоренностей и обязательств, как двусторонних, так и многосторонних, в том числе и связанных с проблемами послевоенного мирного урегулирования. Накануне открытия Дунайской конференции (Белград, 30 июля — 18 августа), А. Я. Вышинский, возглавлявший советскую делегацию, в беседе с югославским министром иностранных дел С. Симичем подчеркнул: необходимо, чтобы на конференции, «несмотря на все наши ссоры, в которых каждый остается при своих взглядах», мы сохранили бы общую позицию, достигнутую в Москве на предварительном совещании по дунайской проблеме, проходившем в июне 1948 г. Он также говорил о возможных встречах делегаций стран «народной демократии» для уточнения единой позиции в ходе конференции. В то же самое время Вышинский неожиданно заговорил о неких слухах, согласно которым югославы концентрируют свои войска на болгарской границе. Молотов, который сообщил Вышинскому об этом, хотел предупредить югославы, что «это не имеет никакого смысла и лишь осложняет ситуацию». Симич объяснил, что у Югославии нет никаких опасений относительно военного нападения со стороны Болгарии, но болгарская сторона закрыла все контрольно-пропускные пункты, кроме находящегося в районе Цариброда. В этой связи югославская сторона вынуждена была вывести из указанных мест свои таможенные службы, что и вызвало подозрение болгар. Вышинский предложил свои посреднические услуги дипломата, если таковые потребуются¹⁰⁶.

¹⁰⁶ Югословенско-совјетски односи. С. 413–414.

В начале января 1949 г. в советско-югославских отношениях вновь возникла «дунайская» проблема. Ссылаясь на подписанную 18 августа в Белграде Конвенцию о режиме судоходства по Дунаю, Москва просила разрешить советским военным судам свободный проход по Дунаю для обслуживания оккупационных войск СССР в Австрии. Разрешение должно было действовать вплоть до их вывода из страны. Белград в ответной ноте дал согласие на то, чтобы «корабли Дунайской военной флотилии СССР, базирующиеся на Вену, пользовались свободным проходом через ту часть Дуная, которая протекает по государственной территории ФНРЮ»¹⁰⁷.

Еще некоторое время подобная амбивалентность была характерна для политики Москвы по отношению к Югославии, как, впрочем, и для югославской политики. Но если для советской стороны это был скорее инструментальный подход, обусловленный необходимостью решать конкретные задачи своей внешней политики за пределами идеологических разногласий, то для югославов это чаще были попытки продемонстрировать готовность взаимодействовать и консультироваться с Кремлем, действуя в рамках всё еще сохранявшегося, в чем они были уверены, иерархического принципа отношений в оппозиции «старший–младший». Структуру формирующегося советского блока Москва пыталась жестко формализовать путем введения внутренних правил, регламентов, процедур, которые должны были позволить осуществлять контроль над происходящими процессами. Поэтому для Сталина важным было привлечение всего сообщества для наказания одного отступника, что, с одной стороны, придавало этому наказанию дополнительный «вес», усиливало его, а с другой — способствовало выявлению в этом сообществе колеблющихся, сомневающихся в правильности и целесообразности выносимого отступнику приговора. Это лицо или группа лиц сами вскоре становились объектами преследования. Порицание, а затем и наказание отступника вплоть до его физического уничтожения должно было сплотить подконтрольные коллективы, в данном случае руководство компартий, служить в определенном смысле дополнительной клятвой верности лидеру.

В конце августа уже югославы благодарили советскую сторону за поддержку их позиции в Совете Безопасности (СБ) ООН по вопросу о Триесте и просили сделать это еще раз уже на предстоящем

¹⁰⁷ Советско-югославские отношения. С. 390–391.

заседании Генеральной Ассамблеи (ГА), поддержав постановку вопроса по кандидатуре губернатора Свободной территории Триест. А. И. Лаврентьев, который вел беседу на эту тему с С. Симичем, согласился удовлетворить просьбу югославы, но в свою очередь просил поддержать некоторые советские инициативы в ООН и получил положительный ответ. Необходимые вопросы, таким образом, были согласованы, но, как отметил югославский министр, беседа прерывалась тягостными паузами и завершилась язвительным замечанием советского посла в адрес министра, что, несомненно, свидетельствовало о нарастающем напряжении в двусторонних отношениях¹⁰⁸. Осенью 1948 г. на заседании ГА ООН, как отмечал руководитель югославской делегации Э. Кардель в телеграмме Тито, ему не удалось получить аудиенцию у Вышинского, и он решил больше не просить о встрече с ним. Югославская делегация, несмотря на корректные, но прохладные, как сообщал Кардель, отношения с советской и другими делегациями «с востока», которые к тому же избегали контактов с югославами и ни о чем их не информировали, поддержала Москву по ряду пунктов повестки дня, проголосовала за кандидатуры «поляков и чехов» (очевидно, как непостоянных членов в СБ. — А. А.). Кардель сообщал, что они решили больше не искать контактов с «восточными» делегациями и не обращаться к ним за информацией, а лишь поддерживать нормальные отношения в зале заседаний. С другой стороны, югославы намеревались избегать ситуаций, когда «западные» делегации будут выдвигать их кандидатуры в комиссии ООН, чтобы избежать подозрения «русских» в связях с Западом¹⁰⁹. 1 октября Кардель продолжал информировать Тито об отношениях с советской и западными делегациями в стенах ООН, сообщая о полном отсутствии какого-либо взаимодействия с «русскими», несмотря на имевшуюся предварительную договоренность. Говоря о Вышинском, Кардель отмечал, что он с ним даже еще не здоровался. Характеризуя общую обстановку в ООН, он указывал, что ни по одному вопросу «западные» и «русские» не могут договориться, дела заходят в тупик. «Берлин (блокада города. — А. А.) еще более обострил ситуацию», — отмечал югославский министр иностранных дел¹¹⁰. Спустя день Кардель

¹⁰⁸ Югословенско-совјетски односи. С. 423–425.

¹⁰⁹ АЈ. F. 507. СК SKJ. IID/97–98.

¹¹⁰ Ibid. II D/100.

сообщил Тито об «инциденте», который произошел между югославской и польской делегациями. Датская делегация предложила на пост заместителя руководителя одной из комиссий югослава Л. Матеса. Секретарем этой комиссии его кандидатура была согласована с А. Е. Богомоловым и Д. С. Мануильским, которые поддержали ее. Однако их согласие было, скорее всего, частью «восточного» сценария. После того как датский делегат выступил с кандидатурой Л. Матеса, польский делегат предложил на этот пост делегата из Белоруссии. Матес сразу же снял свою кандидатуру, заявив, что шаг польского делегата ему непонятен. Белорус после этого был избран единогласно. Как указывал Кардель, это еще раз подчеркнуло, в какой глупой ситуации оказались «советская и другие восточные делегации», в то время «как за нами осталось моральное превосходство». Кардель попытался объяснить действия Матеса, согласованные с делегацией, как победу югославам, которые не дали «западным» использовать их против «восточных», в то же время показав «восточным», что югославы не идут и заодно с «империалистами». Вторая задача, которая была решена в ходе этого «инцидента», заключалась в том, что и «русским» они дали понять, что югославы — не игрушка в их руках. Политический эффект, по мнению Карделя, был в пользу югославам, в то время «как остальные восточно-европейские делегации оказались в неприятном положении»¹¹¹.

Двойственность как советской, так и югославской политики продолжала проявляться и в дальнейшем. Москва не отказывалась от поддержки внешнеполитических требований своего бывшего союзника в процессе послевоенного мирного урегулирования, но делала это теперь с определенными оговорками, а иногда и просто предоставляя югославам право самим решать свои проблемы с западными партнерами. Характерным в этом смысле стал эпизод с обращением югославской стороны к Москве в связи с предстоящими 7 февраля в Лондоне 4-сторонними переговорами по договору с Австрией. 8 января 1949 г. югославский посол в Москве К. Мразович задал А. Я. Вышинскому во время встречи с ним ряд вопросов по этой проблеме. Он сообщил, что югославское правительство хотело бы узнать мнение советского правительства относительно того, стоит ли Югославии добиваться приглашения на предстоящее совещание, а также следует ли ей настаивать на присоединении к ФНРЮ всей Каринтии или

¹¹¹ Ibid. IID/101.

требовать присоединения только района гидростанций на реке Драве и предоставления в этом случае Каринтии автономии. Вышинский ответил, что эти вопросы относятся целиком к компетенции югославского правительства. 10 января Сталин дал по вопросу о договоре с Австрией указание Молотову, который должен был через Вышинского сообщить югославскому послу, что советская сторона не может дать никаких советов югославскому правительству, которое «может поступать так, как оно считает нужным»¹¹². Спустя неделю Молотов в записке Сталину отмечал, что «югославские территориальные и репарационные претензии к Австрии остаются предметом серьезных разногласий». Югославия настаивала на присоединении к ней территории Словенской Каринтии площадью в 1920 кв. км с населением до 150 тыс. чел., а также на получении от Австрии репараций в размере 150 млн долларов. Западные участники переговоров заявляли о необходимости восстановления Австрии в границах 1938 г. В этой же записке Молотов сообщал, что советской стороне стало известно о состоявшихся еще в июне 1947 г. двусторонних переговорах югославов с англичанами по вопросу о Каринтии, которые, как подчеркивал Молотов, велись без консультации с советским правительством. В ходе этих переговоров, говорилось в записке, югославское правительство выразило готовность ограничить свои претензии присоединением к Югославии небольшого пограничного района площадью 210 кв. км с населением около 9 тыс. чел. Югославы информировали об этом и французов. Вероятно, с учетом этих обстоятельств советской делегации на предстоящих переговорах в Лондоне при обсуждении вопроса югославских претензий давались следующие указания: претензии югославов поддержать в соответствии с занятой ранее Москвой позицией и поступить так же в случае выдвижения иных предложений, учитывающих интересы Югославии, однако самой никаких инициатив не проявлять. При условии выдвижения югославами нового предложения о присоединении к Югославии меньшей территории, чем это указывалось в меморандуме от 27 апреля 1948 г., советская делегация должна их поддержать¹¹³. Позднее Югославия не получила искомого и в редуцированном варианте, что вызвало новые протесты в адрес Москвы.

¹¹² Советско-югославские отношения. С. 391–392.

¹¹³ Советско-югославские отношения. С. 392–394.

Экономическая составляющая двусторонних отношений к концу 1948 г. также подверглась значительной эрозии. Беспокойство югославского руководства по поводу затягивания Москвой начала торговых переговоров, которое оно демонстрировало весной 1948 г., получило разрешение осенью, но со знаком минус. В конце сентября А. И. Микоян направил Э. Карделю телеграмму, в которой была выражена готовность начать в октябре в Москве переговоры на эту тему¹¹⁴. В «Известиях» 31 декабря сообщалось об окончании этих переговоров и подписании протокола о взаимных поставках товаров на 1949 г. Здесь же давалось важное разъяснение, что «ввиду недружественной политики югославского правительства в отношении Советского Союза, которая сделала невозможным сохранение широкого экономического сотрудничества между СССР и Югославией, протокол предусматривает в 1949 году сокращение товарооборота между СССР и Югославией в восемь раз по сравнению с 1948 годом»¹¹⁵. Таким образом, конец года показал, что экономические отношения двух стран подверглись серьезному воздействию конфликта. Еще весной Москва сознательно затягивала эти переговоры, и для югославы это был ясный знак того, что необходима коррекция собственных народно-хозяйственных планов. Кроме того, эта ситуация теперь давала им полное право начать поиск новых внешнеторговых партнеров, что раньше предполагало получение разрешения из Москвы. Не случайно еще до завершения этих унижительных для югославской стороны переговоров советские дипломаты задавали югославам в частных беседах вопросы относительно перспектив их экономических отношений с Западом и текущих контактов в этой сфере. Посол Лаврентьев интересовался у заместителя министра иностранных дел Поповича в ходе беседы с ним 13 октября, договорились ли югославы с англичанами относительно создания совместного торгового общества с капиталом в 100 тыс. фунтов стерлингов. Проявил он также интерес к визиту американского бизнесмена Г. Джонстона, спросив у Поповича, не заключила ли Югославия соглашения с американцами. Югославский дипломат ответил, что поскольку американец представлял крупную кинокомпанию, то с ним был подписан договор о покупке определенного количества

¹¹⁴ Там же. С. 429.

¹¹⁵ Там же. С. 389.

американских фильмов¹¹⁶. Москва уже на следующий год приступила к активному обыгрыванию темы экономического взаимодействия Югославии с «империалистами» в пропагандистских целях, а также для дальнейшего ограничения торговли с ней, что в приказном порядке рекомендовалось делать и сателлитам.

В начале 1949 г., после ряда совещаний, проведенных СССР со странами «народной демократии», был создан Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). Югославию в эту организацию не пригласили. В отправленной 1 февраля в Москву ноте правительства ФНРЮ говорилось, что югославское правительство с удивлением констатирует, что Югославия не была приглашена участвовать в учредительной конференции. В документе подчеркивалось, что югославское правительство рассматривает это как акт дискриминации по отношению к Югославии, который находится в полном противоречии с существующими договорами, как экономическими, так и другими, заключенными между Югославией и СССР, Польшей, Венгрией, Болгарией, Румынией и Чехословакией¹¹⁷. В ответной советской ноте указывалось, что утверждения югославского правительства о дискриминации являются «необоснованными», поскольку «само югославское правительство, заняв враждебную позицию в отношении СССР и стран народной демократии, исключило возможность участия Югославии в Московском совещании». Указывалось и на необоснованность югославских ссылок на нарушение этим решением Москвы существующего двустороннего договора, поскольку, как отмечалось, «враждебная позиция югославского правительства в отношении СССР находится в полном противоречии» с этим договором и теми обязательствами, которые Югославия взяла на себя по нему. Далее, в соответствии с уже принятым в Кремле в отношениях с Югославией развязным тоном, говорилось, что «при таком положении у Югославии нет оснований выражать удивление по поводу неприглашения» и «нет оснований говорить о какой-либо дискриминации»¹¹⁸. В конце апреля 1949 г. состоялась первая сессия СЭВ, на которой обсуждался вопрос отношений с Югославией. Был разработан и принят к исполнению целый пакет санкций, принятие

¹¹⁶ Югослоvensko-совјетски односи. С. 434–435. О вынужденной коррекции народно-хозяйственных планов Югославии после начала конфликта с СССР см.: *Obradović M. "Narodna demokratija" u Jugoslaviji 1945–1952.* Beograd, 1995. S. 178–183.

¹¹⁷ Советско-югославские отношения. С. 394–395.

¹¹⁸ Советско-югославские отношения. С. 396.

которых обосновывалось враждебной политикой, проводимой правительством этой страны в отношении СССР и стран «народной демократии». Всем странам рекомендовалось в кратчайшие сроки пересмотреть имеющиеся у них с Югославией экономические соглашения с целью прекращения предоставления кредитов, ограничения торговли закупками лишь стратегических товаров, серьезного сокращения поставок в Югославию капитального промышленного оборудования, товаров, имеющих военное значение, и вооружения. Странам — участникам СЭВ предлагалось прекратить оказание Югославии какой-либо экономической помощи. На следующем заседании Совета предстояло заслушать сообщения участников о выполнении данного решения¹¹⁹.

Вторая половина 1948 г. характеризовалась, как уже отмечалось, нарастанием негативных тенденций в двусторонних отношениях, в том числе в гуманитарной сфере. Стороны всё чаще обвиняли друг друга в нарушении прав своих граждан на территории их стран. 26 октября советское посольство направило ноту в МИД ФНРЮ с запросом относительно причин многочисленных арестов среди советских граждан, проживающих в Югославии. Назывались имена семи человек, в отношении которых посольство требовало немедленного предоставления информации и возможности встречи с ними. Югославы сообщали ранее, что некоторые из них были арестованы за «ведение контрреволюционной пропаганды», но, как подчеркивалось в ноте, югославская сторона не сообщала каких-либо конкретных фактов¹²⁰. В Югославии к этому времени постепенно разворачивалась кампания борьбы с теми, кто поддержал резолюцию Информбюро. На следующий год она примет широкие размеры, в нее будут вовлечены не только члены КПЮ, но и рядовые граждане, к которым применялись различные меры воздействия вплоть до ареста, как правило на незначительные сроки. Обвинение в контрреволюционной пропаганде касалось распространения забрасываемой в Югославию из сопредельных стран информбюровской литературы, листовок и пр. К этой группе относилось и распространение различных слухов и антиюгославской информации, полученной из радиопередач. Для реализации задач советской политики в ФНРЮ советское посольство в Белграде после появления резолюции пыталось использовать так называемых

¹¹⁹ Там же. С.404.

¹²⁰ Там же. С. 382–383.

советских граждан, на самом деле русских эмигрантов, но по факту граждан Югославии, некоторых уже во втором поколении. Многие из них оказывались в сложном положении, в ряде случаев соглашались сотрудничать с Москвой и в результате подвергались репрессиям. Сложности возникали и у югославов, находящихся в СССР, как об этом сообщал в МИД Югославии уже упоминавшийся С. Фейич, но пока не очень значительные по характеру: не удавалось сразу урегулировать права югославских граждан в советской оккупационной зоне Германии, кому-то вовремя не давали въездную визу в СССР, кто-то, как некто Н. Георгиевский, югославский гражданин, оказавшись без документов, наоборот, не мог выехать из России¹²¹. В отдельных случаях, например при общении дипломатов двух стран, возникали ситуации, когда югославы вновь пытались вести примирительный диалог. 10 декабря 1948 г. приглашенные на ужин в советское посольство в Белграде начальник протокольного отдела МИД С. Смодляка и посол в СССР К. Мразович, защищая позиции югославского руководства, подчеркивали, что спустя полгода после принятия резолюции можно видеть, что Югославия не отделилась от СССР и «общего антиимпериалистического фронта и приблизилась к империализму». Посол Лаврентьев, оказавшись в затруднительном положении, ответил, что он не готов вступать в дискуссию по этому вопросу. Смодляка попытался напомнить послу, что советский народ не имеет более верного союзника и друга, чем югославский, и если опять у кого-либо возникнет искушение это испытать, то югославы это вновь докажут. Вероятно, под влиянием неформальной обстановки (югославский дипломат писал, что всеми было выпито немало спиртного) Лаврентьев в присутствии советника посольства Г. П. Шнюкова признал, что югославы — самые искренние союзники советского народа. Смодляка, услышав эти слова, продолжил тему вопросом — разве не стоит изменить политику в отношении «своего самого верного союзника»? и добавил, что товарищ Тито и ЦК КПЮ «научили любить советских людей и Советский Союз, и ничто на свете не в состоянии разделить ФНРЮ и СССР». Вслед за ним в дальнейшем разговоре, слегка перефразировав, то же самое повторил его коллега Мразович, которому предстояло вскоре выехать в СССР. Лаврентьев, видимо спохватившись, выразил некоторое сомнение в правоте утверждения югославов,

¹²¹ Там же. С. 384–385.

заметив, что сейчас он не видит «много любви к советскому народу», и подчеркнул, «что нельзя жить одним прошлым»¹²².

Конфликт, возникнув в начале 1948 г. с отзыва советских специалистов из Югославии и последующей переписки между советским и югославским руководством, к концу года приобрел необратимый характер. Условие, поставленное Тито, — признать все предъявленные ему обвинения и приехать с покаянием в Москву — было отвергнуто югославами. Тито, зная, как опасно играть с Кремлем на его условиях, приглашал советскую сторону в страну для того, чтобы на месте разрешить возникшие разногласия. Но Сталин решил идти дальше в расчете «сломоть» Тито и ликвидировать вирус инакомыслия в советском блоке.

1949 год. Усиление противостояния, процессы «титоистов», третья резолюция Информбюро и изгнание Югославии из советской империи

Начало года обозначило дальнейшее нарастание противостояния Югославии с СССР и странами «народной демократии», причем теперь в ряде случаев Белград оказывался инициатором. В марте по инициативе югославской стороны после обмена нотами было решено прекратить деятельность ранее созданных совместных акционерных обществ — «ЮСПАД», занимавшегося делами пароходного сообщения по Дунаю, и «ЮСТА» — акционерного общества гражданской авиации. Югославская сторона пришла к выводу о несоответствии их деятельности экономическим интересам страны. Москва, опираясь на имевшуюся в ее распоряжении позитивную экономическую статистику, возлагала всю ответственность за это решение на югославо́в. В советской ноте от 25 марта 1949 г. указывалось, что предложение югославского правительства о ликвидации этих обществ не только не вытекает из хозяйственных задач Югославии и СССР, «но и преследует цель дальнейшего ухудшения советско-югославских отношений»¹²³. Протокол о ликвидации этих обществ был подписан 31 августа 1949 г.

¹²² КМЈ. 1-3-б/659. L. 59–61.

¹²³ Советско-югославские отношения. С. 398–401.

Югославская политэмиграция в СССР и странах «народной демократии», попытки ее консолидации. Белград с начала года усилил контрпропаганду против СССР и стран «народной демократии», что стало ответом на расширяющийся поток дезинформации о югославском руководстве и положении в стране, идущий с Востока. Резкое недовольство югославы вызвало решение Кремля приступить к изданию в СССР эмигрантской газеты «За социалистическую Югославию». Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 апреля 1949 г. главным редактором был утвержден Р. Голубович, бывший посол ФНРЮ в Венгрии, который, выразив согласие с резолюцией Информбюро и оказавшись в Москве, выступил еще раньше с предложением об издании такой газеты. В начале года этот вопрос разрабатывался в Отделе внешней политики ЦК ВКП(б). К этому времени в Москве осталось немало югославских граждан из числа дипломатов, слушателей военных академий, студентов и других лиц, работавших или учившихся в СССР, которые приняли резолюцию Информбюро, зачастую под значительным идеологическим давлением, и готовых, в различной степени, принять участие в советской пропагандистской кампании против Югославии. Часть коммунистов, получивших в Югославии название «информбюровец», эмигрировала из страны и сумела разными путями прибыть в СССР. К их числу относились Р. Голубович, генерал-майор авиации П. Попивода, П. Лукин, А. Алихаджич и М. Ешич. Именно их имена указывались в записке на имя Сталина от 26 марта в качестве авторов идеи создания газеты. Показательно, что она начиналась словами: «По Вашему поручению подготовлен вопрос об издании в Советском Союзе газеты югославских коммунистов, поддерживающих резолюцию Информбюро о положении в КПЮ и открыто выступивших против националистической клики Тито»¹²⁴. Первоначально планировалось издавать газету два раза в месяц на 4 полосах, а затем еженедельно на сербском языке под названием «Под знаменем интернационализма». Затем название в варианте проекта постановления ЦК ВКП(б) по этому вопросу изменили на «Народная Югославия», а в решении Политбюро ЦК в окончательном варианте она получила название «За социалистическую Югославию»¹²⁵. В постановлении ЦК говорилось о планах созвать собрание из 50–60 «наиболее активных югославских коммунистов в Москве»,

¹²⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 1.

¹²⁵ Там же. Л. 2; Советско-югославские отношения. С. 402.

чтобы принять решение о составе редколлегии. Без советских участников редколлегия не смогла бы оперативно решать в первую очередь организационные вопросы, и, очевидно, в последний момент карандашом были вписаны фамилии сотрудников ОВП ЦК ВКП(б) В.И. Лесакова и В.М. Сахарова, которые направлялись для работы в качестве членов редакции, что помимо прочего должно было укрепить контроль над проведением правильного курса газеты. Сотруднику Секретариата Информбюро Л.С. Баранову поручалось оказывать содействие в снабжении редакции газеты информационными материалами о положении в Югославии. В окончательном варианте постановления к этому заданию был подключен и ТАСС. Баранову также поручалось оказать помощь югославским коммунистам в издании газет в Румынии, Болгарии и Чехословакии. С этой целью П. Попиводе и М. Савичу разрешались командировки в Румынию, Болгарию, Венгрию и Албанию «по делам подготовки издания югославских газет в этих странах». Финансирование издания в объеме 300 тыс. руб. должно было осуществляться через Славянский комитет СССР. Газету планировалось распространять через сопредельные с Югославией страны, опираясь на помощь югославских коммунистов¹²⁶. В ноте МИД ФНРЮ, направленной посольству СССР в Югославии 23 мая, об этой инициативе югославских политэмигрантов говорилось в самом негативном тоне, подчеркивалось, что советская сторона оказала поддержку нескольким «предателям Югославии». При этом югославская сторона ссылалась на заявление руководителя советской делегации А.А. Громыко на третьем заседании ГА ООН. В ноте подчеркивалось, что, оказывая помощь группам, целью которых является «борьба против ФНРЮ и разрушение в этой стране социалистического порядка, правительство СССР доказывает на деле, что оно является тем правительством, которое не проводит дружественной политики по отношению к ФНРЮ». Югославский МИД требовал, чтобы правительство СССР запретило политэмигрантам враждебную деятельность и дальнейшее печатание газеты, «так как поддержка такой антиюгославской деятельности находится в полном противоречии с духом и буквой существующего Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между ФНРЮ и СССР»¹²⁷. МИД СССР ответил на ноту югославского МИД 31 мая, указав, что

¹²⁶ Советско-югославские отношения. С. 402.

¹²⁷ Югословенско-советски односи. С. 467–468.

«советское правительство решило оказать гостеприимство югославским патриотам-эмигрантам, преследуемым югославским антидемократическим режимом за их демократические и социалистические убеждения, и предоставило им убежище». Вместе с тем в ноте содержался характерный для стиля общения с югославами казуистический ответ на их обвинения в том, что Москва «будто бы оказывает “полную поддержку” югославским революционным эмигрантам». Отрицание такой поддержки со стороны государственных органов СССР сопровождалось утверждением, что такую поддержку в полной мере может оказывать советская общественность и советские граждане, которые рассматривают «революционных политэмигрантов как своих друзей, как своих братьев». Требование югославов запретить печатание газеты политэмигрантов в СССР авторы ответной советской ноты, сохраняя издевательский тон, попытались описать как требование установить в СССР «такой же антикоммунистический и антидемократический режим, какой установлен в настоящее время в Югославии». Соответственно, как отмечалось в ноте, «югославское правительство, выдвигая это нелепое “требование”, ставит себя в смешное положение». Далее в ноте содержалась ссылка на пассаж из югославской ноты, где политэмигранты характеризовались как «предатели своей родины», в то время как, по мнению советского правительства, они в действительности являлись «подлинными социалистами и демократами, верными сынами Югославии, строителями дружбы между Югославией и Советским Союзом». Авторы МИДовского документа рекомендовали искать предателей Югославии среди «тех господ, которые стараются подорвать дружбу» между двумя странами, готовя Югославии «судьбу стран, попавших в кабалу империализма»¹²⁸.

В начале июля в ЦК ВКП(б) было принято решение об организации специального радиовещания на Югославию с территории Румынии. В Бухарест для формирования редакции был направлен заместитель редактора газеты «За социалистическую Югославию» Попивода, а Юдину и Баранову поручалось оказать «помощь и содействие югославским политэмигрантам в проведении специального радиовещания на Югославию»¹²⁹.

¹²⁸ Советско-югославские отношения. С. 408–410.

¹²⁹ Там же. С. 413.

Работа по консолидации всей «информбюровской» эмиграции в странах Восточной Европы продолжалась в течение года, и в марте следующего, 1950 г., руководитель Внешнеполитической комиссии (ВПК) ЦК ВКП(б) В. Г. Григорьян направил Молотову докладную записку с информацией Попиводы и Голубовича о состоянии групп югославских политэмигрантов в Венгрии, Румынии и Чехословакии. Это было уже второе посещение югославами этих стран с инспекционными целями. В Венгрии находилось 77 эмигрантов, из которых 48 человек были членами компартии, 4 — кандидатами в партию и 9 — комсомольцами (членами СКОЮ). Все они, как указывалось в справке, были «загружены работой», учились на курсах, работали на предприятиях, кто-то был занят на радиостанции. Попивода, характеризуя ситуацию в группе, с генеральской «проницательностью» отмечал, что она сохраняет единство, «несмотря на то что в ней всё еще находятся провокаторы, небольшое число карьеристов, анархистов антипартийных элементов, которые разлагающе действуют на группу». Так, по его мнению, руководитель группы некто В. Милутин, который «узурпаторски относится к товарищам, начал морально разлагаться», теряя авторитет среди эмиграции и венгерских товарищей, которые не знают, на кого опереться. Венгерское руководство, как было видно из записки, курировало ситуацию с эмиграцией и, по словам Попиводы, «Ракоши просил прислать серьезного и надежного товарища»¹³⁰. Описание ситуации с политэмигрантами в Румынии отличалось той же армейской прямоотой и стремлением везде увидеть «вражеские козны». В группе из 140 человек, как отмечалось, сохранялись «разногласия, сомнения и интриги». Попивода был уверен в том, что в этой группе «уже продолжительное время действуют провокаторы». Однако, несмотря на это «группа едина, газета выходит регулярно», правда, в редакции «все друг друга подозревают». Отмечалась хорошая работа радиостанции, хотя кадров не хватало. Рассказывая о положении дел в Чехословакии, генерал отмечал, что там группа расколота пополам, в чем он видел вину прежнего руководства — Ивановича и Райковича, которые «показали себя несерьезными людьми, авантюристами и карьеристами». В группе «господствовала атмосфера неверия в себя, недоверия к своим товарищам и чехам». Попивода писал, что положение плохое, хуже, чем год назад, но обещал чаще туда ездить

¹³⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 25.

и исправить ситуацию¹³¹. Не исключено, что помимо реальной картины, существовавшей на местах, «катастрофическое» описание состояния политэмиграции в этих странах служило реализации личного плана Попиводы и Голубовича, который предусматривал получение ими регулярных командировок в Восточную Европу. Попивода при поддержке Кремля становился к этому времени ключевой фигурой в югославской политэмиграции в Восточной Европе.

В обобщающей информационной записке, составленной В. Г. Григорьяном на основе материалов, представленных в том числе Попиводой и Голубовичем, давалась развернутая картина состояния политэмиграции в странах «народной демократии». На 1 февраля 1950 г. общее число югославских политэмигрантов в этих странах составляло 720 чел., и контроль над их деятельностью осуществлялся специально выделенными для этой цели сотрудниками ЦК компартий соответствующих стран. Во всех странах издавались газеты, которые создавали вокруг своих редакций объединения эмигрантов. Такая ситуация создалась в Болгарии, где финансирование газеты «Вперед» осуществлял ЦК болгарской компартии. Для работы в редакции был выделен специальный сотрудник ЦК. В Румынии ЦК компартии также был привлечен к работе с эмигрантами, помогал в издании газеты «Под знаменем социализма», ввел трех своих инструкторов в состав редакции. Вместе с тем в записке отмечалось, что в среде политэмигрантов существует разброд, нет единства, участие основной массы в борьбе с «кликкой Тито–Ранковича» недостаточно активное. Речь шла и о недисциплинированности и даже моральном разложении. Всё это, как считали кремлевские работники, облегчало «возможности для подрывной работы агентов клики Тито среди югославской эмиграции»¹³². Автор записки предлагал рассмотреть возможность объединения усилий этих групп в борьбе против известной клики и создать «Бюро югославских коммунистов-политэмигрантов в составе 3-4 проверенных югославских коммунистов». Эта фраза была подчеркнута кем-то из руководства, возможно Молотовым, и на полях поставлен вопрос «Где?». Как предполагал Григорьян, в задачу Бюро должно было входить оказание практической помощи группам политэмигрантов, осуществление постоянного контакта между редакциями

¹³¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 26–29.

¹³² Там же. Л. 32.

газет, обмен опытом, а также «организация работы по заброске газет и нелегальной литературы на территорию Югославии». 14 июня 1950 г. Григорьян изложил от имени ВПК идею создания такого Бюро в записке, адресованной Сталину. В ней предлагалось создать в Москве «узкий руководящий центр югославской политэмиграции в составе 5 проверенных югославских коммунистов» для активизации групп эмигрантов в борьбе против клики Тито–Ранковича. В состав центра предлагалось включить из «московских» эмигрантов П. Попиводу, Р. Голубовича и И. Петрановича, а из «румунских» и «болгарских» — А. Опоевлича и П. Мишича, что, возможно, говорило о недостаточной «благонадежности» югославов из других стран «народной демократии». Сообщалось, что все эти товарищи прошли проверку «по линии МГБ и Комитета информации». Помощником в аппарат центра предлагалась кандидатура В. В. Кирсанова, ранее работавшего в Югославии в качестве представителя Совинформбюро¹³³.

Вероятно, идею создания такого центра Сталин рекомендовал обсудить дополнительно и, возможно, сохранить на какое-то время ранее предлагавшийся формат — бюро. Спустя две недели Григорьян направил на имя Сталина записку с предложением созвать в Бухаресте совещание представителей всех групп «югославских революционных эмигрантов». Отмечалось, что это отвечало и решению Секретариата Информбюро от 22 апреля 1950 г. ВПК предлагала на этот раз создать бюро связи с группами югославской политэмиграции при газете «За социалистическую Югославию», что стало бы «подготовкой к созданию в дальнейшем узкого центра по координации деятельности югославских коммунистов». Кандидатуры в бюро связи предлагались те же, что и в прежней записке¹³⁴. Совещание прошло вблизи Бухареста 27–28 июля, и информацию о нем М. А. Суслов и В. Г. Григорьян направили Сталину 7 августа под грифом «сов[ершенно] секретно». При этом они сослались только на Секретариат Информбюро, который в апреле, рассмотрев вопрос о выполнении третьей резолюции этого органа, принял решение провести это совещание. Подготовительная работа ВПК с анкетами и проверками кандидатов осталась за скобками. В информационной записке сообщалось, что прибывшие на совещание 19 делегатов представляли 2030 югославских политэмигрантов

¹³³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 40–41.

¹³⁴ Там же. Л. 49–50.

и в том числе 900 коммунистов. На совещании были заслушаны информационные сообщения представителей групп эмиграции и приняты рекомендации об их сотрудничестве. Как отмечалось в записке, в ходе развернутых прений по докладам стало очевидно, что «правильно организовали свою работу группы в СССР и Румынии, которые в политическом отношении являются наиболее крепкими и организованными из всех групп». Самой слабой, по оценке Григорьяна, оказалась группа в Чехословакии, что, как выяснилось на совещании, объяснялось «неудовлетворительным руководством деятельностью этой группы... со стороны ЦК компартии Чехословакии». Серьезные недостатки отмечались в работе групп, находящихся в Польше, Болгарии и Венгрии. На низком уровне там находилась партийная и идейно-воспитательная работа, и, как говорилось в записке, «у ряда политэмигрантов в их работе нередко проявляются кустарничество и непонимание актуальных задач борьбы против клики Тито–Ранковича». В записке указывалось на негативные факты в курировании группы, проживающей в Болгарии. В одном случае говорилось о некоем инструкторе-македонце из болгарской компартии, ненавидевшем и презиравшем эмигрантов — сербов, черногорцев и др. В другом случае речь шла о болгарине из МВД, который оказался агентом Тито, передавшим все собранные анкетные данные в Белград, что вызвало аресты сотен человек в Югославии¹³⁵. Планируемого создания центра политэмиграции на совещании не произошло, хотя вопрос об этом поднимался. Возможно, совещание стало промежуточным звеном в процессе поиска достойных кандидатов в руководство центра. Среднесрочная же цель Кремля, предусматривавшая формирование альтернативной югославской компартии в эмиграции в ближайшей перспективе, тем не менее сохранялась, несмотря на неудовлетворительное состояние и «качество» эмигрантского «материала». Действительно, плохо управляемая масса эмиграции, большую часть которой составляли стихийные сторонники резолюции, идеалисты, воспринимавшие СССР и Сталина иконографически (даже Джилас в годы войны оказался в плену этой иллюзии), вряд ли была пригодна для создания монолитной партии, руководство которой могло бы составить конкуренцию власти в Белграде, а затем, возможно, как планировали в Москве, и сменить ее. Но уже в ближайшие месяцы концепцию

¹³⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 52–56.

формирования партии «нового типа» продолжили формулировать лидеры «московской» группы Попивода и Голубович.

Между тем вопрос о создании центра в конце года был вновь поднят «московскими» эмигрантами. Письмо от них было получено Внешнеполитической комиссией и стало основой новой записки Григорьяна, направленной Сталину 14 декабря. Был составлен проект постановления ЦК с предложением провести в первой половине января 1951 г. конференцию в Румынии с привлечением представителей всех групп эмиграции¹³⁶. Соответствующее постановление ЦК ВКП(б) было принято 19 декабря, и конференция состоялась в январе 1951 г. в Бухаресте. 12 февраля Григорьян в записке Молотову сообщал, что на конференции был сформирован центр югославской революционной эмиграции, который возглавил Попивода. Голубович стал его заместителем и главным редактором печатного органа центра. В состав последнего вошли И. Петранович, Д. Новаков, А. Рупник, Р. Андрич и Ж. Любелев. Участники конференции высказались за превращение газеты «За социалистическую Югославию» в орган координационного центра. В записке сообщалось, что для нужд центра в Москве выделено рабочее помещение и всё его материально-техническое и хозяйственное обслуживание возложено на НИИ № 100 ВПК ЦК ВКП(б)¹³⁷. План работы центра на ближайшие два месяца предполагал организацию пропагандистского радиовещания на словенском языке (на сербско-хорватском оно осуществлялось с 29 июля 1949 г., а на македонском — с 1 января 1951 г.), создание закрытой политической школы для подготовки «организационно-партийных кадров из числа наиболее проверенных и подготовленных югославских коммунистов — политэмигрантов». Планировалось издание газеты на словенском языке на территории Венгрии. В Кремле ставилась задача вытеснить из международных демократических организаций легитимных югославских представителей и заменить их ставленниками из эмигрантских организаций. Один из пунктов плана центра предусматривал «изгнание титовских агентов» из ВФП, ВФДМ и других организаций и введение туда в качестве представителей Югославии югославских эмигрантов¹³⁸.

¹³⁶ Там же. Л. 78–86.

¹³⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 92.

¹³⁸ Там же. Л. 93–94.

Вопрос о создании компартии в эмиграции был поставлен руководителями «московской» группы в начале апреля 1951 г. В. Г. Григорьян в записке на имя Сталина, опираясь на письмо Попиводы и Голубовича, адресованное ЦК ВКП(б), попытался сформулировать основные принципы создания такой партии. Как можно было понять, главной задачей в условиях дефицита кадров становилась подготовка для «будущей революционной, подлинно марксистско-ленинской компартии Югославии необходимого количества руководящих партийных работников, воспитанных в духе любви и преданности к Советскому Союзу и странам демократического, антиимпериалистического блока». Такая постановка вопроса объяснялась тем, что «лучшие югославские коммунисты-интернационалисты (т. е. сторонники резолюции Информбюро) находились в тюрьмах Ранковича, а часть коммунистов, которая не попала в руки врага и борется против «фашистского террора и беззакония», являлась, по мнению московских эмигрантов, «недостаточно подготовленной в идеологическо-политическом отношении, о чем свидетельствует степень и формы освободительной борьбы против клики Тито»¹³⁹. В связи с этим координационный совет (московский центр) предлагал создать особую партшколу для югославской эмиграции с двухлетней программой обучения, в задачу которой входила бы подготовка среднего звена партработников, «секретарей районных и областных комитетов, такого же уровня пропагандистов, партийных инструкторов, партторгов заводов и предприятий, печатных органов и радиостанций, а также других партработников». Число учащихся в такой «спецшколе» должно было составить, как планировали югославы, 60 чел.¹⁴⁰

Записки о деятельности координационного центра теперь поступали от Григорьяна Молотову примерно раз в квартал и всё больше напоминали канцелярские отчеты о проделанной, зачастую бумажной, работе. В очередном документе от 17 мая 1951 г. Григорьян сообщал, что работа центра «осуществляется по единому тематическому плану» и что от его руководства поступило предложение созвать во второй половине июня в Венгрии совещание представителей редакций всех газет и радиостанций «для обсуждения назревших задач по дальнейшему разоблачению клики Тито–Ранковича». Предполагалось в связи

¹³⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 97–98.

¹⁴⁰ Там же. Л. 99.

с 3-летней годовщиной резолюции Информбюро подготовить ряд материалов для публикации в газетах. Как и было запланировано, в Венгрии начали издавать газету «За народную победу» на словенском языке. Она должна была выходить 2 раза в месяц тиражом 3 тыс. экз. Отмечалось, что эта задача была успешно решена при поддержке ЦК Венгерской компартии и «непосредственной помощи т. Ракоши»¹⁴¹.

Записка от 22 августа была полностью посвящена проблеме издания и заброски газет и пропагандистской литературы в Югославию. К этому времени в СССР издавалась ежедневная газета «За социалистическую Югославию», а в странах «народной демократии» — три газеты, выходившие раз в десять дней, и две двухнедельной периодичности. Месячный тираж этих газет составлял 115–120 тыс. экз., в том числе 80 тыс. газет малого формата. Основная база, куда направлялись все тиражи газет, а затем оттуда уходили во все приграничные страны включая Австрию и Свободную территорию Триест, для дальнейшего перемещения в Югославию, находилась в Бухаресте, где ее работу курировал Международный отдел ЦК Румынской рабочей партии. Там же при содействии располагавшегося в румынской столице Секретариата Информбюро ежемесячно издавалось 10–15 тыс. брошюр, 20–25 тыс. листовок малого формата на сербском языке с перепечаткой материалов из газет. Распространением газет и литературы занимались специальные службы при руководящих органах компартий приграничных с Югославией стран «народной демократии». Григорьян сообщал, что заброска материалов в страну представляла сложную проблему, поскольку усилились «репрессивные меры органов титовской охраны», что должно было означать ужесточение наказаний для югославских граждан, оказывающих помощь в распространении пропагандистской литературы. Такая ситуация вызвала «затоваривание» продукции в промежуточных пунктах доставки. Из изданных в первом полугодии 800–900 тыс. экз. в Югославию удалось перебросить меньше половины — около 380 тыс. экз., причем значительная часть, что и признавалось в справке, так и осталась в тайниках на территории Югославии, не дойдя до конечного «потребителя». Перепроизводство пропагандистского «материала» привело к тому, что со стороны стран-поставщиков участились просьбы уменьшить «завоз» газет и брошюр. Венгры со 160 тыс. экз. хотели довести поставки до 7 тыс.

¹⁴¹ Там же. Л. 101–103.

С той же просьбой обратились албанцы и австрийцы. Авторы документа предлагали «активнее использовать каналы компартий Италии и Австрии для заброски литературы в Хорватию, Словению и Далмацию». Интересно, как предлагали кремлевские пропагандисты реализовать избыточные запасы газет и прочей продукции. Так называемые «свободные резервы тиражей» собирались отправить в адреса «прогрессивных югославских и других славянских организаций в странах Западного полушария (США, Канада, Аргентина и другие страны), выступающих против клики Тито–Ранковича»¹⁴².

В записке Григорьяна от 17 декабря 1951 г. содержались некоторые новые подробности деятельности координационного центра за прошедший год. Кроме рутинной работы по укреплению единства рядов эмиграции и активизации борьбы с «кликой Тито-Ранковича» сообщалось о том, что удалось ввести представителей эмиграции в ряд «международных демократических организаций» — Всемирный Совет Мира. Всемирную федерацию профсоюзов, Международную демократическую федерацию женщин, Международную федерацию участников сопротивления и борцов против фашизма для разоблачения «кликки Тито–Ранковича» перед лицом международной демократической общественности и народов мира. Таким образом, план, который разрабатывался в начале 1951 г. координационным центром политэмиграции, о чем говорилось выше, удалось в этой части осуществить. Новым фактом было и то, что более 50 югославов-эмигрантов работали помимо своих радиостанций еще и на государственных станциях, где они, как отмечалось, «активно участвовали в антититовской пропаганде на языках народов Югославии». Сообщалось и о привлечении «наиболее проверенных и активных кадров эмигрантов в Болгарии, Венгрии и Албании» для нелегальной работы в «пределах Югославии по распространению газет, брошюр, листовок, а также по сбору информации о положении в стране». Спецслужба при ЦК болгарской компартии в июне–октябре забросила в Югославию 58 групп, в том числе 6 групп югославских эмигрантов для работы в пограничных районах на глубину до 20 км. Как отмечалось в записке, ни одна из групп не провалилась, но произошло несколько вооруженных столкновений, в результате которых группы вынуждены были отойти на болгарскую территорию. Доставлено было 130 тыс.

¹⁴² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 106–109.

экз. эмигрантских газет. Некоторым из этих групп удавалось успешно устанавливать связи и создавать явки «для работы среди патриотически настроенных рабочих в отдельных пограничных районах»¹⁴³.

Реализация идеи создания специальной партшколы для эмигрантов в Москве была, видимо, на какое-то время оставлена, и в записке говорилось об организации партийно-политической учебы для эмигрантов на местной базе. В СССР кроме 30 студентов-эмигрантов, обучающихся в высших учебных заведениях Москвы и Ленинграда, 5 чел. училось в заочной Высшей партшколе при ЦК ВКП(б), три человека — в Высшей школе профдвижения, 4 — в Московском вечернем университете марксизма-ленинизма. На 1952 г. планировалось обеспечить подготовку «партийно-политических работников для нужд югославской политической эмиграции». Речь шла о том, чтобы направить на учебу в партшколы новую группу «проверенных и активных политэмигрантов». Вероятно, партшколы, упоминаемые в документе, были обычными партийными учебными заведениями, входящими в структуру партийного образования ВКП(б) или компартий других стран советского блока.

В качестве серьезной задачи координационный центр планировал проведение учетно-кадровой работы во всех группах эмигрантов, поскольку их состав постоянно пополнялся новыми членами с не всегда ясным прошлым. Проведенная, например, в Румынии специальной комиссией проверка выявила в рядах политэмигрантов значительное число «скрытых агентов охраны Ранковича». В группе из 164 чел. таковых оказалось 65. Подобную проверку и чистку кадров координационный центр планировал провести в 1952 г. и в других странах «народной демократии». Судьба выявленных «агентов», как в Румынии, так и других странах, осталась неизвестной¹⁴⁴.

Активность центра и его руководителей не ограничивалась правильным партийным «воспитанием» эмигрантов и распространением пропагандистской литературы в Югославии. В мае 1952 г. министр иностранных дел А. Я. Вышинский направил Сталину письмо с информацией от советского посла в Албании К. Д. Левычкина, которому Э. Ходжа сообщил о просьбе координационного центра и его руководителя Попиводы включить в состав албанской народной армии и органы МВД группу югославских политэмигрантов. Цель — обеспечить

¹⁴³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 112–115.

¹⁴⁴ Там же. Л. 115–117.

их военную и специальную оперативную подготовку в качестве руководящих кадров для организации борьбы с режимом Тито. Руководитель албанского государства ответил на эту просьбу отрицательно и предложил рассмотреть возможность создания в стране специальных курсов для военной подготовки «наиболее проверенных югославских эмигрантов». Обращение Ходжи за советом в Москву завершилось принятием постановления ЦК ВКП(б), которое повторяло предложение Ходжи слово в слово: «В Москве согласны с мнением Энвера Ходжи о нецелесообразности включения югославских эмигрантов в ряды албанской армии и органы МВД и о возможности организации в Албании специальных курсов для военной подготовки наиболее подготовленных югославских эмигрантов»¹⁴⁵.

Просьба руководства центра, адресованная Ходже, выглядит как некий самостоятельный шаг, не согласованный с ВПК ЦК ВКП(б), если не иметь в виду, что это ведомство Суслова полностью контролировало деятельность центра. В таком случае инициатива Попивода должна была обсуждаться по крайней мере с основным куратором центра В. Г. Григорьяном и получить его одобрение. Не исключено, что Попивода, напомнив, что Белград отозвал своих военных специалистов из Албании еще в 1948 г., предложил именно таким образом произвести «восстановление» института югославских военных советников в албанской армии, но Ходжа сумел разгадать его замысел. Известно, что сербы к тому же почти всегда относились к албанцам как к объекту своей политики. С подобной просьбой Попивода не осмелился больше обратиться ни к одному из руководителей стран «народной демократии».

Во второй половине января 1952 г. в Бухаресте состоялось очередное совещание представителей югославской политэмиграции, которое призвало на этот раз уже всех югославских патриотов «объединяться в единый освободительный фронт народов Югославии». Политической платформой фронта, основанной на выводах последней резолюции Информбюро, должен был стать лозунг борьбы за мир, свободу и независимость Югославии от империалистов, за «ликвидацию фашистского режима Тито и установление народно-демократического строя в Югославии». Говорилось о последующем ее возвращении в демократический лагерь и «на путь дружбы

¹⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 118–119.

и сотрудничества с Советским Союзом и странами народной демократии». Руководство политэмиграции, ожидая открытой поддержки Кремля, вновь подняло вопрос о создании «верной марксизму-ленинизму и принципам пролетарского интернационализма подлинной коммунистической партии», что было объявлено главным условием осуществления программы «единого фронта». Совецание в своей резолюции призвало всех югославских «патриотов» объединиться для решения этой основной задачи¹⁴⁶. На фоне бравурных заявлений и резолюций актуализировался вопрос о ситуации в руководстве эмигрантским движением, где уже не первый год происходили трения, возникали разногласия при принятии основных решений.

Создать центр югославской эмиграции не означало добиться единства его руководства. Думать же о формировании компартии на основе московской группы в таких условиях было бы крайне опрометчиво. И это в Кремле хорошо понимали. Григорьян 7 июня 1952 г. был вынужден признать, что ВПК беспомощна в попытках уладить конфликт между главным редактором Попиводой и его заместителем Голубовичем, возникший годом раньше. Он констатировал, что обстановка в Центре и редакции продолжает оставаться нездоровой. ВПК планировала в «оперативном порядке» ввести в состав центра представителей эмиграции из Румынии, Венгрии и Болгарии и одного из советской группы. Собирались сменить и часть редколлегии. Заместителем хотели назначить инженера Рогановича, а в редколлегию ввести Бутуровича, который в этом году окончил Ленинградский политехнический институт. Планировалось укреплять и кадровый резерв, направив на учебу в Высшую партшколу при ЦК ВКП(б) трех эмигрантов, также окончивших советские высшие учебные заведения¹⁴⁷.

Активность политэмиграции еще продолжалась весной 1953 г., уже после смерти Сталина и, видимо, при поддержке кремлевских структур, где еще не было принято решение о дальнейшей политике в отношении Югославии. Так, в конце апреля под председательством П. Попиводы состоялась конференция «Союза патриотов по освобождению народов Югославии от фашистского гнета клики Тито–Ранковича и империалистической неволи», на которой ставилась задача освобождения югославского народа от «титовского фашистского

¹⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 122–125.

¹⁴⁷ Там же. Л. 120.

режима» и возвращения страны «в лагерь демократии и социализма»¹⁴⁸. Однако со второй половины 1953 г., с началом постепенной нормализации советско-югославских отношений интенсивность антиюгославской пропаганды заметно снизилась, а в сентябре–октябре 1954 г. в странах «народной демократии» прекратилось вещание эмигрантских радиостанций и выпуск газет, из продажи была изъята направленная против Югославии литература¹⁴⁹. В мае 1955 г., накануне визита Н. Хрущева в Белград, ЦК КПСС обратился к членам Коминформбюро с предложением об отмене второй резолюции этой организации, принятой в ноябре 1949 г.¹⁵⁰

Кремлевский анализ ситуации в Югославии и деятельности «агентов клики Тито» в компартиях европейских стран. Отделы ЦК, ответственные за внешнеполитические связи ВКП(б), в начале 1949 г. констатировали значительное усиление пропагандистской активности Югославии, направленной против СССР и его союзников, что было понятно: югославы давали ответ на мощную антиюгославскую кампанию, проводимую Москвой. Л. С. Баранов, как это было принято в тот период в кремлевских информационных материалах по Югославии, отмечал в своей записке В. М. Молотову, что «разнузданная антисоветская пропаганда клики Тито преследует своей целью отвлечь внимание трудящихся Югославии от растущего сближения югославских руководителей с англо-американскими реакционными кругами». Если основной «заботой» московских пропагандистов было любыми путями навесить, как того требовали наверху, на «клику Тито» ярлык продавшихся Западу предателей дела социализма, то югославский агитпроп формулировал свои обвинения против Кремля не так грубо и глупо, а указывал на то, что борьба СССР против Югославии приобретает характер борьбы не только против построения социализма в ней, но и превращается в борьбу против дальнейшего развития социализма в мире и социалистического единства. Баранов

¹⁴⁸ *Кимура К.* Четыре совещания югославской политэмиграции в СССР и странах «народной демократии» и их роль в антитовской кампании 1948–1954 гг. // Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке / Институт славяноведения РАН. М., 2016. С. 340–341.

¹⁴⁹ *Митровић М., Селишић С.* Југословенска информбировска емиграција у источноевропским земљама, 1948–1964. // Токови историје. 2009. N 1–2. С. 45.

¹⁵⁰ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записки заседаний. Стенограммы. Постановления: В 3 т. Т. 2: Постановления. 1954–1958. М., 2006. С. 89–90.

подробно описывал обстановку в Белграде: югославское руководство избегает встреч с дипломатами из стран «народной демократии» и проводит в отношении них «откровенно враждебную политику», в то время как представители Запада встречают широкую и радушную поддержку и помощь со стороны официальных лиц. Он отмечал возобновление работы столичной американской библиотеки, «проникновение в Югославию американских кинофильмов». Характерно замечание кремлевского чиновника, который с негодованием указывал на «явно шпионскую деятельность англо-американских дипломатов» и отсутствие адекватной реакции югославы на этот факт: «...никто из них до сих пор не был выслан из страны». Не забыл он упомянуть с раздражением и «английского шпиона» В. Велебита, председателя Комитета по делам туризма и гостиниц, в функции которого входило обслуживание многочисленных западных гостей и делегаций.

Как правило, все кремлевские и МИДовские записки и прочие информационные материалы о состоянии экономики, настроениях населения в Югославии как будто писались под копирку. Всё в стране было плохо: снабжение отвратительное, в больших городах не хватает продуктов питания, зарплаты низкие, на селе кулак укрепляет свои позиции, рабочие на грани выживания и скоро начнут бастовать. Аппарат Ранковича усиливает репрессии в партии и среди населения. Выводы также всегда одни и те же: «Население всё больше понимает и осознает преступную политику клики Тито. Растет вера в Советский Союз». Местные информаторы сообщали в советское посольство о бурных аплодисментах, которыми публика встречала появление Сталина на экране во время киносеансов, в то время как на кинокадры с Тито аудитория реагировала прохладно. Крестьяне во многих местах называют Тито «белградским пашой» или говорят о «четырех панах», имея в виду его самого и ближайших помощников — Джиласа, Карделя, Ранковича¹⁵¹. Вследствие такой неточной, а чаще просто неверной и искаженной информации в Кремле могли возрасти лишние основания надежды на скорые перемены ситуации в Югославии и приниматься не всегда адекватные решения.

О проникновении «агентуры Тито» в компартии и демократические организации разных стран мира с целью их «разложения изнутри» подробно рассказывалось в записке Григорьяна Молотову

¹⁵¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1377. Л. 54–55.

в конце декабря 1950 г. Такое положение становилось возможным, как отмечалось в записке, в тех партиях, где не ведется «упорная и ежедневная борьба с врагами в своих рядах» и где проявляется «организационная и идеологическая слабость». Вот в такой обстановке «титовцам удастся насаждать свою агентуру, вербовать себе сторонников в этих партиях и проводить подрывную работу»¹⁵². Григорьян отмечал, что наиболее активно эта «агентура» действует в компартиях и демократических организациях скандинавских стран, в том числе в обществах дружбы с Советским Союзом. Одним из объектов «происков титовцев» являются «группы славянских национальных меньшинств, проживающих как в странах народной демократии, так и в капиталистических странах». Он сравнивал работу этой «агентуры» с действиями многочисленных групп троцкистов в капиталистических странах, которые «в лице “титовцев” получили новых сообщников для борьбы против коммунистического движения и Советского Союза». Югославские «агенты», как отмечалось в записке, пытались объединить разрозненные троцкистские группы в Австрии, Италии, Испании, Норвегии и Германии и поставить их под свое руководство. Указывалось на особо активную поддержку «титовцев» со стороны британских лейбористов, регулярное посещение ими Югославии и подготовку вопроса о приеме «клики Тито и его партии в КОМИСКО» (орган, объединявший после войны социалистические и социал-демократические партии стран Западной Европы, в 1951 г. переименован в Социалистический интернационал). Не обошлось в записке и без дежурных, основанных на предположениях и надуманных констатациях фраз о том, что вся «подрывная, шпионско-диверсионная работа клики Тито развивается по указаниям и при прямой поддержке правящих кругов капиталистических государств». То же самое говорилось и о югославской дипломатической службе за рубежом¹⁵³.

В апреле 1952 г. Григорьян подготовил записку, в которой попытался проанализировать экономические и военно-политические связи «клики Тито» с США и Англией. Начиная с привычных клише вроде «фашистская клика Тито, перейдя в лагерь империалистов, стала форсировать укрепление экономических и военно-политических связей» с США, Англией и другими капиталистическими странами, он отмечал с укором,

¹⁵² Там же. Л. 149.

¹⁵³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1377. Л. 150.

что в 1949 г. Югославия уже имела торговые связи с 25 странами. Дальнейшее развитие отношений с Западом, в том числе и в военной области, Григорьян описывал как очень опасное, чреватое для страны потерей независимости. США в обмен на поставки вооружений потребовали от Белграда координации военных планов в регионе и установления тесного сотрудничества по типу того, которое существовало в НАТО. Известно, что югославское руководство действительно подвергалось в этот период серьезному давлению со стороны США, но в итоге сумело использовать это обстоятельство в интересах внешней политики Югославии, в частности для решения проблемы Триеста¹⁵⁴.

Вывод, которым Григорьян завершал свою записку, был ожидаемым для этого периода, когда по разным, до сих пор не подтвержденным сведениям Москва готовила с помощью своих сателлитов вторжение в Югославию. Кремлевский «эксперт» несколько раз подчеркивал, что экономика, внутренняя и внешняя политика и югославская армия находятся «под непосредственным контролем американцев и подчинены подготовке к новой войне».

С лета 1949 г. отношения между двумя странами вступают в стадию еще более жестких взаимных обвинений. Москва обвиняла югославскую сторону в нарушении прав и репрессиях против советских граждан, оказавшихся в Югославии в эмиграции после революции. Объявив после 1946 г. белоэмигрантов своими гражданами, советская сторона начала через дипломатические представительства СССР в ФНРЮ активно привлекать их к распространению коминформовских пропагандистских материалов, что, естественно, вызвало противодействие югославских властей¹⁵⁵. Белград в своих нотах объяснял, что эти лица являются гражданами ФНРЮ, так как они не ставили вопроса об отказе от гражданства, поэтому «упорное ходатайство

¹⁵⁴ Подробнее см.: *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны». 1945–1957 гг. М., 2002. О месте триестской проблемы в отношениях Югославии с СССР и западными державами на завершающем этапе Второй мировой войны и первые послевоенные годы см.: *Milkić M.* Tršćanska kriza u vojno-političkim odnosima Jugoslavije sa velikim silama 1943–1947. Beograd, 2012. О военной помощи со стороны США см. также: *Laković I.* Zapadna vojna pomoć Jugoslaviji. 1951–1958. Podgorica, 2006; *Животић А.* Вашингтонска конференција 1951. Београд, 2015.

¹⁵⁵ Советско-югославские отношения. С. 414–415. Москва в ноте от 18 августа указала, что в нарушение демократических свобод эти граждане преследуются «фашистским» правительством Югославии за поддержку резолюции Информбюро (Там же. С. 430–432).

о них посольства СССР представляет [собой] недопустимое вмешательство во внутренние дела ФНРЮ»¹⁵⁶. Член югославской делегации в ООН В. Дедиер, выступая на заседании третьего комитета на 4-й сессии ГА ООН, рассказал о конфликтной ситуации с русскими эмигрантами. В 1946 г. советская сторона прислала в Югославию большую репатриационную комиссию, вступающую в контакт с русскими и разъясняющую им совершенные в прошлом ошибки. После трех лет такой работы лишь три человека были репатриированы на родину, а все остальные, подписав заявление о своей лояльности СССР, получили советские паспорта и остались в Югославии (т. е. обрели двойное гражданство). На них, по утверждению Дедиера, советскими органами были возложены особые функции, три тысячи из них работали в гражданской администрации. Когда СССР начал кампанию против Югославии, советские граждане были распределены по группам, часть которых получила задание заниматься подрывной и даже преступной деятельностью¹⁵⁷. Вместе с тем положение русских в Югославии становилось всё тяжелее. Как отмечал в своем дневнике 8 ноября 1949 г. секретарь консульского отдела советского посольства в Белграде А. Ханин, который по роду службы ежедневно встречался с русскими, югославские власти со второй половины этого года стали производить массовые увольнения советских граждан с работы под предлогом сокращения штатов. Были и политические мотивы: отказ участвовать в собраниях, на которых клеветали на СССР, выход из рядов КПЮ, чтение советских газет, посещение Дома советской культуры, отказ от получения югославского гражданства и др. Секретарь отмечал, что положение этих людей, особенно тех, у кого были дети, становилось чрезвычайно тяжелым. Приводя список из тридцати человек, он указывал, что большинство граждан, получив увольнения, не обращаются в посольство, зная, что оно конкретной помощи в таких случаях оказать не в состоянии¹⁵⁸. Другой проблемой стала ситуация с русскими, которые были выпущены из югославских тюрем. Югославские власти в ответ на запросы русских, отвечали, что у них нет возражений против их выезда

¹⁵⁶ Там же. С.419. В конце августа югославские власти решили выпустить на свободу значительную часть русских граждан и предоставить им возможность выехать за пределы страны (АЖ. Ф. 507. СК СКЈ. IID/111).

¹⁵⁷ Советско-югославские отношения. С. 473–474.

¹⁵⁸ АВР РФ. Ф. 07. Оп. 22. П. 42. Д. 372. Л. 101–102.

из страны, но что задержка происходит исключительно из-за нежелания советского правительства принять этих граждан¹⁵⁹.

В конце мая 1949 г. в Венгрии был арестован Л. Райк по обвинению в шпионской деятельности, которое затем было дополнено обвинением в связях с «кликой Тито». Категорическому отрицанию Райком предъявляемых ему обвинений положил конец приезд в Будапешт генерала МГБ М. И. Белкина, который сумел переломить ход следствия, предъявив новую «доказательную базу», построенную на реальных рабочих встречах Райка с Тито и Ранковичем в разное время. Параллельно в Болгарии готовился процесс над Тр. Костовым, также связанный позднее с югославским «материалом» при помощи советника из МГБ генерала В. Чернова (Л.Л. Шварцмана). Полностью сфабрикованное дело Л. Райка завершилось смертным приговором 24 сентября, а уже 29 сентября А.А. Громько вручил югославскому послу в Москве Л. Латинвичу ноту, в которой советское правительство заявляло о прекращении действия Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. Свое решение советская сторона обосновывала тем, что в ходе процесса над Райком «вскрылось, что югославское правительство уже длительное время ведет глубоко враждебную подрывную деятельность против Советского Союза», в том числе не только по собственной инициативе, но и по «прямым заданиям иностранных империалистических кругов»¹⁶⁰.

Тито, озабоченный возникшей ситуацией, в телеграмме находящемуся в США на сессии ООН Карделю от 25 сентября оценивал процесс в Будапеште как неприятельский удар против Югославии и указывал на необходимость предпринять меры, чтобы дать отпор этому «самому большому обману русских». Он также сообщал, что лично передал венгерскому послу ноту с резким протестом против действий венгерских властей¹⁶¹. В августе и сентябре в Политбюро ЦК КПЮ обсуждался вопрос о возможном выступлении югославской делегации в ООН с критикой советской политики по отношению к Югославии. Тито на заседании 30 августа указывал на преждевременность вынесения вопроса о конфликте на трибуну ООН¹⁶².

¹⁵⁹ Там же. Л. 103.

¹⁶⁰ Советско-югославские отношения. С. 461–462.

¹⁶¹ А.Ж. Ф. 507. СК СКЈ, II D/23. L. 3.

¹⁶² Об этом Тито говорил и на заседании Политбюро 7 сентября, советуя подождать дальнейшего развития событий и уточнения позиции СССР, в отношении

Также, по его мнению, не следовало соглашаться на предложение «англо-американцев» получить от них оружие, так как «это не отвечает нашей линии опоры на передовые силы». Продолжая свое высказывание в традиционной большевистской стилистике, от которой ему вскоре пришлось отказаться, он подчеркнул, что «мы не можем допустить, чтобы империалисты использовали в своих интересах наш спор с СССР, но должны следовать своим революционным путем»¹⁶³. Между тем давление с Востока, в том числе и военная угроза, вскоре заставили югославов принять некоторые меры мобилизационного характера, речь о которых шла на указанном заседании Политбюро. Тито говорил о необходимости создания фонда по закупкам из-за границы, эвакуации из Воеводины «зерна, машин и ряда других объектов», перемещении рабочей силы на ключевые участки в промышленности и о принятии мер в сфере обороны¹⁶⁴. На заседании Политбюро 7 сентября, касаясь вопроса укрепления обороны, Тито поставил вопрос о необходимости внесения изменений в 5-летний план и о приоритетном финансировании вооруженных сил, критиковал ответственных лиц за неправильное размещение и организацию работы на отдельных стратегических объектах¹⁶⁵.

Британская дипломатия пыталась внести свою лепту в тревожные настроения югославского руководства. Как сообщал Кардель в телеграмме Тито, английский посол в Белграде Ч. Пик посетил в конце августа А. Беблера и передал ему конфиденциальную информацию о передвижении по румынской территории вдоль югославской границы в сторону Венгрии 17-й советской гвардейской дивизии, добавив, что речь, скорее всего, идет о войне нервов. Как передавал Пику британский посол в Москве, советская стратегия заключалась в том, чтобы оказывать мощное внешнее давление на внутренне ослабленный, по мнению Кремля, режим Тито, чтобы вызвать восстание, которое приведет к его смене. В случае такого развития событий, как считал

которого он рекомендовал разоблачать все его пропагандистские и иные провокации. Тито подчеркивал, что необходимо защищать Югославию, поскольку СССР, который придерживается принципов марксизма-ленинизма, «не имеет права на нас напасть» (А. Ж. Ф. 507. СК СКЖ. III/43. Л. 38).

¹⁶³ А. Ж. Ф. 507. СК СКЖ, III/42. Л. 35.

¹⁶⁴ Ibid. Л. 35–36.

¹⁶⁵ Ibid. III/43. Л. 37. В связи с задержкой строительства магистрали Белград–Загреб из-за нехватки рабочей силы Тито предложил, очевидно, зная о советском опыте, использовать труд заключенных (Ibid. IIID/114).

посол в Москве, советские сателлиты окажут восставшим помощь оружием и, возможно, сами вмешаются во внутренний югославский конфликт¹⁶⁶. В. Мичунович в эти же дни сообщал Тито, что, по данным венгерских спецслужб, в районе Сегедина и Кечкемета заметно передвижение советских войск, там видели 140 танков и войска на автомашинах. «Венгры говорят о новой мировой войне», — передавал Мичунович¹⁶⁷. Пик сообщил Карделью в конце августа 1949 г. о секретной военно-политической встрече, начавшейся в Софии с участием Анны Паукер из Румынии, а также представителей советского, чехословацкого и албанского генералитета. Он указывал на увеличение числа советских войск в Южной Венгрии. В этой связи послы Великобритании и США в Белграде планировали сделать в ближайшие дни запрос югославскому правительству о его позиции. Кардель и Джилас, обеспокоенные развитием событий, обратились с предложением к Тито, который, вероятно, находился на отдыхе, срочно вернуться в Белград или Загреб¹⁶⁸. Через день, 28 августа, Кардель сообщал Тито о том, что информация о совещании в Софии действительно подтверждается: в болгарской столице находятся министр иностранных дел Румынии А. Паукер, заместитель председателя Совета Министров СССР К. Е. Ворошилов, министр иностранных дел СССР А. Я. Вышинский, премьер-министр Чехословакии А. Запотоцкий и ряд крупных военачальников. Кардель предполагал, что в эти дни может появиться сообщение о разрыве договорных отношений с Югославией, а возможно, и дипломатических. Допускал он и провокации, направленные на создание нервной атмосферы и волнений в Югославии. По мнению Карделя, следовало подумать о быстром ответе и контрмерах, возможно об обращении в СБ ООН. Он отмечал, что дипломатия западных стран в связи с этими событиями «постоянно атакует нас вопросами различного характера»¹⁶⁹. Архивы восточноевропейских стран не содержат документов о данном совещании в Софии, и можно только гадать о том, было ли это только «игрой нервов» или Москва действительно готова была к каким-то решительным шагам в отношении Югославии. Во всяком случае, решение о разрыве договорных отношений было принято Москвой только спустя месяц, а в течение октября аналогичные действия предприняли

¹⁶⁶ Ibid. IID/112.

¹⁶⁷ Ibid. IID/169.

¹⁶⁸ Ibid. IID/115.

¹⁶⁹ Ibid. IID/116.

советские сателлиты. 25 октября Москва, ссылаясь на материалы процесса по делу Л. Райка, объявила персоной нон грата югославского посла в СССР К. Мразовича¹⁷⁰. В начале октября Ранкович сообщал Карделю о передвижениях войск сателлитов на восточной границе, военном психозе в Болгарии, перебежчиках оттуда, особой активности венгров в заброске шпионов и распространителей пропагандистской литературы в Югославию. Он указывал также на то, что в эти дни Венгрия выслала всех югославов из дипломатического представительства в Будапеште, кроме посла, бухгалтера и шофера. Так же поступили поляки, выславшие из страны пятерых югославов, и чехи, объявившие нежелательным пребывание четырех человек. Югославские власти принимали симметричные ответные меры¹⁷¹. Через несколько дней Ранкович отправил очередную телеграмму находящемуся в Нью-Йорке Карделю, в которой передавал указание Тито об осторожном лавировании в ООН, а также рассказывал о развитии ситуации в странах «народной демократии» после процесса по делу Райка. Он сообщал: в Албании усиливаются слухи о скором присоединении к ней Косово. Ходжа заявляет об этом на митингах. На закрытых партсобраниях в Венгрии, Болгарии и Румынии также говорят о скором «расчете» с Югославией и исправлении границ. В стороне стоит Чехословакия, сопротивляющаяся нажиму Москвы¹⁷².

В конце сентября 1949 г. югославы под влиянием событий на своих границах и угроз в адрес страны решили приступить к активным действиям в стенах ООН, в первую очередь добиваться избрания Югославии в Совет Безопасности как временного члена. Так, уже во второй половине сентября на выборах председателя одного из комитетов ООН они проголосовали за кандидатуру филиппинца Ромула против чеха Клементиса, что вызвало волну комментариев в стенах этой международной организации. Тогда же югославская делегация, как сообщал Кардель в телеграмме Тито, предложила кандидатуру Югославии в СБ. В соответствии с принципом ротации в этом году на указанный пост предлагалась Чехословакия, за которую и должны были голосовать все делегации. Если американцы

¹⁷⁰ Советско-югославские отношения. С. 471.

¹⁷¹ А. J. F. 507. СК SKJ. IID/208.

¹⁷² А. J. F. 507. СК SKJ. IID/209. L.1–2.

сразу не дали окончательного ответа, но в целом благосклонно отнеслись к этой югославской инициативе, то англичане обещали свою поддержку. Ряд малых стран и Генеральный секретарь ООН Т. Ли также обещали поддержать югославы. Кардель, комментируя первые отклики, полагал, что шансы быть избранными у югославы были достаточно велики, «если только американцы не захотят обострять отношения с русскими». Он отмечал в телеграмме, что в отношениях между югославской и восточноевропейскими делегациями возник «полный бойкот», и в то же время сообщил следующий интересный факт: представитель советской делегации, подойдя к послу ФНРЮ в США С. Косановичу и члену югославской делегации И. Вильфану, пожал им руки со словами: «Не бойтесь!»¹⁷³ В те же дни Кардель и Джилас сообщили Тито, что во время ужина у Т. Ли, на который были приглашены Кардель и Вильфан, делегации Канады, Бельгии, Люксембурга и Пакистана заявили о своей поддержке югославы, подчеркнув, что к такому решению их дополнительно подтолкнула наполненная «глупостью и коммунистической пропагандой» речь Мануильского с нападками на Югославию. Т. Ли, попросив Карделя и Вильфана задержаться после ужина, сообщил им, что американцы и большинство других делегаций решили голосовать за Югославию. Греческая проблема, несмотря на поражение партизан, всё еще оставалась в двусторонних греко-югославских отношениях не во всем решенной, а кроме того, советская пропаганда распространяла информацию, согласно которой югославы хотели договориться с греками за счет албанцев, что могло толкнуть последних на решение своих проблем военным путем. Т. Ли, действуя в соответствии с инструкциями американцев, попытался выяснить все нюансы этого вопроса у югославы, которые заявили, что никаких проблем с греками уже не существует. Об ответе югославы было доложено ответственному сотруднику Госдепартамента Дж. Хикерсону, что говорило об особом значении «югославского вопроса». После этого американская сторона окончательно определила свою позицию — голосовать за кандидатуру Югославы. В беседе Хикерсона с Косановичем 27 сентября американский дипломат сообщил, что, приняв без каких-либо оговорок это решение, американская сторона надеется на конструктивную позицию ФНРЮ в стенах ООН, так как это было в случае с Грецией.

¹⁷³ Ibid. IID/117.

Косанович подтвердил, что югославская помощь греческим партизанам прекращена, и югославская позиция по этой проблеме не будет в дальнейшем вызывать вопросов у США¹⁷⁴. Британский представитель в ООН А. Кадоган, который одним из первых дал югославам положительный ответ, на этот раз в беседе с А. Беблером заявил, что в случае поддержки ФНРЮ большинством делегаций англичане также дадут свое согласие¹⁷⁵. В этой обстановке реакция советской стороны была резкой: А.Я. Вышинский предупредил Д. Ачесона, что советское правительство будет рассматривать американскую поддержку югославской кандидатуры как сознательную провокацию¹⁷⁶.

19 октября 1949 г. Югославия была избрана непостоянным членом Совета Безопасности 39 голосами. За Чехословакию проголосовало 19 делегаций. Советская сторона расценила это как «сговор и сделку группы делегаций во главе с США с кликой Тито». Вышинский утверждал на сессии ГА, что выборы проведены с нарушением ст. 23 Устава ООН, требующей соблюдения принципов справедливого географического распределения мест. Он подчеркнул, что пять стран Восточной Европы «единодушно выдвинули кандидатуру Чехословакии, а кандидатура Югославии не была выдвинута». Вышинский в этой связи заявил, что Югославия не будет рассматриваться в качестве представителя восточноевропейских стран в Совете Безопасности, что введение Югославии в СБ расценивается в Москве как новое нарушение Устава, подрывающее основы сотрудничества в ООН¹⁷⁷.

Хикерсон в беседе с Карделем в начале ноября отметил, что для США конфликт Югославии «с русскими» является «крупнейшим событием после Второй мировой войны и возможным источником мировой войны». Он также считал, что попытка русских напасть на югославы обернется для советской стороны серьезными международными осложнениями¹⁷⁸. Кардель, сообщая об этом Тито, добавлял, что, по его мнению, избранная югославской делегацией на сессии

¹⁷⁴ FRUS. 1949. Vol. II. P. 254.

¹⁷⁵ AJ. F. 507. CK SKJ. PD/118. L. 1–2.

¹⁷⁶ Heuser B. Western «Containment» Policies in the Cold War: the Yugoslav Case, 1948–1953. London–N. Y., 1989. P. 111.

¹⁷⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 4459. Оп. 24. Д. 726. Л. 224–226.

¹⁷⁸ Совет планирования Госдепартамента в сентябре 1949 г. предлагал в случае вооруженного конфликта с Москвой и ее сателлитами ограничиться предоставлением Югославии оружия и финансово-экономической помощи, отмечая высокую

ГА ООН тактика себя оправдала, «особенно наше хладнокровие»¹⁷⁹. Уместно предположить, что информация о настроениях американского руководства, поступающая по разным каналам в Москву, могла стать сдерживающим фактором для сторонников военного решения вопроса по «клике Тито–Ранковича».

После появления 29 ноября 1949 г. третьей резолюции Информбюро, объявившей, что югославская компартия находится «во власти убийц и шпионов», югославское руководство вынуждено было окончательно сделать выбор между дальнейшей ориентацией на СССР и страны «народной демократии», которые фактически изгнали Югославию из своего «лагеря», и постепенной нормализацией всего комплекса отношений с западными державами, в первую очередь с США. Сближение с Западом было необходимо прежде всего по экономическим причинам, но также и как эвентуальная гарантия от агрессии с востока, что вплоть до марта 1953 г. не исключалось Белградом. На очередном заседании Политбюро 13 февраля 1950 г. Тито поднял вопрос о получении займов из США, условиях их предоставления, первых попытках американцев выдвинуть свои условия. Югославский лидер подчеркнул, что со стороны западных держав ведется организованная кампания давления, которой «мы не должны уступать, а наша позиция должна быть острой и недвусмысленной». Этот призыв получил единодушное одобрение членов Политбюро. На заседании 28 июня в связи с началом конфликта в Корее Кардель прямо заявил, что отдельные признаки свидетельствуют о его предварительной подготовке «русскими», которым удалось нащупать наиболее слабое звено в американской политике. Признавая, что ситуация в мире серьезно обострилась и четкого понимания, готовы ли русские «пойти» на мировую войну, нет, Кардель рекомендовал быть очень осторожными. Тито, информируя о своей беседе с американским послом Дж. Алленом, передал сделанное им уточнение о возможности для Югославии быть подвергнутой нападению как независимая и нейтральная страна, но не как член какого-то блока. «Мы рассчитываем на общественное мнение, поддерживаем все миролюбивые тенденции, и нас с этого пути не свернуть», — подчеркнул Тито¹⁸⁰. Кардель, развивая

боеспособность югославской армии. Рекомендовалось в поддержке Белграда опереться на авторитет ООН: FRUS. 1949. Wash. 1975. Vol. II. P. 245.

¹⁷⁹ AJ. F. 507. CK SKJ. IID/121.

¹⁸⁰ AJ. F. 507. Sednice Politbiro CK SKJ od 28.06.1950. III/49. L. 50–51.

этот тезис, впервые поставил вопрос об оформлении широкого движения в поддержку активного нейтрализма, которое, отмежевываясь от троцкизма, и, возможно, от социалистов, следует оформить в Югославии. Опорой при этом должна стать Внешнеполитическая комиссия ЦК КПЮ, которую следует реорганизовать и укрепить, создав специальные группы по странам и секретариат для реализации принимаемых решений. Тито, поддержав Карделя, сказал, что еще в прошлом году народ ставил вопрос о необходимости отказа от пассивной позиции и простого отрицания клеветы. Тито предложил создать узкую группу (А. Ранкович, С. Вукманович-Темпо, М. Джилас) для изучения этого вопроса со всех сторон. Он подчеркнул, что необходимо объединить «нашу пропагандистскую активность с продвинутыми людьми», создать рабочую группу. В перспективе после необходимой подготовки она сможет трансформироваться в Секретариат, но в настоящее время ставить вопрос об этом еще рано. По ходу обсуждения М. Пьяде и другие члены Политбюро констатировали возможность создания указанной рабочей группы при Народном фронте, что получило одобрение собравшихся¹⁸¹. Если признать это заседание аутентичным, а материалы — не сфабрикованными под влиянием позднейших идеологических требований (сомнение вызывает тот факт, что его стенограмма, в отличие от других документов архивного дела, успевших пожелтеть, была перепечатана на белой бумаге), то можно, видимо, считать, что мы имеем дело с первым свидетельством формирования югославской политики неприсоединения, обсуждением его общих принципов и возможной ориентации — лавировать между императивом выхода из экономической изоляции и необходимостью сохранить верность идеологическим принципам.

Давление, которое оказывали на Югославию США, стремившиеся максимально использовать советско-югославский конфликт в интересах своей глобальной и региональной политики, необходимо было редуцировать, искать возможность использования «американского фактора» в югославских интересах. Заблокировав попытки включить ФНРЮ опосредованно через Балканский пакт в НАТО, югославы сумели использовать для решения территориального спора с Италией вокруг Триеста. Балканский пакт они также в максимально краткий срок трансформировали из военно-политического блока, каким

¹⁸¹ Ibid. L. 52.

он был изначально задуман и к 1954 г. создан, в союз Греции, Турции и Югославии с целями экономического и гуманитарного развития. К середине 1950-х гг., с началом процесса нормализации, Югославия стала постепенно выходить на мировую арену, реализуя политику «активного нейтралитета», позднее получившую название политики «неприсоединения». Таким образом, Тито пытался, восстановив отношения с СССР и не ухудшив их с США, занять промежуточную позицию в биполярном мире, сохраняя идеологические основы своей новой системы, известной как «югославская модель социализма».

Отношения с Москвой и странами «народной демократии» в 1950–1952 гг. были практически разорваны, притом с некоторыми — даже дипломатические. Власти ФНРЮ были заняты проблемами обеспечения безопасности границ, регистрируя каждую провокацию, создавая их реестр, который затем регулярно представлялся на заседаниях соответствующих комитетов ООН¹⁸². Также для международной общественности была подготовлена так называемая «Белая книга», составленная как сборник нарушений всего комплекса отношений с приграничными странами — Венгрией, Румынией, Болгарией и Албанией¹⁸³. Интересной в этой связи представляется также информационная записка, подготовленная в конце сентября 1952 г. в аппарате ЦК СКЮ. Озаглавленная «Фазы политики СССР и его сателлитов по отношению к Югославии», она представляла развернутый анализ советской политики за истекшие четыре года, которая характеризовалась как империалистическая и направленная на подчинение Югославии Советскому Союзу. Авторы записки отмечали, что оказываемое начиная с 1948 г. давление на Югославию имело в основе цель сломить ее решимость сохранять свою независимость и самостоятельность и подчинить ее СССР. Такую же политику проводили и страны-сателлиты. Москва стремилась при этом решить две задачи. Первая была направлена на подчинение страны, ее территории и народа, а вторая определялась, как писали авторы записки, тем, что Югославия являлась «психологическим фактором», как пример «непослушания Москве, пример самостоятельной позиции, политики и доктрины, которая нарушала фронт послушных последователей советского империализма и разоблачала

¹⁸² АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 35. Д. 13. П. 144. Л. 8–13; Д. 38. П. 146. Л. 1–13.

¹⁸³ Там же. Д. 16. П. 145. Л. 1–3.

империалистическо-бюрократический уклон СССР»¹⁸⁴. Доказательством «несправедливого и злонамеренного отношения советского руководства к югославской революции» еще до начала конфликта авторы считали отказ Москвы от ее поддержки в 1943–1945 гг., указывая на факты расширения дипломатических отношений с эмигрантским правительством, разделение Югославии на зоны влияния с Британией (50 на 50), попытки вербовать находящихся в СССР военнопленных, а также участников НОД со стороны присланной в 1944 г. советской военной миссии. При этом стоит отметить, что югославские эксперты сознательно не учитывали специфику отношений СССР с западными союзниками в тот период, необходимость внешнеполитического лавирования ради достижения целей войны и послевоенного мирного урегулирования. Послевоенный период до появления резолюции Информбюро и после также делился в справке на два направления. В рамках первого Москва стремилась включить Югославию в свою систему сателлитов, а также поставить ее, как и другие страны, в зависимость от себя. Другое направление, уже после появления резолюции, было связано с попытками поставить во главе КПЮ тех людей, которые помогли бы реализовать первую задачу — обеспечить полное подчинение Югославии СССР¹⁸⁵.

Годы конфликта показали, что существовавшее стремление югославского руководства к совместному с СССР и восточноевропейскими странами строительству социалистического содружества было прервано в 1948 г. грубой и бескомпромиссной сталинской политической диктатой. Югославское руководство, твердо решившее не идти на примирение на условиях Кремля, пройдя через краткий переходный этап, избрало курс на построение собственной модели социализма, в основе которой лежала концепция восстановления аутентичного марксизма, очищенного от наслоений сталинизма. Вместе с тем при некоторых признаках либерализма эта модель в условиях отсутствия подлинной демократии, многопартийности, оставалась авторитарной однопартийной диктатурой, наследовавшей все пороки этой системы, что при многонациональном характере государства вызвало его распад после краткого периода процветания.

¹⁸⁴ А. С. Аникеев. И-3-б/673. Л. 1.

¹⁸⁵ Там же. Л. 2–5.

Т. В. Волокитина

От конфронтации до нормализации. Болгария и советско-югославский конфликт. 1948–1956 гг.

Болгаро-югославские отношения непосредственно после Второй мировой войны определялись курсом на установление тесных связей и развитие сотрудничества. Мотивы у сторон при этом, однако, были разными. Для Софии сближение с Югославией открывало возможность выхода из международной изоляции и рассматривалось как фактор, способный положительно повлиять на будущий мирный договор и дальнейшее развитие страны в семье Объединенных Наций. Югославское руководство считало сближение прологом возможного объединения Македонии в рамках югославского государства и создания Южнославянской федерации, руководимой Белградом.

На протяжении 1947 г. были подписаны важные межправительственные документы, составившие основу болгаро-югославских отношений: Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, конвенция о культурном сотрудничестве, соглашения об экономическом сотрудничестве, об облегчении таможенного режима и подготовке таможенной унии, об условиях перехода границы пограничным населением. Была достигнута договоренность о консультациях по международным вопросам, затрагивавшим интересы обеих стран, об обмене студентами, отправке югославских учителей в Пиринскую Македонию, об открытии в Болгарии магазинов югославской книги и по некоторым другим вопросам. В начале 1948 г. стороны вплотную подошли к решению вопроса о создании югославо-болгарской федерации¹.

¹ Подробнее см.: *Гибианский Л. Я.* У начала конфликта: Балканский узел // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 2; *Бухаркин И. В., Гибианский Л. Я.* Первые шаги

Несмотря на столь важные встречные шаги Софии и Белграда, в двусторонних отношениях имелись и определенные сложности, проявившиеся уже на завершающей стадии войны. Тогда только с помощью советского руководства удалось урегулировать вопрос об участии болгарской регулярной армии, перешедшей в оперативное подчинение 3-го Украинского фронта, в освобождении югославских территорий². Помимо трудного восприятия югославами трансформации вчерашнего оккупанта в сегодняшнего союзника, в послевоенное время корректировки требовали деликатные территориальные проблемы — македонская и отошедших в 1919 г. по Нейискому мирному договору к Королевству сербов, хорватов и словенцев так называемых Западных территорий (в болгарском политическом лексиконе они именовались Западными окраинами), населенных преимущественно болгарами. Советско-югославский конфликт положил начало открытому противостоянию балканских соседей.

Накануне и после совещания в Бухаресте

Критическая позиция Москвы в отношении Югославии стала известна Георгию Димитрову и Василу Коларову 18 марта 1948 г. в Москве, в день подписания между Советским Союзом и Болгарией Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Болгарские

конфликта // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 5; *Гибианский Л. Я.* К истории советско-югославского конфликта 1948–1953 гг.: Секретная советско-югославская встреча в Москве 10 февраля 1948 г. // Советское славяноведение. 1991. № 3; *Гибианский Л. Я., Волков В. К.* На пороге раскола в социалистическом лагере. Переговоры руководящих деятелей СССР, Болгарии и Югославии, 1948 // Исторический архив. 1997. № 4; *Гиренко Ю. С.* Сталин–Тито. М., 1991; *Романенко С. А.* Геополитика, национальные интересы и идеология коммунистического строительства. Причины и характер советско-югославского партийно-государственного конфликта на фоне холодной войны. 1945–1948 // Хмурые будни холодной войны. Ее солдаты, прорабы и невольные участники. М., 2012. С. 115–135 и др.

² Подробнее см., напр.: История на Отечествената война на България 1944–1945 г. Т. 4. София, 1984. С. 234–235; *Димитров Д.* Политически и военни аспекти на българо-югославските отношения (краят на август — средата на октомври 1944 г.) // Известия на Военноисторическо научно дружество. Т. 57. София, 1995. С. 150–163; *Васильева Н., Гаарилов В.* Балканский тупик?.. Историческая судьба Югославии в XX веке. М., 2000; *Аникеев А. С.* Противостояние СССР–США в Юго-Восточной Европе и советско-югославский конфликт 1948 г. // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. М., 1995 и др.

представители были ознакомлены с поступившей из Белграда секретной информацией о расширенном заседании Политбюро ЦК КПЮ, состоявшемся 1 марта. «Доверенное лицо» (это был член Политбюро ЦК КПЮ, министр финансов Сретен Жуйович) через советского посла в Белграде А. И. Лаврентьева сообщало, что на заседании югославские руководители категорически отвергли критику в свой адрес, прозвучавшую на встрече Сталина и Молотова с югославской и болгарской делегациями в феврале 1948 г., и констатировали неблагоприятное развитие советско-югославских отношений (Тито говорил в частности о советском «великодержавном шовинизме»). Был также затронут вопрос и о болгаро-югославских отношениях в контексте планировавшегося ранее создания федерации двух стран. Отметив более благоприятное экономическое положение Югославии и ее большой «авторитет», Тито подчеркнул, что выплата Болгарией репараций Греции станет дополнительным бременем для Югославии и что вообще условия для федерирования «не созрели». Милован Джилас, как сообщил Жуйович, заявил на заседании, что Димитров разделяет позицию югославов.

В Москве болгары оказались в трудном положении. Мало того, что полученная информация стала неожиданной, следовало «правильно» и убедительно отреагировать на нее, поскольку Сталин и Молотов поинтересовались их мнением. Судя по записи В. Коларова, он и Димитров ограничились осторожным заявлением: «Кое-что, возможно, преувеличено, но в целом сообщение вполне правдоподобно... В КПЮ создается опасная обстановка»³. Видимо, стремясь сориентировать болгар и рассеять их возможные сомнения, Сталин охарактеризовал позицию Белграда как троцкизм и оппортунизм, попутно «разоблачил» сотрудника МИД Югославии «английского шпиона» В. Велебита и отметил трудное положение расположенного к СССР министра иностранных дел С. Симича. Информировал он также и об отзыве из страны советских советников⁴.

Вернувшись из Москвы, Димитров довел столь важные новости до своего ближайшего окружения. 25 марта 1948 г. он отметил в своем дневнике: «Ознакомил Вылко [Червенкова], Югова, Чанкова

³ Централен държавен архив на Република България (далее — ЦДА). Ф.147. Оп.2. А. е.1083. Л.1–3; *Баев Й.* Военно-политическите конфликти след Втората световна война и България. София, 1995. С. 113–115.

⁴ ЦДА. Ф. 147. Оп. 2. А. е. 1083. Л. 1–3.

с документом о заседании югосл[авского] ЦК (троцкистские и анти-советские заявления)»⁵. А после получения болгарами письма ЦК ВКП(б) от 27 марта, адресованного югославскому руководству, Димитров, подчеркнув в разговоре со своим секретарем Неделчо Ганчовским самомнение югославов, зазнайство и головокружение от успехов, заметил: «Критика правильная. Они должны исправиться»⁶. Казалось бы, оценки даны, точки над «i» расставлены... Однако сказать с полной определенностью, каким на самом деле было в тот момент отношение болгарского лидера к столь неожиданно возникшему югославскому «вопросу», трудно. Некоторые факты указывают скорее на то, что он был в числе тех руководителей стран «социалистического лагеря» (Владислав Гомулка, Георге Георгиу-Деж, Клемент Готвальд), которые скептически отнеслись к обвинениям Москвы в адрес югославов, не склонны были принимать их за чистую монету и уж во всяком случае не спешили выражать свое отношение. Хотя Политбюро ЦК БРП(к) солидаризировалось с советской позицией, приняв 6 апреля 1948 г. соответствующее решение, болгарские руководители не сразу сообщили об этом советским «друзьям». Известно, что резолюция Политбюро ЦК БРП(к) с осуждением югославов была направлена в Москву только 18 апреля, после того как это сделало руководство венгерской компартии⁷. При этом из записи в дневнике Димитрова следует, что работа над текстом продолжалась до последнего: в день отправки письма на вечернем заседании Политбюро его члены всё еще «редактировали... решение по письму ЦК ВКП(б)» югославскому руководству⁸. Раньше, накануне визита Димитрова в Прагу для подписания болгаро-чехословацкого договора о дружбе и взаимной помощи, он выразил желание встретиться в Белграде с кем-либо из югославских первых лиц при возвращении из чехословацкой столицы. По всей вероятности, болгарский руководитель, условливаясь о встрече, хотел получить информацию из первых рук, выслушать объяснения югославов. Но планы изменились,

⁵ *Георги Димитров*. Дневник. 9 март 1933 г. — 6 февруари 1949 г. София, 1997. С. 608.

⁶ Цит. по: *Аначков М.* Георги Димитров между Сталин и Тито // *Везни*. Год. XXIV. Бр. 2/2014. С. 104.

⁷ *Гибанский Л. Я.* От первого ко второму совещанию Коминформа // *Совещания Коминформа*. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 369.

⁸ *Георги Димитров*. Дневник. С. 611.

и встреча состоялась уже на пути в Прагу, 18 апреля, на белградском вокзале и была по-деловому короткой: М. Джилас вспоминал, что разговор длился всего 15 минут, а сопровождавший Димитрова посол Чехословакии в Софии Ф. Кубка в своем дневнике указал, что встреча продолжалась полчаса⁹. Сам Димитров в дневнике 18 апреля кратко отметил: «Джилас и Симич посет[или] нас в поезде»¹⁰. Предельная лаконичность и по сути безликость этой записи наводят на определенные размышления. Скорее всего, они свидетельствуют об осторожности Димитрова и нежелании в этом случае, в отличие от многих других, довериться своему дневнику. Ведь по свидетельству Джиласа, многократно приводимому в работах историков, болгарский руководитель в разговоре с глазу на глаз якобы выразил югославам поддержку, пожелал им «держаться», «быть твердыми»¹¹. Кстати, позднее эта история получила продолжение, о чем будет сказано ниже.

Тогда же Димитров попросил Джиласа устроить ему личную встречу с Тито на обратном пути из Праги. Как сообщил 21 апреля 1948 г. помощник министра иностранных дел Югославии А. Беблер послу А.И. Лаврентьеву, Димитров планировал остановиться в Белграде на один-два дня для обсуждения вопроса о болгаро-югославской федерации¹². Понятно, однако, что главной темой бесед неминуемо оказалась бы возникшая напряженность в отношениях Москвы и Белграда. 27 апреля в разговоре с Лаврентьевым болгарский посол в Белграде Пело Пеловский сетовал, что «по неизвестной ему причине» (здесь и далее курсив мой. — Т.В.) Димитров «изменил свое

⁹ Kubka F. Bulharský deník. Zapiskí spisovatele a diplomata. Praha, 1949. S. 299. Ссылаясь на дневник Кубки, болгарский историк Й. Баев, вероятно, допустив ошибку при переводе, указал, что беседа длилась два часа (Баев Й. Военно-политическите конфликти след Втората световна война и България. София, 1995. С. 116).

¹⁰ Георги Димитров. Дневник. С. 611.

¹¹ Dilas M. Vlast i robuna. Beograd, 1991. S. 155; Исусов М. Сталин и България. София, 1991. С. 73; Фосколо М. Георги Димитров. Една критическа биография. София, 2013. С. 302, и др. В отличие от абсолютного большинства авторов, с доверием воспринимающих информацию Джиласа, болгарский исследователь М. Аначков считает ее сомнительной. «Исключено, — пишет этот автор, — чтобы он (Димитров. — Т.В.) позволил себе заявить перед кем бы то ни было о своей, отличной от советского лидера, позиции по столь щекотливому вопросу» (Аначков М. Георги Димитров между Сталин и Тито. С. 105).

¹² Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.: В 2 т. / Отв. ред. Г.П. Мурашко. Т. I: 1944–1948 г. М., 1997. Док. № 278. С. 864.

первоначальное решение», в связи с чем МИД Югославии выражал недовольство¹³. Источниками, однако, не подтверждается иницирующая роль Димитрова при отмене встречи. Да и позиция югославского внешнеполитического ведомства в передаче Пеловского выглядит странно. Сомнительно, чтобы МИД не знал об отправленной 25 апреля Тито телеграмме в Прагу, где всё еще находился Димитров. Сообщая о получении югославами болгарской резолюции, адресованной ЦК ВКП(б), Тито был категоричен: «Содержание этой резолюции настолько вредно не только для нашей партии, но и для нашей страны, что я считаю невозможными какие-либо переговоры в Белграде»¹⁴.

Политбюро ЦК БРП(к), однако, не оставило надежды «образовать» югославов и решением от 6 мая 1948 г. поручило Димитрову обратиться к Тито с личным письмом, указать на «опасный путь, по которому пошло руководство КПЮ»¹⁵. Но быстро менявшаяся обстановка помешала выполнению этого «поручения».

Очевидно, что время осторожного выжидания и, может быть, известных колебаний Димитрова истекло. 10 мая 1948 г., излагая в письме В. М. Молотову свою позицию в связи с обращением ЦК ВКП(б) к КПЮ от 4 мая, он уже выразил восхищение «прекрасным сталинским документом», призванным помочь югославским коммунистам «выйти из состояния безысходности, в которое их вовлекли самолюбивые, болезненно амбициозные и легкомысленные руководители». Одобрив предложение советской стороны обсудить положение в КПЮ на ближайшем заседании Информбюро, Димитров признал «исключительную» пользу этой акции и для других компартий, в том числе для БРП(к). А предположив возможную негативную реакцию югославских руководителей («уклонятся от участия в заседании или затянут его созыв»), болгарский руководитель, со своей стороны, предложил ознакомить актив КПЮ с содержанием советского письма, а может быть, и «раскритиковать позицию КПЮ в печати»¹⁶. Но за внешне вполне определенной позицией Димитрова скрывалась, по свидетельству Ганчовского, «большая личная драма», кото-

¹³ Там же. Док. № 280. С. 867.

¹⁴ Цит. по: *Аначков М.* Георги Димитров между Сталин и Тито. С. 105; ЦДА. Ф. 146 Б. Оп. 4. А. е. 645. Л. 37.

¹⁵ ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 6. А. е. 482. Л. 1.

¹⁶ *Георги Димитров.* Дневник. С. 613.

рую он переживал в тот момент и которая «отразилась на нем очень плохо»¹⁷. Некоторые исследователи считают, что Димитров, вероятно, испытывая сомнения в правильности своих действий, пытался хоть как-то выразить моральную поддержку Тито. И находят тому зримые подтверждения. Например, под таким углом зрения рассматривают нарушение Димитровым установленного дипломатического протокола во время подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи в Праге: положенному строгому черному болгарский руководитель предпочел белый костюм (любимый цвет Тито)¹⁸. Или поздравительную телеграмму с «братским приветом и наилучшими пожеланиями» и подарок, переданный югославскому лидеру 25 мая по случаю его дня рождения. Кстати, Димитров оказался единственным из руководителей стран «социалистического лагеря», кто осмелился на такой шаг.

Летом 1948 г. Болгария, как и другие страны «социалистического лагеря», включилась в кампанию «коминформизации» конфликта. В июне на втором, бухарестском, совещании «международного центра координации» представители БРП(к) внесли свою лепту в этот процесс. Отмечая выступление болгарского делегата Трайчо Костова, А. А. Жданов сообщал в Москву Сталину, что его доклад представляет «особый интерес», ввиду чего полный текст будет направлен в Москву самолетом¹⁹. Доклад Костова, опиравшийся на установки Информбюро, сформулированные на первом совещании 1947 г., содержал признание таких серьезных ошибок при проведении в жизнь «в целом правильного политического курса БРП(к)», как недооценка неизбежности обострения классовой борьбы, иллюзии по поводу возможности смягчения этой борьбы в условиях Болгарии, неясности в определении перспектив продвижения к социализму, ставка на «патриотически настроенных промышленников и торговцев», якобы способных сочетать собственные интересы с интересами рабочего класса и государства, и пр. Костов критиковал идею гармоничного сосуществования государственного, кооперативного и частного секторов в экономике, а также былые заявления болгарского руководства об отсутствии в стране антагонистических противоречий

¹⁷ Аначков М. Георги Димитров между Сталин и Тито. С. 104.

¹⁸ Фосколо М. Георги Димитров. С. 303.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 108. Л. 20; Совещания Коминформа. С. 493.

между рабочими и крестьянами. Новые установки фактически ревизовали идею народной демократии как отличной от советской формы перехода к социализму, отражали ориентацию на сталинскую позицию в отношении характера и темпов развития революционного процесса в странах «социалистического лагеря», но вместе с тем противоречили подходам Г. Димитрова — искреннего протагониста тактики национального фронта и особых, специфических, путей отдельных стран к новому общественному строю. По определению крупного болгарского исследователя акад. Мито Исусова, Костов «повернулся спиной» к тому новому, что сформулировал Димитров в вопросе революционной трансформации буржуазного общества²⁰. (Добавим — и к тем, несомненно, творческим установкам, в разработке которых непосредственное участие принимал сам Костов: ему, в частности, принадлежало основное авторство концепции новой экономической политики партии, сочетавшей интересы различных классов и слоев болгарского общества и утвержденной ЦК партии осенью 1945 г.). Но было и еще одно важное обстоятельство, имевшее для Москвы с учетом главной задачи совещания, куда большее значение. Как можно было понять из шифртелеграммы Жданова, «особый интерес» придавали докладу Костова якобы вскрытые им «действительные попытки югославы прибрать Болгарию к рукам»²¹. По всей вероятности, имелось в виду не только детальное изложение болгарским представителем весьма болезненного для обеих сторон македонского вопроса²², но и прозвучавшее утверждение, что югославы через федерацию при неравноправном участии Болгарии стремились превратить свою страну в «гегемона на Балканах против СССР»²³. В Москве доклад Костова вызвал положительный отклик. Об этом позднее, на III пленуме ЦК БКП²⁴ 26–27 марта 1949 г., скажет В. Червенков, приведя слова Сталина на встрече с болгарской делегацией в Москве в декабре 1948 г. Обращаясь к Костову, советский

²⁰ Исусов М. Сталин и България. С. 154–155.

²¹ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 108. Л. 14, 20.

²² Полный текст доклада см.: РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 4. Д. 58. Л. 154–182. Тщательный анализ доклада предпринят: Ангелов В. Хроника на едно национално предателство. Опитите за насилствено денационализиране на Пиринска Македония (1944–1949 г.). Благоевград, 1999. С. 263–265.

²³ Совещания Коминформа. С. 430.

²⁴ Новое название — БКП — партия получила на V съезде в декабре 1948 г.

руководитель заметил: «Я читал ваш доклад на совещании Информбюро. *Мы его одобрили тогда...*»²⁵ Несомненно, продемонстрированный Костовым на бухарестском совещании антититоизм пришлось «ко двору» московскому руководству.

20 июня, накануне установочного доклада А. А. Жданова на совещании, советская делегация провела встречи в индивидуальном порядке с представителями «братских» компартий для выяснения их позиции по югославскому вопросу. Особое внимание уделялось связям белградского руководства с западными разведками: советская сторона хотела знать по этому поводу мнение «друзей». Тр. Костов и В. Червенков, однако, не смогли сообщить что-либо интересное. Костов упомянул лишь о якобы существовавших у болгарских коммунистов еще с конца 1930-х гг. подозрениях относительно Тито, который, будучи на нелегальном положении, «вел образ жизни не по средствам». (Вероятно, это сообщение содержало намек на имевшийся у Тито некий тайный источник финансирования.) Сообщая «Филиппову» (Сталину) о встрече, Жданов, Маленков и Сулов подчеркнули, что, по мнению болгар, следует искать опору в «здоровых элементах» КПЮ и народа, поскольку нынешнее руководство «не способно исправиться». Выразив обеспокоенность перспективами развития отношений с Белградом и особенно возможной засылкой банд в Македонию, болгарские делегаты отметили необходимость «скорее наводить порядок в Югославии»²⁶. Кому и какими конкретно способами следовало этим заняться, болгары не уточняли, однако, думается, ответ напрашивался сам собой, предполагал руководящую роль и «твердую руку» Москвы.

В отличие от болгарских представителей, Пальмиро Тольятти, Жан Дюкло, Матьяш Ракоши и Георге Георгиу-Деж, по оценке советской стороны, были убеждены в наличии в руководстве КПЮ «прямых агентов американцев и англичан»²⁷, однако в резолюцию бухарестского совещания эта версия не вошла. По всей вероятности, в тот момент шпионский след в действиях югославских «верхов» было решено публично не выявлять, но, как оказалось впоследствии, прозвучавшие обвинения не были забыты.

²⁵ ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 5. А. е. 34. Л. 69.

²⁶ Совещания Коминформа. С. 482–484.

²⁷ Там же. С. 485.

После бухарестской встречи, завершившей скрытую фазу конфликта, София оказалась в сложном положении: в двусторонних отношениях предстояло реально совершить поворот на 180°. И это после того, как болгарское руководство приложило немало усилий для преодоления традиционных антисербских настроений в стране. Несомненно, для выработки детальной и всесторонне мотивированной антиюгославской позиции болгарскому руководству требовалось время. Поэтому на созванном уже 27 июня 1948 г. XV расширенном пленуме ЦК партии решалась задача-минимум — обсудить меры, которые следовало предпринять для разъяснения установок Информбюро в стране. Более подробное рассмотрение вопросов о политике БРП(к), состоянии партии и ее руководства, допущенных ошибках и слабостях и, главное, об уроках, которые предстояло извлечь из югославского «случая», откладывалось на следующий пленум партии, созыв которого планировался также в ближайшие дни²⁸.

В центре работы XV пленума был пространный доклад Тр. Костова об обсуждении, точнее осуждении, действий руководства КПЮ на бухарестском совещании и его решениях. Выступления делегатов в прениях были по-военному краткими и единодушными в критике югославской стороны. Доклад был принят за основу разъяснительной работы на собраниях партийного актива в стране, в которых приняли непосредственное участие первые лица БРП(к). Позицию Димитрова в тот момент можно, думается, определить как двойственную. С исторической дистанции нельзя не признать неоправданно оптимистическим и даже пафосным его прогноз, данный в заключительном слове на пленуме. «Разъяснительная работа, подкрепленная аргументами и конкретными фактами из резолюции и доклада тов. Трайчо Костова, — отметил он, — должна исходить из *близкой перспективы*, что положение в югославской партии будет исправлено, что в ее среде имеется достаточно здоровых сил, что там не только Жуйович и Хебранг, но и многие другие члены стоят на позиции резолюции Информбюро <...> что есть силы среди народов Югославии, которые, несмотря на шум, который может подняться, выведут на правильный и твердый путь нашу братскую Югославию, и что с этой точки зрения мы не допустим ничего, что помешало бы созданию будущего федеративного союза нашего народа и народов Югославии. Определяя

²⁸ ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 5. А. е. 22. Л. 1–2.

подобным образом перспективу, мы косвенно поможем тем здоровым силам в Югославии, которые борются против нынешней неправильной антисоветской, антипартийной и антидемократической политики руководителей Югославской коммунистической партии. *Не должно остаться никакого сомнения, что результатом этой тяжелой борьбы в Югославии явится оздоровление Югославской коммунистической партии и пребывание ее в семье коммунистических партий, установление братских взаимоотношений с этими коммунистическими партиями, особенно с партией Ленина и Сталина. <...> Такая уверенность должна быть и в нашей партии полной, стопроцентной»²⁹.*

Вместе с тем более «приземленной», но зато и более реалистичной видится оценка Димитровым перспектив двусторонних отношений: «Нужно ожидать известных затруднений в наших взаимоотношениях между Югославией и Болгарией как народными республиками, поскольку отделить руководство Югославской коммунистической партии от правительства Югославии сейчас невозможно. Нет сомнений, что мы будем иметь трудности и во взаимном сотрудничестве в экономической, политической и культурной областях, в связях между их и нашими общественными организациями, между их и нашей армиями и пр. *Трудности и сложности будут во всех областях наших взаимоотношений»³⁰.* К сожалению, именно этот прогноз начал быстро сбываться.

Уже на стадии подготовки следующего, XVI пленума ЦК БРП(к), которая проходила в условиях углубления советско-югославского конфликта, болгарское руководство, не имея ни малейшей свободы выбора, было вынуждено отступить от прозвучавшего на XV пленуме обещания сделать всё от него зависящее для поддержания добрососедских и дружественных отношений между Народной республикой Болгарией и Федеративной Народной Республикой Югославией³¹.

8 июля 1948 г. Политбюро ЦК БРП(к) по рекомендации Москвы единодушно решило отклонить приглашение югославам на очередной съезд КПЮ³² и поручило В. Червенкову подготовить ответ юго-

²⁹ Там же. Л. 13–14.

³⁰ Там же. Л. 11–12.

³¹ Там же. Л. 52.

³² Вопрос специально рассматривался на заседании Секретариата Информбюро 5 июля 1948 г. Предваряя обсуждение, М. А. Сулов сообщил, что ЦК ВКП(б) «считает нецелесообразной посылку делегаций на V съезд КПЮ», и внес проект соответствующей резолюции. В единодушно принятом документе указывалось, что «Центральные

славам. На заседании была также сформулирована четкая позиция по вопросу о перешедших из Югославии на болгарскую территорию сторонниках резолюции Коминформа — «не возвращать, а принимать как политических эмигрантов». Одновременно органам госбезопасности предписывалось принять меры против проникновения в страну «враждебных элементов и иностранных агентов». Кроме того, было признано необходимым отозвать болгарских студентов, обучавшихся в военных заведениях Югославии, а также приостановить обмен участниками молодежного бригадирского движения и детскими группами. Вопрос о студентах гражданских вузов было решено рассмотреть дополнительно³³.

13 июля текст ответа на приглашение югославов на съезд был утвержден на XVI пленуме ЦК. Основная причина отказа — «антимарксистское и антисоветское поведение» ЦК КПЮ, «отрыв от единого антиимпериалистического, демократического фронта», невозможность, чтобы в создавшейся обстановке съезд стал «выразителем здоровой и свободной воли коммунистов Югославии»³⁴.

«Работа над ошибками» болгарских коммунистов в контексте разгоравшегося конфликта предполагала также окончательное выяснение важнейшего вопроса о тактике Отечественного фронта и, шире, о воплощенном в ней представлении о собственном, болгарском, пути к социализму. Из документов видно, что острая борьба развернулась уже при подготовке основного доклада на XVI пленуме. По всей вероятности, Димитров не был склонен к принципиальному пересмотру вышеуказанных установок, однако под давлением Костова был вынужден включить в доклад полный текст выступления своего соратника в Бухаресте³⁵. На одном из заседаний Политбюро

комитеты каждой партии *могут каждый в отдельности по-своему мотивировать отказ от отправки делегаций*». Хотя югославы просили сообщить ответ заранее, было условлено, что ответы-отказы будут даны после 15 июля, т. е. фактически накануне открытия съезда (Архив Президента Российской Федерации (далее — АП РФ). Ф. 45. Оп. 1. Д. 360. Л. 5, 12–13). Намерение потрепать нервы югославским руководителям налицо.

³³ ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 6. А. е. 514. Л. 1; *Стамова М.* Враждебность или добронамеренность в болгаро-югославских отношениях (юни 1948 — януари 1963 г.) // История. 1999. Год. VII. № 1. С. 19.

³⁴ ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 5. А. е. 25. Л. 208.

³⁵ Позднее, на пленуме ЦК БКП в марте 1949 г., В. Червенков рассказал, как проходило обсуждение доклада Димитрова: «Тов. Тр. Костов ударил тогда по столу и заявил, что если тов. Димитров не процитирует весь доклад нашей делегации

из уст Костова прозвучала и прямая критика в адрес Димитрова. Уже задним числом на вышеупомянутом III (мартовском 1949 г.) пленуме ЦК БКП сам Костов назвал ее «очень острой», «зашедшей весьма далеко в поисках политической оценки допущенных ошибок», и был вынужден признать, что в конечном счете она могла обернуться «подрывом авторитета тов. Г. Димитрова как вождя партии»³⁶.

Заметим, что эти признания Костова прозвучали в период активного конструирования его «дела». Но самокритика не только не помогла разрядить обстановку, но и стала для его соратников по партии дополнительным аргументом, доказывавшим намерение Костова создать «антидимитровскую фракцию» с целью отстранить Димитрова от руководящего поста в партии. Попытки Костова сослаться на партийный подход к критике, исключающий ее «удушение», на понимание им «огромной роли» Димитрова не имели успеха³⁷. (На указанном пленуме он был выведен из состава ЦК БКП и смещен с правительственных постов. Спустя некоторое время назначен директором Народной библиотеки Кирилла и Мефодия, а в июне 1949 г. исключен из БКП и арестован.)

Таким образом, непосредственно после бухарестского совещания в «верхах» БРП(к) возникла напряженность, которая отражала не только начавшуюся принципиальную идейно-теоретическую переориентацию партии, но и получила определенный персонифицированный «привкус». На XVI пленуме ЦК БРП(к) Димитров выступил с острой самокритикой, по существу целиком взяв на себя вину за «ошибки» партийного руководства, сформулированные в духе выступления Костова в Бухаресте. А они оказались значительными: помимо фактической ревизии тактики Отечественного фронта констатировались недостаточное развитие внутрипартийной демократии, критики и самокритики как основной движущей силы в жизни партии; недостаточная коллегиальность в работе партийного руководства, в том числе ЦК; распространение командных методов; недооценка партии как коллективного органа; неоправданная отсрочка

на заседании Информбюро, то он [Костов] возьмет на пленуме слово и выступит фактически с содокладом» (ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 5. А. е. 34. Л. 74–75). Допустить такой страшный грех, как проявление фракционности в руководстве, Димитров не мог и отступил перед натиском Костова.

³⁶ ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 5. А. е. 34. Л. 44.

³⁷ Там же. Л. 30, 44, 45, 49, 216.

проведения партийного съезда; сильная засоренность партии «случайными, гнилыми, карьеристскими элементами»; слабый идейно-политический уровень коммунистов; рост таких негативных проявлений у партийцев, как нескромность, зазнайство, стремление к роскоши и т. д., и т. п. Включив в доклад, как уже говорилось, значительную часть выступления Костова на совещании Коминформа, в частности критику отставания болгарских коммунистов в теоретическом осмыслении переходного периода³⁸, Димитров, однако, попытался было отстоять прежнюю тактику ОФ как адекватную сложившимся условиям. Однако необходимость соотноситься с коминформовскими установками в конечном счете заставила его отступить, совершить резкий поворот в своих прежних оценках партийного курса. Представляется, что в значительной степени вынужденное заявление Димитрова о коренной ошибочности теории сотрудничества классов явилось прологом фактического разрыва со стратегией ОФ, наметило перспективу «идеологической сдачи» ее сторонников. Сделанный им упор на принцип коллективного руководства вкупе с провозглашением «товарища Сталина» «единственным всеми признанным вождем и учителем» *всех компартий* выдавал, с нашей точки зрения, опасение быть обвиненным в «вождизме», вменявшемся, как известно, Тито и противопоставлявшемся «естественному» авторитету и харизме советского лидера. «Не партия должна зависеть от руководителей, а руководители — от партии», — подчеркнул Димитров. Верность марксистско-ленинскому учению, исполнение здоровой коллективной воли партии он связал с обликом «настоящих» партийных руководителей. В целом резолюция пленума фокусировала внимание коммунистов на неизбежном усилении классовой борьбы, намерении реакции восстановить капиталистические порядки в стране и необходимости всеми силами крепить единство и сплоченность партии. От членов БРП(к) требовались непримиримость к классовым врагам и постоянная неусыпная бдительность³⁹.

В духе «исторической» резолюции XVI пленума (именно так ее вскоре стали называть в партийных документах и пропагандистских материалах) предстояло соответствующим образом мобилизовать партийную массу. Однако болгарское руководство не особенно

³⁸ Там же. А. е. 25. Л. 15–20.

³⁹ ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 5. А. е. 25. Л. 37–45.

спешило: только через три месяца, 7 октября 1948 г., в околийские, городские и районные комитеты БРП(к) была разослана подписанная Костовым от имени ЦК специальная инструкция «О повышении бдительности в партии». В 15 пунктах документа прописывались конкретные меры по выявлению и разоблачению врага, направляющего свои «отравленные стрелы» в первую очередь против партии, а также обязанности в связи с этим партийного руководства на местах и каждого коммуниста⁴⁰. На наш взгляд, очевидную задержку с появлением этого документа объясняет непростая обстановка в высшем руководящем эшелоне, обострившаяся в связи с прогрессирующей болезнью Г. Димитрова⁴¹.

В новых условиях болгарское руководство, заявляя о готовности поддерживать добрососедские отношения с Югославией, сформулировало на V съезде БКП (декабрь 1948 г.) категорическое условие для этого: «возвращение» соседней страны «в лагерь СССР и народных демократий», неукоснительное следование «великому учению марксизма-ленинизма» и принципам интернационализма⁴². Партийный форум, таким образом, констатировал, что югославские руководители посягнули на обязательную для коммунистической партии «основу основ».

Позиция, занятая болгарским руководством в возникшем конфликте, как и «коминформовское» объяснение разрыва с Югославией, предложенное болгарскому обществу, расходились с проявившимися в нем оценками возникшей ситуации. Для широких кругов населения резолюция Коминформа стала «громом среди ясного неба». Именно так охарактеризовали ее в кругах крестьянской партии — БЗНС. «Полной неожиданностью», которая «у многих не укладывалась в головах», оказалась она и для значительной части коммунистов. Подобные настроения наблюдались повсюду. В связи

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 93. Л. 1–4 (на болг. яз.); Восточная Европа в документах российских архивов. Т. II: 1949–1953 гг. М., 1998. Док. №2. С. 11–14.

⁴¹ 8 августа 1948 г. медицинский консилиум при участии прибывших в Софию советских профессоров И. А. Валединского и Грынчара рекомендовал Димитрову срочно пройти двухмесячный курс лечения в правительственной санатории в Барвихе. 19 августа Сталин и Молотов настойчиво советовали Димитрову последовать рекомендации врачей. С 15 сентября по 22 ноября 1948 г. Димитров находился на лечении в Советском Союзе (*Георги Димитров*. Дневник. С. 621, 622, 628, 643).

⁴² *Димитров Г.* Политический отчет на ЦК на БРП(к) пред V конгресс на партията (19 декември 1948 г.). София, 1948. С. 70.

с этим к разъяснительной работе на местах были привлечены члены высшего партийного эшелона. Эффективность их выступлений, судя по документам, нельзя оценить однозначно. К примеру, установочный доклад члена Политбюро Цолы Драгойчевой перед партактивом Русенского округа не смог до конца рассеять сомнения аудитории. Однако это не помешало собравшимся, как сообщали из советского консульства в г. Русе, «с глубоким возмущением» осудить поведение ЦК КПЮ и его руководства. В принятой резолюции предлагалось развернуть разъяснительную работу в первичных парторганизациях и селах, подготовив для этого квалифицированных докладчиков⁴³.

Предпринятое «промывание мозгов» давало подчас обратный результат: среди части коммунистов и социал-демократов быстро распространились настроения в поддержку Тито, отмечались его «смелость и самостоятельность». При этом личность югославского лидера, якобы посмевшегося противостоять попыткам Москвы «коммунизировать» свою страну, нередко излишне героизировалась. Вместе с тем проявилась и очевидная полярность суждений. «Тито знает свое дело», он — патриот, думает в первую очередь о своей родине, утверждали одни. «Тито — серб и шовинист, враг Болгарии. Для Болгарии хорошо, что Коминформ осудил его, ренегата и предателя», — настаивали другие⁴⁴. Причину конфликта часть населения усматривала в «направленной на ограбление малых государств политике СССР», которую якобы с успехом пытался блокировать югославский лидер⁴⁵. Широким диапазоном отличались и оценки перспектив возникшего противостояния: оптимизм одних (Югославия останется в лагере демократических сил во главе с СССР, «ошибки руководства будут исправлены») соседствовал с ожиданиями усиления разногласий между странами народной демократии, вплоть до разрыва с Советским Союзом, падения престижа коммунистов — других. Дефицит информации отчасти восполняли наводнившую страну слухи — о вступлении англо-американских войск в Югославию, аресте югославского правительства и бегстве Тито в Англию, а Василя Коларова — в Белград, о неизбежном военном столкновении Запада с СССР, взятии под стражу известных в стране деятелей — Цолы Драгойчевой, Георгия

⁴³ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 37. П. 143. Д. 15. Л. 11–12.

⁴⁴ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 38. П. 151. Д. 4. Л. 43.

⁴⁵ Там же. Оп. 37. П. 148. Д. 48. Л. 17–20, 31, 32.

Трайкова, Кимона Георгиева. Крестьянство будоражили произвольные трактовки той части резолюции Информбюро, где содержалась критика КПЮ по аграрному вопросу. Страх перед коллективизацией по советскому образцу, отражавший крепкую привязанность болгарского крестьянина к своему наделу, недовольство хлебопоставками и производственными кооперативами, надежды на сохранение частной собственности на землю определяли настроения деревни⁴⁶.

Думается, не будет преувеличением считать, что именно в связи с возникшим столь неожиданно югославским «делом» власти впервые после осени 1947 г., когда была ликвидирована легальная оппозиционная партия БЗНС под руководством Николы Петкова (БЗНС-НП), столкнулись с проявлениями определенного критического потенциала в болгарском обществе. Советские наблюдатели в стране, внимательно отслеживая обстановку, констатировали ее сложность и неоднозначность. С учетом перспектив общественно-политического развития страны особое значение для Москвы приобретали те донесения дипломатов, в которых фиксировались сомнения части населения в справедливости социалистического строя. Наблюдатели сообщали, что отдельные граждане критически оценивают «социалистическую систему, применяемую в СССР, а теперь и в Болгарии», как «выгодную» для власти, но не для народа. «Тито это понял, — считали критики, — и поэтому отказался от советской социалистической политики»⁴⁷. Не могли не беспокоить советскую сторону и заявления о том, что «Болгария должна последовать примеру Тито»⁴⁸.

На Западе советско-югославский конфликт также породил выплеснувшиеся в печать слухи о трещинах в советском блоке и критических настроениях в некоторых компартиях Западной Европы. Читателю предлагалась «достоверная» информация о взятии под арест и возможной казни Тито, о снятии со своих постов некоторых румынских руководителей, в том числе отстранении от власти и даже аресте Георге Георгиу-Дежа, обвиненного якобы, как и Тито, в «мании величия», о «разжаловании» и пребывании в безвестности Цолы

⁴⁶ Там же. П. 143. Д. 14. Л. 53–54; ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 5. А. е. 25. Л. 119; *Волокитина Т. В.* «Холодная война» и социал-демократия Восточной Европы. 1944–1948 гг. (Очерки истории). М., 1998. С. 76–78.

⁴⁷ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 37. П. 148. Д. 48. Л. 32.

⁴⁸ Там же. Л. 20.

Драгойчевой, о предстоящей замене «впавшего в немилость» Москвы Мориса Тореза... Западные средства массовой информации констатировали осложнение ситуации в Венгрии и Албании, сообщали, например, что Энвер Ходжа «не пользуется авторитетом» у московского руководства, и т. п. Явный вымысел, однако, являлся производной от вполне здравых прогнозов о грядущей «чистке всей советской империи, подобной внутренней чистке в Советском Союзе, завершившейся процессами об измене», или о том, что «Россия скоро найдет некоторый отход от партийной линии не только в Югославии»⁴⁹.

Западные аналитики проявили завидную прозорливость. Сразу после бухарестского совещания в Отделе внешней политики (ОВП) ЦК ВКП(б) был подготовлен блок документов, направленных на вскрытие недостатков в деятельности компартий — участниц Информбюро и предотвращение их отклонения от партийного курса, сформулированного в Москве. Однотипные по содержанию и названию, написанные под углом зрения извлечения уроков из «ошибок КПЮ», они сосредоточивались на вопросах теории, недооценка или неверная трактовка которых, по мнению советской стороны, непосредственно отражалась на тактической линии национальных коммунистов⁵⁰. «Рецепт» по исправлению ситуации, предложенный Москвой, не выходил за рамки традиционного набора «ингредиентов», представленных на партийно-пропагандистском «новоязе». В справке «Об уроках из ошибок КП Югославии для болгарской РП(к)»⁵¹ в качестве первого «урока» значилась необходимость для руководства «усилить борьбу за чистоту марксистско-ленинской теории, за поднятие уровня идеологической работы в партии, за усиление пропаганды марксизма-ленинизма». Характерно, что обеспечение «чистоты» теории напрямую связывалось с развенчанием концепции «национальных путей к социализму». Следует отметить, что, хотя начало критики этой концепции было положено еще на первом совещании Коминформа в Шклярской Порембе⁵², советское руководство в течение некоторого времени вполне терпимо относилось к ней, время от времени

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 55. Л. 55, 58; Волокитина Т. В. «Холодная война» и социал-демократия Восточной Европы. С. 77.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 50. Л. 1–55.

⁵¹ Там же. Л. 1–7.

⁵² Под влиянием первого совещания Коминформбюро в руководстве БРП(к) наметились разногласия по вопросу об интенсификации революционного процесса

вспоминая ленинские установки о многообразии форм перехода к новому общественному строю. Перелом наступил именно после бухарестской встречи. На этом этапе из архива ОВП были извлечены, заново проанализированы и, препарированные, легли на стол высокого начальства прежние заявления коммунистических лидеров в поддержку концепции «национальных путей». Задним числом суровой критике в частности было подвергнуто выступление Димитрова 26 февраля 1946 г. на Софийской областной партконференции, в котором он заявил, что болгарские коммунисты в состоянии «найти... собственный болгарский путь» к новому строю, отказавшись от лозунга «Бери оружие, бей вправо и влево и устанавливай свою диктатуру!» и предпочитая «более медленный», но и «более безболезненный» переход к социализму. Общественно-политическая трансформация виделась в то время Димитрову и многим другим болгарским коммунистам не как борьба рабочего класса за социализм «против остальных производительных слоев страны», а напротив, как «вопрос сотрудничества рабочего класса с крестьянами, ремесленниками, интеллигенцией, прогрессивными и передовыми слоями народа». Димитров решительно подчеркивал, что такой путь в болгарских условиях вполне реален⁵³.

Помимо указанного выступления авторы справки «Об уроках из ошибок КП Югославии для болгарской РП(к)» вскользь упомянули и о других неоднократных «ошибочных» высказываниях Димитрова в пользу «национального пути к социализму». При этом, правда, они с удовлетворением констатировали, что «ошибка» была исправлена. Заметим, что метод «исправления» был весьма незатейлив. Так, полностью опубликованное в свое время в партийном органе, газете «Работническо дело» выступление от 26 февраля 1946 г. при издании годом позже избранных произведений Димитрова подверглось редактированию, и все нежелательные пассажи в нем, как указывалось в справке, «были исправлены»⁵⁴.

«Исправления», предпринятые вдогонку, не могли тем не менее затушевать крайне сложную и далеко не однозначную картину

в стране. Активными сторонниками и выразителями новых установок стали, в частности, Вьлко Червенков, Добри Терпешев, Титко Черноколев.

⁵³ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 11. Л. 39–40, 174–176.

⁵⁴ Речь шла о вышедшем в 1947 г. в Софии томе 3-м речей, докладов и статей Г. Димитрова (*Димитров Г. Речи, доклады, статьи. София, 1947. Т. 3. С. 387*).

идейно-теоретической переориентации болгарских коммунистов. Часть членов партии выступала с резкой критикой ЦК «слева» за «подражание» новой демократии югославского типа вместо прямого перенесения на болгарскую почву советского опыта, за забвение идеи диктатуры пролетариата и в результате — «потерю времени». Информация о подобных настроениях оперативно передавалась в Москву, в том числе и по дипломатическим каналам⁵⁵.

Из противостояния в болгарских «верхах» советское руководство стремилось извлечь максимальную для себя выгоду: выявить «сомневающих» и «колеблющихся», маневрировать, приближая или отдаляя отдельных функционеров, и, в конечном счете, блокировать возможность отклонения БРП(к) по югославскому примеру от «правильного» курса.

В целом преодоление прежних подходов и оценок в болгарском руководстве шло медленно, «приливы» и «отливы» их критики чередовались. Поэтому в выступлениях лидеров той поры можно встретить немало противоречий, недоговоренностей. Тот же Костов во время поездки по Южной Добрудже осенью 1948 г. избегал резких оценок в духе своего доклада в Бухаресте. Как, например, сообщал в Москву сотрудник посольства СССР Г. П. Купка, Костов, выступая 10 октября в г. Добриче, ни единым словом не обмолвился о классовой борьбе, расслоении крестьянства. Советский дипломат отметил, что руководство БЗНС сочло такую позицию стремлением «не дразнить крестьян» перспективой наступления на кулачество⁵⁶. Вероятность чисто тактического расчета, действительно, исключать не следует. Но не следует, на наш взгляд, и отбрасывать возможность понимания Костовым «существующей пока классовой гармонии в деревне»⁵⁷ и, как следствие, нежелание «расстраивать» эту гармонию радикальными заявлениями. В таком случае это по большому счету свидетельствовало об искусственности всей новой идеологической «конструкции», направленной на создание и эскалацию классового противостояния и нетерпимости, о ее несоответствии реальной обстановке в стране.

Представляется, что неверным было бы не учитывать и переживаемое многими коммунистами трагичное по своей сути раздвоение,

⁵⁵ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 37. П. 148. Д. 48. Л. 142.

⁵⁶ Там же. П. 143. Д. 14. Л. 80.

⁵⁷ Там же.

когда здравый смысл, опыт, интуиция, личные доверительные отношения перечеркивались под напором «классовой солидарности» с центром международного коммунистического движения. Позднее лидер итальянской компартии П. Тольятти напомнит, что «решающим элементом их поведения» в то время являлась «глубокая традиционная приверженность единству и дисциплине»⁵⁸. В полной мере это относилось и к болгарским коммунистам.

В декабре 1948 г. в политическом отчете на V съезде БКП Димитров, критикуя «левизну» в партии, фактически вновь, хотя и крайне осторожно, напомнил о концепции «болгарского пути», увязав ее с феноменом народной демократии и функционированием коалиционной системы Отечественного фронта и противопоставив «революционной», демагогической фразеологии, которая только затрудняла, по его словам, переход к социализму. Очевидно, имелись в виду призывы болгарских «левых» «открыто говорить о социализме», включить в программные документы ОФ «ясные указания о социалистическом пути развития Болгарии»⁵⁹, т. е., иными словами, сократить переходный период в стране. Понятно, что социалистический путь в интерпретации «левых» мог означать только одно — ускоренное внедрение советской модели. Однако до основной массы коммунистов доводы Димитрова не дошли: при подготовке доклада к публикации «крамольные» места были вычеркнуты⁶⁰.

Сказанное Димитровым не следует трактовать как проявление какой-либо его оппозиционности. Речь шла, на наш взгляд, лишь о желании несколько «растянуть» этап народной демократии, сделать переходный период более естественным, плавным, менее болезненным, как любил говорить болгарский лидер. Иначе говоря, о том, чтобы минимизировать издержки внедрения советской модели, с которыми он был знаком не понаслышке. С позиций сегодняшнего дня расчеты Димитрова видятся наивными и нежизнеспособными: как и другие страны «социалистического лагеря», Болгария была обречена на копирование «матрицы» — советской, сталинской модели. Установки V съезда БКП о народной демократии как форме диктатуры пролетариата стали обоснованием нового курса, подвели окончательную

⁵⁸ Цит. по: *Гиренко Ю. С.* Сталин–Тито. М., 1991. С. 323.

⁵⁹ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 36. П. 134. Д. 8. Л. 40.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 58. Л. 86.

«теоретическую» базу под процесс коренного изменения коалиционного характера Отечественного фронта.

Одним из важнейших мероприятий в этом направлении явилось «выкорчевывание» социал-демократической идеологии, к которому руководство БРП(к) приступило, используя изменение психологического климата в стране. Во второй половине 1948 г. выразители этой идеологии были насильственно, хотя и разными методами, сведены с болгарской политической сцены. Летом произошло «объединение» БРСДП и БРП(к), а точнее ликвидация социал-демократической партии через слияние с коммунистами на основе программы и устава компартии. Позднее, осенью, решилась судьба оппозиционной социал-демократической партии Косты Лулчева (БРСДП(о))⁶¹. На основании обвинений в контрреволюционной и антисоветской деятельности против нее был начат политический процесс, и осенью 1948 г. партия перестала существовать. 28 сентября 1948 г. советский посол М. Ф. Бодров в записке на имя В. М. Молотова сообщал из Софии: «Рабочая партия, воспользовавшись повышением активности реакции в связи с югославскими делами, нанесла удар по ее последней, легально организованной силе в стране...»⁶²

Таким образом, к концу 1948 г. вектор общественного развития Болгарии определился четко и бесповоротно — к социализму «по Сталину». Явная тенденция к абсолютизации советского опыта означала механическое и, следовательно, некритическое его восприятие, без каких-либо поправок на национальные особенности. По существу, это констатировал и политический отчет посольства СССР за 1948 год: «Всё советское считается жизненно необходимым для дальнейшего развития страны», «...вся общественная, экономическая, политическая, культурная и научная жизнь болгарского народа всё более и более насыщается просоветским содержанием»⁶³.

Тем не менее внимание советской стороны к концепции «национальных путей к социализму», в том числе и к ее отголоскам в Болгарии, продолжало сохраняться. Более того, как показывают документы, эта концепция превратилась в головную боль московского руководства: к ее компрометации и развенчанию оно будет вынуждено не раз

⁶¹ Подробнее см.: Волокитина Т. В. «Холодная война» и социал-демократия Восточной Европы. С. 181–185.

⁶² АВП РФ. Ф. 074. Оп. 37. П. 147. Д. 46. Л. 118.

⁶³ Там же. Оп. 38. П. 152. Д. 14. Л. 26, 27.

возвращаться. Уже весной 1949 г. в очередной серии справок «О борьбе против клики Тито», подготовленной в ОВП ЦК ВКП(б), ситуация в Болгарии, Италии, Польше, Румынии, Франции и Чехословакии рассматривалась в том числе и через призму укорененности в коммунистическом руководстве идеи «национального пути». БКП в этом плане была отнесена к числу наиболее благополучных партий. В справке от 15 мая 1949 г. референт Отдела А. А. Стручков с удовлетворением отметил, что болгарские коммунисты резко критикуют прежнюю недооценку классово-борьбы в стране и «имевшиеся в прошлом иллюзии о возможности мирного развития Болгарии по пути к социализму»⁶⁴. Но наряду с этим в болгарских материалах ОВП встречались критические замечания в адрес партийной печати за отсутствие публикаций с обстоятельным анализом таких «ошибок прошлого», как концепция «болгарского пути к социализму»⁶⁵.

После бухарестского совещания болгарская сторона некоторое время исходила из возможности продолжения хозяйственных и культурных связей с Югославией. 30 июня в печати было опубликовано официальное сообщение, согласно которому «обнародованное решение Информбюро...ни в чем не меняет существующие дружеские отношения между НРБ и ФНРЮ. Рассчитывая на взаимность, болгарское правительство будет продолжать честно и искренне сотрудничать с югославским правительством в соответствии с договором о дружбе»⁶⁶. 1 июля 1948 г. в беседе с советским послом в Белграде А. И. Лаврентьевым его болгарский коллега Пеловский информировал: в Министерстве иностранных дел его ориентировали на то, что опубликование документов по Югославии никак не должно повлиять на характер политических отношений между двумя странами. Очевидно, подобный подход болгарской стороны, исходивший из намерения «развести» межгосударственные и межпартийные отношения, не был самостоятельным, а отражал установки Москвы. Но добиться этого в формирувавшемся в соответствии с советской

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 93. Л. 56–57.

⁶⁵ Там же. Д. 87. Л. 55–56.

⁶⁶ Цит. по: Архивите говорят. Т. 31. Македонският въпрос в българо-югославските отношения (1944–1952). София, 2004. Док. № 243. С. 358. В своевременности и пользе данного сообщения высказывали сомнение отдельные болгарские коммунисты. За разъяснением к Димитрову обратился, например, главный редактор газеты «Отечествен фронт» Владимир Топенчаров (Там же. С. 357–358).

моделью «партийном государстве» было, на наш взгляд, делом нерезальным.

Едва ли не первым пробным шаром оказался визит в Белград делегации деятелей болгарской культуры. Посол Лаврентьев, судя по документам, отнесся к сообщению о предстоящей поездке скептически⁶⁷. Надо сказать, что позиция советского дипломата отчасти подтвердилась: несколько дней спустя после визита, 5 июля, Пеловский сообщил, что болгарскую делегацию ждал в югославской столице холодный прием — встречи у министра искусств В. Рыбникара и министра иностранных дел С. Симича прошли формально, «сухо», дело обошлось и без традиционных застольных здравий в честь руководителей партий и государств («никто никаких тостов не произносил»)⁶⁸.

Постепенно позиция Софии уточнялась по разным параметрам. Происходило это координированно с другими странами «социалистического лагеря», по непосредственным рекомендациям советской стороны. Однако иной раз болгарская сторона, вероятно, из-за опасений отстать, «шагать не в ногу» с советскими «друзьями» сама проявляла активность. Так, в ноябре 1948 г. посол Пеловский, явно по указанию своего руководства, поставил перед Лаврентьевым вопрос о возможном отзыве болгарских специалистов из Югославии⁶⁹. Но дипломат ушел от ответа, заметив, что «столь крупный вопрос, связанный с престижом государства», следует ставить перед *своим* правительством⁷⁰.

На переднем крае: болгарское посольство в Белграде

Регулярные встречи болгарского посла в Югославии с советскими дипломатами, как показывают документы, стали неотъемлемой и существенной частью его работы. Оказавшиеся на переднем крае развертывавшейся борьбы против югославских «отступников»

⁶⁷ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 426. П. 219а. Д. 1. Л. 40. Посол заявил, в частности, что, случись подобное в Советском Союзе, он лично не поддержал бы поездку в Югославию советских артистов.

⁶⁸ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 426. П. 219а. Д. 1. Л. 40.

⁶⁹ К концу 1948 г. в Югославии находились около 450 болгар. Примерно 250 специалистов были командированы в страну по решению болгарского правительства. (В их число входили 40 техников, 20 ветеринарных врачей и пр.). В это же время в Югославии обучались 220–250 студентов, основная часть их — до 200 чел. — в Загребе.

⁷⁰ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 426. П. 219а. Д. 1. Л. 46.

болгарские дипломаты, работавшие в Белграде, больше всего опасались неверных шагов. Контакты и консультации с советскими коллегами рассматривались как своеобразная гарантия от ошибок.

С точки зрения организации работы посольства основная роль отводилась упомянутой выше инструкции «О повышении бдительности в партии». Ее положения, как явствует из изученных нами материалов, не сходили с повестки дня партийных собраний коммунистов посольства. Было признано, что до опубликования бухарестской резолюции бдительность у сотрудников посольства «отсутствовала полностью». В решении партсобрания от 29 апреля 1949 г. указывалось, например, что «чуждые троцкистские влияния руководства КПЮ свободно проникали... в парторганизацию и мешали правильному выполнению служебных обязанностей», что у отдельных коммунистов проявились «гнилые примиренческие настроения»⁷¹. Поскольку, судя по протоколу собрания, ни в отчетном докладе, ни в выступлениях коммунистов ни о чем подобном не говорилось, решение, по всей вероятности, уже задним числом «дотягивалось» до необходимого уровня самокритики, чтобы избежать нареканий, а может быть, и оргвыводов вышестоящих софийских инстанций.

В числе предпринятых конкретных мер на первом месте оказалась чистка посольского аппарата. Сразу же были уволены почти все сотрудники-югославы, лишь в отношении «менее опасных» (таковых оказалось трое) было решено несколько отсрочить увольнение⁷². Была сформулирована жесткая установка, согласно которой дисциплина сотрудников посольства приравнивалась к «фронтальной»⁷³. Предлагалось усилить внимание к ведению делопроизводства и переписки, введя гриф секретности, регулярно проводить инструктаж сотрудников, «как и по каким вопросам говорить с югославами», отменить доступ на территорию посольства посторонним лицам и пр. Сотрудникам запрещалось громко разговаривать на улицах и в общественных местах. Предусматривались и такие меры, как установка на воротах посольства жестяных листов, «чтобы скрыть двор посольства от взглядов врага», а также смена замков и ключей в здании.

⁷¹ ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 32. А. е. 79. Л. 18.

⁷² Там же. А. е. 239. Л. 16.

⁷³ Там же. Л. 28.

Кстати, решение последнего, чисто практического и отнюдь не самого сложного, вопроса, судя по посольским документам, заняло несколько лет — с апреля 1949 по июль 1951 г. (!), и стало поводом для активной переписки с Софией⁷⁴.

Ужесточение распорядка работы болгарского дипломатического представительства, по признанию самих сотрудников, негативно отражалось на выполнении его основных задач. В апреле 1949 г. констатировалось, что не поддерживался даже «минимально возможный контакт с югославскими кругами и товарищами, который необходим для правильного информирования посольства»⁷⁵. Затрудняли работу и введенные югославскими властями в апреле 1952 г. ограничения в режиме передвижения болгарских дипломатов по стране. (Заметим, что эта инициатива югославы вскоре вызвала ответную реакцию болгар: уже в июне сотрудникам югославского посольства в Софии были запрещены поездки в районы к западу от р. Искыр, южнее шоссе София–Пловдив–Хасково, севернее и северо-восточнее направления Русе–Разград–Шумен–Провадия, а также посещение значительного числа околий и нескольких крупных окружных центров⁷⁶). В начале 1953 г. жизнь болгарского посольства в Белграде практически замерла: страну были вынуждены покинуть управляющий посольством советник К. Иванов, первый секретарь Б. Николов и военный атташе Н. Кривлев. До июня месяца в штате оставался всего один дипломат⁷⁷.

Позитивные изменения начались только после смерти советского лидера. В августе 1953 г. болгарская сторона приняла решение приступить к постепенной нормализации отношений в дипломатической сфере, в частности снять ограничения на передвижения по стране югославских дипломатов. Одновременно предстояло добиваться улучшения условий работы болгарских дипломатов в Югославии.

⁷⁴ ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 32. А. е. 79. Л. 3–4, 29; А. е. 239. Л. 27.

⁷⁵ Там же. А. е. 79. Л. 19, 20.

⁷⁶ Там же. Оп. 6. А. е. 1598. Л. 1–2.

⁷⁷ *Огнянов Л.* Отношенията между България и Югославия (1949–1956) // Минало. 1996. № 3. С. 90.

Развертывание пропагандистской кампании против «клики Тито»

Развернувшаяся после опубликования бухарестской резолюции Коминформбюро пропагандистская кампания против югославской компартии и ее руководства поначалу ограничивалась положениями, зафиксированными этим документом, и не выходила за его рамки. Положение начало меняться после появления 8 сентября 1948 г. на страницах «Правды» новой установочной статьи «Куда ведет национализм группы Тито в Югославии». Ее авторы, подписавшиеся «Цека»⁷⁸, от имени руководства ВКП(б) открыто обвинили Тито в создании собственной «фракции», противостоявшей интернациональному большинству партии и установившей жестокий террористический режим. В подтверждение приводился факт гибели на югославско-румынской границе прославленного генерала Арсо Йовановича, выразившего несогласие с политикой Тито и попытавшегося вследствие этого уйти за кордон⁷⁹.

Обвинения, содержащиеся в статье, фактически снимали прежние ограничения в антиюгославской критике. Последняя начала ужесточаться, а ее лексикон — заметно грубеть, мало-помалу переходя границы дозволенного в международной практике. Вместе с тем давала знать о себе и инерция былых установок. К началу 1949 г. София, например, всё еще не оставляла надежд на возможное «исправление» Югославии, которое по-прежнему виделось в изменении отношения к Советскому Союзу и странам народной демократии. Об этом свидетельствовал, в частности, комментарий газеты «Работническо дело» в связи с созываемым в Москве зимой 1949 г. экономическим совещанием, принявшем решение о создании Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Югославия, писал болгарский официоз, сможет

⁷⁸ Югославская сторона была убеждена, что стиль изложения выдавал авторство Сталина (*Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008. С. 35).

⁷⁹ Москва располагала датированной июлем 1948 г. директивой министра внутренних дел Сербии С. Пенезича уполномоченным госбезопасности в областях, граничивших с Венгрией, Румынией и Болгарией, в которой указывалось: «Любое лицо, задержанное на границе, необходимо проверять, и если задержанный окажется членом партии, убивать его на месте, невзирая на личность — будь то член ЦК, министр или кто-либо другой, но без шума... Нет надобности держать таких людей в тюрьме» (Совещания Коминформа. С. 653, 739).

присоединиться к этой организации «только в том случае, если югославское правительство изменит свое враждебное отношение к Советскому Союзу, Болгарии и другим государствам народной демократии и вернется к политике искренней дружбы и честного сотрудничества с ними, что имеет жизненное значение и для самих югославских народов»⁸⁰. Судя по документам, руководство Болгарии некоторое время продолжало рассчитывать на внутреннее «сопротивление режиму Тито» как на залог перемен в стране. Однако подобные надежды мало-помалу рассеивались перед явлениями обратного порядка. В конце мая 1949 г. это фактически признал и Сталин: в беседе с Вьлко Червенковым и Георгием Чанковым он согласился с выводом болгар о «всё еще слабом» сопротивлении режиму Тито в стране и назвал причину — «отсутствие марксистских традиций в рабочем движении Югославии», где «почва марксизма вспахана крайне слабо»⁸¹. «Это не Болгария, где был свой Благоев, — подчеркнул Сталин. — Там никого нет. Моше Пияде перевел “Капитал” Маркса и думает, что стал марксистом. Дурак! Вообразил себе, что стал марксистом. Американская разведка тоже сейчас больше всего переводит Ленина и Сталина». Советский лидер фактически обозначил перспективу затяжного позиционного противостояния, поскольку ни сформировать «марксистские традиции», ни «вспахать» югославскую целину и взрастить в ней семена марксизма по-большевистски — наскоком, «кавалерийской атакой» — было делом нереальным. Действия Москвы с учетом этого направлялись на усиление критики в адрес югославских «отступников» и активизацию в этом направлении союзников по «социалистическому лагерю».

Именно к этому сводились предложения по развертыванию борьбы против «троцкистско-националистической клики Тито», выработанные Секретариатом Информбюро в мае 1949 г.⁸² Коммунистическим и рабочим партиям — членам Информбюро было рекомендовано

⁸⁰ Работническо дело. 1949. 18 февруари.

⁸¹ ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 5. А. е. 37. Л. 67. Эта «земледельческая» метафора, видимо, была одной из любимых Сталиным. Задолго до описываемых событий, в беседе 28 октября 1944 г. с болгарским дипломатическим представителем в Москве профессором Димитром Михалчевым на вопрос, «почему Германия с многомиллионным рабочим классом ничего от него не почувствовала», советский руководитель ответил: «Потому что германские коммунисты пахали мелко», пояснив, что они действовали поверхностно и не проявили должной бдительности (ЦДА. Ф. 1485. Оп. 1. А. е. 1200. Л. 104).

⁸² РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 84. Л. 143–146.

представить план организационных и пропагандистских мероприятий, направленных на оказание всесторонней помощи «здоровым силам компартии Югославии». В перечне неотложных мер значилась постоянная и всемерная поддержка югославских коммунистов-политэмигрантов. Секретариат предлагал в конце июня 1949 г. созвать конференцию политэмигрантов-«коминформбюровцев» для принятия обращения к КПЮ с призывом усилить борьбу против «фракции Тито»; создать надежные связи политэмигрантов со страной и обеспечить получение проверенной информации о положении в КПЮ; организовать нелегальное радиовещание на Югославию со специальной радиостанции. Особо подчеркивалась необходимость качественного улучшения пропагандистской работы: выступления должны быть хорошо аргументированы и носить наступательный характер. От партий-участниц требовалось предоставление в Секретариат регулярной информации о борьбе компартий против «клики Тито».

Полученные материалы направлялись в ОВП ЦК ВКП(б), где анализировались и обобщались. Пример — представленный 18 мая 1949 г. заместителю заведующего отделом Л. С. Баранову блок информационных записок «О борьбе компартий против клики Тито». Среди них — датированная 15 мая записка референта А. А. Стручкова «О практических мероприятиях Болгарской коммунистической партии против националистической, предательской деятельности клики Тито»⁸³.

Из основного раздела этого документа под характерным названием «Помощь Болгарской коммунистической партии, оказываемая КПЮ в ее борьбе против клики Тито» следовало, что практически основным видом такой помощи являлась печатная пропаганда. В разделе содержался подробный обзор болгарской печати за вторую половину 1948 — апрель 1949 г. Картина по меркам Москвы складывалась в целом неутешительная. Констатировались слабая популяризация в Болгарии резолюции Информбюро о положении в КПЮ, бессистемность действий, отсутствие наступательного характера и необходимой глубины критики, общий и декларативный характер публикаций и т. п. Неудовлетворительной была признана и статистика публикаций — в январе—апреле 1949 г. «Работническо дело» поместило «всего» 14, а «Отечествен фронт» — 7 антититовских статей.

⁸³ Там же. Д. 87. Л. 2–10.

Кроме того, слабым было и качество материалов — вплоть до весны 1949 г. болгарские средства массовой информации (печать и радио) «не подчеркивали открытый переход клики Тито в лагерь англо-американского империализма и откровенно враждебную линию по отношению к ВКП(б), СССР и странам народной демократии», не разоблачали «троцкистскую идеологию титовцев», не показывали «на примерах и фактах» установленного в КПЮ и стране «по-настоящему *турского* (! — Т. В.) режима», — указывал автор документа. К числу существенных недостатков было отнесено и «длительное молчание руководителей БКП», которые ограничивались устными выступлениями, но избегали публикаций. После «дела» Костова, утверждалось в записке, это «могло быть неправильно истолковано среди компартий и международной общественности». Первая статья болгар, причем в органе Информбюро, газете «За прочный мир, за народную демократию!»⁸⁴, появилась лишь 15 мая 1949 г. Ее автор Васил Коларов выступил с разоблачением «националистической позиции Трайчо Костова». (Заметим, что это не было случайным: именно Коларов явился главным «забойщиком» в эскалации обвинений своего бывшего соратника⁸⁵.)

Вместе с тем в связи с «делом» Костова наметились, по мнению Стручкова, некоторые позитивные подвижки: авторы публикаций резко критиковали «буржуазный национализм Тито» и проистекавшие из него «националистические ошибки» болгарского функционера. Однако правильные положения этих статей, указывал Стручков, чаще всего страдают декларативностью, отсутствием «достаточного обоснования фактами», «теоретических обобщений». Данное

⁸⁴ По мнению итальянского исследователя Дж. Боффы, газета «была на практике не более чем бюллетенем, не имеющим реального политического значения» (*Боффа Д.* История Советского Союза: В 2 т. Т. 2: От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964. М., 1994. С. 363). В газете преобладали материалы директивного характера и регулярная информация о выполнении решений Коминформа компартиями-участницами.

⁸⁵ Подробнее о роли В. Коларова в «деле» Костова см.: *Исусов М.* Последната година на Трайчо Костов. София, 1990; *Огнянов Л.* Васил Коларов и политическата съдба на Трайчо Костов // Шуменци — строители на съвременна България. Шумен, 2004; в российской историографии — *Волокитина Т. В.* Советский фактор в судьбах политических деятелей Восточной Европы в 40–50-е гг. XX в. (Тр. Костов, Л. Райк, Л. Пэтрэшкану) // Историки-слависты. Кн. 6: Б. Н. Билунов. Материалы конференции, посвященной 60-летию Б. Н. Билунова. М., 2008. С. 253–271.

критическое замечание, думается, отразило объективную сложность, с которой сталкивались болгарские авторы: нехватку убедительного конкретного материала, подтверждавшего серьезность обвинений. Не случайно, что и на том этапе болгарские СМИ отдавали приоритет перепечатке материалов из советских, албанских, польских официозов, органа югославских политэмигрантов в Чехословакии «Новая борьба», а также газеты «За прочный мир, за народную демократию!». Об их содержании красноречиво свидетельствовали названия – «Как Тито перешел в лагерь империалистов», «Демагогия и террор клики Тито не сломят сопротивления широких масс КПЮ и югославских народов», «Травля титовцами честных коммунистов», «Кровавые плоды национализма Тито», «Темные планы титовцев и колишевцев⁸⁶ в Пиринском крае», «Клика Тито разоружает Югославию перед ее внешними врагами», «Англо-американские империалисты аплодируют клике Тито» и т. п.

Болгарское руководство во многом соглашалось с критикой советской стороны. По оценке самих болгар, кампания по разоблачению Тито в печати длительное время пробуксовывала. Ранее, 17 февраля 1949 г., руководитель Дирекции печати Владимир Топенчаров в беседе с атташе посольства СССР Б. А. Дубенским признал явную недостаточность публикаций, отсутствие самостоятельности в работе Дирекции, подчиненной МИДу и непосредственно министру иностранных дел Коларову. «Во всяком случае, я еще не получил указания развернуть в нашей печати такую кампанию», — отметил Топенчаров⁸⁷. Только в середине августа 1949 г. заместитель министра иностранных дел Савва Гановский сообщил советнику посольства Ф. Н. Грязнову, что *недавно* в МИДе принято решение развернуть в печати более активную пропаганду по разоблачению Тито⁸⁸. В указанной выше записке от 15 мая 1949 г. Стручков, ссылаясь на свои беседы с Червенковым, Чанковым и другими руководителями, представил более детальное объяснение ими причин неудовлетворительной деятельности болгарской печати: «а) в свое время якобы *из Москвы было подсказано*, что с югославскими делами торопиться не следует; б) наблюдая в этом вопросе за деятельностью газеты “Прав-

⁸⁶ Лазар Колишевский занимал пост главы правительства Народной республики Македония.

⁸⁷ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 38. П. 151. Д. 11. Л. 25.

⁸⁸ Там же. Л. 69.

да”, они считают, что им не следует забегать вперед, т. е. помещать больше антититовского материала, чем это делает центральный орган ВКП(б); в) коммунистическая партия Болгарии имеет ограниченное количество кадров, особенно недостает журналистов; г) компартия и редакции газет не располагают необходимыми югославскими материалами, которые позволили бы выступать в печати с убедительными статьями». Стручков не согласился с объяснениями болгарских руководителей, считая истинной причиной «недооценку и непонимание руководством компартии смысла югославских событий и их нежелательных последствий». Свой вывод он подкрепил ссылкой на беседу с ответственным сотрудником МВД Болгарии Каприеловым, который «в осторожной форме» якобы выразил ту же мысль. Сам Стручков в своей критике доказательных доводов по существу не привел. В частности, фактически осталась без серьезных комментариев принципиальная ссылка болгар на «подсказку» Москвы. Советский аппаратчик попросту опроверг такую возможность, сославшись на неоднократные постановления вопроса об усилении печатной пропаганды против троцкистского руководства Югославии на заседании редколлегии органа Информбюро. Понятно, однако, что речь шла о разных вещах. Думается, что «подсказка», или, выражаясь языком партийных документов того времени, «совет» московских «друзей» имел место: вряд ли болгары осмелились бы заявить об этом, не имея на то оснований. На это же указывает, с нашей точки зрения, и отмеченная выше «медлительность» Коларова⁸⁹.

Архивные документы говорят о том, что средства массовой информации и далее оставались объектом постоянного внимания

⁸⁹ Как свидетельствуют документы российских архивов, пассивность была присуща в той или иной мере и руководствам других партий — участниц Информбюро. В справке аппарата Секретариата «О мерах по активизации борьбы коммунистических и рабочих партий против клики Тито», подготовленной в мае 1949 г. к его заседанию, называлась и едва ли не основная причина пассивности, граничившей с «политической беспечностью»: среди части руководящих деятелей этих партий «до конца еще не изжиты иллюзии о том, что югославские националисты “опомнятся” и вернуться в семью братских компартий», наблюдается «стремление некоторых партийных руководителей “отмолчаться”, переждать, кое-кто (называлось руководство компартий Чехословакии и Венгрии. — Т. В.) даже не прочь проявить в отношениях с югославскими националистами из клики Тито акты доброжелательства». В сокращенном виде этот вывод вошел и в одноименную резолюцию, принятую на заседании Секретариата (РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 80. Л. 102–103, 109).

советской стороны. Важным источником информации являлись систематические встречи советских дипломатов с руководителями Дирекции печати. Обзоры центральной и местной печати регулярно поступали в Москву.

Упомянутым выше рекомендациям Секретариата Информбюро (май) отвечала принятая 11–12 июня 1949 г. на расширенном пленуме ЦК БКП специальная резолюция о «предательской и провокаторской деятельности клики Тито». Ее основные положения сводились к резкому осуждению «антисоветской кампании» в Югославии, «националистических позиций» югославского партийного и государственного руководства, выражению «симпатий и полной солидарности» с деятельностью югославских «революционных» эмигрантов в Болгарии.

В ноябре 1949 г. болгарская сторона была вынуждена отреагировать на заявление Милована Джиласа, сделанное им в одном из интервью во время пребывания в Нью-Йорке. Вернувшись к событиям полуторагодовой давности, Джилас сообщил о неофициально выраженном Г. Димитровым в апреле 1948 г. сочувствии югославам и его напутствии «держаться» и проявить твердость. 10 ноября болгарские газеты опубликовали текст заявления Василя Коларова и Вылко Червенкова в связи с интервью Джиласа. В тот же день заявление по ВЧ было передано в Москву⁹⁰. Болгарские руководители отрицали «мерзкую клевету» Джиласа, указывали на его «отвратительное бесстыдство» и утверждали, что к тому времени, о котором шла речь, позиция Димитрова окончательно оформилась: югославы должны признать ошибки и справедливость критики и заняться их исправлением. Личная встреча с Тито, о которой просил Димитров, как указывалось в заявлении, отражала последнюю «каплю надежды» на то, что югославские руководители «опомнятся и не пойдут по низкому пути измены». Именно с целью сделать попытку лично обратить внимание Тито и его окружения на «гибельные последствия опасного пути» и задумывалась белградская встреча. Однако, узнав о содержании резолюции Политбюро ЦК БРП(к) с осуждением позиции югославов, Тито отказался от каких-либо контактов. Поезд, на котором болгарская делегация (Коларов и Червенков входили в ее состав) возвращалась из Праги, изменил расписание

⁹⁰ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 426. П. 219а. Д. 1. Л. 97.

и проследовал через югославскую территорию без остановки в Белграде⁹¹.

Об интервью Джиласа, правда, не называя его имени, напомнил, выступая в Будапеште на третьем совещании Информбюро и В. Поптомов. Болгарский делегат подчеркнул, что банда Тито не гнушается никакими подлыми средствами и провокациями, чтобы использовать в своих преступных целях «светлое имя товарища Георгия Димитрова»⁹².

Вероятно, истину следует искать где-то посередине крайностей. Думается, что Димитров действительно осознавал несправедливость многих обвинений в адрес югославов (отсюда, видимо, и проистекал его совет «быть твердыми», «быть постоянными»). Но в то же время он не мог или не смел открыто усомниться в их ошибочности. Джилас не случайно отметил одно, по его словам, «пораженческое выражение» Димитрова, прозвучавшее на той встрече: «Так как об этом (об ошибках руководства КПЮ. — Т.В.) сказал ЦК советской компартии, то наверняка критика в чем-то справедлива»⁹³.

Указанное раздвоение, впрочем, не отразилось на последовательных действиях болгарского руководства в поддержку решений Информбюро и советских инициатив по искоренению «титоизма» в братских компартиях.

Югославские «информбюровцы» в Болгарии

Вопрос о югославских политэмигрантах в Болгарии актуализировался к середине 1949 г. Представляется, что это явилось прямым следствием установки Секретариата Информбюро (май) на устранение серьезных недостатков в работе с политэмигрантами, прибывшими в страны «социалистического лагеря — Чехословакию, Румынию, Болгарию, Венгрию и Польшу. Несмотря на различия в численности эмигрантских групп в этих странах, деятельность «хозяев» была подведена под общий знаменатель: недостатками объявлялись слабая политическая работа в эмигрантской среде, игнорирование вопроса проверки кадров, недостаточная политическая, организационная

⁹¹ Там же. Л. 95–96.

⁹² Совещания Коминформа. С. 687–688.

⁹³ Цит. по: *Фосколо М.* Георги Димитров. С. 303.

и материальная помощь, малая активность в привлечении к практической работе, полная оторванность эмигрантских кругов от родины и пр. Последнее в первую очередь касалось граничивших с Югославией стран — Болгарии, Румынии, Венгрии⁹⁴. И в силу этого, в первую очередь, их компартиям адресовалась рекомендация обеспечить надежные каналы связи политэмиграции с Югославией для получения необходимой информации и заброски в страну пропагандистских материалов (газет, журналов, листовок и т. д.)⁹⁵.

По согласованию с советскими «инстанциями» югославские коммунисты-политэмигранты — руководители действовавшего в Москве координационного центра эмиграции П. Попивода и М. Савич ознакомились в апреле 1949 г. с положением эмиграции, посетив с этой целью Болгарию, Румынию и Венгрию. Составленные ими две записки из канцелярии Секретариата Информбюро в Бухаресте поступили в Москву в ОВП ЦК ВКП(б) Л. С. Баранову.

По информации Попиводы и Савича, болгарская колония насчитывала в тот момент 229 югославских граждан, в том числе 40 членов КПЮ и 76 — СКОЮ — югославского комсомола. Внутри нее существовал четкий водораздел: «эмигрантская группа» в Софии из «новых» эмигрантов-«информбюровцев» (видимо, именно в нее входили указанные выше коммунисты и комсомольцы) и собственно «колония» из югославов, прибывших в Болгарию в 1940–1941, 1944 и даже в 1937 г. по разным причинам, но «только не идеологического порядка». «Колония» — в плохом состоянии, констатировали Попивода и Савич: в ней много спекулянтов и дезертиров югославской армии. Большинство работают, живут у родственников в разных районах страны. Объединяют их только некоторые материальные выгоды, которые давала принадлежность к «колонии». «Новые» эмигранты бойкотируют «колонию», не поддерживают связей с ее руководителями. Особняком и от тех, и от других держатся македонские деятели — Б. Хаджипанзов и К. Попов.

Политэмигрантов, считали Попивода и Савич, приняли в Болгарии хорошо: разместили в гостинице, обеспечили двухразовым питанием, студентам выплачивают стипендию (как и болгарам — по 5 тыс. левов ежемесячно). Но в бытовом плане и материально им

⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 80. Л. 102, 105.

⁹⁵ Там же. Л. 105, 111.

приходится нелегко («сами ищут работу», «сами стирают» и решают прочие повседневные вопросы).

Оценивая настроения среди политэмиграции, проверявшие отметили, что многие настроены по-боевому — «готовы пойти на любое задание»; среди студентов не отмечалось особого рвения к учебе («не время, надо бороться»). Вместе с тем указывалось и на тревожные факты: отсутствие «прочного коллектива», частые ссоры, склоки, драки, интриги⁹⁶.

Итоги своего пребывания в Болгарии Попивода и Савич оценили положительно: «положение эмиграции поправлено». Для организации связи с Югославией и заброски в страну пропагандистских материалов с согласия ЦК БКП были выделены три товарища — Андрич, Мишуревич, Павичевич. Они уже получили конкретный план и «сразу начнут работу». Дальнейшая помощь, считали Попивода и Савич, нужна в виде регулярного — каждые 2–3 месяца — посещения болгарских политэмигрантов. Что касается руководства БКП, подчеркнули они, то оно оказывает «максимальную помощь»⁹⁷.

Во второй записке Попивода и Савич отметили некоторые негативные стороны положения эмигрантов. «Встреча товарищей, прибывающих из страны как следует не организована почти ни в одном из государств, граничащих с Югославией, — сообщали авторы. — Проверка происходит исключительно путем многомесячного заключения в тюрьме, что югославскими коммунистами воспринимается особенно тяжело. <...> Случается, что коммунист, месяцами сидевший в тюрьме в Югославии, после перехода границы опять попадает в тюрьму для проверки на такой же, а иногда и на больший срок. При этом случается, что нет причин не верить ему, если известно, что он с самого начала стоит за Резолюцию [Информбюро]»⁹⁸.

Данные тревожные сведения не находят подтверждения в изученных болгарских документах. Не встретились автору подобные материалы и в болгарских коллекциях российских архивов, хотя последние рисуют картину явного неблагополучия в эмигрантских кругах. Но оно имело иной характер. Политэмиграция в Болгарии находилась в ведении Министерства внутренних дел, которое «принимает,

⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 115. Л. 36–37.

⁹⁷ Там же. Л. 38.

⁹⁸ Там же. Д. 84. Л. 20.

проверяет их, обеспечивает питанием и жильем, и далее о них все забывают», — отмечалось в одном из документов, относящихся к весне 1949 г. Там же подчеркивалось, что ЦК БКП не вел работы среди политэмиграции вплоть «до самого последнего времени», когда наметились связи с ее активом из 30 коммунистов⁹⁹. Нерешенные проблемы трудоустройства (политэмигранты настаивали на предоставлении какой-либо работы, в том числе на производстве) приводили к нежелательным явлениям в быту, которые осуждали сами югославские коммунисты. «Мы уже начинаем разлагаться», — заявили они послу М. Ф. Бодрову¹⁰⁰.

Впоследствии численность политэмиграции увеличилась. По югославским данным, к 1951 г. она насчитывала в Софии и девяти округах страны около 800 чел.¹⁰¹

Документы, как болгарские, так и российские, подтверждают, что положение политэмигрантов главным образом в связи с бытовой неустроенностью, было действительно тяжелым. Отрывочные данные об обращениях политэмигрантов в ЦК БКП, которыми мы располагаем, свидетельствуют, что даже значительно позднее, в марте 1954 — январе 1955 г., наиболее частыми были просьбы об оказании материальной помощи, лечении, обеспечении жильем, а предпринятое в марте 1954 г. обследование состояния общежития по ул. Сердика, 14 в Софии выявило настолько жуткую картину, что вопрос стал предметом специального рассмотрения в аппарате ЦК¹⁰².

Политико-пропагандистская работа среди эмиграции возлагалась в основном на печатные издания. С этой целью использовалась коминформовская пресса. В Москве выходила газета «За социалистическую Югославию», в Праге — «Новая борьба», в Бухаресте — «Под знаменем интернационализма». Печатались газеты также в Тиране («За свободу») и Будапеште («За народную победу»). В Софии 15 мая 1949 г. началось издание на сербском и македонском языках газеты «Вперед» («Напрѐд»).

Поскольку основное предназначение указанных изданий заключалось в их нелегальном распространении в Югославии, то соответствующими были и тиражи. По данным аппарата ЦК ВКП(б) за август

⁹⁹ Там же. Д. 87. Л. 7.

¹⁰⁰ Там же. Л. 8.

¹⁰¹ *Dragišić P.* Jugoslovensko-bugarski odnosi. 1944–1949. Beograd, 2007. S. 243.

¹⁰² ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 32. А. е. 435. Л. 1–4, 6–7, 9, 10–17.

1951 г., ежемесячно они достигали 115–120 тыс. экз.¹⁰³ Тираж газеты «Напред» составлял, например, 10 тыс. экз., по 5 тыс. — на каждом языке. Издание имело свою специфику: если в сербской версии активно цитировались (в виде лозунгов) установки Ленина и Сталина о национализме, то в македонском варианте регулярно приводились высказывания Г. Димитрова по македонскому вопросу.

В состав редколлегии газеты «Напред», утвержденный ЦК БКП, вошли Благой Хаджипанзов (ответственный редактор), Радослав Блажа Пешикап (помощник редактора), Ратомир Йован Андрич (Кмета) (помощник редактора по оргвопросам), Слободан Радослав Атич и Илко Христов Младенов. С болгарской стороны общее руководство и наблюдение за деятельностью редколлегии возлагалось на члена Политбюро Владимира Поптомова, а непосредственную помощь оказывал по решению ЦК журналист Цв. Драгнев. Становление нового печатного органа шло негладко. В редколлегии не имелось опытных журналистов, отсутствовал план работы, остро стоял вопрос о бумаге. По всем этим вопросам Хаджипанзов периодически обращался к болгарскому руководству, просил, в частности, выслать для примера план работы органа Информбюро «За прочный мир, за народную демократию!». Драгнев также отмечал крайнюю необходимость постоянной помощи редколлегии¹⁰⁴.

Руководители политэмиграции предлагали ввести своеобразное разделение труда: возложить на «Напред» публикацию конкретного материала и разъяснение политических событий, а обобщение фактов, теоретические и пропагандистские статьи оставить за газетой «За социалистическую Югославию». Они считали желательным оперативно освещать такие злободневные вопросы, как «провал пятилетнего плана в Югославии», состояние югославской деревни, положение трудящихся в странах народной демократии и в Югославии¹⁰⁵.

Болгарское руководство достаточно критически оценивало содержание газеты «Напред». Выступая на будапештском совещании Информбюро, представитель БКП Владимир Поптомов указал на главный недостаток — газета «строится не на точном, а на довольно

¹⁰³ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.: В 2 т. / Отв. ред. Г. П. Мурашко. Т. II: 1949–1953 гг. М., 1998. Док. № 212. С. 591.

¹⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 87. Л. 8.

¹⁰⁵ Там же.

поверхностном знании положения вещей в Югославии, на случайных сообщениях и фактах. Поэтому проводимая пропаганда недостаточно убедительна и не может оказать нужного воздействия»¹⁰⁶. Советская сторона, отслеживая содержательную и организационную стороны издания, также неоднократно адресовала газете критические замечания. Как отмечал референт-переводчик Секретариата Коминформа Л. Латышев, в номерах «Наперед» отсутствовали обращения-просьбы к читателям присылать материалы, распространять газету; задачи издания упоминались мимоходом. «Бросается в глаза болгарский характер газеты», — подчеркивал Латышев: преобладают болгарские материалы о борьбе против «клики» Тито как борьбе между его «фракцией» в КПЮ и болгарскими коммунистами по вопросу о южнославянской федерации и Македонии¹⁰⁷.

Аналогичные по характеру претензии советская сторона имела и к передачам радиостанции София на Югославию, которая вещала дважды в сутки по 15 минут на сербско-хорватском языке на коротких и средних волнах. Отмечалась ее хорошая слышимость по всей территории Югославии (кроме южной части побережья Адриатики), особенно в Белграде и Македонии. Что касается содержания радиопередач, то в Москве констатировали их явный македонский «флюс»: они концентрировали внимание на пропаганде против «клики» Тито по македонскому вопросу, обвиняли югославское руководство в срыве планов создания федерации, широко пропагандировали политические и культурные связи болгарского и македонского народов, в определенной мере ревизовали историю создания и оценки действия Народно-освободительной армии Македонии (подчеркивалось, в частности, особое значение материальной помощи Болгарии в превращении НОАМ в регулярную) и пр. В связи с этим в обзоре болгарских радиопередач на Югославию, датированном 30 мая 1949 г., Л. С. Баранов с неудовольствием констатировал: «Получается, что Болгарская партия выступает против югославских националистов, главным образом потому, что неправильно решен македонский вопрос, или потому что титовцы недооценивают роль Болгарии и Болгарской [ком]партии в освобождении Македонии и Югославии от немецких оккупантов. <...> Только если речь идет о Македонии,

¹⁰⁶ Совещания Коминформа. С. 690.

¹⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 115. Л. 23, 25.

софийское радио реагирует собственными материалами и более оперативно»¹⁰⁸.

Недостатки в радиопропаганде подтвердил в Будапеште и Потомов, указав на недостаточно тщательный, «случайный», подбор материала, вследствие чего он «не всегда попадает в точку» и не доходит до сердца югославских трудящихся¹⁰⁹.

Поле борьбы — экономика

По ходу конфликта двусторонние отношения поступательно ухудшались также и в сфере экономики. Еще в начале апреля 1948 г. Савва Гановский в беседе с послом А. И. Лаврентьевым на вопрос, как развивается торговля с Югославией, ответил, что «всё идет хорошо»¹¹⁰. Трудно сказать, как долго сохранялась бы такая ситуация, но последовали очередные инициативы Москвы. Из записи в дневнике Г. Димитрова следует, что 15 августа через советника посольства в Софии К. Д. Левычкина поступила информация о новых принципах торговых отношений СССР с Югославией. Исходя из констатации, что югославские руководители «не могут считаться друзьями Советского Союза», Москва приняла решение выстраивать свои экономические связи с Белградом, как с Норвегией, Швецией, Бельгией и другими странами, не связанными с СССР договором о дружбе, т. е. исходя из торговой выгоды, без предоставления Югославии каких-либо преференций. Никакие другие основания для заключения сделок не допускались¹¹¹.

Излишне говорить, что полученная информация стала примером и установкой для Софии: болгарская сторона также взяла в двусторонних торговых отношениях с Белградом курс на реализацию прежде всего «своих собственных (чисто коммерческих) интересов».

Результаты не заставили себя ждать. Уже через год состоявшие болгаро-югославских связей кардинально изменилось. 29 июля 1949 г. на очередной встрече в Москве с советскими руководителями болгары рассказали, что торговля «почти совсем прекращена», югославы чинят препятствия транзиту через их территорию болгарских

¹⁰⁸ Там же. Л. 188, 191–193.

¹⁰⁹ Совещания Коминформа. С. 689.

¹¹⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 79. Д. 1106. Л. 78.

¹¹¹ *Георги Димитров*. Дневник. С. 622.

товаров. В связи с этим был поднят вопрос о постройке железнодорожного моста через Дунай¹¹². Сталин обещал помочь¹¹³. 4 августа 1949 г. на очередном пленуме ЦК БКП после обсуждения отношений с Белградом, в том числе их экономической составляющей, Червенков, информируя об итогах встречи в Москве, сообщил, что зависимость болгарской стороны от Югославии в сфере торговли будет преодолена с помощью Советского Союза: ускоренными темпами — «за один-два года» — будет построен мост через Дунай совместно с Румынией. Червенков привел слова Сталина, по всей вероятности, окрылившие болгар: «Болгария ближе к нам, не Югославия, а Болгария ближе к нам»¹¹⁴.

Хотя Югославия не была допущена к участию в созданном в январе 1949 г. Совете экономической взаимопомощи, решения, принимавшиеся по линии СЭВ, оказывали определяющее влияние на состояние хозяйственных связей с Югославией. Выдвинутое советским правительством в феврале 1949 г. условие участия ФНРЮ в СЭВ — «отказ от враждебной политики против СССР и стран народной демократии» — по понятным причинам изначально было абсолютно нереальным, а его невыполнимость развязала руки для явного ужесточения экономической политики со стороны Советского Союза и других социалистических стран к середине 1949 г. Был взят курс на установление экономической блокады Югославии. 28 апреля 1949 г. сессия СЭВ приняла постановление «Об отношениях с Югославией», рекомендовавшее в кратчайший срок пересмотреть имевшиеся соглашения с Югославией по экономическим вопросам. В документе конкретизировались и основные направления такого пересмотра: а) прекратить предоставление

¹¹² Еще раньше вопрос о строительстве моста рассматривался правительствами Болгарии и Румынии и был решен положительно. Об этом Г. Георгиу-Деж сообщил В. М. Молотову во время пребывания в Москве румынской правительственной делегации 7 февраля 1948 г. Стороны, по словам Дежа, рассчитывали привлечь к строительству СССР, Чехословакию и Польшу (Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы: В 2 т. / Отв. ред. Т. В. Волокитина. Т. 1: 1944–1948 гг. М., 1999. Док. № 188. С. 534).

¹¹³ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. II: 1949–1953 гг. Док. № 60. С. 196; ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 5. А. е. 42. Л. 49, 50.

¹¹⁴ ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 5. А. е. 42. Л. 49; Калинова Е. Балканската политика на България — предизвикателствата от Запад и от Юг (1944–1989 г.) // Изследвания по история на социализма в България. 1944–1989. Т. 2. София, 2010. С. 723.

каких-либо кредитов Югославии и поставки в счет ранее заключенных кредитных соглашений; б) ограничить закупки в Югославии только важнейшими видами стратегического сырья (свинец и свинцовые концентраты, цинк и цинковые концентраты, медь, ртуть, железная руда в ограниченном количестве, лес, пенька, пириты); в) значительно сократить продажу и поставки в Югославию дефицитных для стран СЭВ товаров и капитального промышленного оборудования, а также товаров военного назначения; прекратить поставку вооружения; г) прекратить оказание какой-либо технической помощи Югославии¹¹⁵.

Подписывавшиеся на год двусторонние торговые соглашения опирались на рекомендации Совета по ассортименту экспорта и импорта, хотя отмечались случаи нарушения данных рекомендаций¹¹⁶.

В соответствии с решением от 28 апреля на следующей сессии СЭВ предстояло заслушать вопрос о его выполнении. И на заседании 2-й сессии СЭВ в Софии 27 августа 1949 г. делегации стран-участниц представили свои отчеты.

В докладе болгарской делегации отмечалось, что подписанный 17 декабря 1947 г. сроком на один год торговый договор истек в конце 1948 г. но поскольку он не был денонсирован ни одной из сторон за месяц до окончания срока действия, то механически продлевается еще на год, т. е. будет действовать до 31 декабря 1949 г. Поначалу предполагалось провести переговоры между Софией и Белградом для составления новых списков товаров и уточнения прежних договоров о товарообороте, но, отмечали болгары, «до настоящего времени переговоры не состоялись и до конца года не состоятся». В докладе констатировалось, что договоры в среднем были выполнены на 65%, импорт югославской продукции составил 105 млн динаров, а экспорт болгарской — 104,5 млн динаров. При этом план по импорту ценных товаров после бухарестского совещания Информбюро был

¹¹⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1073. Л. 29–30; Д. 1077. Л. 4.

¹¹⁶ Например, 30 мая 1949 г. А. А. Лавришев, секретарь СЭВ и представитель СССР в Бюро СЭВ, сообщил В. М. Молотову, что Чехословакия закупает у югославо-в более 70 наименований товаров, из которых лишь небольшая часть (цинк, ртуть, олово, пирит, железная руда) рекомендована решением СЭВ. Известным оправданием чехословацкой стороны послужил тот факт, что двустороннее соглашение было подписано 1 марта 1949 г., т. е. до принятия постановления СЭВ (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1073. Л. 29–30).

за небольшим исключением перевыполнен, хотя югославские поставки осуществлялись «с большим напряжением». Что же касается встречных обязательств болгарской стороны, то экспорт «значительно задержался».

Болгары могли гордиться, что не отклоняются от намеченного в Москве курса и следуют коминформовской дисциплине. Их представители заявили на сессии: «С начала 1949 г. товарооборот сведен нами до минимума. Преимущественно продолжается ликвидация отдельных заключенных ранее договоров»¹¹⁷. За первую половину 1949 г. в Болгарию было доставлено из Югославии товаров на 17 813 тыс. динаров, а вывезено — на 2274 тыс. динаров (несложно подсчитать, что импорт в 6,4 раза превысил экспорт); задолженность болгар по финансовым расчетам составила более 56 млн динаров, а по товарным расчетам Югославия задолжала около 23 млн динаров. Положительное сальдо, как указывалось в докладе, составило около 3 млн динаров в пользу Болгарии¹¹⁸.

В соответствии с рекомендациями апрельской сессии СЭВ болгарская сторона прекратила выполнение своих обязательств по технической взаимопомощи, приостановила реализацию специальных соглашений о военных поставках («выполнение идет только по линии сбора задолженностей со стороны Югославии»), благодаря соглашениям с Румынией и Венгрией, свела до минимума транзит перевозок через Югославию¹¹⁹.

По отчетам делегаций софийская сессия СЭВ вынесла решение: «Принять к сведению сообщения представителей стран — участников Совета экономической взаимопомощи и отметить, что решение первой сессии Совета экономической взаимопомощи по этому вопросу выполняется»¹²⁰.

Конфликт с Югославией актуализировал вопрос об изменении структуры товарооборота в рамках СЭВ с учетом специализации экономики стран-участниц. Так, в упоминавшемся письме А. А. Лаврищева В. М. Молотову отмечалась возможность частично компенсировать югославские поставки Чехословакии закупками сельскохозяйственной продукции в некоторых других странах СЭВ. Болгария,

¹¹⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1077. Л. 95.

¹¹⁸ Там же. Л. 95–96.

¹¹⁹ Там же. Л. 96.

¹²⁰ Там же. Л. 93.

в частности, могла бы, как писал Лаврищев, поставить чехам кукурузу, ячмень, овес, некоторые крупы, фрукты, вино, яйца, табак¹²¹.

Сложная экономическая ситуация с неизбежностью подталкивала югославское руководство к поиску альтернативных источников экономической помощи. Разразившаяся в стране летом 1950 г. засуха побудила югославов начать предварительное обсуждение этого вопроса с американцами. В конце сентября через югославского посла в Вашингтоне В. Поповича была передана просьба об оказании Белграду продовольственной помощи, а 13 октября Тито сообщил американскому послу Дж. Аллену, что готовится письменное обращение к американской администрации. Белый дом отреагировал быстро: уже через месяц было заключено соглашение о поставках 100 тыс. т муки из американских фондов в Италию и ФРГ. Примечательно, что обязательного предварительного одобрения Конгрессом эта акция не потребовала. В дело вступила большая политика. По словам госсекретаря США Д. Ачесона, «Тито не должен быть оставлен в ситуации, когда советское давление приведет Югославию к гибели, поставив ее в один ряд с сателлитами»¹²². Незаинтересованная в улаживании советско-югославского конфликта американская сторона развернула широкую программу финансово-экономической помощи¹²³, не ограничиваясь поставками продовольствия. Ее юридической основой явился принятый Конгрессом 29 декабря 1950 г. закон «О чрезвычайной помощи Югославии», и в его реализации приняли значительное участие не только государственные организации, но и частные лица и фонды.

«Дело» Костова — эскалация и последствия

К очередному, третьему совещанию Коминформбюро в Будапеште (ноябрь 1949 г.) Болгария подошла, денонсировав 1 октября вслед за Советским Союзом, Польшей и Венгрией (СССР — 28 сентября, Польша и Венгрия — 30 сентября) договор 1947 г. о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с Югославией¹²⁴, а также соглашение, об-

¹²¹ Там же. Д.1073. Л. 29.

¹²² Цит. по: Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 622 (автор очерка А. С. Аникеев).

¹²³ Подробнее об этом см.: Там же. С. 623.

¹²⁴ Румыния денонсировала договор 1 октября, Чехословакия — 4 октября 1949 г.

легчайшее пограничный режим. Именно в это время в стране начал формироваться «вал» литературы антититовского содержания, что позднее, в ходе нормализации, особенно в 1956 г., создало серьезные трудности в работе агитационно-пропагандистских структур¹²⁵.

Вывод о том, что осень 1949 г. отмечена не только дальнейшей эскалацией конфликта, но и резким смещением акцентов в критических выступлениях советской стороны против югославы, не нов. Российские исследователи констатируют, в частности, что в начале октября тезис «о борьбе против клики Тито» сменился другой формулировкой — о властвовании в югославской компартии «убийц и шпионов»¹²⁶. Уже в ходе работы над резолюцией очередного совещания Коминформа на вооружение была взята старая версия о «шпионском следе», которая теперь оказалась своевременной.

Будапештское совещание обозначило новый этап — разнузданной разоблачительной кампании против югославской компартии. Югославское правительство во главе с «гитлеровско-троцкистским агентом» Тито объявлялось «противником и врагом» СССР. На повестку дня была выдвинута задача поиска «врага с партийным билетом» в странах советской сферы влияния. С этой целью было «интернационализировано» «дело» венгерского коммуниста Ласло Райка. Все выступавшие в прениях по антиюгославскому докладу Г. Георгиу-Дежа на совещании в Будапеште связали воедино предательскую деятельность «клики Тито–Ранковича» с не менее предательской деятельностью «банды Райка–Бранкова»¹²⁷.

В Болгарии еще до начала совещания было открыто 2 июля 1949 г. следствие по «делу» Трайчо Костова. Первоначально ему инкриминировались «преступная работа против СССР и болгарского

¹²⁵ В ходе нормализации болгарский Главлит регулярно готовил и вносил в Отдел агитации и пропаганды ЦК БКП списки литературы антититовского содержания, которые следовало изъять из обращения и передать в закрытые фонды библиотек. Исключение делалось лишь для малого количества книг «ценного содержания», в которых имелось «2-3 антититовские строки». Их предлагалось просто зачеркнуть. Так, например, поступили с брошюрой проф. Найденова «Основы гигиены», автор которой в свое время не мог не откликнуться на злобу дня и не заклеить, пусть мимоходом, югославского руководителя (ИЦА. Ф. 1 Б. Оп. 15. А. е. 681. Л. 14–15).

¹²⁶ *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. С. 43–44; Югославия в XX веке. С. 587 (автор очерка Л. Я. Гибианский).

¹²⁷ *112Адибеков Г. М.* Коминформ и послевоенная Европа. 1947–1956 гг. М., 1994. С. 150.

народа», подрывная работа против Георгия Димитрова с целью возглавить партию и правительство и оторвать Болгарию от Советского Союза, содействие нарастанию националистической опасности, чреватой «проявлением титовщины в Болгарии»¹²⁸.

Общему для стран советского блока курсу на разоблачение «титовщины» национальные руководства придавали, что естественно, и собственный, «местный» колорит. Для болгарских верхов важным катализатором в эскалации обвинений, выдвинутых против Костова, явились проведенные 15 мая 1949 г. выборы в народные советы и судебные заседатели, выявившие достаточно широкий спектр критических настроений болгарского общества. Проанализировав воззвания, распространявшиеся нелегальным путем в ходе предвыборной борьбы, руководители Софийского городского комитета партии обратили особое внимание на те из них, в которых отмечалась защита Костовым национальных интересов Болгарии и «многострадального болгарского народа», а его деятельность и имя противопоставлялись «русскому агенту» — «царю Георгию», содержались призывы сохранить «специфические условия осуществления социализма» в стране («национальный путь»!), ликвидировать зависимость от СССР. Тревогу вызывали появившиеся воззвания и листовки, в которых связывались воедино имена Костова и Тито. Окончательный вывод, сформулированный на пленуме софийского горкома партии 28 мая 1949 г., сводился к тому, что Костов «стал знаменем реакции», «лозунгом», объединившим врагов в борьбе против БКП, против народной власти и против Георгия Димитрова¹²⁹. Понятно, что на это требовалось дать соответствующий ответ.

Опасения «наломать дров» и в то же время продемонстрировать предосудительную нерешительность объясняют очередное обращение болгар за советом в Москву. Будучи в советской столице в июле 1949 г., болгарская делегация (Вылко Червенков, Антон Югов, Георги Дамянов) среди прочих поставила вопрос «как поступить с практическим осуществлением выводов», сделанных в связи с Костовым. Сталин дал подробный совет, заслуживающий того, чтобы привести его практически полностью. «Вы должны сделать

¹²⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 284. Л. 8; *Исусов М.* Последната година на Трайчо Костов. С. 77.

¹²⁹ ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 5. А. е. 38. Л. 35, 36, 39.

все необходимые практические выводы по делу Костова, — говорил советский лидер. — ...Не ждите... Разумно, т. е. после разумной подготовки, отстраняйте скомпрометированных, сомнительных лиц. Нужно сменить старых и скомпрометированных специалистов и высших руководящих лиц, и в том числе министров, новыми людьми, снизу. Не терпите и не держите старых специалистов в торговле. Они не хотят торговать с советскими людьми. Снизу выдвигайте новых людей. Относитесь с доверием к молодым кадрам. У вас растут молодые люди. Действуйте смелее. У вас случилось то... что и мы пережили. Многие в нашем правительстве в 1925 году были шпионами, разоблаченными после как шпионы, одного за другим мы их отстраняли. Одно время в ГПУ, ранее ЧЕКА, почти из всех руководителей только один Дзержинский был честным. Не единожды в Совете народных комиссаров Ленин оставался в меньшинстве. Он приходил в П[олит]б[юро] искать поддержку, и мы его поддержали. Так что не думайте, что ваш случай с Костовым — что-то необычное. Костову, наверно, много есть что рассказать. Должен рассказать»¹³⁰. Совет проявить решительность при чистке «окружения Трайчо Костова в государственном и партийном аппарате» прозвучал на встрече еще раз. «Они вас задушат, если вы с ними не справитесь. Чего вы ждете?» — недоумевал Сталин¹³¹.

Сталинские слова стали директивой для немедленного исполнения. В это время в партийный обиход вводится определение «трайчостовщина». На пленуме ЦК БКП 4 августа 1949 г., созванном сразу после возвращения делегации из Москвы, была сформулирована задача очищения партии «сверху донизу». Характерно, что, выступая на пленуме, Червенков честно признал: «Очевидно, что заслуга в разоблачении Трайчо Костова не наша. Нам помогли ЦК ВКП(б) и тов. Сталин, и мы должны быть всегда благодарны им за эту помощь», за врученную нам «путеводную нить»¹³².

«Путеводная нить» начала стремительно разматываться. Уже в середине сентября Червенков одобрил предложения министра внутренних дел Руси Христовова об аресте 17 «соучастников» Костова, крупных хозяйственников, якобы виновных в «огромной

¹³⁰ Там же. Л. 45.

¹³¹ Там же. Л. 49.

¹³² ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 5. А. е. 42. Л. 41, 42.

вредительской деятельности», прежде всего в сфере финансов, во внутренней и внешней торговле, а также об отзыве по этой же причине торговых представителей Болгарии в Турции, Египте, Германии¹³³. Следствие по «делу» Костова курировал¹³⁴ советский советник в Министерстве внутренних дел генерал Владимир Чернов (Л. Л. Шварцман). В разработке концепции обвинения участвовал также и заместитель начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР полковник госбезопасности М. Т. Лихачев. Именно на этом этапе набор обвинений Костова пополнился «контрреволюционным заговором» и связями с иностранными разведками¹³⁵. Исход дела был предрешен заранее. В Будапеште Червенков, говоря о «крупном международном заговоре, организованном англоамериканскими империалистами против стран народной демократии и Советского Союза», наличие которого выявил процесс Райка, заверил собравшихся: «Это *покажет* и процесс Костова у нас»¹³⁶.

30 ноября 1949 г. был опубликован обвинительный акт. Помимо прочего, он содержал «признания» Костова в контактах с американским послом в Софии Дональдом Р. Хитом и якобы достигнутой между ними договоренности получать «советы» от американцев через югославов, с которыми Костов имел «личные дружеские отношения»¹³⁷. Очевидная фабрикация обвинительных материалов вызвала немедленную реакцию Вашингтона, однако ни опровержение Государственным департаментом США факта встречи Хита с Костовым, ни памятная записка посольства США в МИД Болгарии с протестом против публикации «явных и доказуемых неверных сведений» не дали результата. Опровержение было помещено в центральной болгарской печати только 20 декабря 1949 г., уже после казни

¹³³ Архивите говорят. Т. 17: Борби и чистки в БКП (1948–1953). Документи и материали. София, 2001. Док. № 65, 67. С. 142–143, 145–148.

¹³⁴ «Кураторство», как показала практика стран Восточной Европы, означало частую прямое участие в следствии. Только 22 октября 1951 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об ограничении вмешательства советских представителей госбезопасности в дела Восточной Европы и ГДР. Их деятельность была сведена к функциям советников и помощи в организации работы соответствующих служб (Петров Н. В. По сценарию Сталина: Роль органов НКВД–МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953. М., 2011. С. 223).

¹³⁵ Исусов М. Последната година на Трайчо Костов. С. 79–83.

¹³⁶ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 74. Л. 153.

¹³⁷ Отечествон фронт. 1949. 30 ноември.

Костова¹³⁸. Более того, обвинения с Хита не были сняты, и 19 января 1950 г. нотой болгар, адресованной Госдепартаменту США, он был объявлен персоной нон грата за грубое вмешательство во внутренние дела страны пребывания, выразившееся в связях с Костовым и бывшим директором Болгарского народного банка Цоню Цончевым, также обвиненным в измене, шпионаже и предательстве. Соединенные Штаты ответили разрывом дипломатических отношений с Болгарией¹³⁹.

По ходу судебного процесса возникла версия, согласно которой Костов якобы выполнял задания не только американской, но и английской разведки, причем четко выявилась тенденция «углубить» корни преступных связей. Иначе трудно объяснить упоминания в этой связи бывшего посла в Софии Дж. Беннета, бывшего представителя Соединенного Королевства в Союзной контрольной комиссии в Болгарии в 1944–1947 гг. генерал-майора У. Оксли, установленного руководителя английской разведки в Болгарии в начале 1930-х гг. Ст. Брауна и др.¹⁴⁰

По «делу» Костова под следствием и судом находились более тысячи человек¹⁴¹. В это время почти десятикратно (с 13 до 120 чел.) увеличился штатный состав следственного отдела службы госбезопасности. 12 декабря 1949 г., еще до вынесения приговора судом, Червенков сообщил в Москву Сталину («Филиппову»): «Приговор по делу Костова будет вынесен в среду 14 декабря. Костов должен быть приговорен к повешению... Если есть замечания, просьба нам об этом сообщить. Червенков»¹⁴². Замечаний, судя по всему, не было...

Во время процесса партия напрямую апеллировала к «массам», выведя на улицы толпы людей, скандировавших «Смерть Костову!». Манифестации продолжались до поздней ночи. На фоне маскового психоза «оппозиционные» проявления в связи с «делом» Костова были единичными. Они отслеживались и фиксировались

¹³⁸ Работническо дело. 1949. 20 декември; Отечествен фронт. 1949. 20 декември.

¹³⁹ Подробнее см.: *Збоев А. В.* К вопросу о приостановлении отношений между Народной Республикой Болгарией и Соединенными Штатами Америки в феврале 1950 г. // www.bibliofond.ru/view.aspx?id=660732.

¹⁴⁰ *Огнянов Л.* «Студената война» и «шпиономанията» в България (1949–1953) // Модерна България / Съст. И. Баева. София, 1999. С. 297–298.

¹⁴¹ *Исусов М.* Историческите реалности в следвоенна България // Страници от българската история. Събития. Размисли. Личности. 2. София, 1993. С. 9.

¹⁴² АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 254. Л. 68.

в оперативных сводках Министерства внутренних дел Болгарии и свидетельствовали как о сочувствии к попавшему в опалу коммунисту («Жалко этого большого борца и болгарина...»), так и о ясном понимании уготованной ему участи («Хотят его судить и, наверно, его ликвидируют... За ним нет вины и преступлений, но они его подставят»¹⁴³).

Вряд ли Костов надеялся на благополучный исход срежиссированного судебного процесса. Скорее, понимал зловещую закономерность, согласно которой революции «пожирают своих детей». В последнем слове на суде он не признал предъявленные ему обвинения. Во время последней встречи с братом вполне «по-сталински» объяснил свое отношение к случившемуся: «Лес рубят — щепки летят!» 16 декабря 1949 г. во дворе Софийской тюрьмы приговор был приведен в исполнение. «Передайте товарищам, что ухожу невиновным!» — это последние слова болгарского коммуниста...

Основная масса партийцев с подъемом встретила исход «дела» Костова. «Ни у кого из нас не было тени сомнения, что это наказание заслуженное», — вспоминал впоследствии видный участник движения Сопротивления Славчо Трынский. Вера, что при народной власти ареста и следствия без вины не бывает, он и его товарищи — бывшие партизаны, приговоры Костову и другим коммунистам восприняли как «большой успех» — ведь речь шла о ликвидации врага внутри партии. «И это не только не тревожило нас, но вселяло гордость. Считали, что всё, что делалось, — к лучшему»¹⁴⁴.

В начале декабря 1949 г. Отдел агитации и пропаганды (АПО) ЦК БКП разослал окружным райкомам партии план изучения решений будапештского совещания Информбюро. Разъяснительная кампания охватывала всю партийную вертикаль — от кружков политграмоты, собраний «первичек», семинаров и квартальных конференций до околийских и окружных совещаний партийного актива. В отчетах Отдела систематически подводились промежуточные итоги кампании. Согласно партийной статистике, только к февралю 1950 г. в 6 околиях (Тервелской, Ивайловградской, Крумовградской, Златоградской, Ардинской, Момчилградской) было проведено 324 партсобрания;

¹⁴³ Цит. по: *Огнянов Л.* Васил Коларов и политическата съдба на Трайчо Костов. С. 204.

¹⁴⁴ *Трынски Сл.* Невъзможни истини. Продължение на биографията. София, 1994. С. 78–79.

104 собрания прошли в г. Сталине (бывшей и будущей Варне). Хасковский округ отчитался 1607 квартальными конференциями, в которых приняли участие 25 тыс. чел.; 15 тыс. участников собрали 853 конференции в Харманлийской околии. В некоторых районах (например в Горно-Джумайском округе) квартальные конференции прошли дважды. Особое внимание уделялось работе в пограничных околиях, где парторганизации работали по специальным планам по разоблачению «клики Тито». Так, в Кюстендилской околии, где в погранзоне располагались 60 сел, прошло более 600 квартальных конференций с 15 тыс. участников. В целом количественные показатели впечатляли, но проверка выявила и серьезные недостатки. В отдельных околиях (Свиленградской, Пештерской) и даже кое-где в столичном Софийском округе решения Информбюро на партсобраниях не прорабатывались, секретари «первичек» «даже не подумали ознакомить с ними парторганизации», в ряде случаев и потому, что сами этих документов не читали. В отчетах о ходе кампании было отмечено, что нашлись коммунисты, например, в Коларовграде и некоторых других местах, которые слухом не слыхивали не только о резолюции, но и вообще о Коминформе, не знали, что это такое¹⁴⁵.

Практическая реализация установочного идеологического тезиса о непрерывном обострении классово-борьбы развернулась во всех сферах жизни страны — общественно-политической, хозяйственной и культурной. Целенаправленная чистка партийного и государственного аппарата шла по линии выявления и освобождения от «буржуазных националистов», «антисоветских элементов» и «агентов Тито». Но целью № 1, безусловно, оставался «враг с партийным билетом», «враг под маской коммуниста», «пятая колонна» в партии. Основываясь на советском опыте, Червенков и Чанков на очередной встрече со Сталиным в декабре 1949 г. подняли вопрос о проведении в БКП такой же масштабной чистки, «которая в свое время проведена была в большевистской партии» (речь шла, возможно, об общепартийной «генеральной чистке» 1929–1930 гг.). Сталин на это заметил, что полезно было бы ограничиться «частичной чисткой» от «сомнительных элементов». «Общую чистку можете провести после хозяйственного подъема в стране», а сейчас она нецелесообразна: отнимет много времени и энергии у руководящих кадров партии.

¹⁴⁵ ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 15. А. е. 422. Л. 1–2.

Совет Москвы красной нитью прошел через установочный доклад Червенкова «Основные уроки раскрытия банды Трайчо Костова и борьбы по ее разгрому» на пленуме ЦК БКП 16–17 января 1950 г., протокол которого впервые был опубликован только в годы болгарской «перестройки»¹⁴⁶. Сомнений в правильности предстоявших мероприятий не возникло ни у высших руководителей, ни у участников пленума: 35 выступивших в прениях коммунистов полностью одобрили доклад. Вскоре власти приступили и к практической реализации сталинского «совета». В результате «частичной чистки» из состава руководящих партийных органов были выведены видные функционеры. Среди предъявленных им обвинений значились: сокрытие «антисоветской директивы» Костова об экспортных ценах на болгарские товары (Добри Терпешев), «притупление бдительности к классовому врагу» (Гочо Грозев), тесная связь с «предателем и шпионом» Петко Куниным и притупление бдительности к его «вредительской деятельности» (Вылко Гочев). За содействие «титовцам и колишевцам» в Пиринском крае в бытность секретарем Горно-Джумайского областного комитета партии наказание понес Крыстю Стойчев. Санкции затронули и другие кадры из высшего эшелона партии¹⁴⁷.

Обстановку подогревали средства массовой информации, муссировавшие заявление Червенкова о недооценке обострения классовой борьбы, приведшей к возникновению «ошибочной теории особого пути нашей страны к социализму» и притуплению «революционной бдительности». Тито представляли сатрапом и палачом югославских народов. На карикатурах его изображали обвешанным топорами и ружьями. В одном из столичных театров шла наспех слепленная пьеса «Югославская трагедия» по одноименному произведению Ореста Мальцева, негативно изображавшая югославских партизан. Вдоль границы с Югославией обе стороны усиленно рыли окопы, возводили другие инженерные сооружения. У населения настойчиво формировали представление о том, что на каждом шагу, в первую очередь в партийных и государственных органах, действует враг, в том числе и «трайчочковостовцы».

¹⁴⁶ См.: Протокол на пленума на ЦК на БКП, состоял се на 16 и 17 януари 1950 година // Вести на Висния съвет на БСП. 1990. № 8.

¹⁴⁷ ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 5. А. е. 54. Л. 7–8; Архивите говорят. Т. 17: Борби и чистки в БКП (1948–1953). Док. № 103. С. 213–214.

Вот как передал атмосферу того времени Славчо Трынский, не избежавший ареста в начале 1951 г.: «Сначала мы стали бдительными, а позднее эта наша бдительность гипертрофировалась и превратилась в мнительность. В соответствии с призывами руководящего ядра партии мы начали озираться, копаться в прошлом людей, с которыми работали, — были ли провалы, в ком сомневаемся, чисты ли люди вокруг нас, “как вода рильских озер”»¹⁴⁸. Началась поголовная проверка кадров. Сведения собирались по следующим пунктам: социальное происхождение и подробная биография члена партии, его окружение, друзья, контакты с родственниками в западных странах, аресты и задержания в полиции, поведение на допросах (в частности, давались ли признательные показания), по какой причине выпущен на свободу, как сумел выжить, если был приговорен к высшей мере наказания, и пр.

«Совет» Сталина заняться окружением Тр. Костова в государственном и партийном аппарате активно претворялся в жизнь. Поскольку Костов был не только первым заместителем председателя Совета министров, но и возглавлял Комитет по финансовым и экономическим вопросам, под следствием оказались работники промышленности, внешней торговли, горнодобывающей отрасли, строительства и т. д., и т. п. Общее число судебных процессов в начале 1950-х гг. дошло до 250. Еще на стадии предварительного следствия в качестве подозреваемых во вредительстве и шпионаже проходили более полутора тысяч коммунистов¹⁴⁹, арестованы были более 1 тыс. чел.¹⁵⁰. Связанная с «делом» Костова судебная вакханалия продолжалась до начала 1953 г., сопровождаемая строгими приговорами вплоть до высшей меры наказания.

Кампания по обследованию партийных кадров на предмет выявления среди них «капитулянтов», «заговорщиков», «предателей», «националистов», «агентов-provokаторов» и пр. затронула и партийную верхушку — от членов и кандидатов в члены ЦК до членов Политбюро, подвергнутых агентурной разработке. Среди них — Георгий

¹⁴⁸ Трынски Сл. Невъзможни истини. С. 61, 64. Произвольно-расширительная трактовка слов В. Червенкова на январском пленуме ЦК БКП (1950 г.). Болгарский лидер подчеркнул в своем докладе, что «в Центральном комитете и Политбюро могут состоять и работать только такие партийные деятели, которые чисты, как вода рильских озер» (ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 5. А. е. 54. Л. 47).

¹⁴⁹ Никова Г. Политически процеси в България (1949–1953 г.) // България в сферата на съветските интереси. С. 70.

¹⁵⁰ Огнянов Л. «Студената война» и «шпиономанията» в България. С. 306.

Чанков, Антон Югов, Цола Драгойчева, Ламби Теолов, Вера Начева, Минчо Минчев и многие другие известные партийные функционеры¹⁵¹. До середины 1950 г. из состава ЦК БКП, насчитывавшего 75 чел., были вычищены как «замаскировавшиеся враги партии и народа» или, что было гораздо меньшим злом, как «не справившиеся с возложенной на них работой» 15 партийцев¹⁵² (20 %).

В конце 1950 г. развернулась чистка в БЗНС, которой сопутствовало выявление на местах сторонников бывшего лидера оппозиционной крестьянской партии Николы Петкова, казненного в 1947 г. По стране прокатилась волна преследований и арестов «петковистов»¹⁵³. Намерение властей расширить круг поисков врага проявилось во внимании к интеллигенции. В результате проверок творческих союзов и организаций под следствием оказалось немало писателей, журналистов и пр. Специально созданная комиссия под председательством генерала Атанаса Атанасова занималась изучением кадров в Министерстве народной обороны. Репрессии ударили по генералитету болгарской армии, а верхом абсурда стало обвинение генерала-партизана Денчо Знепольского в участии в заговоре... с целью убийства Сталина (!). «Руководителем» заговора, как стало известно впоследствии, предполагалось «назначить» Георгия Чанкова¹⁵⁴, что отразило борьбу в высшем руководстве партии.

Весна 1950 г. оказалась щедрой на политические решения болгарского руководства по «югославскому вопросу». В апреле Политбюро ЦК БКП постановило усилить «наступательный характер антититовской разоблачительной пропаганды», а на майском пленуме ЦК были определены основные направления борьбы против «предательской фашистской клики Тито». Однако, по большому счету ничего принципиально нового сформулировано не было.

По-прежнему важное место отводилось болгарской печати, которая, по оценкам советских наблюдателей, заметно активизировалась после будапештского совещания Информбюро. Как сообщал в одном из обзоров печати 2-й секретарь посольства П. Казаков, осенью–зимой 1951 г. «Работническо дело», «Земеделско знаме», «Труд»

¹⁵¹ Исусов М. Сталин и България. С. 214–216.

¹⁵² Огнянов Л. «Студената война» и «шпиономанията» в България. С. 301.

¹⁵³ АВР РФ. Ф. 074. Оп. 42. П. 197. Д. 47. Л. 99–100, 104–107.

¹⁵⁴ Дума. 1994. 21 септември; 21 октомври; *Трънски Сл.* Невъзможни истини. С. 141.

в каждом третьем номере помещали статьи против «титовцев»; систематический огонь по титовцам, хотя и менее интенсивный и точный, вели «Отечествен фронт» и «Народна младеж»¹⁵⁵. В декабре 1951 г. внимание посольства привлекла статья Т. Стоянова в газете «Отечествен фронт» под названием «Балканский авангард империалистов будет разгромлен». Автор, ссылаясь на факт строительства аэродромов в Югославии, утверждал, что подобные мероприятия военно-стратегического характера свидетельствовали о подготовке страны к войне, и предрекал ее поражение: «Балканские штурмовики империализма, бандиты Тито *будут разгромлены* могучими силами мира и свободы». Статья явно выделялась содержащейся в ней открытой угрозой Югославии. (Автор обзора отмечал, что «других подобных статей... в болгарских газетах не замечено»). Опасение Казакова вызвала возможность использования югославами этой публикации «в качестве подтверждения их кляузы»¹⁵⁶ (имелось в виду обращение югославского правительства в ООН по поводу угроз со стороны народно-демократических стран и в том числе Болгарии).

В целом, однако, состояние болгарских СМИ тревоги не вызывало: разоблачение «титовцев», как считали в посольстве, продолжалось в начале 1952 г. и позднее «с неослабевающей силой». Такой вывод содержали направлявшиеся в Москву обзоры печати за 1953 г.¹⁵⁷

Шпиономания и мобилизация силовых структур

Постоянные заявления о необходимости усиления бдительности, разоблачения и разгрома «англо-американской и титовской агентуры», выявления и поимки югославских диверсантов и пр. электризовали страну, создавали у населения настроения «осажденной крепости». Антититоизм, как и в других странах «социалистического лагеря», превратился в Болгарии в важнейший инструмент внутренней политики, направленной в конечном счете на консолидацию общества на основе формирования в нем подсистемы страха¹⁵⁸.

¹⁵⁵ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 41. П. 179. Д. 16. Л. 40.

¹⁵⁶ Там же. Л. 39, 40.

¹⁵⁷ Там же. Л. 84, 89; Оп. 42. П. 187. Д. 18. Л. 73, 218–219.

¹⁵⁸ Подробнее см.: *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. М., 2008. С. 495–546, 660–661.

Страну охватила эпидемия шпиономании. В одной из обзорных справок IV Европейского отдела (ЕО) МИД СССР, анализировавшей двусторонние советско-болгарские отношения, указывалось, что с марта 1949 по начало февраля 1952 г. только в Софии и Пловдиве было проведено девять процессов над югославскими «шпионами и вредителями», а всего по стране за 9 месяцев — с ноября 1951 по август 1952 г. — организовано 33 процесса над югославскими «шпионами и террористами». Летом 1951 г. болгарский официоз «Работническо дело» открыто обвинил посольство Югославии в Софии в проведении разведывательно-диверсионной и террористической деятельности¹⁵⁹. В преступные группы и организации входили, как утверждала газета, югославские дипломаты — атташе посольства в Софии Арсо Милатович, военный атташе Коста Угриц, начальник консульской группы Светозар Савич, советник посольства Петр Манговский, атташе по делам печати Антон Колендич. Группа, руководимая Бранко Звиерацем, имела якобы связь с министром внутренних дел Сербии Слободаном Пенезичем, начальником УДБ Сербии полковником Владаном Бояничем, бывшим начальником Политуправления Югославской народной армии, а ныне министром горной промышленности Светозаром Вукмановичем-Темпо и другими высокопоставленными лицами. В многочисленных нотах болгарской стороны (по сведениям советского посольства, с января 1950 по сентябрь 1952 г. их было девять: от 17 января, 15 апреля, 29 июля, 31 декабря 1950 г.; 26 апреля, 16 июня, 28 декабря 1951 г.; 26 января, 13 сентября 1952 г.) перечислялись эти и другие факты, назывались конкретные имена. МИД Болгарии подготовил и издал на русском, французском и английском языках специальный документальный сборник о враждебной и агрессивной политике югославского правительства против Болгарии, своего рода вариант югославской «Белой книги»¹⁶⁰.

В 1952 г. на скамье подсудимых в Софии оказались «агенты французской разведки». Восьмерым обвиняемым инкриминировался

¹⁵⁹ Работническо дело. 1951. 7 юни.

¹⁶⁰ Весной 1951 г. МИД ФНРЮ выпустил объемистый, в 400 с лишним страниц, сборник документов об антигитовистской кампании, развернутой в странах «социалистического лагеря». На русск. яз. см.: Белая книга об агрессивных действиях правительств СССР, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании против Югославии. М., 1951.

сговор с целью создания в стране «бандитских групп», которые якобы предстояло подчинить «командованию» в Греции. Заговорщикам, по версии следствия, удалось собрать и передать французской разведке «секретные сведения военного, политического, экономического и иного характера»¹⁶¹. На этом, как, впрочем, и на других, процессах, проведенных в соответствии с основополагающим принципом сталинской юриспруденции — «признание — царица доказательств», все обвиняемые кроме одного «признали» свою вину.

В это время власти не удержались от соблазна вернуться к дополнительной компрометации уже давно разгромленной оппозиции. В поле зрения силовых структур попадают деятели бывшего оппозиционного БЗНС (НП) Асен Павлов, Борис Бумбаров, Ангел Держански, Христо Статев, Петр Коев и др. Все они предстали перед судом на процессе о «шпионской деятельности нелегального БЗНС». Обвинения были типичными — связь с посольствами Великобритании и США, передача иностранным разведкам сведений, составлявших государственную тайну¹⁶². Соответствующим было и наказание — различные сроки строгого тюремного заключения.

Список «шпионских» процессов пополнили «дела» болгарских религиозных деятелей. В феврале–марте 1949 г. перед судом предстали 15 членов Верховного совета Объединенных евангелических церквей Болгарии, арестованных по обвинению в предательстве и шпионской деятельности. К врагам народа были причислены методисты, баптисты, конгрегационисты-евангелисты, пятидесятники. В ноябре 1952 г. за связь с иностранными разведками и передачу информации, составлявшей государственную тайну, были осуждены католические священники. По процессу католиков проходили 40 обвиняемых. Их «дело» стало болгарской лептой в проходившую тогда антикатолическую кампанию Москвы¹⁶³, что объясняло строгость приговоров. К высшей мере наказания «за шпионаж», «государственную измену», «подрывную деятельность» были приговорены пятеро католических священников, в том числе глава католического прихода

¹⁶¹ *Огнянов Л.* «Студената война» и «шпиономанията» в България. С. 303.

¹⁶² Там же. С. 303–304.

¹⁶³ Подробнее см.: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. М., 2008. С. 483–773.

в Никополе — центре католической жизни в стране епископ Евгений Босилков¹⁶⁴.

Советско-югославский конфликт обнаружил новую грань вопроса о русских эмигрантах в Болгарии. Еще со времени действия в стране Союзной контрольной комиссии (1944–1947 гг.) за ними с легкой руки советских представителей закрепилось определение «белогвардейцев», хотя речь шла не только о бывших военнослужащих Белой армии, но и о гражданских лицах первой волны эмиграции. Основная часть их рассматривалась сотрудниками СКК как «активный профашистский элемент, вредный делу демократизации Болгарии и опасный для интересов СССР»¹⁶⁵. Болгарские «силовики» унаследовали от советской стороны такой подход, установив за «врагами народа», а позднее «врагами социализма» постоянный строгий контроль. Эта работа велась по нескольким направлениям. Сначала акцент делался на установлении «преступных связей» эмигрантов с «англо-американским империализмом», затем он сместился на выявление распространителей «зловредных слухов против СССР, Болгарии и народно-демократических стран». А летом 1948 г. «белогвардейцы» были включены в планомерную акцию по борьбе с «титовизмом» и искоренению «титовской ереси». Начиная с весны 1949 г., после высылки из Югославии «агентов СССР», в том числе и старых эмигрантов, они попали в «разработку» болгарских силовых структур. За период с 1 мая 1949 по 24 июля 1952 г. в Болгарию прибыли 777 чел., из которых 155 были взяты на особый учет как подозревавшиеся в шпионаже в пользу Югославии. Болгарские власти сигнализировали советским «друзьям», что часть эмигрантов якобы поддерживала связь с югославской службой госбезопасности (УДБ). Поиск врагов среди русских эмигрантов во многом осуществлялся, что называется, «по инерции», носил искусственный характер. Сказывалось это и на характеристиках людей. Считалось, в частности, что прибывшие испытали на себе влияние «титовского режима», которое по определению не могло означать ничего хорошего. Поэтому отмечались их зараженность капиталистическими пережитками, алчность, карьеризм, склонность к склокам, интригам, демагогии, бытовая распушенность

¹⁶⁴ Подробнее о нем см.: Архивите говорят. Т. 23: Евгений Босилков (1900–1952). Документи от архивите на България и Франция. София, 2002.

¹⁶⁵ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 36 В. П. 222. Д. 1. Л. 37.

и полное отсутствие «чувства коллективизма»¹⁶⁶. Но все эти негативные черты не имели никакого отношения к политическим обвинениям в связях с «титовцами» или иностранными разведками. Как следовало из секретного доклада руководства Дирекции госбезопасности (ДС), направленного Вылко Червенкову, среди арестованных в первое полугодие 1952 г. 2074 агентов иностранных разведок было 96 «белогвардейцев». А в докладе за 1953 г., уже после смерти Сталина, признавалось, что полученные сигналы в отношении русских были «сильно преувеличены» и что эмигранты не имели возможностей для вражеской деятельности. В справке ДС от 6 сентября 1954 г. констатировалось, что из проживавших на тот момент в Болгарии 12 793 «белогвардейцев» лишь 83 находились на учете болгарских «органов». После 1954 г. были арестованы и осуждены за разные провинности 10 чел. Начиная же с 1956 г. никакие вражеские проявления в русской эмигрантской среде вообще не фиксировались¹⁶⁷.

В условиях развертывания борьбы с внутренними и внешними врагами и непрерывного усиления бдительности неуклонно возрастала роль силовых структур. Еще в 1947–1948 гг. ДС превратилась в самостоятельную структуру, независимую от Народной милиции, и была подчинена непосредственно министру внутренних дел. Начиная с июля 1948 г. в соответствии со специальными решениями Совета министров и Политбюро ЦК БРП(к)/БКП штат ДС неоднократно увеличивался, проводилось дополнительное финансирование МВД из государственного бюджета. Госбезопасность и Народная милиция пополнялись новыми сотрудниками из числа коммунистов по спецнаборам. В 1949 г. в результате очередного увеличения численности аппарат службы ДС составил 3814 чел. (2208 — в округах, 1606 — в Дирекции госбезопасности). Тем не менее руководство Дирекции констатировало нехватку кадров: летом 1949 г. вакантными в аппарате оставались более 400 мест. Для решения кадрового вопроса министр внутренних дел Руси Христовоз на заседании Политбюро ЦК БКП 11 августа 1949 г. предлагал в частности увеличить материальное содержание сотрудников ДС. Предложение было принято: по решению правительства зарплаты оперативникам и руководству были

¹⁶⁶ Там же. Оп. 44. П. 200. Д. 37. Л. 254.

¹⁶⁷ Кьосева Ц. История белой эмиграции в Болгарии. 1919–1950 гг. (Ч. II) // Новый журнал. 2007. № 247. [Электронный ресурс]. URL: <http://beloedelo.ru/researches/article/?444>.

повышены на 30%. Кроме того, они пользовались немалыми привилегиями¹⁶⁸. В 1950 г. ДС была военизирована, а ее оперативный состав получил офицерские звания¹⁶⁹.

После процесса над Трайчо Костовым внимание болгарского руководства к системе госбезопасности, особенно к кадровому вопросу, усилилось. Четырежды Политбюро принимало решения о мобилизации в «органы» «верных кадров партии». В структуру ДС пришли 20 партийных функционеров, 630 рабочих «от станка», 100 ответственных партийных и административных работников, 22 политических сотрудника аппарата ЦК БКП¹⁷⁰.

Поводом для указанных мер явился помимо прочего и опыт проведения многочисленных политических процессов 1949 г., так или иначе связанных с «делом» Костова. Занимавшийся их подготовкой VII (Следственный) отдел ДС не справлялся с объемом работы. Массовое подключение сотрудников других отделов (в отдельные моменты оно достигало 80% их состава) и десятков инспекторов из провинции, не подготовленных к соответствующей работе, имело серьезные негативные последствия, осознававшиеся самим руководством.

В целом к 1950 г. служба ДС насчитывала более 6 тыс. чел. (3560 в Дирекции и 2518 в округах)¹⁷¹, но одновременно возрастало и число вакантных мест (1388 в начале 1951 г.¹⁷²), что свидетельствовало о последовательной линии власти на увеличение аппарата госбезопасности. Вопрос «качества» кадров, уровня их общей и тем более профессиональной подготовки по-прежнему оставался узким местом. В начале 1951 г. руководство МВД констатировало по этому поводу «серьезное неблагополучие». В 1950 – начале 1951 г. за профнепригодность из органов ДС были уволены 525 чел., а в отношении 338 были получены серьезные компрометирующие материалы и начата проверка. Особое внимание уделялось пограничным районам,

¹⁶⁸ *Огнянов Л.* Държавна сигурност в годините на сталинизма (1949–1956 г.) // Историки. Научни изследвания в чест на доцент д-р Стоян Танев по случай неговата 70-годишнина. Шумен, 2007. С. 557.

¹⁶⁹ *Мигев В.* Съпоставителен анализ на облика и дейността на Държавна сигурност в периода 1934–1944 и 1944–1989 г. // 100 години независима България: стълбовете на държавността: Сборник доклади и научни съобщения, изнесени на международна научна конференция в София, 14–15 октомври 2008 г. София, 2009. С. 123.

¹⁷⁰ *Огнянов Л.* Държавна сигурност в годините на сталинизма. С. 558–559.

¹⁷¹ Там же. С. 558.

¹⁷² Там же. С. 559.

где органы ДС предположительно были сильно засорены агентами иностранных разведок, прежде всего югославской, греческой и турецкой¹⁷³. Поскольку основной метод устранения недостатков новый министр внутренних дел Георгий Цанков усматривал в традиционном партийно-классовом подходе, по его ходатайству Политбюро 4 мая 1951 г. приняло решение в очередной раз пополнить органы ДС «проверенными и грамотными членами БКП»¹⁷⁴. По утвержденной разнарядке предстояло мобилизовать 1200 чел. из числа активистов Димитровского коммунистического союза молодежи, Всеобщего рабочего профсоюза, офицеров и сержантов Министерства народной обороны, студентов и преподавателей вузов, инженеров, техников, сотрудников министерств, заводских и фабричных рабочих и служащих, работников местных народных советов и пр.¹⁷⁵ Спустя несколько месяцев, 25 октября 1951 г., Политбюро (протокол № 287), установив разнарядку по 13 округам страны, обязало окружные комитеты партии направить на работу в ДС еще 131 чел. Критерии отбора кандидатов предусматривали рабочее или бедняцко-средняцкое социальное происхождение; лояльность членов семей (родителей, сестер, братьев, супругов) власти; отсутствие родственников на Западе и связей с ними; политическую подготовку на уровне члена околийского комитета БКП¹⁷⁶. Интересно, что в первоначальном проекте решения предусматривалось наличие у мобилизованных лиц «хотя бы прогимназического образования», а также привлечение людей с юридическим образованием¹⁷⁷. Однако в окончательный текст эти критерии не вошли, а были заменены обязательным стажем партийно-политической работы.

Задачу повышения профессионального уровня «силовиков» болгарское руководство предполагало решать с помощью советских советников. 11 января 1950 г. по предложению МВД Политбюро ЦК БКП приняло решение № 2 об увеличении их числа, поскольку наличие четырех имевшихся советников (двоих — в пограничных войсках и двоих — в структурах госбезопасности) было признано «крайне недостаточным». Болгарская сторона запросила у Москвы еще

¹⁷³ ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 6. А. е. 1305. Л. 22.

¹⁷⁴ Там же. Л. 23; ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 6. А. е. 1305.

¹⁷⁵ Там же. Л. 2–3.

¹⁷⁶ Там же. А. е. 1478. Л. 2, 38.

¹⁷⁷ Там же. Л. 37.

11 «силовики»: двух человек в госбезопасность, в том числе одного — в школу подготовки оперативного состава; одного — в милицию; семерых — в МВД, в том числе одного — в военное училище и по три специалиста в сектора, курировавшие положение отдельно на югославской и отдельно на греческой и турецкой границе; и одного человека — в качестве главного советника при министре внутренних дел для общего руководства министерством. Показательно, что в качестве мотивации для обращения к советской стороне на первом месте значилось враждебное окружение — «титовской Югославии», «монархо-фашистской Греции» и «реакционной Турции», а затем только обостряющаяся классовая борьба в стране¹⁷⁸. Уместно предположить, что педалирование внешней угрозы, прежде всего, как видим, югославской было рассчитано на особую отзывчивость советского руководства к запросу болгар. Тесные рабочие контакты и непосредственное участие советских представителей в разведывательной и контрразведывательной работе «в целях помощи» стали постоянным фактором работы болгарских спецслужб¹⁷⁹.

Структура службы ДС неоднократно уточнялась и в 1950 г. представляла собой разветвленную систему, включавшую 11 отделов, 3 отделения, 3 службы и 1 комендатуру¹⁸⁰.

Специально борьбой с вражескими разведками и их агентурой в Болгарии занимался II отдел. Его второе отделение, помимо прочего, ведало югославской разведкой, отслеживая деятельность посольства и торговых представительств Югославии в Русе и Варне. Второе отделение («Восток») III отдела (контрразведка и разведка за пределами Болгарии) курировало югославское направление. Пограничная служба вела аналогичную деятельность на ближайшей сопредельной территории Югославии, Греции и Турции.

Демонстрируя в соответствии с требованиями партийного руководства свою активность, органы ДС в начале 1950 г. резко усилили контрразведывательные мероприятия в стране. По неполным данным, приведенным болгарским историком Л. Огняновым, только в сентябре–декабре 1951 г. объектами оперативной разработки являлись 10 172 чел. Из них более половины (58%) составляли рабочие,

¹⁷⁸ Там же. А. е. 702. Л. 1, 2.

¹⁷⁹ *Петров Н. В.* По сценарию Сталина: Роль органов НКВД–МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. С. 223.

¹⁸⁰ *Огнянов Л.* Държавна сигурност в годините на сталинизма. С. 558.

бедные и средние крестьяне; остальные 42% — «кулаки» (по определению того времени), бывшие промышленники, торговцы и пр. Интересен и партийный состав: 10% члены БКП, около 18% — бывшие члены оппозиционного БЗНС (НП), 47% — беспартийные. Разработки велись по трем направлениям: 1) шпионаж в пользу Турции, Югославии, Греции, США, Англии и других стран; 2) принадлежность к нелегальным организациям, в первую очередь, «трайчостовским»; 3) «бандитизм», «диверсии», «вредительство», «саботаж», «вражеская пропаганда»¹⁸¹.

Логика внедрения советской модели брала свое: начиная с 1949 г. репрессии развернулись и в силовых структурах. По мысли их организаторов, руководимая Костовым «подпольная заговорщическая организация», повсеместно создавая широкую сеть сторонников, не могла обойти своим вниманием и «силовиков». Как правило, обвинения против них монтировались на основе инкриминируемых им связей с иностранными разведывательными службами, попыток ослабить и свергнуть народно-демократическую власть, сознательных проволочек и создания помех в «деле» Костова. Весной 1950 г. началось следствие над сотрудниками VII (Следственного) отдела Дирекции ДС¹⁸², а в сентябре 1951 г. перед судом предстали руководители Дирекции Георгий Ганев, Стефан Богданов и Николай Задгорски. Приговоры — 15 и 12 лет лишения свободы — были сравнительно мягкими, если иметь в виду, что «верхи» прекрасно понимали ключевую роль болгарских «чекистов» в системе власти.

Иногда наказания раздавались и без судебных процессов, непосредственно по результатам следствия. Отдельные следователи оказывались перед трибуналом МВД. Так случилось с бывшим начальником Следственного отдела Бачо (Израэлем) Зеевым, чьими руками вершилось множество черных дел. По ходу следствия Зеев в свое оправдание заявил, что исполнял указания советских советников в МВД. За «противозаконные и антипартийные методы» он был приговорен к 10 годам тюремного заключения¹⁸³. Дело Зеева стало отголоском кампании борьбы с извращениями и нарушением законности при ведении следствия, приобретенными такой размахом, что

¹⁸¹ Там же. С. 560.

¹⁸² Архивите говорят. Т. 17: Борби и чистки в БКП. Док. № 123. С. 238–242.

¹⁸³ *Исусов М.* Сталин и България. С. 216.

понадобилась соответствующая реакция «верхов». Однако принципиального пересмотра методов действия следственного аппарата не произошло. По воспоминаниям некоторых заключенных, они даже ужесточились, «кухней» следствия, ценой, которой добывались признательные показания, никто, по большому счету, не интересовался. Более того, было установлено, что следователи нередко ссылались на «разрешение» Сталина (!) и Политбюро ЦК БКП оказывать на подследственных физическое воздействие, сообщали им, что регулярно «докладывают» о ходе следствия партийным «верхам» и советскому лидеру. Подследственных убеждали, что ждут от них признательных показаний «во имя» Сталина, которому якобы необходимо предоставить материалы для разоблачения Тито как агента империализма¹⁸⁴. Откровенная спекуляция авторитетом советского руководителя становилась дополнительным психологическим прессингом.

Прошедшая в начале 1951 г. полная смена руководства МВД и ДС не затронула (собственно, такая задача и не ставилась) основных направлений деятельности карательных органов: раскрытие «шпионских гнезд», преследование «изменников Родины», аресты «контрреволюционных элементов», разоблачение «замаскировавшихся врагов» в БКП. По сведениям, представленным Георгием Цанковым в Политбюро, с начала 1951 до конца августа 1953 г. были разоблачены 1019 «шпионов». Основная масса их — 422 чел. — якобы работали на югославскую разведку. Далее, по убывающей, следовали «агенты» английской (124), американской (121), греческой (102), французской (80), турецкой (76), ватиканской (52) и прочих разведок¹⁸⁵.

Закономерно задаться вопросом, в какой мере эта статистика отразила процесс шпиономании, а в какой — реальную разведывательную и подрывную работу иностранных спецслужб в Болгарии?

Понятно, что холодная война не могла не вызвать ее усиления. Как показывают документы о первой секретной операции ЦРУ против Болгарии, осуществлявшейся в 1950–1955 гг., советско-югославский конфликт стал одним из катализаторов разведывательной и подрывной деятельности Запада, в первую очередь США, в Болгарии. В апреле 1950 г. был утвержден разработанный входившим в структуру ЦРУ Управлением политической координации (УПК)

¹⁸⁴ *Трънски С.* Невъзможни истини. С. 125, 131–133.

¹⁸⁵ *Огнянов Л.* Държавна сигурност в годините на сталинизма. С. 563.

«Оперативный план по Болгарии» (кодовое название QKSTAIR, с ноября 1951 г. — BGCONVOY). План предусматривал четыре направления действия: оказание поддержки Болгарскому национальному комитету (БНК), действовавшему в США под руководством бывшего лидера БЗНС Г. Димитрова (Гемето) и предложившему свой план «организации антикоммунистического движения сопротивления в Болгарии»; разработка и осуществление психологической программы, включая работу тайной радиостанции и заброску в страну печатных материалов; создание в Болгарии сети подпольных групп, связанных с американской разведкой; ведение экономической войны (впоследствии это направление отпало из-за отсутствия в стране условий для его реализации)¹⁸⁶. Работа с болгарской эмиграцией на Западе, использование ее связей и контактов в стране для вербовки недовольных режимом лиц и переброски агентов для ведения подрывной деятельности обеспечивалась программами SYBILLE и ZRNAUNTLE.

Общий состав служащих, консультантов и агентов, задействованных в BGCONVOY, в 1951 г. достигал 50 чел., но кроме того предусматривалось привлечение еще 30 болгарских эмигрантов для обучения азам разведывательного дела и последующей заброски в Болгарию. Задача, которую предстояло выполнить агентам, — выявить наличие в стране организованного антикоммунистического движения и широкой его поддержки населением, как утверждал Димитров (Гемето).

Руководство БНК, вынашивая планы вооруженного вторжения, активно содействовало формированию Болгарской добровольческой роты¹⁸⁷, усиленно добивалось выделения на нее дополнительных

¹⁸⁶ Подробнее см.: *Баев Й.* Автентичната история на BGCONVOY — първата тайна операция на ЦРУ в България // Геополитика. Списание за геополитика, геостратегия, анализ. 2016. Бр. 3 [Электронный ресурс] URL: <http://geopolitica.eu/actualno/1996-avtentichnata-istoriya-na-bgconvoy-parvata-tajna-operatsiya-na-tsru-v-balgariya>; *Збоев А. В.* Деятельность спецслужб США против Болгарии в 1949–1955 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Киров, 2015. № 12.

¹⁸⁷ Болгарская добровольческая рота (первоначальное название Болгарская охранная компания) насчитывала 200 чел. во главе с американским офицером и сержантом; базировалась в районе г. Франкфурта в Западной Германии. Военнослужащие проходили интенсивную политическую и военную подготовку для заброски в Болгарию в составе диверсионных групп. В ноябре 1952 г. передана из ведения УПК под контроль Европейского командования Вооруженных Сил США. Впоследствии действовала на правах добровольного формирования НАТО. Выполняла в основном охранные функции на военных базах и складах вооружения. В 1964 г. расформирована. За время

средств и вооружения, однако американская сторона довольно скептически относилась к этому воинскому формированию, в том числе и из-за низкого уровня военной подготовки, оставляло за ним главным образом политическую и идеологическую функции¹⁸⁸.

Сведения о нелегальных группах, приводимые в документах BGCONVOY, свидетельствуют об участии в их подготовке и/или заброске в Болгарию голландской, британской, французской и итальянской разведок и содействии греческих и турецких властей. В 1950–1953 гг. заброска осуществлялась самолетами или через сухопутные болгаро-греческую и болгаро-турецкую границы и шла с переменным успехом. В августе 1951 г. была осуществлена успешная заброска парашютистов и нескольких групп по 3–4 чел., прошедших предварительную подготовку в тренировочных лагерях в Турции, Греции и Западной Германии. В страну они проникли через труднодоступный Пиринский горный массив. Местное население встретило их доброжелательно. Две группы из 7 чел., проведя разведку, вернулись на базу в Грецию¹⁸⁹. Однако после прошедшего в сентябре в Софии процесса над шестью пойманными диверсантами операции по заброске были временно приостановлены в целях улучшения их подготовки. В июне 1952 г. группе из 4 чел. удалось создать канал связи и явку в Пазарджикской области, установив контакты с оппозиционно настроенными элементами. В мае 1953 г. группа, заброшенная в Болгарию с помощью турецкой разведки, вернулась, не выполнив поставленную задачу: намеченные потенциальные агенты, как отмечалось в документах, «отказались сотрудничать». Другой информации об интенсивности и результатах забросок в доступных документах ЦРУ нет.

Зато известна относящаяся к апрелю 1953 г. констатация одного из сотрудников УПК, согласно которой «любые операции при участии агентов Димитрова нельзя считать действенными и безопасными с точки зрения ЦРУ»¹⁹⁰. Иными словами, эффективность

ее существования в рядах роты прошли обучение около 2,5 тыс. молодых болгар (см., напр.: *Киряков Б.* България зад граница // Съпротивата срещу комунистическия режим в България. 1944–1989 г. Сборник материали от Национална научна конференция – Нов български университет, 23–24 март 2011 г. / Ред. кол. Л. Стоянов, Ж. Лефтеров. С. 94–95).

¹⁸⁸ *Збоев А. В.* Деятельность спецслужб США против Болгарии. С. 40.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ *Баев Й.* Автентичната история на BGCONVOY.

данного направления подрывной работы против Болгарии самими организаторами признавалась слабой.

В апреле 1951 г. при Государственном департаменте США был создан специальный Совет психологической стратегии, что отразило усиление внимания американских руководящих кругов к такому компоненту политики давления в Восточной Европе, как психологическая война. Изучая психологические особенности населения стран региона и его менталитет, аналитики пытались определить перспективы воздействия внешней пропаганды внутри советского блока. В отношении Болгарии отмечались, в частности, лояльность населения к правящему режиму, хотя лишь 15–20% поддерживали его искренне, широкое распространение традиционного русофильства при сохранении некоторых проамериканских симпатий, наличие достаточного количества радиоточек (3 на 100 чел.) и пр. В целом перспективы западной пропаганды в разных ее формах (в городах — радио, в сельской местности — преимущественно устная) оценивались как благоприятные¹⁹¹.

Однако только в мае–июне 1953 г. психологическая война превратилась в основное направление деятельности западных спецслужб в Болгарии. Причина этого крылась в первую очередь в серьезных изменениях, наступивших в Советском Союзе (смерть Сталина и смена внешнеполитического курса советского руководства) и странах «социалистического лагеря» (волнения в ГДР и Чехословакии, зондажные шаги Софии по восстановлению двусторонних отношений с Грецией и США). Однако определенное значение имела и низкая эффективность работы по заброске разведывательно-диверсионных групп. Отныне основной акцент делался на развертывание радиопропаганды и сброс по воздуху (сначала с самолетов, а впоследствии с воздушных шаров) разного рода печатных материалов — листовок, брошюр, открыток и пр. По некоторым данным, в ходе осуществления операции BGCONVOY их число превысило 5 млн экз. Адресовались они как всему «болгарскому народу», так и разным его группам и слоям — крестьянам, студентам, ремесленникам, молодежи, пограничникам, офицерству, интеллигенции и пр. Упор делался на историю страны, свободолюбие болгар, необходимость избавиться от «советского колониального рабства», коррумпированных властей,

¹⁹¹ Збонев А. В. Деятельность спецслужб США против Болгарии. С. 41.

«коммунистических трутней», развернуть пассивное сопротивление, сорвать планы «советизации» Болгарии и пр.¹⁹²

Операция BGCONVOY завершилась в конце июня 1955 г. Некоторые отводившиеся ей задачи были включены в следующие секретные проекты ЦРУ по Болгарии. Но в целом выводы об эффективности подрывной деятельности в Болгарии и перспектив смены режима в связи с этим были для американских экспертов малоутешительными: «Нет свидетельств, что эмигрантские элементы (в первую очередь БНК. — Т.В.) руководят каким-либо мощным организованным или неорганизованным сопротивлением в Болгарии. В этих условиях создание организованного сопротивления маловероятно. Возможны отдельные действия, но без внешней помощи или ослабления коммунистической власти они сойдут на нет. При возникновении войны между Востоком и Западом потенциал сопротивления в Болгарии значительно увеличится, но ожидать масштабного сопротивления нельзя. Народное восстание в Болгарии против коммунистического режима будет возможно только при устранении советского правления и обеспечении победы Запада»¹⁹³.

Не имея возможности ознакомиться с материалами советских спецслужб, всё же рискнем предположить, что советское руководство располагало подробной информацией о направлениях и, до некоторой степени, о масштабах подрывной работы в Болгарии со стороны Запада. Подтверждением может служить подготовленная в Отделе печати МИД СССР справка «Выступления политических деятелей США и сообщения американской печати об организации подрывной работы в странах народной демократии (1949–1951 гг.)». 11 мая 1951 г. за подписью заместителя министра иностранных дел В. А. Зорина она была разослана «восьмерке» — Сталину, Молотову, Маленкову, Берии, Микояну, Кагановичу, Булганину, Хрущеву¹⁹⁴. Тщательно проанализировав опубликованные в американских печатных изданиях выступления видных политиков и конгрессменов, авторы документа особо выделили такие *открыто обсуждавшиеся* ими направления подрывной деятельности, как создание «шпионско-диверсионного Демократического интернационала» (цель — «демократическая

¹⁹² Баев Й. Автентичната история на BGCONVOY; АВП РФ. Ф. 074. Оп. 42. П. 190. Д. 45. Л. 134–136; Оп. 45. П. 206. Д. 45. Л. 2, 4, 8.

¹⁹³ Баев Й. Автентичната история на BGCONVOY.

¹⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1323. Л. 110–118.

контрреволюция», организация «тайной армии вторжения» — шпионов, агентов (влияния), диверсантов, саботажников, пропагандистов и агитаторов, подготовка армии вторжения «почти без ограничений» в финансовом плане, вербовка контингента «во всех странах, куда необходимо вторгнуться» и, наконец, «вторжение в страны-сателлиты Советского Союза и в СССР»); содействие нарастанию «внутренних трудностей в районах, находящихся... под советским контролем» с конечной целью «обеспечить крах этой слишком разросшейся и слишком жесткой структуры»; создание «подпольного движения» и объединение «недовольных элементов за железным занавесом», способных не только вести пропагандистскую работу, но и «вызывать смятение и дезорганизацию в орбите коммунистического влияния»; «организация революций, партизанской войны, деятельности пятой колонны и саботажа в коммунистических странах»; «материальная помощь подпольному движению в странах-сателлитах России». Представленная в справке информация также касалась привлечения эмигрантов из стран народной демократии к указанной деятельности. Американская администрация считала, в частности, желательным ежегодно «импортировать» 100 иностранцев из стран советской сферы влияния, «помогающих американской разведке», причем делать это в обход действовавших в США иммиграционных законов. В комментарии к соответствующему проекту закона (принят 20 июня 1949 г.) подчеркивалось, что «эта сотня людей необходима для очень важной специальной цели».

Корейская война явилась стимулом к усилению такого рода деятельности. 30 июня 1950 г. свет увидел закон о наборе в армию США иностранцев. Речь шла прежде всего об эмигрантах из стран народной демократии. Как писал журнал «Конгрешнл рекорд», «это именно те люди, которых мы желаем иметь в рядах нашей армии, тщательно проверенные и понимающие обстановку в тех странах мира, которые нам мало известны». 8 апреля 1951 г. газета «Нью Йорк таймс» признала: «В настоящее время начата оперативная политическая война против марионеточных режимов в государствах-сателлитах Советского Союза, которую, как можно предполагать, ведут организации, находящиеся в союзных странах Запада». Эта война включала, помимо прочего, систематическое разбрасывание листовок над Болгарией и Албанией и создание специальных подпольных радиостанций «для поощрения оппозиционных элементов и координации»

их антисоветской деятельности». В качестве примера указывалось на работу радио «Горянин»¹⁹⁵. На Болгарию распространялась так называемая поправка Керстена к принятому Конгрессом США Закону о взаимном обеспечении безопасности от 10 октября 1951 г., предусматривавшая ежегодное выделение 100 млн долларов на ведение подрывной деятельности против Советского Союза, на создание военнизированных формирований из числа эмигрантов и поддержку нелегальных организаций в странах советского блока.

Опубликованные в последние годы болгарскими историками и архивистами исследования и документы свидетельствуют о тесных рабочих контактах разведывательных и контрразведывательных структур стран «социалистического лагеря» и, прежде всего, Советского Союза¹⁹⁶. Не вызывает сомнения, что такого рода аналитические материалы, как вышеприведенный, доводились в том или ином виде до сведения союзников, в том числе и болгарской стороны. На их основе разрабатывались конкретные планы оперативной и профилактической работы, координировались усилия. Думается, есть основания полагать, что контрразведывательная активность болгарской госбезопасности, о которой говорилось выше, в определенной степени являлась попыткой дать, выражаясь современным языком, «симметричный ответ» реальной подрывной деятельности Запада. Однако ее масштабы, несомненно, были несоизмеримы с процессом шпионажи, охватившим страну.

Положение на болгаро-югославской границе

Инциденты на границе Югославии с другими странами советского блока некоторые исследователи трактуют как проявление военно-политического давления, чреватого в любой момент открытым военным

¹⁹⁵ Имелась в виду радиостанция «Горянин» (от болг. горá — лес), именовавшая себя «голосом болгарского Сопротивления». Вела передачи четыре раза в сутки на болгарском языке с территории Греции из американского радицентра в окрестностях Афин. Цель вещания, как указывалось в одной из передач, — «сообщать факты, которые скрывают или пытаются извратить коммунисты». Действовала с апреля 1951 по ноябрь 1962 г. (*Шарланов Д.* Горяните. Кои са те? Из строго секретни архиви на Дирекция на държавна сигурност. София, 1999. С. 167–184).

¹⁹⁶ См., напр.: КГБ и ДС — врџки и зависимости. 1950–1991. Документи. София, 2009; *Баев Й.* КГБ в България. Сътрудничеството между съветските и българските тайни служби. 1944–1991. София, 2009.

конфликтом¹⁹⁷. Статистика инцидентов, приводимая в литературе, впечатляет: по некоторым сведениям, число пограничных столкновений на югославских границах в 1948–1952 гг. достигло 5 тыс.¹⁹⁸ Согласно английским источникам, амплитуда пограничных инцидентов не была постоянной, и при этом якобы каждые 2–3 месяца «советские сателлиты сменяли друг друга... в этой войне нервов»¹⁹⁹. При таком подходе подразумеваются активная организующая роль Москвы в создании и поддержании напряженности на пограничных рубежах, как и отведение Белграду пассивной роли обороняющегося. С нашей точки зрения, обе эти посылки не находят должного документального подтверждения. Более того, югославская сторона, судя по доступным материалам, вовсе не отказывалась от роли зачинщика инцидентов.

Положение на болгаро-югославской границе оказалось в центре усиленного внимания болгарских властей практически сразу же с начала конфликта. Уже 3 июля 1948 г. Политбюро обсуждало меры по предотвращению провокаций на пограничном рубеже²⁰⁰. С начала 1949 г. обстановка осложнилась: отмечались систематические нарушения границы обеими сторонами, переносы или ликвидация погранзнаков, задержания нарушителей, перестрелки и пр. Каждая из сторон, естественно, обвиняла соседей. В целом отмечался количественный рост пограничных инцидентов: 17 — в 1948 г.; 63 — в 1949 г.; 123 — в 1950 г.; 161 — в 1952 г. Некоторый спад (90 инцидентов) принес лишь 1951 г., когда действовал институт пограничных комиссаров, созданный по взаимному соглашению в конце 1950 г. По договоренности граница была разделена на три сектора; каждый сектор с обеих сторон контролировали один комиссар для расследования инцидентов и один старший офицер, ответственный за весь сектор. Первая встреча комиссаров состоялась 29 декабря 1950 г. в Димитровграде²⁰¹;

¹⁹⁷ См., напр.: *Романенко С.* Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века — 1991 год). М., 2011. С. 461.

¹⁹⁸ *Збоев А. В.* Болгария в условиях «военной тревоги» начала 1950-х гг. на Балканах // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Киров, 2011. № 4 (1). С. 89–95. [Электронная версия].

¹⁹⁹ *Баев Й.* Военно-политическите конфликти след Втората световна война. С. 126.

²⁰⁰ *Георги Димитров.* Дневник. С. 618.

²⁰¹ В начале 1950 г. так стал именоваться бывший Цариброд, город на спорных Западных территориях. Переименование инициировала югославская сторона, стремясь

всего же в 1951 г. было проведено 13 совместных заседаний, но в конце года из-за обострения отношений встречи комиссаров были отменены. Сведения, почерпнутые из донесений советских дипломатов, позволяют констатировать очевидную эффективность действия института погранкомиссаров: если с 1 января по 10 ноября 1950 г. был зарегистрирован 101 пограничный инцидент, то за эти же месяцы 1951 г. — 57. Естественно, виновниками в советских сводках и справках назывались единственно югославские власти, которые «провоцировали инциденты».

В этих оценках советская и болгарская стороны были едины. Еще на будапештском совещании Коминформа из уст болгарского делегата Владимира Поптомова прозвучало утверждение, что именно «титовцы провоцируют инциденты на границе». Он также сообщил о предполагавшихся конкретных контрмерах болгарской стороны: увеличение глубины охраняемой погранзоны до 15–20 км и очищение ее от «титовских агентов и сомнительных элементов», усиление плотности охраны границы со стороны болгарских погранвойск, серьезная чистка парторганизаций погранзоны и их руководящих органов²⁰².

Примечательно, что фрагмент выступления Поптомова с перечнем указанных мер был при редактировании протокола заседания от 18 ноября 1949 г. снят. А между тем он интересен еще и тем, что касался механизма распространения пропагандистских материалов «внутри Югославии» и оказания политической и организационной помощи борцам против Тито и его «клики», для чего задумывалось создание некоего «специального аппарата», работающего под непосредственным контролем ЦК БКП²⁰³.

На основе документальных материалов можно утверждать, что болгарская лепта в создании напряженности на границе была довольно значительной. И в немалой степени она определялась работой по заброске печатных материалов, которой ведало Министерство внутренних дел. Операция проводилась под кодовым названием «Звезда».

Согласно поступившей в декабре 1949 г. из ЦК БКП во Внешнеполитическую комиссию (ВПК) ЦК ВКП(б) информации, для

таким образом противопоставить «правильную» политику Георгия Димитрова по македонскому вопросу политике В. Червенкова (см. ниже).

²⁰² Совещания Коминформа. С. 687, 744.

²⁰³ Там же. С. 745.

проведения мероприятий по распространению антититовской прессы и иных печатных изданий были привлечены прежде всего болгарские органы государственной безопасности. Первоначально болгарскими «чекистами» использовались так называемые двувластники — лица, имевшие собственность как на территории Болгарии, так и Югославии, и постоянно курсировавшие через болгаро-югославскую границу. Однако многие из них, как выяснилось позднее, оказались случайными людьми, были отобраны без тщательной проверки, что приводило к их провалам и арестам на территории Югославии. Впоследствии органы госбезопасности стали выделять своих сотрудников в качестве руководителей групп и сопровождающих. Особое значение придавалось привлечению «чекистов» из приграничных районов, хорошо знавших местную оперативную обстановку. В общей сложности, в конце 1949 г. в забросках принимали участие по линии госбезопасности 44 человека. Вербовались также и информаторы, часть из которых оказались двойными агентами, работавшими одновременно и на болгарскую, и на югославскую разведку. По полученным в Москве сведениям, они оказались причастны к арестам югославскими властями сторонников Коминформа²⁰⁴.

Судя по вышеназванной справке ЦК БКП, переброска осуществлялась дважды в месяц. Материалы, как правило, перевозились курьерами в багаже или в сене на крестьянских телегах. Часть передавалась проверенным людям лично в руки, а другая пряталась в тайниках, откуда затем ее забирали югославские «информбюровцы». Некоторое количество печатных материалов распространялось непосредственно по пути, на дорогах, небольшая часть, заранее сложенная в почтовые конверты и адресованная известным людям, опускалась в почтовые ящики или почтовые вагоны уже на югославской территории. Основная партия материалов распространялась в приграничных селах, но случалось, что они попадали в ближайшие города и находившиеся недалеко от границы шахты «Вучи дол», «Бор» и др. В целом территориальный охват проводимых операций был незначительным.

Из справки Секретариата Информбюро, датированной 15 мая 1949 г., следует, что через четыре «окна» на болгаро-югославской границе было переправлено 3 тыс. экземпляров газет «За

²⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 117. Л. 322, 324.

социалистическую Югославию» и «Напред». Издания дошли до Белграда и Загреба. Из югославской столицы 500 экз. разосланы по почте по адресам, указанным политэмигрантами, 800 экз. попали в Мадонию²⁰⁵.

До декабря 1949 г. материалы на югославскую территорию перебрасывались из Болгарии 12 раз, в том числе газета «За социалистическую Югославию» (с 1 по 6 номер включительно) — 16 000 экз.; газета «Напред» (с 1 по 6 номер включительно) — 18 650 экз.; газета «Новая борьба» (13 номеров) — 500 экз.; газета «Под знаменем интернационализма» — 2600 экз. Кроме того, было распространено почти 130 тыс. экз. брошюр и карикатур. Нужно отметить, что карикатурам на деятелей КПЮ придавалось особое значение как средству наглядной агитации. В среднем за одну переброску доставлялось около 10 тыс. экз. газет и брошюр.

Что касается эффективности работы по «Звезде», то оценить ее крайне трудно. К примеру, по сведениям Секретариата Информбюро, заброска литературы весной 1949 г. не дала конкретных откликов²⁰⁶. «До настоящего времени нет больших успехов», — констатировал в Будапеште в ноябре 1949 г. и В. Поптомов²⁰⁷. С учетом обстановки в Югославии, где укреплявшийся режим Тито ужесточал свою политику, проведенные акции явно не оправдывали расчеты их инициаторов.

Впоследствии данная работа активизировалась, и к ней были привлечены югославские политэмигранты, чего не было на начальной стадии²⁰⁸. Увеличилось и число «окон» на границе: к лету 1953 г. оно достигло 13. Через них в июне–октябре 1953 г. по линии «Звезды» была осуществлена 21 заброска. В ней участвовали 52 югославских эмигранта, которые распространили всего более 91 тыс. экз. печатной продукции — газет, листовок, брошюр, карикатур. Однако территориально радиус их действия был невелик — 5–10 км от границы. Лишь единицы проникали глубже — на расстояние 15–20 км югославской территории. В трех случаях за указанный период группы были обнаружены и обстреляны югославскими пограничниками²⁰⁹.

²⁰⁵ Там же. Д. 87. Л. 8–9.

²⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 87. Л. 9.

²⁰⁷ Сопещения Коминформа. С. 690.

²⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 87. Л. 8.

²⁰⁹ Там же. Л. 108–112.

На рубеже 1940–1950-х гг. болгарские спецслужбы активно занимались организацией подрывной деятельности против Югославии путем заброски в страну диверсионных и террористических групп. Последние готовились в специально созданных тренировочных лагерях в Драгомане, Горна Джумае, Кюстендиле, Св. Враче. По замыслу спецслужб установление связи с югославскими «информбюровцами» и сбор информации об обстановке в стране должна была обеспечить операция под кодовым названием «Стрела»²¹⁰. Заброска по линии «Стрелы» далеко не всегда проходила гладко: случались перестрелки, имелись убитые и раненые с обеих сторон. Начальник болгарской службы по проведению оперативных мероприятий П. Докузов отмечал сложную обстановку не только на границе (в связи с почти трехкратным увеличением числа югославских пограничников²¹¹) и во внутренних районах страны, но и трудности, возникавшие в самих группах политэмигрантов. Докузов указал в частности на отсутствие у участников операций должной выдержки и чувства ответственности: «При первых же встречающихся трудностях впадают в панику и возвращаются обратно»²¹². Сведениями об эффективности работы по операции «Стрела», автор, к сожалению, не располагает.

В дальнейшем, особенно после смерти Сталина, напряженность на границе характеризовалась определенным спадом: в январе–апреле 1953 г. были зафиксированы 49 значительных инцидентов; в 3-м квартале 1953 г. — 29 (из них в сентябре — 9), в ноябре — 1, причем

²¹⁰ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. С. 370.

²¹¹ В одном из документов Секретариата Информбюро сообщалось: на участке границы протяженностью 17 км с болгарской стороны охрану несут 25 пограничников и 1 унтер-офицер, а с югославской — 70 пограничников и 1 офицер (РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 87. Л. 9). Для сравнения: в конце 1944 г., как сообщалось в материалах СКК в Болгарии, болгаро-югославская граница вообще не охранялась (АВП РФ. Ф. 074. Оп. 36 В. П. 222. Д. 1. Л. 46).

²¹² Показательна в связи с этим «эпопея» югославского политэмигранта Богомира Лазаревича. Прибыв в Болгарию в апреле 1950 г., прошел 5-месячное обучение в партшколе в г. Пловдиве и был взят на работу на «техническую службу». На задания направлялся дважды, но, как указывалось в сводке АПО ЦК БКП, «ничего не сделал». В последнюю заброску не добрался до назначенного места, бросил груз и радиопередатчик, а вернувшись, заявил, что попал в засаду. Весной 1954 г. по личным мотивам (обида из-за нерешенного жилищного вопроса) вообще отказался от работы по заброске, продолжая получать материальную поддержку от болгарской «службы» (ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 32. А. е. 435. Л. 14, 19; РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 87. Л. 111).

последние 10 инцидентов были связаны с переброской югославами антиболгарской литературы²¹³.

В это же время в поле зрения болгарского руководства с подачи прокуратуры попадает такое ставшее массовым явление, как бегство за границу, в том числе и в Югославию. За короткий срок после бухарестской резолюции Информбюро — до 15 мая 1949 г., по сообщению в партийной печати сербского министра иностранных дел С. Пенезича, в Югославию перебежали более 800 болгарских граждан²¹⁴. Эти статистика значительно расходилась с данными, которыми оперировали советские дипломаты, работавшие в Болгарии. В посольстве СССР в Софии было известно о зарегистрированных в 1949 г. 496 случаях бегства. Но и эти, более скромные цифры, полученные от болгарских «друзей» и существенно отличавшиеся от югославских, стали основанием для признания советскими наблюдателями «почти эпидемического характера перехода через югославскую границу». Это отмечал в справке о состоянии преступности в стране зав. консульским отделом Г. М. Базанов²¹⁵. Особенно насторожили дипломата социальное происхождение перебежчиков («рабочий класс»), политическая принадлежность («у большинства — коммунистическая партия или Союз народной молодежи — комсомол») и возрастные характеристики («в большинстве — юноши лет 18–22»). Помимо карьерных и бытовых причин, побудивших к уходу за кордон, Базанов указал на «ореол Тито как национального героя»²¹⁶.

Эти сведения в целом подтверждали и более подробные и конкретные югославские материалы. В упомянутой выше статье Пенезича приводились следующие данные: среди перебежчиков из Болгарии 34% составляли рабочие, 27% — крестьяне, 32% — служащие, студенты. По партийной принадлежности 27% состояли в БКП и Отечественном фронте. Однако в перечне побудительных мотивов Пенезич на передний план вывел идейно-политические

²¹³ Информация почерпнута из справки IV ЕО МИД СССР «Болгаро-югославские отношения (1948–1953) и мероприятия болгарского правительства по нормализации отношений с Югославией» (не ранее января 1953 г.) (АВП РФ. Ф. 074. Оп. 42 Б. П. 219 а. Д. З. Л. 19–22, 25–26, 40).

²¹⁴ Borba. 1949. 14 juna. Ссылка взята из: *Dragišić P. Jugoslovensko-bugarski odnosi*. S. 246.

²¹⁵ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. II. Док. № 43. С. 138.

²¹⁶ Там же. С. 139.

соображения — несогласие с политикой БКП в югославском вопросе, неравноправное положение Болгарии среди других социалистических стран. Вместе с тем 59% перебежчиков Пенезич отнес к «политически неактивным» лицам, указав, что их мотивация сводилась к материальной выгоде²¹⁷. (В связи с этим представляется, что оценки советским дипломатом мотивации перебежчиков и «иерархия» причин, побудивших их покинуть Болгарию, были более точными).

Тревогу Базанова разделяли и болгарские власти: в отчетном докладе главного прокурора Д. Георгиева о деятельности прокуратуры в 1949 г. (отчет сделан на заседании Политбюро 30 марта 1950 г.) вопрос о перебежчиках — «врагах народа» рассматривался как «серьезная опасность для... государства»²¹⁸. Более того, эта опасность нарастала: если верить югославским источникам, к концу 1951 г. число болгарских перебежчиков достигло 1830 чел.²¹⁹ Интенсивность процесса до известной степени подтверждает зафиксированное в начале 1950-х гг. географическое смещение потоков перебежчиков — с болгаро-турецкой и болгаро-греческой границ на болгаро-югославскую. Но, на наш взгляд, при оценке данного явления следует учитывать закрытие болгаро-турецкой границы в 1951 г. в ходе обострения переселенческого вопроса, когда Турция отказалась принять значительные массы покидавших страну болгарских турок.

К вопросу о планах военного вторжения в Югославию

Вопрос о подготовке военного вторжения армий СССР и стран советского блока в Югославию до настоящего времени остается дискуссионным. Рассматривая его через призму советско-американской конфронтации и блоковой консолидации, некоторые исследователи приводят высказывания помощника госсекретаря США по делам Ближнего Востока, Южной Азии и Африки Дж. Мак-Ги, считавшего взрыв в «пороховом погребе» Европы реальным и отводившего Болгарию решающую роль в возможном нападении на Югославию и Грецию²²⁰.

²¹⁷ *Dragišić P.* Jugoslovensko-bugarski odnosi. S. 246.

²¹⁸ ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 6. А. е. 754. Л. 22.

²¹⁹ *Dragišić P.* Jugoslovensko-bugarski odnosi. S. 245.

²²⁰ Дж. Мак-Ги 22 июля 1950 г. изложил свою точку зрения в меморандуме, представленном помощнику заместителя госсекретаря Х. Ф. Мэтьюзу (*Збоев А. В.* Болгария в условиях «военной тревоги» начала 1950-х гг. на Балканах. [Электронная версия]).

С середины 1949 г. иностранные наблюдатели в Софии систематически фиксировали укрепление болгаро-югославской границы, включая строительство в приграничных районах противотанковых заграждений и бомбоубежищ, передислокацию воинских частей, проведение военных маневров и инспекционные поездки советских офицеров, проверявших состояние пограничной службы и боеспособности болгарской армии. Однако подобные мероприятия серьезные британские аналитики не были склонны рассматривать как подготовку военного вторжения в Югославию, хотя не исключали возможность «наступательных операций» болгарской армии в Восточной и Западной Фракии и Эгейской Македонии²²¹.

Американские военные эксперты уже на ранней стадии советско-югославского конфликта просчитывали варианты дальнейшего развития событий «глазами Москвы». В докладе, представленном в Совет национальной безопасности 17 ноября 1949 г., фигурировали четыре варианта: а) усиление политического и экономического давления; б) партизанские действия на территории Югославии (вероятнее всего, в Вардарской Македонии с участием военизированных «македонских формирований» Албании, Болгарии и Эгейской Македонии); в) военное нападение со стороны «стран-сателлитов» без участия советских воинских частей; г) прямая советская военная акция (самостоятельная или с привлечением армий соседних государств). Документ показался убедительным, вызвав однозначную оценку начальника Объединенного комитета начальников штабов генерала армии О. Бредли: «По мере возможности нам следует оказать Тито военную поддержку, так как без значительной помощи с нашей стороны мы не можем ожидать, что он достигнет успеха»²²². Впоследствии оценки военных экспертов Вашингтона стали более однозначными: в документах американской военной разведки на протяжении мая–сентября 1951 г. приоритет отдавался «значительной» вероятности прямого советского нападения на Югославию²²³. Позиция США, несомненно, повлияла на установление более тесных военных контактов Югославии с американской стороной, причем по инициативе Белграда. Еще в марте 1950 г. Тито в беседе

²²¹ Баев Й. Военно-политическите конфликти след Втората световна война. С. 127–128.

²²² Цит. по: Там же. С. 128.

²²³ Там же. С. 129.

с американским послом Дж. Алленом заметил, что, «будучи военным, понимает необходимость сотрудничества [с Соединенными Штатами] по военным вопросам»²²⁴. 20 октября 1950 г. югославское правительство предложило свой проект соглашения с Вашингтоном о «помощи и вооружении», а спустя год, 14 ноября 1951 г., было подписано межправительственное бессрочное соглашение о военной помощи на основе принятого 10 октября 1951 г. в США Закона о взаимной безопасности. Фактически придя на смену плану Маршалла, действие которого истекало 30 декабря, указанный закон предусматривал выделение почти 7,5 млрд долларов на оказание военной, экономической и технической помощи американским союзникам в Европе. Подписав бессрочное соглашение с Белградом, американская сторона распространила действие нового закона на ФНРЮ. И уже в декабре 1951 г. начались поставки американского вооружения в Югославию, в страну прибыли американские советники-консультанты, были предоставлены первые льготные кредиты со стороны большинства стран НАТО. Следующим логичным шагом югославского руководства явилось вступление в Балканский пакт в феврале 1953 г.

В это время постоянно и значительно росли военные расходы Югославии. По сравнению с 1946 г. (300 млн долларов США), они в 1952 г. составили 665 млн, что равнялось одной пятой части национального дохода²²⁵.

Несмотря на очевидные оборонительные усилия югославов, которые можно рассматривать в контексте признания ими реальной военной угрозы со стороны СССР и его союзников, вопрос о наличии у Москвы конкретных военных планов в отношении Югославии и поныне остается непроясненным. Война в Корее и вовлеченность в конфликт СССР и Китая, оказавших поддержку Северу, в Белграде и на Западе были расценены как возможный сценарий будущего вторжения вчерашних союзников на Балканы. Французский Генштаб будто бы располагал информацией о готовившемся осенью 1950 — весной 1951 г. нападении на Югославию с территории Венгрии. В отечественной научной литературе со ссылкой на печать периода «перестройки» указывается, что позднее, находясь в октябре

²²⁴ Там же. С. 128.

²²⁵ *Гаврилов В., Васильева Н.* «Пороховой погреб Европы» // Военно-промышленный курьер. Общероссийская газета. 2006. № 2. 18 января.

1957 г. с визитом в Белграде, министр обороны маршал Г. К. Жуков в беседе с Тито заявил, что в 1951 г. планировалось военное вторжение в Югославию вооруженных сил СССР, Румынии и Венгрии и что Бухарест и Будапешт при этом получали значительную часть югославской территории²²⁶. Однако тщательно изучивший югославские военные архивы сербский историк А. Животич, анализируя беседы Жукова с Тито и югославским министром обороны генералом армии И. Гошняком, ни словом не упоминает об этом свидетельстве маршала²²⁷. В связи с этим закономерен вопрос, почему подобное заявление Жукова не нашло места в материалах визита?

В исторической литературе фигурирует также документ, именуемый «Схемой возможной силовой акции с целью замены партийно-государственного руководства страны», якобы предполагавший вторжение в Югославию с территорией Болгарии, Венгрии и Румынии²²⁸. Однако этот документ неясного происхождения требует, с нашей точки зрения, обязательной строгой верификации. До тех пор, пока недоступными остаются документы Министерства обороны и советских спецслужб, решить эту задачу не представляется возможным.

Особую важность приобретает при отсутствии надежных источников вопрос об интерпретации тех или иных событий. Один пример. Современный российский историк утверждает, например, что «*о планах нападения на Югославию и конкретных мероприятиях, направленных на их осуществление*, свидетельствуют мемуары Хрущева»²²⁹. В доказательство приведен рассказ опального советского руководителя об отправке «большого количества людей на Балканы из Одессы». (При этом дата, хотя бы приблизительная, не указывается). «Их отправляли каким-то кораблем, наверное, в Болгарию... — вспоминал Хрущев. — Мне сообщили, что готовится некий удар по Югославии. Почему он не состоялся, не могу сказать»²³⁰. (В одном из вариантов воспоминаний фигурирует более подробная информация о погрузке

²²⁶ Югославия в XX веке. С. 620 (автор очерка А. С. Аникеев).

²²⁷ Животич А. Югословенско-советске војне супротности (1917–1957). Искушења савезништва. Београд, 2015. С. 217–219.

²²⁸ Документ-схема опубл.: Улуњан Ар. А. Балканы: горячий мир холодной войны. Греция и Турция между Западом и Востоком. 1945–1960 гг. М., 2001. С. 111.

²²⁹ Романенко С. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». С. 463.

²³⁰ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 3. М., 1999. С. 125.

в Одессе на корабли «каких-то отрядов»: одетые в гражданскую одежду «военные люди» везли с собой чемоданы, по всей вероятности, с оружием. «Сталин хотел что-то предпринять через Болгарию? — задавался вопросом Хрущев. — Своими людьми, а может быть, объединив усилия с болгарами»²³¹.) На предположения Хрущева опираются исследователи, говоря о наличии «разных вариантов» плана военного вторжения в Югославию (крупномасштабные операции или операции «малого масштаба»; силами Советской армии или вместе с союзниками — странами народной демократии или «непосредственно заинтересованными соседями», и пр.)²³². Нетрудно заметить, однако, что эти «разные варианты» повторяют перечень возможных действий советской стороны из упомянутого выше доклада американских аналитиков от 17 ноября 1949 г.

А между тем есть, думается, веские основания предполагать, что в воспоминаниях Хрущева речь шла о совсем иных событиях.

Во второй половине октября 1949 г. по просьбе болгарского правительства в Болгарию морем из Одессы были направлены три советских полка внутренних войск из Москвы, Киева и Минска. Их задача состояла в обеспечении стабильности и порядка в стране во время проведения судебного процесса по «делу» Трайчо Костова. В момент отправки военнослужащие были одеты в штатское, имели при себе чемоданы (видимо, с оружием). Вплоть до середины января 1950 г. они находились в Софии, охраняя важнейшие государственные и партийные учреждения столицы — ЦК БКП, Совет министров, Народное собрание, радиоцентр, политическую тюрьму, а также дачу Червенкова и некоторые другие объекты, патрулировали столичные улицы. Во время несения службы за пределами казарм им было запрещено разговаривать по-русски, отвечать на вопросы, а от нежелательных контактов с болгарской милицией, особенно в ночное время советских военных «уберегали» специальные удостоверения без фотографий, с указанием болгарских имен и фамилий, за подписью министра внутренних дел, категорически запрещавшие болгарам требовать у них какие-либо иные подтверждавшие личность документы. По признанию одного из военных, «эти удостоверения выручали». Никаких

²³¹ Там же. С. 473.

²³² Романенко С. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». С. 462.

эксцессов во время дежурств не было. Участникам «секретного десанта» запомнились заполненные толпами софийцев улицы, митинги, на которых звучали требования смертной казни Костову и другим «врагам народа». В конце «командировки» с оперативным составом встретился Червенков, поблагодарил за «хорошую службу»²³³. Проведенная в обстановке строгой секретности операция никакого отношения к подготовке военного вторжения в Югославию не имела.

Тщательно проанализировав доступные материалы, в том числе и из военных архивов, международную обстановку и состояние армий стран «социалистического лагеря», российские военные историки Н. В. Васильева и В. А. Гаврилов считают безосновательными суждения западных и некоторых отечественных исследователей о подготовке вооруженной акции против Югославии. Частая передислокация воинских частей, проведение маневров, строительство оборонительных сооружений, в том числе на болгаро-югославской границе, и полосы обеспечения на Придунайском, Пирот-Софийском, Благоевградском, Пловдивском, Кырджалийском и Маричанском направлениях имели, утверждают авторы, оборонительный характер²³⁴. Кроме того, сложная ситуация на геополитическом «шахматном поле» диктовала Москве необходимость создавать и укреплять ось СССР–Китай в противовес устремлению Запада на Ближний и Средний Восток, в Южную и Юго-Восточную Азию. Поэтому «игра на нервах» против Югославии могла также преследовать цель отвлечь внимание Запада от Дальнего Востока. Прецедент уже имелся: исследователи указали, в частности, на отвлекающую роль, которую сыграл в 1948 г. Берлинский кризис²³⁵. Не случайно в 1951 г. Молотов отмечал, что советская позиция и решительные действия по блокаде Берлина существенно помогли китайским коммунистам в гражданской войне²³⁶. Параллели, считают упомянутые авторы, напрашиваются сами собой.

²³³ *Медведев А.* Секретный десант // Совершенно секретно. № 11. 1990. С. 21; *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. С. 518–519.

²³⁴ *Васильева Н., Гаврилов В.* Балканский тупик?.. Историческая судьба Югославии в XX веке. М., 2000. С. 262.

²³⁵ Там же. С. 263.

²³⁶ *Судоплатов П. А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950. М., 1998. С. 337–338.

На определенные размышления наводят и имевшиеся в Москве сведения о боеготовности армий стран «социалистического лагеря». В высших военных кругах сложилось твердое убеждение, основанное на донесениях советских военных советников, что в 1949–1951 гг. союзники не были готовы к широкомасштабным наступательным операциям против Югославской народной армии. Характерно, что эти оценки по существу совпадали с заключением западных аналитиков. В одном из меморандумов ЦРУ, хотя и указывалось на значительный численный рост болгарской, венгерской и румынской армий в 1950 г., подчеркивалась их низкая боеспособность и полная зависимость от советского материально-технического обеспечения и военно-оперативного руководства. Более того, в планирующих документах НАТО весной 1950 г. оценка была еще более жесткой: признавалось, что эти армии не будут боеспособными в течение нескольких лет²³⁷.

В январе 1951 г. в Москве на совещании руководителей СССР и социалистических стран при участии министров обороны была поставлена задача до конца 1953 г. резко увеличить численность вооруженных сил и создать соответствующую военно-промышленную базу. Из ограниченного на сегодня круга источников и информации об этом совещании известно, что советское руководство, опасаясь угрозы со стороны НАТО, инициировало обсуждение проблемы усиления общей обороны «социалистического лагеря» в условиях войны в Корее и развернувшейся милитаризации Западной Германии с перспективой ее включения в военные структуры Запада²³⁸. Помимо развертывания армий (численность Болгарской народной армии, например, предполагалось довести с 81 тыс. до 140 тыс. чел. в мирное время и до 400 тыс. чел. в военное), обсуждался вопрос не о наступательной операции против Югославии, а о военно-оперативной подготовке территорий народно-демократических стран к возможным военным действиям в условиях большого военного конфликта. В связи с этим интерес «хозяев» к Болгарии фокусировался не на отношениях с Белградом, а на внутренней проблеме — настроениях болгарских

²³⁷ Гаврилов В., Васильева Н. «Пороховой погреб Европы».

²³⁸ Егорова Н. И. Военно-политическая интеграция стран Запада и реакция СССР (1947–1953 гг.) // Холодная война. 1945–1953 гг. Историческая ретроспектива: Сборник статей. М., 2003. С. 201–202; Холловэй Д. Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия. 1939–1956. М., 1997. С. 375.

турок и помаков (исламизированных болгар), в глазах Москвы потенциальной «пятой колонны» в стране в случае возникновения полномасштабной войны²³⁹.

Замечу, что в болгарских архивах не обнаружено никаких следов деятельности государственных и военных структур, соотносимой с антиюгославскими военными приготовлениями наступательного характера (самостоятельно или совместно с советскими вооруженными силами). Более того, состояние болгарской регулярной армии к началу 1953 г. свидетельствовало о ее неготовности к каким-либо серьезным вооруженным действиям. Доведение численности БНА к 1 января 1953 г. до 146 тыс. чел. (запланированная на совещании в 1951 г. цифра была, следовательно, перекрыта) не позволяло полностью укомплектовать (даже в соответствии со штатным расписанием мирного времени) части ПВО, реактивную авиацию, военно-морской флот и некоторые спецчасти²⁴⁰. Особенно острой была нехватка квалифицированных офицеров-танкистов, артиллеристов, зенитчиков, моряков и др. «Невысокая», по оценке советских советников, боеспособность БНА объяснялась также и отсутствием боевого опыта у личного, в том числе командного, состава, который «не прошел серьезной школы войны, не представляет реально, что такое современный бой»²⁴¹.

Не менее сложной была ситуация в армиях Румынии и Венгрии, которым вместе с болгарам в случае вооруженных действий против Югославии противостояла бы хорошо обученная 500-тысячная регулярная Югославская народная армия (с силами госбезопасности и погранвойсками ее численность достигала 700 тыс.), обладавшая боевым опытом, в том числе и ведения партизанской войны.

Представляется, что с учетом вышесказанного вооруженное вторжение в Югославию предстает как чистой воды авантюра. «Реалполитик» и прагматик Сталин авантюристом не был. Нельзя не согласиться с российскими исследователями, что отнюдь не военная интервенция против Югославии, а напротив, удержание сложившегося status quo на Балканах и на юге Европы являлись стратегической целью Москвы²⁴².

²³⁹ ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 6. А. е. 1217. Л. 3–4.

²⁴⁰ Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик?.. С. 261.

²⁴¹ Там же. С. 260.

²⁴² Там же. С. 262.

Вместе с тем это отнюдь не исключает наличия «рабочих» материалов наступательного характера, готовившихся в советском Генштабе «на случай» резкого изменения обстановки. На то и существуют подобные структуры, чтобы готовиться к войне. Возможно, это и имел в виду маршал Жуков, вспоминая в 1957 г. события начала 1950-х. Но от оперативных разработок генштабистов до принятия на правительственном уровне конкретного решения о вторжении — «дистанции огромного размера». Современными исследованиями наличие подобного решения не подтверждается.

Македонский вопрос

В начале 1950-х гг., когда механизм антиюгославских мероприятий был запущен на полные обороты, начала постепенно ослабевать активность Коминформбюро. Предпринятые попытки оживить ее, реорганизовать международный орган «по координации» путем введения поста Генерального секретаря, расширить функции до принятия «в случаях неотложной необходимости» постановлений и директивных указаний, обязательных для всех партий-участниц (этот комплекс мер российский исследователь Г. М. Адибеков удачно охарактеризовал как «коминтернизацию Информбюро») не увенчались успехом²⁴³. Болгарские представители активно участвовали в работе Коминформа на всех этапах длительных обсуждений, поднимая злободневные для своей страны вопросы. Так, выступая на заседании секретариата Информбюро в ноябре 1950 г., Георгий Чанков предлагал, например, обсудить на будущем совещании судьбу болгарского «кулачества». Руководство страны не сомневалось, что кулаков, по советскому примеру, следовало «ликвидировать как класс». Трудность заключалась в том, что в маленькой Болгарии выселять кулаков было некуда. Чанков озвучил также и надежду официальной Софии на выработку «с помощью Коминформа» общей позиции по македонскому вопросу.

Состояние македонского вопроса и его значение в истории Балканского субрегиона отражали такие распространенные метафоры, как «гордиев узел» Балкан, «яблоко раздора» между государствами.

²⁴³ Подробнее см.: *Адибеков Г. М.* Коминформ и послевоенная Европа. С. 208–216, 228.

Соседи на протяжении десятилетий вели ожесточенную борьбу «за землю и кровь». Раздел Македонии между Грецией, Сербией и Болгарией в результате Балканских войн 1912–1913 гг., сопровождавшийся принудительным переселением и ассимиляцией местного населения, как оказалось, не положил конец территориальным спорам. Вторая мировая война принесла очередной передел македонских земель, а вслед за ним и новую волну насилия и притеснений на национальной почве. Болгария оккупировала принадлежавшую Югославии Вардарскую Македонию, ввела там временную администрацию. Осенью 1944 г., в период подготовки Соглашения о перемирии между СССР, США и Великобританией как ведущими странами антигитлеровской коалиции и Болгарией болгарские войска по требованию союзников были выведены с оккупированной территории.

К началу конфликта между Москвой и Белградом македонский вопрос в болгаро-югославских отношениях был отягощен взаимными претензиями балканских соседей. Основная причина — включенность этого вопроса в проекты южнославянской федерации. Помимо острой заинтересованности балканских стран в создании в ее рамках объединенной Македонии с особым государственным статусом, перспектива послевоенных переделов территории полуострова придавала македонским «делам» значительное международное звучание, обусловленное в том числе и нарастанием конфронтационных процессов между союзниками по антигитлеровской коалиции. Советско-югославский конфликт, как отмечено в историографии, снял с повестки дня вопрос о федерации²⁴⁴, однако актуализировал вопрос о судьбе болгарской части Македонии — Пиринского края. Напомним, что к тому времени в составе ФНРЮ существовала Народная республика Македония (НРМ), в которую вошла Вардарская Македония.

Между Болгарией и Югославией до начала конфликта была достигнута договоренность о том, что при образовании федерации Пиринский край будет присоединен к Вардарской Македонии при одновременном возвращении Болгарии «Западных окраин» (районов Тимошко, Струмицы, Цариброда и Босилеграда). В апреле 1946 г. Тито

²⁴⁴ Аникеев А. С. Македонская проблема в контексте международных отношений на Балканах (1943–1949 гг.) // Македония: проблемы истории и культуры / Отв. ред. Р. П. Гришина. М., 1999. С. 316.

подтвердил, что вопрос Западных территорий следует решать путем их размена на Пиринскую Македонию²⁴⁵. Тем не менее несмотря на достаточно четко сформулированную перспективу Западных территорий, югославская сторона остро и болезненно реагировала на любые попытки болгар усилить свое влияние в Царибродском и Босилеградском срезам, в частности вытесняла болгарский язык из системы образования и исключила эти районы из программ оказывавшейся болгарскими продовольственной помощи. Развернутое же к тому времени в НРМ масштабное преследование болгарского населения и наступление на всё «болгарское» оставалось внутренним делом югославской стороны: в условиях неурегулированного международного положения Болгарии болгарские власти были вынуждены как бы «не замечать» происходящего, не будировать этот вопрос перед Белградом.

7 июня 1946 г. на встрече с болгарской и югославской делегациями в Москве Сталин продублировал позицию Софии и Белграда, согласно которой окончательно вопрос о Пиринской Македонии и Западных территориях следует решать одновременно. Балканским соседям было предложено создать совместную комиссию для рассмотрения территориальных вопросов, но не спешить с объединением македонских территорий, ограничиться предоставлением Пиринскому краю автономии в рамках Болгарии и заняться вопросами «македонского самосознания». На замечание болгар об отсутствии такового у населения края Сталин привел пример белорусской нации: самосознание может быть сформировано²⁴⁶.

В соответствии с советом Сталина X пленум ЦК БРП(к) в августе 1946 г. принял решение о национально-культурной автономии Пиринского края. По предложению Димитрова было решено включить македонских представителей в списки кандидатов от Отечественного фронта на предстоящих парламентских выборах и впоследствии создать в новом Народном собрании македонскую депутатскую группу²⁴⁷.

²⁴⁵ Сальков А.П. Территориальная проблема в болгаро-югославских отношениях. 1919–1949 гг. // Вопросы истории. 2008. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://historical-articles.blogspot.ru/2011/06/1919-1949.html>.

²⁴⁶ Аначков М. Георги Димитров между Сталин и Тито // Везни. 2014. Год. XXIV. Бр. 1. С. 77.

²⁴⁷ Мичев Д. Македонският въпрос в българо-югославските отношения. София, 1991. С. 532–533.

Несмотря на продемонстрированную готовность болгарской стороны следовать советам Москвы и договоренностям с Белградом, балканская соседка попыталась бросить «пробный шар». Произошло это на Парижской мирной конференции (август–сентябрь 1946 г.). Греческие территориальные претензии к Болгарии²⁴⁸, по всей вероятности, вдохновили югославов: делегация вручила меморандум о присоединении Пиринской Македонии к Югославии. В действие немедленно была приведена «цепочка»: глава болгарской делегации в Париже Васил Коларов — Георгий Димитров — Сталин. Вмешательство советского лидера решило дело: меморандум был отозван югославами²⁴⁹.

После Парижской мирной конференции идея размена в будущем территорий между Болгарией и Югославией не сошла с повестки дня. Как показывают советские документы, она рассматривалась в контексте заключения союзного договора между обеими странами как первого шага к будущей федерации. Вместе с тем, как полагали в Москве, воссоединение Вардарской и Пиринской Македонии, оказав влияние на развитие национально-революционного движения в Эгейской Македонии, неизбежно вызвало бы «прямое и относительное ослабление Греции»²⁵⁰. (В связи с этим кому-то могло показаться, что и до присоединения третьей части Македонии — Эгейской — «рукой подать»).

Советская сторона рассматривала в то время вопрос и о минимизации возможного проявления недовольства со стороны болгар, поскольку территория Пиринского края была больше, нежели Западных окраин. В связи с этим даже возник вопрос о перенесении восточной границы Болгарии западнее, установив ее по хребту Пирин-планина. Но расчеты эти некоторые современные исследователи

²⁴⁸ На пленарном заседании 3 августа 1946 г. прозвучало требование греков об изменении болгаро-греческой границы путем передачи Греции Северной Фракии. Такая «стратегическая поправка» сокращала территорию Болгарии на 10%, а население — на 300 тыс. чел. При этом новая граница прошла бы всего в 95 км от столицы Софии и в 35 км от второго по величине болгарского города Пловдива. Болгарская делегация была вынуждена держать оборону. Ее поддержали представители Советского Союза, Югославии, США. Тогда-то и прозвучала ставшая известной всему миру фраза Молотова: «Болгары, будьте спокойны! Ваша граница останется непоколебимой!»

²⁴⁹ *Аначков М.* Георги Димитров между Сталин и Тито. С. 79.

²⁵⁰ *Смирнова Н. Д.* «Греческий вопрос» на Парижской мирной конференции // Сталин и холодная война. М., 1988. С. 18.

считают далекими от реальности и неосуществимыми²⁵¹. Во всяком случае, в практической плоскости этот вопрос не ставился.

Решение X пленума ЦК БРП(к) о национально-культурной автономии Пиринского края начало последовательно претворяться в жизнь. В местных школах развернулось активное изучение македонского языка, для чего туда в массовом порядке прибывали из Югославии македонские учителя (общее число их вскоре достигло 100 чел.), открылись македонская библиотека и другие культурные организации, распространялась литература на македонском языке, публикации на македонском регулярно помещались в официальном печатном органе «Пиринско дело». Распространялось и популяризировалось самоназвание «македонец», чему болгарские власти не препятствовали. Определилась перспектива вовлечения македонцев в активную политическую жизнь Болгарии.

Демонстрацией быстро достигнутой «результативности» процесса «македонизации» Пиринского края явились результаты проведенной там в декабре 1946 г. переписи населения. Под давлением властей от 45 (район Горна Джумай) до 95 % (Петрич) населения записались «македонцами». Югославы получили основание ставить вопрос о наличии в Пиринском крае македонского национального меньшинства, чем вскоре воспользовались.

Нельзя, однако, не отметить, что единства по македонскому вопросу в руководстве болгарской компартии не было. Резко отрицательную позицию против усиленной «македонизации» Пиринского края занимал Трайчо Костов. Но, по всей видимости, и другие партийные функционеры чувствовали определенную «искусственность» этого процесса. Не случайно в проекте Конституции НРБ, опубликованном в конце 1946 г., отсутствовало какое-либо упоминание о македонцах как национальном меньшинстве в Болгарии, что вызвало резкую критику на страницах югославской прессы²⁵². Звучали, в частности, обвинения болгар в неискренности, сокрытии своих истинных намерений. Как недопущение в будущем присоединения Пиринского края к НРМ югославские критики расценили и ст. 16 проекта, устанавливавшую порядок решения территориальных вопросов (любые

²⁵¹ Сальков А. П. Территориальная проблема в болгаро-югославских отношениях. [Электронный ресурс]. URL: <https://historical-articles.blogspot.ru/2011/06/1919-1949.html>.

²⁵² РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 41. Л. 22–23.

уступки, замена или увеличение территории допускались только на основе референдума). Недовольство Белграда в связи с опубликованием проекта болгарского Основного закона проявилось и во время встречи югославской делегации во главе с Э. Карделем со Сталиным в апреле 1947 г.²⁵³

Начало советско-югославского конфликта, казалось, открывало перед болгарской стороной возможность на волне критики действий Белграда попытаться сместить акценты в македонском вопросе к собственной пользе.

На бухарестском совещании Коминформа Костов отметил, что «даже» в Вардарской Македонии часть славянского населения «всё еще продолжает иметь болгарское национальное самосознание», а население Пиринского края, как и население всей Восточной Македонии, «говорит и всегда говорило на чистом болгарском языке». Экономически, пояснил Костов, край больше связан с Болгарией, да и географический фактор работает на Болгарию: указанную территорию соединяют долины рек Струма и Места, тогда как от Югославии ее отделяют высокие горы почти по всему протяжению границы. Костов выразил уверенность, что в случае проведения в Пиринском крае плебисцита большинство населения проголосует за вхождение в состав Болгарии²⁵⁴.

Вскоре после совещания Костов уточнил: «Мы были обязаны *по совету наших советских товарищей* содействовать развитию македонского сознания... но следует ли заставлять население Пиринского края отказываться от своего родного болгарского языка... Часть населения не только Пиринского края, но и Вардарской Македонии продолжает чувствовать себя болгарским и говорить на болгарском языке»²⁵⁵.

Конфликт сфокусировал накопившееся недовольство болгарской стороны активными действиями своей балканской соседки в Пиринском крае. София не без оснований считала, что, отказавшись от идеи федерации с Болгарией, Белград взял курс на фактическое присоединение края к Народной республике Македонии. В этом направлении напористо действовали эмиссары НРМ. Их стараниями, как

²⁵³ *Веков А.* България в тайните архиви на Сталин. София, 2002. С. 70.

²⁵⁴ Архивите говорят. Т. 31: Македонският въпрос в българо-югославските отношения (1944–1952). София, 2004. С. 347.

²⁵⁵ ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 5. А. е. 347. Л. 82–92.

указывала болгарская сторона, в Пиринском крае создано недопустимое положение «государства в государстве». При этом в самой НРМ проводилась политика подавления любых проявлений болгарского национального самосознания, отрицания прав национального меньшинства в отношении к «болгарскому элементу» в республике, сознательно формировалось враждебное к нему отношение²⁵⁶.

Оказавшись накануне XVI пленума ЦК БРП(к) (июль 1948 г.) «между Сциллой (признанием “болгарского характера” Пиринского края) и Харибдой» (вынужденной его «македонизацией» в рамках введения национально-культурной автономии), болгарская сторона попыталась заручиться очередным советом Москвы. 6 июля болгарские руководители обратились к А. А. Жданову с просьбой выяснить мнение Сталина. «В докладе нашей делегации на совещании Информбюро содержалась и наша позиция по македонскому вопросу. Мы были бы очень благодарны, если бы вы смогли сообщить нам мнение и совет товарища Дружкова (Сталина. — Т. В.) по этому вопросу», — говорилось в письме²⁵⁷. Однако реакции на обращение не последовало, и это заставило болгарское руководство действовать на свой страх и риск. При этом ситуацию осложняла угроза возможных авантур со стороны югославских руководителей в Пиринском крае²⁵⁸.

Партийный форум поставил вопрос о немедленном «восстановлении суверенитета болгарского государства в Пиринском крае», приостановке бесконтрольного пересечения границы с НРМ, подавлении враждебной агитации македонских эмиссаров, прекращении изучения чиновниками болгарской администрации македонского языка как «официального», отмене обязательной подписки населения на македонские газеты, и пр. Специальный пункт резолюции был посвящен вопросу улучшения материального и культурного положения населения края, принятия необходимых мер в сфере здравоохранения. Была объявлена решительная борьба всем проявлениям национализма и его адептам в лице Л. Колишевского и других руководителей македонской компартии, а также и великоболгарскому шовинизму. Компартия в Пиринском крае провозглашалась

²⁵⁶ Там же. А. е. 25. Л. 2–3.

²⁵⁷ Цит. по: *Баев Й.* Военно-политическите конфликти. С. 122.

²⁵⁸ *Георги Димитров.* Дневник. С. 619.

«нераздельной составной частью БРП(к)», ее функционерам запрещались любые прямые связи со Скопье и Белградом.

Одновременно рекомендовалось «с неослабевающей энергией» продолжать политику национально-культурной автономии македонского населения Пиринского края. С этой целью предписывалось изучать в школах историю македонского освободительного движения и популяризовать его деятелей, создавать македонские самодеятельные коллективы, ввести факультативное изучение македонского литературного языка в школах, причем «нашими (т. е. болгарскими. — Т. В.) македонскими учителями», присваивать школам и другим общественным и культурным учреждениям, организациям и обществам имена прогрессивных деятелей-македонцев, отмечать годовщины Ильинденского восстания²⁵⁹ и даты смерти наиболее известных македонских революционеров и видных борцов против фашизма и пр.²⁶⁰

Бросается в глаза противоречивость принятых на XVI пленуме решений, кстати, уже тогда отмеченная болгарскими руководителями. Так, в материалах к проекту резолюции «По положению в Пиринском крае», розданных делегатам, прямо указывалось, что «наша партия *до сих пор не имеет* полностью ясной и последовательной линии по македонскому вопросу»²⁶¹. Испытывая значительные колебания, болгарское руководство не смело отойти от сталинской установки о культурно-национальной автономии Пиринского края. О «совете» Сталина «энергично проводить эту политику» напомнил, в частности, Червенков²⁶². Несмотря на то что в выступлении Червенкова не содержалось даже намек на какую-либо критику в адрес советского лидера, в его защиту сразу же выступил Костов: «Было бы неправильно, если некоторые после выступления тов. Червенкова решат, что в положении в Пиринском крае виноват тов. Сталин,

²⁵⁹ Ильинденское восстание — выступление населения Македонии и Одринской Фракии против Османской империи, за создание в ее составе автономной Македонии. Началось в Ильин день 2 августа 1903 г. — отсюда получило свое название. К середине октября 1903 г. восстание было подавлено почти десятикратно превосходящими повстанцев силами регулярной турецкой армии. Вопрос о принадлежности и государственном статусе Македонии остался нерешенным, что в 1912–1913 гг. привело к двум Балканским войнам между Грецией, Болгарией, Сербией и Турцией.

²⁶⁰ ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 5. А. е. 25. Л. 3–4.

²⁶¹ Там же. Л. 3.

²⁶² Там же. Л. 174.

который нам лично дал совет», — заявил он. (Редактируя текст выступления, Костов считал нужным уточнить сказанное и от руки дописал: «Совет тов. Сталина был правильным, но мы плохо ему следовали. И вина за это, прежде всего, наша, П[олит]б[юро], а затем товарищей в Пиринском крае»²⁶³.)

Решения XVI пленума длительное время оставались установочными, определяя курс болгарского руководства в македонском вопросе. Лежавшая в его основе «македонизация» стала много позднее, уже в перестроечный период, основанием для критики действий болгарских коммунистов как «предательства национальных интересов».

В ходе эскалации советско-югославского конфликта, в конце 1951 г., министр иностранных дел Болгарии Владимир Поптомов разработал тезисы по македонскому вопросу, в которых впервые акцентировал внимание на «национальном угнетении» македонцев в Югославии и Греции. Он полагал, что поработанные «титовцами и колишевцами» и греческими «монархо-фашистами» македонцы должны вести борьбу за свержение режима в своих странах, а население Пиринского края в Болгарии — оказывать им в этом «значительную моральную и политическую помощь». Политика Белграда осуждалась как срывающая возможность создания южнославянской федерации и объединения Пиринской и Вардарской Македонии. Формулировалась и основная задача БКП в новых условиях — полное содействие развитию «национальной по форме и социалистической по содержанию новой македонской культуры» в Пиринском крае как «основы национальной культуры объединенного македонского народа в будущей свободной и демократической Македонии»²⁶⁴. Принципиальный тезис о том, что национальный вопрос должен быть подчинен задачам построения социализма, отразил преобладание на том этапе «интернационалистской» составляющей македонской проблемы²⁶⁵. Коминформбюро придерживалось в то время концепции единой народно-демократической Македонии, согласно которой Пиринскому краю отводилась роль объединительного центра. В этой концепции авторитетные болгарские исследовательницы

²⁶³ Там же. Л. 187.

²⁶⁴ Архивите говорят. Т. 31: Македонският въпрос в българо-югославските отношения. Док. № 319. С. 538–541.

²⁶⁵ Баяв Й. Българското държавно ръководство и македонският въпрос. С. 98.

И. Баева и Е. Калинова усматривают «кульминацию попыток Коминформбюро по дестабилизации Югославии»²⁶⁶.

Болгарские средства массовой информации настойчиво твердили о кровавом насилии «титовцев» по отношению к населению Народной республики Македонии, о насаждении искусственного литературного «македонского языка» и его сербизации, о «гестаповском терроре» против проболгарски настроенных граждан, и пр. Югославия, со своей стороны, в конце 1951 г. внесла в ООН меморандум, в котором население Пиринского края объявлялось македонским национальным меньшинством, преследуемым болгарскими властями²⁶⁷. Болгарская сторона, как подчеркивали советские дипломаты, «достаточно противостояла очередному вымыслу титовцев», прежде всего на страницах печати, где регулярно выступали видные общественные деятели-македонцы²⁶⁸.

Македонский вопрос, таким образом, стал важнейшей составляющей, своего рода «визитной карточкой» болгаро-югославских отношений в период конфликта.

На пути к нормализации

После смерти Сталина в марте 1953 г. практически сразу же начался процесс переосмысления советской внешнеполитической стратегии. Усиление позиций Запада на Балканах в условиях подготовки к включению ФРГ в европейские и атлантические структуры, создание в феврале 1953 г. Балканского пакта с участием Югославии, а затем ратификация договора Белградом в июне на фоне Берлинского кризиса заставили Москву серьезно задуматься о нормализации отношений с Белградом. Качественный прорыв на этом направлении планировался в то время в секретариате заместителя главы правительства, министра внутренних дел СССР Л. П. Берии. По согласованию с Г. М. Маленковым Берия подготовил предложение о конфиденциальной встрече представителей обеих сторон для передачи его второму лицу в югославской партийно-государственной

²⁶⁶ Баева И., Калинова Е. Следвоенното десетилетие на българската външна политика (1944–1955): Лекционен курс. София, 2003. С. 190.

²⁶⁷ Там же. С. 191.

²⁶⁸ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 41. П. 179. Д. 16. Л. 38–39.

иерархии А. Ранковичу²⁶⁹, однако арест всесильного советского министра помешал воплощению задуманного. Возможные шаги к нормализации были в тот момент сорваны в угоду подковерной борьбе за власть в высшем советском эшелоне. Став на короткое время одним из звеньев в цепи обвинений против Берии, «югославский след», сыграв свою роль, быстро ушел в тень и ни в официальном сообщении в печати о прошедшем пленуме, ни в Постановлении Президиума ЦК КПСС «по Берии» уже не упоминался²⁷⁰. К осени 1953 г., когда шла подготовка к печати стенограммы июльского пленума, в Москве признали неудачу «лобового удара» по Югославии и приняли решение установить с ней такие же отношения, как с другими «буржуазными государствами», связанными с НАТО. Такой подход предусматривал обмен послами, официальными телеграммами, проведение деловых встреч и т. д.²⁷¹

Крутой поворот на югославском направлении вызвал острый интерес союзников по блоку. Руководство стран «социалистического лагеря» ждало разъяснений и новых указаний. 8 июля 1953 г., глава болгарского правительства В. Червенков, будучи в Москве (он был вызван в советскую столицу для консультаций в связи с только что прошедшим пленумом ЦК КПСС «по Берии»), поставил перед Г. М. Маленковым вопрос о целесообразности продолжения «специальных» мероприятий в борьбе с «титовцами». Однако четкого ответа болгарский руководитель не получил: сославшись на необходимость отдельного обсуждения этого вопроса, советский функционер попросил напомнить ему об этом позднее²⁷². Москва явно проявляла осторожность. И причины на то имелись. В свете наступивших изменений предстояло по-новому оценить многое, в том числе справедливость претензий югославы в связи с ростом инцидентов на границе. Проанализировав ситуацию, советское руководство склонилось к отказу от былых односторонних обвинений югославской стороны, что выразилось в переданном в Софию, Бухарест и Будапешт по дипломатическим каналам «строгом указании» — не давать югославам ни-

²⁶⁹ Подробнее об истории «письма Берии» югославскому руководству см.: *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. С. 106–108, 146, 147.

²⁷⁰ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост.: В. Наумов, Ю. Сигалев. М., 1999. С. 423.

²⁷¹ Там же. С. 246.

²⁷² *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. С. 115.

каких поводов для провокаций. В Москве учли при этом «горячность и излишнюю поспешность» в действиях румынских и болгарских пограничников. Это признали Г. Георгиу-Деж и В. Червенков в беседах с послами СССР А. И. Лаврентьевым и М. Ф. Бодровым. Аналогичная обстановка сложилась и на югославо-венгерской границе²⁷³.

С учетом нового курса болгарскому руководству предстояло учесть еще один «совет», полученный Червенковым в Москве, — усилить наступательный характер политики Болгарии на Балканах. Главное направление действий оставалось прежним — Югославия, но их характер принципиально менялся: теперь следовало активизировать процесс нормализации отношений с балканской соседкой²⁷⁴. 11 июля 1953 г. «совет» Москвы был оформлен соответствующим решением пленума ЦК БКП. Предстоял переход к практическим действиям.

Назначение в Белград советского посла В. А. Валькова вызвало новую волну запросов от «друзей». 27 июля 1953 г. попросили объяснений болгары. При этом они сослались на упомянутую выше беседу Червенкова с Маленковым и обещание советской стороны разъяснить вопрос о «специальных мероприятиях». 31 июля на заседании Президиума ЦК КПСС были сформулированы указания советскому послу в Софии для передачи Червенкову, в которых в частности говорилось: «Югославия рассматривается нами как буржуазное государство. Мы полагаем, что и Болгарии следует при рассмотрении обычных текущих вопросов с Югославией придерживаться порядка, который принят в отношениях с другими буржуазными государствами. Из этого вытекает, что не следует устанавливать особые ограничения для югославского дипломатического представительства в Софии, добиваясь соответственно и нормальных условий для работы болгарского диппредставительства в Белграде. Целесообразно также рассмотреть возможность постепенного дипломатического урегулирования спорных и нерешенных вопросов болгаро-югославских отношений (например, пограничных)». В указаниях фиксировалась также необходимость изменений в болгарской печати (принять умеренный тон, «оставаясь, конечно, на партийных позициях»). «Специальные мероприятия» по линии борьбы с «титовцами», проводившиеся

²⁷³ Там же. С. 109, 127–128, 150.

²⁷⁴ Баева И., Калинова Е. Следвоенното десетилетие. С. 191; Калинова Е. Балканската политика на България. С. 725.

после принятия второй, будапештской, резолюции по югославскому вопросу, не отменялись, но болгарам было рекомендовано учитывать, что эти мероприятия «должны быть гораздо более квалифицированными и тщательно подготовленными». С этой целью предусматривалось установление тесных рабочих контактов органов МВД Болгарии со старшим советским советником в этом министерстве²⁷⁵.

Указания Москвы были внимательно изучены и тщательно учтены. 13 августа 1953 г. Политбюро ЦК БКП приняло развернутое постановление в духе советских установок. Сформулированные по докладу Тодора Живкова конкретные пункты документа дополнялись также решением об установлении дипломатических связей с Югославией (вопрос был включен в повестку дня по инициативе Червенкова)²⁷⁶.

Перемены почувствовались сразу. Резко уменьшилось число публикаций об «агрессивной политике» Югославии, Греции и Турции, был снижен их тон. Характерно, что перестройка выявила такую особенность, точнее старую болезнь, «газетной» политики, как робость редколлегий, боязнь сделать в сложной обстановке неверный шаг и постоянная оглядка в связи с этим на Москву. Редколлегии, отмечалось в одном из отчетов посольства СССР в Софии, «ждут появления в советских газетах статей [по вопросам внешней политики], тогда они или перепечатывают [их] в своих газетах, или публикуют статьи своих авторов»²⁷⁷.

Приступая к реализации принятого решения, болгарская сторона уже 20 августа 1953 г. официально предложила югославам нормализовать дипломатические отношения, урегулировать пограничные вопросы, активизировать торговый и культурный обмен. При этом, оказавшись в непростой для себя ситуации очередного резкого зигзага в двусторонних отношениях, болгарское руководство приняло решение при контактах с югославами обходить многотрудный македонский вопрос. О том, что напряженность здесь сохранялась, свидетельствовал в частности тот факт, что снятие сторонами взаимных ограничений в передвижении дипломатического персонала имело

²⁷⁵ Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. С. 131–132.

²⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 210. Л. 76–77; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.: В 2 т. / Отв. ред. Г. П. Мурашко. Т. II: 1949–1953 гг. М., 1998. Док. № 324. Комментар. 2.

²⁷⁷ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 42. П. 187. Д. 18. Л. 128, 218.

одну характерную особенность: болгарским дипломатам было отказано во въезде на территорию Народной республики Македонии²⁷⁸.

Югославская сторона воспользовалась явными признаками снижения «температуры» в двусторонних отношениях и поставила перед Софией вопрос о возвращении югославских детей, находившихся в Болгарии²⁷⁹. Демонстрируя добрую волю, болгарская сторона осенью 1953 г. удовлетворила инициативу соседей — вернула нескольких детей их родителям²⁸⁰.

Перемены отразились и в новых установочных оценках. В ноябре 1954 г. Червенков отмечал, что Югославия «не потеряна для демократического лагеря» и должна быть в нем²⁸¹.

Втягиваясь довольно активно в процесс нормализации, болгарское руководство тем не менее не избежало критики советской стороны. В IV ЕО МИД СССР сочли, что мероприятия со стороны болгар проводятся недостаточно энергично и последовательно и подчас не доводятся ими до конца. Это дает возможность югославам перехватывать инициативу (например в вопросе о восстановлении пограничных, о созыве «железнодорожной» конференции и пр.), обвинять болгар в неискренности при переходе к нормализации. В Москве полагали, что болгарам следует рекомендовать более энергично ставить вопросы, разрешение которых, бесспорно, выгоднее Софии, нежели Белграду. В качестве примера указывалось на вопрос об имуществе двувластников в Югославии²⁸². Также решено было «подсказать

²⁷⁸ Баяв Й. Българското държавно ръководство и македонският въпрос. С. 98–99.

²⁷⁹ Кампания по оказанию помощи югославским детям в Болгарии развернулась на основе подписанного 21 декабря 1944 г. договора между Центральной молодежной комиссией Национального комитета Отечественного фронта и Объединенным союзом антифашистской молодежи Югославии. Цель кампании — подкормить и подлечить детей-сирот и из бедных семей. Дети начали прибывать в Болгарию в основном из Сербии, Боснии и Черногории с середины января 1945 г., и в августе 1945 г. в стране находились 11 845 детей. Возвращение их на родину шло постепенно до середины октября 1945 г., после чего в Болгарии оставалось около 400 детей, нуждавшихся в дальнейшем лечении (*Dragišić P. Jugoslovensko-bugarski odnosi*. S. 44–46). Данными о числе оставшихся в Болгарии югославских детей в более позднее время автор не располагает.

²⁸⁰ ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 6. А. е. 1917. Л. 1–3.

²⁸¹ Огнянов Л. Отношения между България и Югославия. С. 92–94.

²⁸² Двувластными имуществами назывались земельные участки на сопредельных территориях Болгарии и Югославии в полосе глубиной до 10 км от пограничного рубежа. Их собственники постоянно проживали в 10-километровой зоне по другую сторону границы. Болгарские земли в Югославии составляли 7676 га, а югославские

болгарским друзьям» инициировать вопрос об открытии воздушного сообщения София–Тирана через Югославию²⁸³.

В январе 1954 г. в Югославии возникло «дело» Джиласа, раздражавшего Москву и советский блок своей идейной эволюцией и ревизией марксистско-ленинских догм. Несмотря на опалу высокопоставленного коммуниста, известного также и антиболгарскими заявлениями, София (может быть, и из-за состояния македонского вопроса) испытывала сомнения в искренности намерений югославского руководства встать на «правильный путь» и наладить отношения²⁸⁴. Подобные настроения, возможно, объяснялись и определенной растерянностью, в которой пребывали не только болгары, но и лидеры других «братских партий», несколько дезориентированные не до конца проясненным общим курсом «социалистического лагеря» после смерти Сталина²⁸⁵. Беспокойство вызывал и тот факт, что Балканский пакт оказался в августе 1954 г. дополненным соглашением его участников о сотрудничестве в военной области. В советском блоке это расценили как включение Югославии в военно-стратегические расчеты НАТО, хотя формально Югославия не входила в эту структуру. С учетом этого становится понятной сдержанность болгарской стороны в оценке перспектив двусторонних отношений²⁸⁶. Однако это не находило четкого внешнего проявления, поскольку основным фактором, определявшим формы и темпы их развития (как прогресс, так и откаты), по-прежнему оставался советский. Кратко характеризуя сложившуюся ситуацию, заведующий IV ЕО М. В. Зимянин констатировал: «*Болгарское правительство запрашивает рекомендации советского правительства по важнейшим вопросам внешней политики Болгарии*. В 1953–1954 гг. проводились неоднократные консультации по вопросам нормализации отношений

в Болгарии — 2270 га. 1 августа 1947 г. Болгария и Югославия заключили соглашение о порядке обработки и использования таких земель, однако на этапе эскалации советско-югославского конфликта нотой от 29 июня 1950 г. болгарская сторона денонсировала это соглашение (АВП РФ. Ф. 074. Оп. 42 б. П. 219 а. Д. 3. Л. 27–28).

²⁸³ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 42б. П. 219а. Д. 3. Л. 40–41.

²⁸⁴ Петков Д. Българо-югославски политически отношения. Март 1953 — октомври 1956 година // Исторически преглед. 2008. № 1–2. С. 178.

²⁸⁵ Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. С. 473.

²⁸⁶ Калинова Е. Българо-югославските отношения. 1953–1963. Между идеологията и прагматизма // Проблемът Изток–Запад. България и Балканите. София, 2006. С. 224.

с Югославией и Грецией, о болгаро-греческих переговорах по вопросу выполнения Мирного договора, о взаимоотношениях Болгарии с капиталистическими странами. *Внешнеполитические мероприятия болгарское правительство координирует с мероприятиями советского правительства*²⁸⁷.

Во второй половине 1954 г. были отмечены некоторые, пока еще слабые, подвижки в отношении политических «преступников», осужденных в разгар советско-югославского конфликта. В ноябре ЦК БКП принял решение о смягчении крайне тяжелых условий содержания в тюрьмах «трайчокостовцев» и переводе их на общий режим. Были объявлены и частичные амнистии. Но потребовался еще год, прежде чем в декабре 1955 г. министр внутренних дел Георгий Цанков специальным распоряжением отменил расследования в связи с «делом» Костова. Однако проведенная в апреле 1956 г. под советским давлением реабилитация всех осужденных по этому «делу» имела половинчатый характер: обвинения в грубых политических ошибках, граничивших с антисоветизмом, сняты не были.

Начиная с конца сентября 1954 г., когда был упразднен Союз югославских патриотов и прекратила передачи радиостанция «Свободная Югославия», постепенно свернули свою деятельность болгарские структуры, работавшие с югославской политической эмиграцией.

В конце мая 1955 г. новая линия советской внешней политики получила зримое подтверждение. Главная веха здесь — акт «партийной дипломатии»: визит в Белград советской партийно-правительственной делегации во главе с Н. С. Хрущевым. В ее состав входили также председатель Совета министров Н. А. Булганин и его первый заместитель А. И. Микоян, член ЦК КПСС и ответственный редактор газеты «Правда» Д. Т. Шепилов, заместитель министра иностранных дел А. А. Громько и заместитель министра внешней торговли П. Н. Кумыкин. Советская сторона рассчитывала не только воспрепятствовать дальнейшему дрейфу Югославии на Запад, но и попытаться вернуть двусторонние отношения на доконфликтный или хотя бы близкий к нему уровень. Как вспоминал позднее Э. Кардель, Хрущев не сомневался, что рано или поздно Югославия войдет в «социалистический лагерь» и откажется, таким образом, от политики неприсоединения. Советский лидер заявил в Белграде о готовности

²⁸⁷ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 45. П. 203. Д. 15. Л. 1.

урегулировать отношения по государственной линии, а затем решать вопрос о межпартийных связях, имея в виду не только Советский Союз, но и другие социалистические страны. Не оставались пассивными и остальные члены делегации, дружно убеждавшие югославов, что без солидарности стран советского блока и коммунистических партий «социализм [в Югославии] не выживет»²⁸⁸. Однако Белград вовсе не стремился к такому повороту событий. Поэтому если на поверхности наблюдалось «полное соглашение», отраженное в итоговой Декларации от 2 июня 1955 г., то в глубине сохранялось, по оценке Карделя, «глубокое разделение»: югославы были настроены на сохранение независимости от советского блока, усиление своей посреднической роли в отношениях между двумя военно-политическими союзами.

Для Хрущева важно было добиться от участников советского блока одобрения нового югославского курса Москвы. Большое значение он придавал личным контактам с руководителями национальных компартий. Первым пробным шаром стала Болгария, куда из Белграда вылетели Хрущев, Булганин и Микоян. На огромном митинге в центре болгарской столицы 3 июня 1955 г. советский лидер заявил об окончании периода, «когда были нарушены добрые отношения» между СССР и ФНРЮ, и заверил собравшихся, что «создалась здоровая нормальная обстановка и расчищены пути для дальнейшего развития дружественных отношений и всестороннего сотрудничества» между двумя странами. Отметив, что, переживая серьезные трудности, «Югославия не поступилась своим суверенитетом, полностью сохранила свою национальную независимость перед лицом империалистического лагеря», Хрущев, явно забегаая вперед, подчеркнул одобрение советско-югославских переговоров «всеми миролюбивыми народами», трудящимися СССР и стран народной демократии²⁸⁹. Фактически прозвучала установка, которую и поспешили взять на вооружение болгарские руководители. Отмеченное в коммюнике о пребывании советской правительственной делегации в НРБ²⁹⁰ «полное единство взглядов по вопросам установления дружественного сотрудничества как между СССР и Югославией, так

²⁸⁸ *Kardelj E.* Borba za priznanje i nezavisnost nove Jugoslavije 1944–1957. Ljubljana–Beograd, 1980. S. 131–132.

²⁸⁹ Правда. 1955. 4 июня.

²⁹⁰ Там же. 5 июня.

и между Болгарией и Югославией» означало формальное одобрение болгарскими белградской встречи. В беседе с послом Ю. К. Приходовым 7 июня 1955 г. Червенков подчеркнул «большую пользу» от пребывания советской делегации в Софии и вызванный им «подъем в стране». После беседы с советским руководителем, пояснил Червенков, «нам всем и, в частности, мне, стали ясны некоторые вопросы отношений с Югославией, которые раньше я уяснить не мог. Раз обвинения, предъявлявшиеся ранее югославскому руководству, оказались безосновательными, разумеется, <...> мы должны восстановить в интересах социализма существовавшие ранее отношения между нашими странами и прежде всего между нашими партиями, хотя мы не можем примиренчески относиться к немарксистским взглядам некоторых югославских деятелей...»²⁹¹

После визита советских руководителей Червенков на встрече с партийным активом в Кырджали 11 июня проинформировал собравшихся о белградской встрече, а 21 июня на расширенном заседании Политбюро ЦК БКП совместно с секретарями окружных, околийских и городских комитетов партии выступил с докладом о международном положении и переговорах советской делегации в Югославии. Поскольку официальное письмо ЦК КПСС в ЦК БКП с изложением советской позиции было получено только 25 июня 1955 г., можно утверждать, что оба выступления Червенкова основывались на беседе с Хрущевым. Интересно, что в примечании к справке о заседании Политбюро, сохраняемой в архивном деле, отмечено, что «по первому докладу тов. Вылко Червенков дал указание стенографистам ничего не записывать». (Застенографированы были только вопросы и выступления по докладу Т. Живкова об итогах реорганизации околийских комитетов партии и связях с массами²⁹².) Зато доступно исследователям выступление Червенкова в Кырджали²⁹³, по которому можно составить определенное представление как о степени откровенности советского руководителя, заданном им уровне критики и самокритики, так и о форме, в которой преподносились им новые установки.

²⁹¹ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 28. Д. 230. Л. 155.

²⁹² ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 5. А. е. 169. Л. III.

²⁹³ Десталинизацията. Дилемата на едно противоречиво десетилетие. 1953–1964 / Съст.: Б. Киряков, Г. Пиндикова, М. Коев. София, 2013. Док. № 3. С. 36–44.

Наиболее важный момент выступления Червенкова — констатация, что улучшение отношений с Югославией по государственной линии, хотя и очень важно, но не самое главное. *«Мы хотим улучшить отношения с югославскими коммунистами, нормализовать наши отношения по партийной линии. Для нас это — главное, — подчеркнул Червенков, — ...И поэтому советская делегация прежде всего именно по этому вопросу вела переговоры с югославскими руководителями»,* и им, по словам болгарского руководителя, удалось договориться: документ по первому вопросу опубликован, *«по второму тоже будет обнародован».* Остается гадать, на чем основывалась такая уверенность болгарского руководителя? Тем более что далее в выступлении он неоднократно повторял: для решения вопросов «идеологии и партийности», где существуют особенно серьезные напластования в отношениях, необходимы серьезная работа, время, терпение, товарищеская критика.

Возвращаясь к истории конфликта, Червенков в соответствии с официальной советской версией указал на Берию и Абакумова как на авторов обвинений Тито и его ближайших соратников в шпионаже. Он предложил слушателям явно упрощенное объяснение остроты противостояния «логикой борьбы», в ходе которой участники «не особенно задумываются» ни о точности выражений — назвать ли противника «дураком или бандитом», — ни о применяемом оружии — «бить деревянной палкой или железным колом». Указав, что и болгарская, и югославская стороны не стеснялись в выражениях, выдвигая взаимные обвинения, «вели настоящий бой», Червенков всё же уточнил, что югославы и тогда «по ряду основных вопросов революции» и теперь «по ряду важных вопросов» занимали и занимают «неленинскую позицию». Этот факт Червенков, вероятно, вспомнив оценки Сталиным югославской политической элиты в мае 1949 г., связал со слабостью политических сил в Югославии, однако дал вполне оптимистический прогноз — ленинские принципы в КПЮ победят. Заявив о необходимости отказа от наиболее одиозных взаимных обвинений, Червенков призвал смотреть вперед, содействовать возвращению Югославии в демократический лагерь.

Уместно предположить, что болгарскому руководителю непросто удалось самокритичное замечание, что призывы к свержению югославского руководства являлись, по существу, вмешательством во внутренние дела соседней страны. Или откровенное признание, прозвучавшее в конце выступления: «Нам нелегко. Что для нас

трудно? [Признать, что] они не шпионы, здесь мы ошибались. Точка. Сожалею, берем свои слова обратно. Но и они должны вернуться назад. Вернуться на ленинские позиции, и это дело нелегкое...» В целом выступление Червенкова содержало конкретные пункты и даже отдельные формулировки, которые позднее, на июльском пленуме ЦК КПСС, прозвучали в докладе Хрущева «Об итогах советско-югославских переговоров»²⁹⁴.

В отличие от эмоционального и несколько сумбурного выступления Червенкова, что, скорее всего, отражало стиль изложения самого Хрущева, упомянутое выше письмо ЦК КПСС болгарскому руководству от 25 июня последовательно и детально информировало о советско-югославских переговорах. Основной посыл документа — констатация произошедшего «резкого поворота в отношениях между СССР и СФРЮ». Вновь, как и в выступлении Хрущева на митинге в Софии, подчеркивалось, что «ликвидированы ненормальные, нездоровые отношения, создавшиеся в 1948 г.», положены прочные основы будущего развития связей по государственной линии; с удовлетворением отмечалось, что югославами сделан «шаг вперед к сближению с социалистическим лагерем». Принципиальную корректировку оценок Москвой внутривнутриполитического положения Югославии отразила констатация, что ряд «нововведений» не мешает стране развиваться по пути строительства социализма. Вместе с тем советская сторона подробно остановилась на тех «немарксистских взглядах» по коренным вопросам марксизма-ленинизма, которые следовало преодолеть югославам. Они касались руководящей роли компартии, вопросов революции и диктатуры пролетариата, роли государства в переходный к социализму период, отношений между двумя «лагерями», коммунистами и социал-демократами, оценок общественного строя в СССР и странах народной демократии. Отдельные решения VI съезда СКЮ (1952 г.) и особенно высказывания Карделя были охарактеризованы в письме как «серьезное отступление от марксизма-ленинизма». Как следует из опубликованных сравнительно недавно рабочих материалов Президиума ЦК КПСС, особое отторжение вызвали прозвучавшая на VI съезде идея «дистанцирования партии от политической власти и оперативного руководства» и прочитанная Карделем

²⁹⁴ Об итогах советско-югославских переговоров. Доклад Хрущева Н. С. // Исторический архив. 1999. № 2. С. 21–47.

в ноябре 1954 г. в Осло перед норвежскими социал-демократами лекция «Социалистическая демократия в югославской практике». (Кардель в своем выступлении обосновал возможность эволюционного перехода к социализму в развитых капиталистических странах посредством классической европейской буржуазной демократии, что советской стороной было расценено как реставрация антимарксистских, антинаучных взглядов Бернштейна, Каутского и др., наносящая ущерб рабочему движению²⁹⁵.)

В письме указывалось, что, отвечая на критику, Тито в ходе переговоров уточнил, что югославы, оставаясь на почве марксизма-ленинизма, имеют «особое понимание его некоторых положений» и что многие высказывания Карделя сделаны в обстановке разрыва — «сейчас Кардель так бы не писал»²⁹⁶.

Особое внимание в письме было уделено Балканскому пакту, вопрос о котором был поднят по инициативе советской стороны. Приводились, в частности, слова Тито, что в период его оформления упор был сделан прежде всего на военном значении этой структуры, что впоследствии Югославия взяла курс на изменение характера пакта в сторону преобладания экономической и культурной составляющих и что позиция Белграда сводится к недопущению в пакт Италии: в противном случае пакт приобрел бы характер блока²⁹⁷. По ходу обсуждения международной обстановки Тито отметил нажим американцев на Югославию и в частности охарактеризовал «дело» Джила-са как фактическую попытку Запада осуществить в стране государственный переворот²⁹⁸.

В письме были отражены и обсуждавшиеся сторонами меры по налаживанию взаимопонимания по партийной линии. Вкратце советская позиция заключалась в ориентации национальных коммунистов на постепенность шагов в этом направлении («нужно немало времени, спокойствия и терпения»), на отказ от давления извне (следует «с большим

²⁹⁵ Президиум ЦК КПСС.1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2: Постановления. 1954–1958. М., 2006. С. 57; *Стыкалин А. С.* Проблема эффективности функционирования Коминформа и мотивы его роспуска в контексте отношений СССР и стран советского блока с Югославией. 1949–1956 // Славяноведение. 2014. № 1. С. 14–15; *Kardelj E.* Borba za priznanje i nezavisnost nove Jugoslavije. S. 131–132.

²⁹⁶ ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 5. А. е. 169. Л. 11.

²⁹⁷ Там же. Л. 5.

²⁹⁸ Там же. Л. 9.

терпением и тактом *побудить самих югославских руководителей исправить свою линию*, усилить марксистско-ленинское влияние в рядах СКЮ и ослабить влияние капиталистического Запада в Югославии»²⁹⁹. Отчасти советская позиция совпадала с югославской: в письме в частности говорилось о предложении Тито «поставить крест и не копать в прошлом, чтобы постепенно улучшить отношения между партиями». Однако не следовало, по его мнению, спешить с установлением прямых связей между партиями, поскольку требовалось время для подготовки КПЮ и народа к столь резкому повороту и сохранения экономических отношений с Западом, недопущения их ослабления³⁰⁰.

В письме констатировалось, что основной акцент в переговорах по обоюдному согласию был сделан на внешне- и внутривосточных составляющих двусторонних отношений. По предложению югославов экономические вопросы было решено не поднимать, а взаимные претензии сторон обсудить отдельно, в рабочем порядке³⁰¹.

Возвращаясь к визиту советского лидера в Болгарию, заметим, что в ходе его решалась не только информативно-установочная задача. В это время в поле зрения Хрущева, стремившегося «держать руку на пульсе» событий внутри советского блока, находился принципиальный для советского лидера вопрос о конкретных политических фигурах, способных включиться в процесс десталинизации в странах «социалистического лагеря». Понятно, что последняя не мыслится без нормализации отношений с Югославией. С учетом этого встречи в Софии приобретали дополнительную важность. Но если прежде убежденный сталинист и «носитель» культа личности Червенков, демонстрировавший готовность сверять свои часы с московским временем, устраивал советскую сторону, то теперь ситуация изменилась. Вряд ли советский руководитель не понимал, что фигура Червенкова будет для югославов неприемлемой. Не случайно отдельные болгарские авторы отмечают особый интерес Хрущева к Годору Живкову, чья звезда начала восходить на политическом небосклоне Болгарии в начале 1954 г., причем с подачи Червенкова³⁰².

²⁹⁹ Там же. ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 5. А. е. 169. Л. 7, 8, 10, 11, 14, 15.

³⁰⁰ Там же. Л. 14.

³⁰¹ Там же. Л. 7.

³⁰² Подробнее см.: Волокитина Т. В. Борьба за политическое лидерство в СССР и Болгарии. 1953–1956 годы (Исторические параллели) // 1956 год. Российско-болгарские научные дискуссии. М., 2008. С. 131–135.

Отставка в январе 1955 г. Г. М. Маленкова и критика его «нового курса» не могли не ударить рикошетом по Червенкову, питавшему, как считают некоторые авторы, иллюзии, что ему удастся тихо и незаметно избавиться от представления о себе в Москве как о «маленьком болгарском Сталине» и превратиться в «болгарского Маленкова»³⁰³. Во всяком случае проявленные уже при встрече советской делегации в Софии 3 июня 1955 г. теплые взаимные чувства Хрущева и Живкова стали предметом особых комментариев представителей посольств стран советского блока. Не обошли они вниманием и выходящий за рамки дипломатического протокола братский поцелуй двух руководителей³⁰⁴. По мнению некоторых болгарских исследователей, Живков настолько «понравился» советскому лидеру, что тот, еще находясь в Софии, якобы «предложил» ему сменить Червенкова на партийном посту³⁰⁵. Правда, в историографии бытует и иная точка зрения, согласно которой поддержку советского гостя получил Червенков, чьи настроения и поведение именно после визита изменились: если в апреле 1955 г. он ставил вопрос о своем отказе от руководства работой Политбюро, то теперь «забыл» об этом³⁰⁶. Приведенное выше письмо ЦК КПСС от 25 июня было адресовано «товарищу Живкову». С формальной точки зрения это не могло вызвать возражений: Живков являлся первым секретарем ЦК БКП. Но в Москве отлично знали, что реальным первым номером в болгарской руководящей иерархии по-прежнему оставался Червенков, в то время как за Живковым закреплялись организационно-исполнительные функции. В августе 1955 г., будучи на отдыхе в Болгарии, Хрущев, разясняя итоги июльского пленума ЦК КПСС по югославскому вопросу, провел несколько конфиденциальных бесед с Червенковым и именно ему оставил «почитать» стенограмму пленума³⁰⁷. На наш взгляд, это указывает на то, что поиск Москвой нового политического лидера продолжался.

³⁰³ *Марчева И.* Тодор Живков — пътят към властта. Политика и икономика в България. 1953–1964. София, 2000. С. 31.

³⁰⁴ *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. С. 475.

³⁰⁵ См., напр.: *Кастелов Б.* Тодор Живков — мит и истина. 563 щриха към портрет. София, 2005. С. 104–105.

³⁰⁶ *Баева И.* Източна Европа след Сталин. 1953–1956. Полша, Унгария, Чехословакия и България. София, 1995. С. 68.

³⁰⁷ *Волокитина Т. В.* Борьба за политическое лидерство в СССР и Болгарии. С. 134.

До возвращения в Москву упомянутое советское «трио» — Хрущев, Булганин, Микоян, помимо Софии, побывало и в Бухаресте, куда прибыло чехословацкое и венгерское руководство, чтобы из первых уст заслушать информацию о переговорах в Белграде. В результате обмена мнениями с руководителями Румынии, Венгрии и Чехословакии было достигнуто, как и ожидалось, «полное единодушие» по всем международным вопросам и в том числе — по югославскому. Участники встречи дружно оценили белградские переговоры как успешные и заявили о стремлении улучшить отношения с Югославией. Не вызвало возражений и сообщение о предстоящей отмене «неправильной» ноябрьской резолюции 1949 г. о Югославии с последующей публикацией этого решения в газете «За прочный мир, за народную демократию!»³⁰⁸.

София оказалась перед необходимостью в очередной раз скорректировать политический курс. Уже через две недели после визита Хрущева в Софию болгарский МИД подготовил предложения по активизации связей с Югославией. Они включали в себя обмен парламентскими, хозяйственными, спортивными и культурными делегациями; заключение судебных, таможенных, культурных и других конвенций. Эти предложения вошли в решение Политбюро от 2 июля 1955 г. о развитии отношений с Грецией, Турцией и Югославией. Применительно к последней принципиальная установка отныне сводилась к прекращению мероприятий, «естественных для наших отношений с капиталистическими странами», и выстраиванию отношений с Югославией «как с [другими] народно-демократическими странами»³⁰⁹.

Возникшая ситуация в двусторонних отношениях сравнима, на наш взгляд, с открывшимся шлюзом: за короткое время было заключено 34 договора и соглашения в экономической и культурной областях. В одном из материалов советского посольства отмечалось, что болгары отбросили прежнюю осторожность и стремятся выйти за рамки официальной нормализации, установить отношения дружбы и сотрудничества³¹⁰. В 1956 г. между Софией и Белградом состоялся обмен партийными делегациями, причем болгарскую возглавлял значительно укрепивший свои позиции Живков.

³⁰⁸ Правда. 1955. 6 июня; ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 5. А. е. 169. Л. 17.

³⁰⁹ ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 6. А. е. 2592. Л. 1.

³¹⁰ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 47. П. 211. Д. 7. Л. 21–22.

Констатируя поступательный характер нормализации двусторонних отношений, нельзя тем не менее не признать, что по степени интенсивности они так и не достигли доконфликтного состояния³¹¹. Как никогда не вернулись и прежние отношения между югославскими партизанами и болгарскими участниками движения Сопротивления в годы Второй мировой войны. Не случайно, оценивая разные периоды истории двусторонних связей, один из деятелей движения Сопротивления утверждал: партизанская пора 1941–1944 гг. — «не было отношений лучше, чем в то время»³¹².

Особая позиция Югославии в венгерском кризисе 1956 г. вызвала временное охлаждение отношений Белграда с Москвой и новое его сближение с Балканским пактом, прежде всего с Грецией. Проанализировав настроения в болгарских верхах, сотрудники советского посольства в Софии пришли к выводу, что болгаро-югославское сближение по партийной линии в ближайшее время «маловероятно»³¹³. Советская сторона укрепилась в своем намерении по-прежнему развивать отношения по государственной линии и «решительно разоблачать югославов как ревизионистов марксизма-ленинизма» — по партийной³¹⁴. Советская установка с готовностью была воспринята в Софии. Критика югославских руководителей за «неправильные позиции», причем в довольно широком проблемно-хронологическом диапазоне, включая национально-территориальный вопрос, на годы вперед определилась как магистральное для болгарской стороны направление в двусторонних отношениях.

³¹¹ Аначков М. Георги Димитров между Сталин и Тито. С. 109.

³¹² Трънски Сл. Невъзможни истини. С. 239.

³¹³ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 47. П. 211. Д. 7. Л. 23.

³¹⁴ Калитова Е. България и съветско-югославско «сближаване». 1953–1958 // Spoljna politika Jugoslavie. 1950–1961: Zbornik radova. Beograd, 2008. С. 130–131.

К. Кимура, А. С. Стыкалин

Венгерско-югославские отношения на рубеже 1940–1950-х гг.: от примирения недавних врагов к межгосударственному конфликту

По окончании Второй мировой войны страны Центральной и Юго-Восточной Европы вступили в новый этап своего исторического развития. Соседние Венгрия и Югославия в 1945 г. находились в совершенно разном положении: Югославия — в лагере победителей, с резко возросшим авторитетом на международной арене и немалыми внешнеполитическими амбициями, Венгрия — в ряду побежденных государств, ожидавших своей незавидной участи на Парижской мирной конференции. Тяжелое наследие длительной, кровопролитной войны сильно сказывалось на взаимоотношениях соседних народов. В массовом сознании сербов не могли не усилиться издавна присутствовавшие там исторически сложившиеся антивенгерские комплексы вследствие действий венгерской армии, хортистской администрации и жандармерии в период оккупации Венгрии Воеводины с апреля 1941 г.¹ Не менее жестокими и крупномасштабными

¹ Подробнее о венгеро-югославских отношениях на начальном этапе Второй мировой войны и вовлечении Венгрии в войну с Югославией на стороне нацистской Германии в апреле 1941 г. см.: Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2011. По некоторым данным, уже в первые месяцы оккупации Воеводины венгерский оккупационный режим изгнал более 50 тыс. сербов с территорий, отошедших под венгерскую юрисдикцию, в более южные области распавшейся Югославии. Процесс мадьяризации присоединенных к Венгрии территорий сопровождался изъятием в пользу венгров (в том числе прежних хозяев, живших на этих территориях до Трианонского мирного договора 1920 г.) земельных владений, всякого рода запретительными и экспроприационными мерами в отношении невенгерского населения, ставившими его в дискриминационное положение в сфере личных и имущественных прав, профессиональной деятельности, предпринимательства.

были акции возмездия, предпринятые партизанами Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) против венгерского населения (в том числе мирного) при освобождении Воеводины в 1944 г.² Душевные травмы, полученные тысячами людей в годы вооруженных столкновений и массовых расправ (зачастую по этническому признаку), трудно было изжить за короткий период, они сохранялись на протяжении многих лет в исторической памяти соседних народов, питая взаимные предубеждения. Вместе с тем амбициозный маршал Тито и его окружение стремились к расширению влияния новой Югославии на соседнюю страну, а в качестве проводников такого влияния (или во всяком случае потенциальных союзников и партнеров) рассматривали венгерских коммунистов, с которыми у компартии Югославии уже с 1945 г. налаживаются и укрепляются межпартийные связи³. Поскольку венгерская компартия входила в правящую коалицию, играя в ней отнюдь не последнюю роль (особенно в силовых структурах), эти связи благотворно влияли и на развитие межгосударственных контактов. Для Венгрии налаживание максимально возможного в тех условиях взаимопонимания с соседней Югославией, относившейся к лагерю победителей и завоевавшей, как уже отмечалось, немалый международный авторитет своим смелым и масштабным сопротивлением нацистским оккупантам, имело еще большее значение, поскольку оно способствовало выходу этой побежденной страны из политико-дипломатической изоляции⁴.

Часть сербского населения прошла через трудовые лагеря, лица, оказывавшие активное сопротивление новым властям, уничтожались физически. Систематически предпринимались карательные акции против гражданского населения. Так, в ответ на активизировавшееся в Воеводине партизанское движение Сопротивления венгерские вооруженные части в начале 1942 г. предприняли ряд карательных рейдов, уничтожив около 4 тыс. мирных жителей. В сербской литературе приводятся цифры о 55 тыс. погибших мирных жителях (главным образом сербов и евреев) за время оккупации Воеводины Венгрией в 1941–1944 гг. (Enciklopedija Novog Sada, Sveska 5. Novi Sad, 1996. S. 196; *Ćurčić S*, Broj stanovnika Vojvodine. Novi Sad, 1996. S. 42–43).

² Подробнее см.: *Sajti E*. 1) *Még hidegebb napok Magtörlás a Délvidéken* // *Rubicon*. Budapest, 2009. 5 szám. O. 30–39; 2) *Büntudat és győztes fölény: a magyar-jugoszláv kapcsolatok 1944–1947* // *Sajti E*. *Büntudat és győztes Fölény*. Szeged. 2010. O. 133–144. Венгры составляли около четверти населения Воеводины.

³ *Vuda И*. Международное положение Венгрии после Второй мировой войны // *Восточный блок и советско-венгерские отношения. 1945–1989 годы* / Отв. ред. О. В. Хаванова. СПб., 2010. С. 31.

⁴ Там же.

В вопросе о необходимости расширения разносторонних контактов с Югославией фактически не было разногласий внутри правящей антифашистской коалиции.

В первых же декларациях венгерского Временного национального правительства, сформированного в Дебрецене в декабре 1944 г., много говорилось о необходимости порвать с прежней «манией величия», реакционными химерами «великой Венгрии», доведшими страну до национальной катастрофы, выражалась готовность к установлению добрососедских отношений и налаживанию искреннего диалога и сотрудничества со всеми соседними странами и едва ли не в первую очередь — с новой Югославией⁵. Во время визита венгерской делегации в Москву в январе 1945 г. для подписания Соглашения о перемирии также было заявлено, что территориальных претензий к Югославии у Венгрии нет, не собирается она поднимать вопрос и о венгерском нацменьшинстве. Подобные декларации были с удовлетворением восприняты в Белграде. Инициатива в развитии двусторонних контактов принадлежала, как правило, именно Югославии, ибо Венгрия как побежденная страна, ожидавшая подписания мирного договора, была не в том положении, чтобы выступать в роли инициатора; вместе с тем она с готовностью откликалась на любые югославские предложения о сотрудничестве. И делала это с тем большей охотой, что Югославия в 1945 г. первой из стран, в которых проживало венгерское меньшинство, к большому удовлетворению венгерской антифашистской политической элиты приняла ряд конкретных мер в целях обеспечения его демократических прав, в том числе на получение образования на родном языке и полноценное культурное развитие (создание уже в конце 1944 г. венгероязычной прессы в Нови-Саде и Суботице, заметное расширение в 1945 г. сети венгерских школ в Воеводине, образование в июне 1945 г. в Югославии Венгерского культурного союза)⁶.

Ситуация, правда, осложнялась тем, что Югославией были поначалу заявлены претензии на некоторые территории, до Второй

⁵ Программа демократического восстановления и подъема Венгрии. Предложения Венгерской коммунистической партии // Освобождение Венгрии. 1944–1945: Сборник документов / Отв. ред. Д. Каллан, Б. Эшти. Будапешт, 1976. С. 56–61, 92–96.

⁶ Подробнее см.: Кимура К. Под знаком дунайского содружества. Венгерско-югославские культурные связи в 1945–1948 гг. // Славяноведение. 2010. № 5. С. 53–64.

мировой войны принадлежавшие Венгрии⁷. 9 января 1945 г. Сталин принял югославскую делегацию во главе с членом руководства Национального комитета освобождения Югославии (НКОЮ) А. Хебрангом. В ходе беседы речь зашла не только о «восстановлении справедливости» в отношении Воеводины, оккупированной венгерской армией в 1941 г.⁸, но и о притязаниях Белграда на окрестности гг. Печ и Байя. Эти претензии обосновывались как присутствием на указанных землях южнославянского населения, так и экономическими соображениями, суть которых сводилась к привлекательности имевшихся там природных ресурсов (залежи угля в районе г. Печ и т. д.). Как явствует из записи беседы, Сталин уклонился от прямой поддержки позиции югославы, заметив лишь, что югославянское население, проживающее в этих районах, должно само проявить инициативу, поставив вопрос о присоединении к Югославии⁹. Только в этом случае вопрос о спорных территориях мог бы быть вынесен на рассмотрение будущей мирной конференции.

Истолковав это замечание Сталина как руководство к действию, югославская сторона через своих эмиссаров весной 1945 г. приняла участие в организации в Венгрии (как и в соседней Румынии) славянских антифашистских фронтов, которые должны были выступить с программой присоединения этих территорий к Югославии. Однако в Москве считалась приоритетной задача поддержки и укрепления

⁷ В 1945 г. в процессе согласования с союзниками послевоенных межгосударственных границ с югославской стороны были предъявлены территориальные претензии фактически ко всем соседям. Особую остроту приобрел в то время триестский вопрос (спор между Югославией и Италией вокруг Триеста), при временном урегулировании которого Югославии пришлось пойти на уступки, поскольку ее претензии не были поддержаны не только западными державами, но и Советским Союзом. (Подробнее см.: *Гибрианский Л. Я.* 1) Сталин и триестское противостояние 1945 г.: за кулисами первого международного кризиса холодной войны // Сталин и холодная война. М., 1998. С. 44–62; 2) Триестский вопрос в конце Второй мировой войны (1944–1945) // Славяноведение. 2001. № 3, 4. С. 3–26).

⁸ Следует иметь в виду, что претензии хортистской Венгрии на территории Югославии ограничивались так называемыми землями «венгерской короны», входившими в период австро-венгерского дуализма (1867–1918 гг.) в состав венгерской половины монархии Габсбургов. Это проявилось и в ходе военной кампании 1941 г.

⁹ Как отмечается в записи беседы, «по словам тов. Сталина, югославам, проживающим в этих районах, надо самим ставить вопрос о присоединении к Югославии, надо выносить решения, шуметь. За присоединение надо царапаться» (Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953: В 2 т. / Отв. ред. Г. П. Мурашко. Т. 1: 1944–1948. М.; Новосибирск, 1997. С. 126).

прокоммунистических сил в этих странах. Поскольку возможная аннексия новой Югославией некоторых территорий соседних государств могла бы подорвать в них позиции компартий (а значит, и советское влияние), Сталин и его окружение не были склонны всецело потакать амбициям Тито. Советская сторона через Союзные контрольные комиссии (СКК) в Венгрии и Румынии дала понять югославам, что соответствующим славянским общественным движениям в этих странах следовало бы сосредоточиться на культурно-просветительской деятельности¹⁰.

Тем не менее вопрос о югославских территориальных притязаниях в отношении Венгрии не был в 1945 г. окончательно снят с повестки дня. 13 апреля 1946 г., в ходе работы Парижской мирной конференции, на которой обсуждались будущие границы Венгрии, югославский посол в СССР В. Попович сообщил в Наркоминделе о том, что югославское правительство в скором времени официально предъявит свои территориальные претензии северному соседу, а также потребует права на использование в течение нескольких лет нефтяных полей, находящихся на венгерской территории. 22 апреля 1946 г. И. Броз Тито в Белграде в присутствии советского посла А. И. Лаврентьева изложил дипломатам Венгрии суть претензий ФНРЮ на некоторые приграничные территории. Он понимал, что в силу незначительности югославянского населения в границах Венгрии, установленных по Трианонскому мирному договору 1920 г., целесообразнее при обосновании югославских притязаний сделать акцент на экономической целесообразности¹¹. В конце апреля 1946 г. территориальные проблемы, возникшие между Югославией и Венгрией, стали предметом двустороннего обсуждения в Белграде. Венгерскую делегацию возглавлял влиятельнейший лидер коммунистов Матьяш Ракоши, выступавший в роли вице-преьера коалиционного правительства. По итогам состоявшихся переговоров Тито, знавший о том, что едва ли заручится поддержкой Москвы в данном конкретном деле, согласился не поднимать вопроса о пересмотре границ

¹⁰ *Губианский Л.Я.* Советский Союз и территориальные проблемы южнославянских государств после Второй мировой войны // *Acta contemporanea. K pĕtašedesátunám Viléma Prečana.* Praha, 1998. С. 38.

¹¹ *Gibianski L.* The Hungarian-Yugoslav territorial problem in Soviet-Yugoslav political contacts 1945–1946 // *History & Politics. III. Bratislava Symposium.* November 12–15. 1992. Bratislava, 1993. P. 113.

на Парижской мирной конференции при условии, что Венгрия передаст Югославии право на использование нефтедобывающих полей на югославско-венгерской границе. Поскольку венгерская сторона не возражала, 27 апреля 1946 г. Тито официально информировал Москву о том, что у ФНРЮ нет территориальных претензий к Венгрии¹². В конце мая югославский лидер побывал в Москве, где состоялась его, как оказалось, последняя встреча со Сталиным. Рассказав советскому вождю о состоянии отношений Югославии с Венгрией, он четко заявил, что югославское правительство не намеревается ставить в Совете министров иностранных дел держав-победительниц вопрос о территориальных требованиях к Венгрии¹³. Отказ Югославии (если не под прямым давлением Москвы, то во всяком случае с учетом ее позиции) от притязаний на территории Венгрии избавил двусторонние югославско-венгерские отношения от довольно существенного груза.

Другая не сразу урегулированная проблема, осложнявшая двусторонние отношения, была связана с выплатой репараций. Вопрос об объеме репараций, налагаемых на Венгрию, как и на другие побежденные страны, относился к компетенции держав-победительниц — США, Великобритании и СССР, предварительно установивших для Венгрии общую сумму в 300 млн долларов США¹⁴. Такая же сумма была названа Сталиным в ходе вышеупомянутой беседы с А. Хебрангом в январе 1945 г. Получив эту информацию, Хебранг выразил недовольство предложенной суммой как слишком маленькой с точки зрения югославского руководства, однако всё же продемонстрировал свое понимание мотивов советской позиции¹⁵. 16 марта 1945 г. югославская делегация при СКК в Венгрии была принята в г. Дебрецене председателем СКК маршалом К. Е. Ворошиловым¹⁶, который подтвердил, что сумма репараций для Венгрии составит 300 млн долларов США: 200 млн долларов предстояло выплатить СССР, остав-

¹² Ibid. P. 114. См. также: АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 30. П. 118. Д. 15. Л. 63–65.

¹³ Последний визит Й. Броза Тито к И. В. Сталину / Подг. Л. Я. Гибианский и др. // Исторический архив. 1993. № 2. С. 29.

¹⁴ Эта сумма была зафиксирована и в Соглашении о перемирии с Венгрией от 20 января 1945 г. (Освобождение Венгрии. 1944–1945: Сборник документов. С. 60).

¹⁵ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. С. 119.

¹⁶ Diplomatski arhiv Ministarstva inostranih poslova Republike Srbije (далее — DA MIP RS). Fond. pol. Arhiv. 1945 godine. Fasc. 23. Mađarska. l. 338.

шиеся же 100 млн — разделить поровну между Югославией и Чехословакией.

В Белграде с выплатой репараций не просто связывали получение экономических выгод, там реально осознавали, что вследствие венгерской оккупации Югославии был нанесен куда больший материальный ущерб, чем при оккупации венгерской армией части чехословацкой территории (в частности Южной Словакии), ведь масштабы сопротивления и боевых действий были в случае с Югославией совсем иными. Поэтому было решено прозондировать почву в Москве относительно возможности увеличить сумму репараций для Югославии хотя бы до 65 млн долларов¹⁷. Эта инициатива, однако, поначалу успеха не принесла. Парижским мирным договором был официально установлен именно тот расклад в выплате Венгрией репараций в пользу СССР, Югославии и Чехословакии, о котором сказано выше¹⁸. Правда, еще до подписания договора, в ноябре 1945 г., югославское руководство напрямую договорилось с чехословацким о том, что из суммы в 100 млн долларов, причитающейся этим двум государствам, Югославия «по справедливости» как более пострадавшая от Венгрии сторона получит львиную долю в 70 млн¹⁹. Что же касается порядка выплаты репараций, то он оказался довольно благоприятным, щадящим для Венгрии, поскольку в Белграде не хотели создавать лишних трудностей приемлемому для Югославии коалиционному левоцентристскому правительству, с самых первых своих шагов решительно отмежевавшемуся от ирредентистской политики режима Хорти. Еще в августе 1946 г. стороны договорились о том, что срок выплаты репараций продлится не 6 (как первоначально предполагалось), а 8 лет начиная с 20 января 1946 г.²⁰ Важное место в структуре выплаты репараций должны были составить поставки в Югославию венгерского угля, добываемого в частности в районе г. Печ²¹.

¹⁷ Ibid. I. 346.

¹⁸ Мирный договор с Венгрией. М., 1947. С. 21–22.

¹⁹ В Праге пошли на это, будучи заинтересованы в восстановлении традиционно близких отношений с недавним партнером по межвоенной Малой Антанте.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1377. Л. 102.

²¹ Еще в январе 1945 г. А. Хебранг в ходе беседы со Сталиным сообщил о югославском интересе к получению от Венгрии природных ископаемых в качестве компенсации за нанесенный ею своей южной соседке за годы войны хозяйственный ущерб (Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. С. 119).

В первые послевоенные годы на повестке дня двусторонних отношений стояли также вопросы о возврате имущества, вывезенного в Венгрию с оккупированной югославской территории начиная с апреля 1941 г.²², а также о возвращении из Венгрии на родину перемещенных лиц (как военных, так и гражданских)²³. Процесс репатриации завершился в основном в течение 1945 г., желающие вернуться на родину осуществили свое желание, причем немалой части репатриантов пришлось пройти через фильтрационный лагерь в приграничном городе Суботице. Вопрос о репатриации стоял и с другой стороны. Решение об освобождении военнопленных венгерских солдат и офицеров было принято югославским правительством в начале сентября 1945 г.²⁴ Другую проблему составляло устранение любых рудиментов венгерской оккупационной администрации Воеводины. Уже предварительные условия перемирия с Венгрией, подписанные венгерской делегацией в Москве 11 октября 1944 г., предусматривали эвакуацию всех ее войск и чиновников с оккупированных территорий Чехословакии, Румынии и Югославии в пределы границ, существовавших на 31 декабря 1937 г. При этом эвакуацию следовало начать немедленно и закончить в течение 10 дней со дня получения венгерским правительством предварительных условий²⁵. В Соглашении о перемирии между СССР, Великобританией и США с Венгрией, подписанное 20 января 1945 г. в Москве, было добавлено условие о том, что Венгрия должна аннулировать все законодательные и административные положения, относящиеся к аннексии или включению в свой состав чехословацкой, югославской и румынской территории (в этом пункте говорилось и о необходимости уточнения количества венгерского населения, переселившегося после 1941 г. на территорию Воеводины)²⁶. Все эти условия были соблюдены венгерской стороной. Вместе с тем югославская сторона пыталась использовать прописанные в Соглашении о перемирии положения для того, чтобы

²² Вопрос был в конечном итоге решен в соответствии с установлениями Парижского мирного договора 1947 г. (Мирный договор с Венгрией. С. 13–15).

²³ По данным на начало апреля 1945 г., их было не менее 7 тыс. чел.

²⁴ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 19. П. 12а. Д. 11. Л. 93.

²⁵ Восточная Европа в документах Российских архивов. Т. 1. С. 75–76; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы: В 2 т. Отв. ред. Т. В. Волокитина. Т. 1: 1944–1948 гг. М., 1999. С. 101–102.

²⁶ Освобождение Венгрии. 1944–1945: Сборник документов. С. 93.

добиться депортации из страны не только бывших хортистских чиновников, приехавших в Воеводину начиная с апреля 1941 г., либо местных венгров, находившихся в 1941–1944 гг. на службе оккупационной администрации, но и более широкого контингента венгерского населения²⁷.

Сложности, возникавшие между двумя соседними государствами, удавалось преодолевать благодаря доброй воле, проявленной с обеих сторон. Венгерская сторона, не желая создавать трудности в отношениях с Югославией, попыталась начать послевоенную политику «с чистого листа», не муссируя старых обид. Не ставился вопрос о привлечении к ответственности виновных в осуществлении карательных акций против мирного венгерского населения при освобождении Воеводины Народно-освободительной армией Югославии (их жертвами стали тысячи людей). Вместе с тем Югославии были переданы некоторые хортистские военачальники, отдававшие в 1941–1942 гг. приказы о расправе над мирным сербским населением, в том числе бывший начальник Генерального штаба генерал Я. Сомбатхей (казнен в 1946 г.)²⁸. Югославская сторона заняла, как известно, жесткую позицию относительно депортации из страны воеводинских немцев²⁹, отношение же к венгерскому меньшинству (особенно в сравнении с Чехословакией 1945–1946 гг.) было более толерантным. Тем не менее, судя по известным документам, в 1945–1946 гг. неоднократно имели место попытки выселения из Югославии воеводинских

²⁷ Данные о масштабах выселения венгров с территории Югославии в 1944–1946 гг., иногда приводимые в венгерской литературе (См., напр.: *Sajti E. Büntudat és győztes fölény: a magyar-jugoszláv kapcsolatok 1944–1947. O. 137*), представляются завышенными. Об этом можно судить хотя бы потому, что проблема депортаций венгров из Югославии (в отличие от проблемы их депортации из Чехословакии) не создавала ни серьезной внутривнутриполитической напряженности, ни напряженности в двусторонних отношениях.

²⁸ Участь генерала не смягчило и то обстоятельство, что после оккупации Венгрии вермахтом в марте 1944 г. он был отстранен по настоянию Берлина за содействие попыткам премьер-министра М. Каллаи найти для Венгрии пути разрыва союза с Германией, а в октябре 1944 г. арестован пришедшими к власти нацистами за саботаж военных действий против Красной Армии. В 1994 г. Сомбатхей был реабилитирован венгерским (но не югославским) судом.

²⁹ Часть из них в соответствии с приказом НКВД СССР от 16 декабря 1944 г. была направлена на восстановительные работы в СССР (Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. С. 116–118). С территории Югославии в СССР до 19 января 1945 г. было отправлено около 11 тыс. чел. (Там же. С. 132).

венгров, вызывавшие несогласие Будапешта. Вопрос этот, как и вопрос об освобождении находившихся в заключении венгерских граждан, как правило, решался дипломатическим путем³⁰.

Исследователям известно, насколько остро в 1945–1946 гг. стояла проблема, связанная с планами чехословацкого правительства осуществить массовое выселение с территории Чехословацкой республики не только немцев, но и венгров, рассматривавшихся на основе только что пережитого опыта в качестве центробежной силы, угрожающей территориальной целостности государства³¹. Когда с подачи Сталина чехословацкой стороне было указано решать проблему выселения на основе достижения договоренности между Прагой и Будапештом об обмене населением, Югославия согласилась взять на себя посредническую роль. Правда, в Белграде в общем не были склонны занимать в венгерско-чехословацком споре равноудаленную, беспристрастную позицию: югославскому руководству в этом вопросе была ближе (пусть это и не афишировалось) точка зрения недавнего союзника по антивенгерской Малой Антанте — Чехословакии. Можно даже предположить, что в руководстве ФНРЮ сознательно решили взяться (хотя и не очень активно) за посредническую миссию в стремлении поддержать, насколько это было возможно, традиционного союзника, не допустив в то же время обострения отношений с Будапештом. Как бы то ни было, в сентябре 1946 г. при участии Белграда было достигнуто компромиссное чехословацко-венгерское соглашение о добровольном обмене населением (что

³⁰ 17 сентября 1945 г. министр иностранных дел Венгрии деятель Партии мелких сельских хозяев Я. Дёндёши обратился к главе югославской делегации в СКК С. Симичу с просьбой освободить венгерских граждан, находившихся в концлагере в г. Бор; вопрос этот был решен (см. фонды Министерства иностранных дел Венгрии в Венгерском государственном архиве: Magyar Országos Levéltár (MOL) KÜM. Jugoszlávia TŰK 1945–1964. XIX-J-1-j-Jun-29/h-5/pol.-1945. 38 doboz). Что же касается насильственной депортации воеводинских венгров, такие случаи, судя по документам, происходили и в 1946 г. Так, 8 июня 1946 г. венгерское правительство официально просило правительство ФНРЮ не изгонять из страны тех венгров, которые родились в Воеводине либо проживали там в течение длительного времени (MOL XIX-J-1-a-IV-1ő4-jugoszláv-40171/Bé.-1945. 54 doboz).

³¹ Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948 / Отв. ред. В. В. Марьина. М., 2004. Гл. 5. Проблемы выселения венгров из Чехословакии (автор Б. Й. Желички); Гл. 6. Венгерское меньшинство в Чехословакии и словацкое — в Венгрии: решение участи (автор Х. Носкова, Чехия). С. 211–309.

должно было затронуть около 40 тыс. чел.)³². Хотя до его реализации дело так и не дошло, венгерское правительство было благодарно правительству ФНРЮ за его посреднические усилия, реально способствовавшие некоторому снижению остроты в затянувшемся споре³³.

При том что тяжелое наследие военных лет было, как уже отмечалось, невозможно изжить за короткий отрезок времени, в 1946–1947 гг. югославно-венгерские отношения находились на подъеме, сотрудничество развивалось в разных областях. При этом и в Будапеште, и в Белграде рассматривали национальные меньшинства (венгерское в Воеводине и югославянские в Венгрии) в качестве важного инструмента налаживания взаимоотношений. Это предполагало, разумеется, принятие действенных мер по обеспечению их прав в каждой из стран. В 1945–1947 гг. в Воеводине создается довольно развитая система венгерских культурных институций (включая спонсируемый государством театр), венгероязычной прессы, значительно расширяется сеть школ (включавшая не только начальные, но и средние, а также высшие педагогические учебные заведения), активизируются культурные связи между Югославией и Венгрией³⁴. Создание в Югославии венгерской культурной инфраструктуры не было жестом коммунистической власти, адресованным Будапешту (международное положение побежденной Венгрии не требовало этого), оно было направлено на повышение международного имиджа

³² *Buda I.* Международное положение Венгрии после Второй мировой войны. С. 38; *Föglein G.* Magyar-jugoszláv népcseré egyezmény tervezet. 1946 // *Századok*. Budapest, 1996. 6. sz. O. 153–157.

³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 314. Л. 9.

³⁴ Подробнее см.: *Кимура К.* Под знаком дунайского содружества. С. 53–64; *Szabó J.* Magyar-jugoszláv kulturális kapcsolatok a második világháború után (1945–1947) // *Világtörténet*. Budapest, 1999. Tavasz–nyár. O. 56–65. В Сегеде местное общество венгерско-югославской дружбы было создано еще в июне 1945 г. В октябре того же года было образовано общество венгерско-югославской дружбы, действовавшее в масштабах всей страны, имевшее отделения в ряде крупных городов и выступавшее с венгерской стороны в качестве главного механизма двустороннего культурного сотрудничества. На торжественном заседании в Дебрецене в конце июня 1947 г., посвященном деятельности общества, выступали президент Венгерской республики З. Тилди и посол Югославии К. Мразович, который говорил об искреннем желании Югославии развивать дружеские связи с соседней Венгрией. (О деятельности общества см.: *Vimai G.* 1) *A Magyar-Jugoszláv Társaság (1946–1948)* // *Tiszatáj*. 1989. N 2. O. 84–90; 2) *Adalékok a Magyar-Jugoszláv Társaság történetéhez (1946–1948)* // *Acta Academiae Paedagogicae Nyíregyhaziensis*. 1987. O. 93–101).

белградского коммунистического режима, но прежде всего на то, чтобы заручиться внутривластной поддержкой венгерского национального меньшинства, превышавшего в Воеводине 20% населения. Политика югославских властей в отношении собственных венгров была весьма позитивно воспринята в Венгрии, причем не только на левом фланге политической жизни — об этом свидетельствуют и отклики прессы разных партий, и выступления в парламенте³⁵. Деятели разных политических ориентаций, высоко оценивая мероприятия югославских властей по обеспечению прав венгров, противопоставляли курс Тито менее толерантной политике правительства Румынии в отношении еще более значительного венгерского меньшинства³⁶, но в особенности — нетерпимому курсу в Чехословакии, где окружение Э. Бенеша взяло на вооружение сомнительную идею создания чисто славянского государства, что, по сути, означало курс на полное очищение страны от венгерского элемента³⁷.

Поскольку отношения двух компартий были хорошими и стабильными, титовские власти в своем стремлении укрепить коммунистическое влияние на венгерское население Югославии не возражали против поддержания связей местных (прежде всего воеводинских) венгров с венгерской компартией. В июне 1947 г. Воеводину посетила делегация ВКП во главе с ее видным деятелем З. Санто с целью налаживания более тесных межпартийных контактов, а также изучения положения венгерского национального меньшинства в Воеводине.

³⁵ *Кимура К.* Под знаком дунайского содружества. С. 57–60

³⁶ В Румынии всерьез опасались претензий венгров, на протяжении столетий политически и культурно доминировавших в Трансильвании, на восстановление сильных позиций в этом крае. Важно при этом иметь в виду, что вопрос о послевоенной венгерско-румынской границе обсуждался на Парижской мирной конференции 1946 г. и продолжал оставаться открытым вплоть до окончательного согласования мирных договоров, заключенных в 1947 г. (подробнее см.: *Покивайлова Т.А., Исламов Т.М.* Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 годы. М., 2008; Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946 гг. Документы / Отв. ред. Т. М. Исламов. М., 2000). Югославия в тех условиях не испытывала аналогичных опасений как в отношении Венгрии, так и собственных венгров.

³⁷ В связи с этим значительно ухудшились отношения компартий Венгрии и Чехословакии. На второй сессии Временного Национального собрания Венгрии, открывшейся 5 сентября 1945 г., все выступавшие партийные лидеры, включая коммуниста М. Ракоши, касались положения венгров в Чехословакии, противопоставляя политике правительства этой страны более терпимое отношение к венграм в Югославии.

В своем отчете Санто с удовлетворением отмечал, что права венгров в Югославии гарантированы, есть условия для полномасштабного сохранения языка, развития культуры, отмечаются национальные праздники³⁸, а кроме того, среди воеводинских венгров широко распространены коммунистические идеи³⁹.

Венгерская компартия в деле налаживания отношений с соседними государствами считала особенно важным сближение (наряду с СССР) именно с коммунистической Югославией, надеясь как на внутривоеводинскую поддержку с ее стороны (в приемлемых для этого формах), так и на определенное понимание Белградом венгерской позиции в случае дальнейшего обострения противоречий Венгрии с Чехословакией и Румынией по спорным территориальным проблемам и вопросам положения национальных меньшинств. В эти годы в Венгрии в левых, но особенно в леволиберальных и левоцентристских кругах получают широкое распространение идеи сотрудничества придунайских государств, в том числе проекты создания Дунайской конфедерации; при этом обычно ссылались на идейное наследие вождя венгерской революции 1848 г. Лайоша Кошута, относящееся к периоду его жизни в эмиграции в 1850–1860-е гг. Близкие к этому проекты нашли отражение и в прессе, тяготевшей к компартии. В качестве первого шага при реализации такого рода планов зачастую рассматривался проект создания югославо-венгерско-румынского таможенного союза. Соответствующий тезис был даже включен в предвыборную программу ВКП, опубликованную в сентябре 1945 г. Из уст ведущих политиков других левых партий (и в том числе президента страны З. Тилди, премьер-министра Ф. Надя, министра просвещения Д. Керестури и др.) звучали программные речи не только в поддержку равноправного дунайского сотрудничества, но и о том, что Венгрия навсегда отказалась от проведения шовинистической политики, ставшей одним из источников серьезной напряженности в регионе, от пропаганды своего особого

³⁸ Отмечалось в Югославии и 15 марта — день начала революции 1848 г. (и это несмотря на острые венгерско-югославянские межэтнические столкновения в период той великой революции). Венгерские делегации при посещении Воеводины видели на улицах городов флаги Венгрии во время венгерских национальных праздников, чего нельзя было себе представить в то время ни в Румынии, ни в Чехословакии. (Magyar Országos Levéltár (MOL). XIX-1-j-Jugoszlavia-16/6-2891/pol-1947. 25. Doboz).

³⁹ Ibid.

положения в Дунайском бассейне. Подчеркивалось, что венгерский народ искренне хочет добрососедских отношений с другими народами региона, а венгерская культура открыта всем внешним влияниям, но особенно связям с соседними народами, населяющими Дунайский регион⁴⁰. Задача развития отношений с Югославией в более широком региональном (дунайском) контексте считалась, несомненно, одной из приоритетных во внешней политике страны.

Планы тесного сотрудничества (особенно экономического) дунайских государств прорабатывались и в Белграде. При этом, хотя и негласно, Югославии отводилась главная роль в любого рода дунайских проектах. Желая укрепления в соседней Венгрии левых сил, создания там дружественного Белграду прокоммунистического правительства, югославская компартия периодически направляла в Будапешт своих эмиссаров для оказания той или иной помощи венгерским коммунистам (впоследствии, после разрыва отношений, это облегчило задачу поиска компрометирующих югославских связей тех или иных функционеров венгерской компартии, оказавшихся в опале). Применительно же к 1945–1947 гг. в немалой мере именно стремлением коммунистической Югославии к усилению своего влияния на Венгрию объясняется тот факт, что югославские коммунистические власти относились к венгерскому меньшинству в Воеводине лучше, нежели левоцентристские власти Чехословакии или Румынии к своему венгерскому населению.

Большой отклик в Венгрии вызвало выступление маршала Тито в апреле 1946 г., в котором он заявил, что питает братские чувства к соседней стране: оно широко комментировалось в венгерской печати. Заявление Тито вписывалось в стратегию югославского руководства, направленную на укрепление позиций ФНРЮ как региональной державы — не только балканской, но и дунайской. Как бы то ни было, перспектива усиления югославского доминирования в регионе не вызвала в Будапеште отторжения или хотя бы настороженности. Для Венгрии с ее незавидным статусом побежденной

⁴⁰ Новая культурная политика противопоставлялась прежней, хортистской, связанной с именем графа К. Клебельсберга, в течение 10 лет занимавшего пост министра культуры. Концепция Клебельсберга исходила из превосходства венгерской культуры над культурами соседних славянских народов (а также румын), из аксиомы о выполнении венграми своего рода цивилизующей, культуртрегерской миссии в Дунайском бассейне.

страны и репутацией последнего, наиболее верного сателлита нацистской Германии в силу бесперспективности каких-либо собственных региональных амбиций важнее была дружба с более влиятельной внешнеполитической силой — титовской Югославией. Венгерская пресса разных политических направлений не переставала заниматься вопросами венгерско-югославского сближения, пропагандировала необходимость расширения двусторонних связей. В 1946–1947 гг. она с признательностью писала о Югославии, которая открыла перед своим венгерским меньшинством возможность полноценного национального и культурного развития⁴¹. Особенно позитивно и много писала о Югославии коммунистическая пресса Венгрии — это неудивительно, поскольку именно в Югославии темпы революционных преобразований были выше, чем в других освободившихся от нацизма странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

На уровне правительств с обеих сторон принимались всё новые и новые меры, направленные как на политическое сближение и экономическое сотрудничество в рамках Дунайского региона, так и на активизацию культурных связей двух стран. Причем темпы развития культурного сотрудничества опережали связи в других областях. С лета 1947 г. велась работа по подготовке всеобъемлющего культурного соглашения, которое было подписано в Белграде 15 октября 1947 г. (сроком на 5 лет), а ратифицировано венгерским Государственным Собранием в декабре, в дни пребывания в Будапеште маршала Тито. К этому времени уже состоялось совещание компартий в Шклярской Порембе, был образован Коминформ. В этих условиях культурные соглашения, заключавшиеся между странами советской сферы влияния, уже несли на себе отпечаток нового времени, большое внимание в них уделялось идеологии, подчеркивалось идейно-политическое единство стран «народной демократии» на антизападной платформе. Венгерско-югославское соглашение составляло в этом смысле определенное исключение. Оно было разработано

⁴¹ Например: Szabadság. 1946. Március 31; április 17. Проблемы же, связанные с приобретением венгерскими югославянами возможности получить столь же полноценное образование на родном языке, находили меньшее отражение, хотя очевидно, что в этом отношении Венгрия несколько отставала от Югославии (что, впрочем, отчасти объяснимо количественными показателями — численность югославянских меньшинств в Венгрии была несопоставимо меньшей, нежели венгров в ФНРЮ).

еще до первого, варшавского, совещания Коминформа, основывалось на реально достигнутых к тому времени результатах в деле взаимного сближения двух соседних стран. Это было менее политизированное и идеологизированное, более традиционное соглашение в области культурного сотрудничества соседних дружественных стран, писавшееся не по требованию «старшего брата», а продиктованное обоюдным интересом и давно назревшим желанием каждой из сторон к взаимному сближению. Главное место в нем, соответственно, занимали реальные задачи культурного сотрудничества, а не политико-пропагандистская риторика.

В декабре 1947 г. Тито наконец посетил с долгожданным визитом Будапешт. Его приезд стал демонстрацией далеко идущего югославно-венгерского сближения: между двумя правительствами было подписано большое двустороннее соглашение о дружбе и сотрудничестве. К этому времени коммунисты с каждым месяцем укрепляли в Венгрии свои позиции, оттесняя противников на обочину внутриполитической жизни. Если представители компартии делали всё больший акцент на идейно-политическом единстве двух стран, идущих (пусть и разными темпами) по пути строительства социализма, то венгерские некоммунистические политики, выступая в парламенте при ратификации подписанных соглашений с Югославией, по-прежнему предпочитали говорить о тесном региональном сотрудничестве двух дунайских государств. Что касается сферы культуры, то осенью 1947 г. была образована смешанная комиссия для разработки поистине грандиозной программы культурных контактов. Комиссия включала в себя как чиновников, так и представителей общественных организаций и творческих союзов. В программу двустороннего сотрудничества вошли обмен делегациями деятелей культуры, гастроли театральных и музыкальных коллективов, художественные выставки, кинопоказы, активизация книгообмена, музейное сотрудничество, стипендии для ученых и т. д.⁴²

Таким образом, к 1948 г. югославно-венгерские отношения переживали настоящий подъем, их не осложняли ни взаимные территориальные претензии, ни проблемы переселений и национальных меньшинств, тем более что в обеих странах немало делалось для

⁴² Szabó J. Magyar-jugoszláv kulturális kapcsolatok a második világháború után (1945–1947) // Világtörténet. Budapest, 1999. Tavasz-nyár.

обеспечения прав миноритарных этносов. Обсуждались перспективы тесного экономического сотрудничества в рамках более широкого проекта — союза Дунайских государств. Особенно большие реальные успехи были достигнуты в области культурных связей. При этом историческую память народов продолжал отягощать груз недавнего, еще совсем живого, прошлого (вероломство хортистского правительства, напавшего на королевскую Югославию в апреле 1941 г., через четыре месяца после заключения договора между странами; кровопролитные карательные акции с обеих сторон в годы войны). Педантирование неблагоприятных внешних факторов могло возродить старые обиды и привести к значительному откату в двусторонних отношениях. Именно это и произошло в апреле 1948 г.

Всего за несколько недель до этого, 15 марта, в Будапеште в присутствии многих высокопоставленных иностранных гостей (советскую делегацию возглавлял член Политбюро маршал К. Е. Ворошилов, руководивший в 1945–1947 гг. Союзной контрольной комиссией в Венгрии⁴³) проходило крупномасштабное празднование 100-летней годовщины начала революции 1848 г. Для подготовки юбилейных торжеств была заранее создана общегосударственная комиссия, занимавшаяся среди прочего проведением широкой пропагандистской кампании⁴⁴. Еще 28 ноября 1947 г. на заседании комиссии президент страны З. Тилди сформулировал программную установку: проводившиеся в стране после 1945 г. демократические реформы следовало представить отечественному и зарубежному общественному мнению (особенно в дунайских странах) как окончательное осуществление демократических идеалов революции 1848 г. При этом

⁴³ Дневник пребывания советской делегации в Венгрии и материалы, связанные с этой поездкой, сохраняются: РГАСПИ. Ф. 74 (К. В. Ворошилов). Оп. 2. Д. 59.

⁴⁴ Возглавил комиссию министр информации Э. Михайфи, в ее работе принимали участие министр обороны П. Вереш от Национальной крестьянской партии, министр просвещения Д. Ортутан от левого крыла Партии мелких сельских хозяев, главный идеолог компартии и главный редактор ее газеты «Szabad Nép» Й. Реваи, представители других партий. Наряду с общевенгерской комиссией существовали и местные, функционировавшие в отдельных областях страны. К подготовке юбилея приобщилось и Министерство внутренних дел. Министр Л. Райк издал распоряжение, согласно которому органы местного самоуправления городов и сел к 15 марта 1948 г. были обязаны переименовать улицы и площади, названия которых имели какую-либо связь с реакционным режимом прошлого. Кроме того, 15 января 1948 г. был принят закон о всеобщей амнистии, что также было увязано с предстоящим юбилеем (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. П. 24. Д. 41).

он активно ссылался на великого поэта Шандора Петёфи, его призывы к венграм поддержать всех, кто борется за свободу своих народов. Были снова актуализированы и идеи Лайоша Кошута о необходимости тесного сотрудничества народов Дунайского бассейна, развитые им уже в эмиграции после поражения революции. По мнению З. Тилди, именно 100-летний юбилей венгерской революции призван был ознаменовать собой начало нового этапа в единении дунайских народов⁴⁵.

Как известно, во время венгерской революции 1848–1849 гг. имели место серьезные противоречия между венгерским и южнославянскими национальными движениями, но об этом в дни юбилейных торжеств старались не вспоминать. В декабре 1947 г., когда югославская правительственная делегация прибыла в Будапешт, Тито был не только ознакомлен с планами празднования 100-летия венгерской революции, но и приглашен принять непосредственное участие в торжествах. Их, исходя не в последнюю очередь именно из перспективы дальнейшего венгерско-югославского сближения, предполагалось провести под лозунгом дальнейшего укрепления взаимосвязей между народами Дунайского бассейна, вступившими после войны на новый путь своего развития. Тито принял это приглашение и предложил, в свою очередь, разработать совместный план проведения празднеств⁴⁶. Это означало, что амбициозный югославский лидер, придавая немалое значение югославско-венгерскому союзу при главенстве Югославии, не прочь был использовать венгерский национальный праздник в интересах формирования такого союза и укрепления позиций ФНРЮ в Венгрии.

Приезд маршала в марте 1948 г. в Будапешт, впрочем, не состоялся, поскольку в эти самые дни уже назревал конфликт между

⁴⁵ В процессе подготовки юбилея, при встрече с польской правительственной делегацией в январе 1948 г., министр просвещения Венгрии Д. Ортутан акцентировал внимание на важности взаимопонимания между странами «народной демократии» и в этом контексте также упомянул о предстоящих юбилейных празднествах, назвав их хорошим поводом для того, чтобы вспомнить об общности интересов (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. П. 24. Д. 41. Л. 10). С позицией деятелей Партии мелких сельских хозяев солидаризировались и коммунисты. Й. Реван в своем выступлении на совещании в Шклярской Порембе в сентябре 1947 г. говорил о желании венгров присоединиться к союзу славянских народов. Юбилейные торжества по случаю 100-летия революции 1848 г. стали новой демонстрацией этой программной установки.

⁴⁶ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. Д. 41. П. 24. Л. 3.

КПСС и КПЮ, так что югославскому лидеру было не до юбилея венгерской революции. Тем не менее Югославия была представлена внушительной по составу делегацией. Возглавлял ее входивший в то время в «узкое» руководство партии Милован Джилас, за выступлениями и поведением которого (как и всей югославской делегации) в венгерской столице внимательно следили советские эмиссары, отметившие стремление югославов уклониться от каких-либо не предусмотренных протоколом встреч с советской делегацией. Выступая в венгерском парламенте, Джилас назвал революцию 1848 г., потрясшую основы старой феодальной Европы, одной из красивых страниц в истории освободительной борьбы человечества. То обстоятельство, что вожди венгерского национально-освободительного движения во главе с Кошутом не проявили достаточного понимания сербских и хорватских национальных интересов, совсем не давало, по мнению Джиласа, оснований пересматривать реакционную роль бана Елачича, подавлявшего венгерскую революцию в угоду венскому двору. Как говорил далее Джилас, венгерский народ, взявший в 1945 г. в свои руки судьбу страны и решительно вступивший на путь демократии, верен тем же идеалам свободы и прогресса, которые вдохновляли венгерских революционеров в 1848–1849 гг. В свою очередь, «новая Югославия сделала и сделает всё, на что способна, чтобы содействовать развитию демократии в Венгрии, чтобы помочь венгерскому народу подняться из развалин и унижения, стать свободной и независимой»⁴⁷.

В это время не только в Венгрии и Югославии, но и в других странах «народной демократии» придавали определенное значение идее регионального сотрудничества. Так, несмотря на недавние межгосударственные трения, связанные с проблемой венгерского национального меньшинства, в юбилейных торжествах активно участвовали, выступив в духе солидарности с новой Венгрией, делегации Румынии

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 59. Л. 39–40. Посол СССР в Венгрии Г. М. Пушкин, передав в МИД СССР текст речи М. Джиласа в венгерском парламенте, обратил внимание на следующие моменты: полное отсутствие упоминаний СССР и его роли в освободительной борьбе с германским фашизмом; подчеркивание, что именно «освободительная война югославских народов показала новые пути и новые формы борьбы за свободу и независимость народов, борьбы трудящихся масс за свержение эксплуататоров»; выпячивание роли Югославии также и в послевоенном развитии венгерской демократии (Там же. Л. 37).

и Чехословакии⁴⁸. Таким образом, несмотря на исторический факт противостояния сербов, хорватов, словаков и румын венгерскому национальному движению во время революции 1848 г., организаторам юбилейных торжеств удалось использовать 100-летие великой революции в интересах преодоления разногласий, налаживания взаимопонимания, утверждения единства народов Дунайского бассейна на основе общих интересов и регионального сотрудничества.

Конфликт между Москвой и Белградом, хотя пока и был скрыт за кулисами, уже разгорался. Матяш Ракоши, насколько можно судить по известным документам, еще не был проинформирован об изменениях в советско-югославских отношениях, но как опытный политик не мог не обратить внимание на возникшую в ходе торжеств напряженность между советской и югославской делегациями. В руководстве ВКП прекрасно осознавали, что проекты единения дунайских стран и их активного сотрудничества с участием амбициозного маршала Тито могут вызвать подозрения в Москве, где всегда испытывали определенную неприязнь к любого рода горизонтальным связям между странами советской сферы влияния. Такие связи, как правило, плохо контролировались из центра мирового коммунистического движения и расширяли для каждой страны поле возможных самостоятельных, независимых от Москвы, внешнеполитических маневров. Организаторы юбилейных празднеств действовали предельно осторожно, оказав большие почести маршалу Ворошилову и всей советской делегации.

В Москве хорошо знали не только о многосторонних, с каждым годом активизировавшихся венгерско-югославских межгосударственных связях, но и об особой близости партийных элит, что проявилось и во время приезда Тито в Будапешт в декабре 1947 г. для подписания двустороннего договора. Как отмечалось в более позднем, относящемся к 1949 г., документе аппарата ЦК ВКП(б), «до резолюции Информбюро⁴⁹, у венгров с югославами была трогательная

⁴⁸ Организаторы юбилейных торжеств установили связи с румынскими городами Шегешвар и Арад, в которых происходили важные события венгерской революции 1848 г. В Араде, в частности, австрийскими властями после подавления освободительного движения венгров были расстреляны генералы венгерской революционной армии и активные участники революции («арадские мученики»). Арадский музей революции 1848 г. прислал свои экспонаты в Будапешт для организации выставки.

⁴⁹ Речь идет о принятой в конце июня 1948 г. на втором, бухарестском совещании Коминформа резолюции «О положении в компартии Югославии» с резкой критикой в адрес КПЮ, ее обвинениями в национализме.

дружба, настолько трогательная, что министр внутренних дел Венгрии Л. Райк “ухитрился” утвердить явно в угоду югославам устав Демократического союза южных славян Венгрии, в котором был пункт, что этот союз является объединением по национальному признаку и членство в нем ставится выше партийной принадлежности. По сути говоря, национальные интересы тут были поставлены над интересами партии»⁵⁰. В Будапеште не могли питать иллюзий относительно того, насколько подробно в Москве были информированы о тесных и разносторонних, из месяца в месяц всё более активизировавшихся венгерско-югославских связях, ведь из этого не делалось никакого секрета. Как и о бытовавших среди венгерских коммунистов настроениях брать пример с югославо. Так, 29 апреля 1947 г. в беседе с В. М. Молотовым в Москве Ракоши не скрывал, что новая Венгрия хотела бы следовать югославскому примеру, в частности там, где дело касается силовых структур. Более того, на вопрос Молотова, «популярна ли в Венгрии Югославия», венгерский лидер ответил: «Да, она в Венгрии популярна. Надо сказать, что даже популярнее, чем Советский Союз. Дело в том, что венгерский народ не боится югославо, а вот традиционную боязнь к русским не удалось еще изжить»⁵¹. В свою очередь Й. Реваи, выступавший от имени венгерской компартии на первом совещании Коминформа в сентябре 1947 г., особо подчеркнул, что «венгерская демократия» для решения стоящих перед ней внутри- и внешнеполитических задач нуждается в экономической поддержке соседних стран и назвал в качестве примера выгодного для своей страны сотрудничества не только торговые соглашения с СССР, но и договор об экономических связях, подписанный с Югославией⁵². Подобные весьма откровенные высказывания, находившие немало подтверждений в реальной практике двусторонних отношений, в Москве, конечно, не были склонны забывать и в условиях начавшегося конфликта с Югославией.

Отметив под знаком единства дунайских народов и при активном югославском участии юбилей революции 1848 г., венгерские лидеры

⁵⁰ Запись совещания в МИД СССР 11 июня 1949 г. опубликована: Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 2: 1949–1953 гг. М.; Новосибирск, 1998. С. 150.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1151. Л. 81.

⁵² Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 150.

дали Сталину и его окружению не только новые подтверждения венгерско-югославской близости, но и дополнительный повод для недовольства и подозрений в отношении ускользавшего из-под контроля маршала Тито, стремившегося обеспечить себе лидерство уже не только на Балканах, но и в Дунайском регионе, равно как и в отношении венгерских коммунистов, склонных потакать амбициям Тито и едва ли даже не играть по югославскому сценарию в вопросах дунайского сотрудничества. Культивирование венгерских патриотических традиций, актуализация идей позднего Кошута о Дунайской федерации (не говоря уже об активном участии в мартовских юбилейных торжествах югославской делегации, открыто дистанцировавшейся при этом от Москвы) дали новый материал советским парт-аппаратчикам из Отдела внешней политики (ОВП) ЦК ВКП(б), как раз в те дни готовившим для партийного руководства справку «О националистических ошибках руководства Венгерской компартии и буржуазном влиянии в венгерской коммунистической печати», датированную 24 марта⁵³. Похожие справки готовились весной 1948 г. и по другим странам «социалистического лагеря», националистические ошибки и «буржуазное влияние» выискивали во всех компартиях. Однако применительно к Венгрии у советских лидеров существовали подозрения особого рода — не только в националистическом уклоне, но и в одобрении неприемлемых для СССР югославских федералистских проектов. Ракоши едва ли мог знать об упомянутой выше справке, предназначенной для внутреннего пользования, однако первый же поступивший в Будапешт сигнал об ухудшении советско-югославских отношений он воспринял не только как новую директиву для своей партии, но и как угрозу лично для себя: чрезмерная близость к Югославии и ее вождю в глазах Москвы являлась серьезным компроматом. Ракоши не мог не понимать, что разногласия советской стороны с югославами рикошетом могут ударить и по руководству венгерской компартии как слишком «протитовскому». Именно этим и может быть объяснен тот кардинальный поворот, можно даже сказать, головокружительный кульбит, предпринятый венгерским руководством в апреле 1948 г.

Как известно, 27 марта 1948 г. в адрес руководства КПЮ было отправлено письмо ЦК ВКП(б) за подписью Сталина и Молотова,

⁵³ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. С. 802–806.

составленное на основе записки ОВП ЦК ВКП(б) от 18 марта⁵⁴, с суровыми обвинениями по целому ряду принципиальных вопросов двусторонних отношений. Спустя 4 дня, 31 марта 1948 г., это письмо было разослано для информации лидерам девяти партий-членов Коминформа⁵⁵.

Из всех партий, информированных о серьезных разногласиях, возникших между ВКП(б) и КПЮ, венгерская компартия отреагировала быстрее и жестче других. Ракоши первым из руководителей компартий-участниц Информбюро присоединился к позиции ВКП(б). Желая обезопасить себя, он уже 8 апреля отправил Тито письмо от имени Политбюро своей партии⁵⁶. В нем не только были всецело поддержаны обвинения югославов со стороны Москвы, но было выражено недоверие югославской компартии. В шести пунктах письма подчеркивались:

1) «нетерпимое положение и ...вызывающие тревогу отношения между руководящими работниками» КПЮ и ВКП(б) по причине «неправильного политического поведения Югославии»;

2) недооценка югославским руководством определяющей и руководящей роли Советского Союза в деле освободительной борьбы рабочего класса и переоценка Югославией собственных сил;

3) необходимость незамедлительного исправления «недопустимого положения», создавшегося в Югославии, и ожидание компартией Венгрии действий в этом направлении от руководства КПЮ;

4) готовность Политбюро КПВ защищать искренние и тесные отношения, которые связывают «нашу партию с Советским Союзом и с нашим великим учителем Сталиным, от всяких сил, угрожающих этим связям»;

5) полное согласие КПВ с принципиальными положениями письма ЦК ВКП(б);

⁵⁴ 18 марта 1948 г. ОВП ЦК ВКП(б) представил секретарю ЦК ВКП(б) М. А. Суслову подготовленный по заданию руководства пространный материал под названием «Об антимарксистских установках руководителей компартии Югославии в вопросах внешней и внутренней политики» (Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. С. 787–800; *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации: советско-югославские отношения в 1953–1956 гг. М., 2008. С. 23).

⁵⁵ См.: Politikatörténeti és Szakszervezeti Levéltár. Főcsoport 274 (Magyar Kommunista Párt). Állag 10. Ő.e. szám 16. List 3.

⁵⁶ Arhiv Jugoslavije (далее — АЈ). Fond 507/IX — Komisija za međunarodne odnose i veze Centralnog komiteta SKJ (далее КМОВ СК SKJ). 75/I — 14.

б) важное значение письма ЦК ВКП(б) и для компартии Венгрии.

Очевидно, что все эти положения, свидетельствовавшие о том, что венгерская компартия в возникающем конфликте встала на сторону ВКП(б), полностью солидаризировалась с ее позицией и присоединилась к ее требованиям к КПЮ, были адресованы не только и столько Белграду, сколько Москве, явившись демонстрацией лояльности и готовности извлечь необходимые уроки.

В ответном письме югославского руководства от 19 апреля, утвержденном на пленуме ЦК КПЮ, отмечалось, что венгерская компартия «не имеет ни морального, ни политического права столь безответственно нападать на наших руководителей, нашу партию и нашу страну перед ВКП(б)»⁵⁷. Югославская сторона выказала глубокую обиду из-за того, что Венгрия поступила так «после всего того, что наша партия сделала, чтобы помочь усилиям передовых сил Венгрии для укрепления демократии в своей стране». Лидеры страны, воевавшие за демократию еще в 1941 г., не могут согласиться, что их критикуют те страны, которые были агрессорами во время Второй мировой войны, отмечалось далее.

В конце апреля венгерская сторона направила ответное письмо, утвержденное на Политбюро ЦК КПВ⁵⁸. В нем говорилось, что, изучив ответ, пришедший из Белграда, руководство партии пришло к выводу, что он «только подтверждает правильность и справедливость критики». Отметались содержащиеся в югославском письме предположения о том, что представители ЦК КПВ заранее обсуждали в Москве с представителями ВКП(б) внутренние дела югославской компартии. Ссылаясь на прозвучавший в письме Сталина и Молотова от 27 марта тезис о праве каждой компартии критиковать любую другую компартию⁵⁹, венгры настаивали на своей правоте и просили югославских лидеров, чтобы они «срочно исправили свою неправильную позицию» и согласились с единодушной в этом вопросе критикой «братских» компартий. В письме снова была продемонстрирована полная готовность защищать позицию Советского Союза.

⁵⁷ А. Я. Гибианского. 1-3-b/ 420. Л. 5–6.

⁵⁸ Ibid. Л. 24–25.

⁵⁹ Подробнее см.: Секретная советско-югославская переписка 1948 года / Вступ. ст. и примеч. Л. Я. Гибианского // Вопросы истории. 1992. № 4/5, 6/7, 10. С. 119–137, 158–172, 141–160.

Таким образом, Ракоши, стремясь вывести себя из-под возможного удара, первым из восточноевропейских коммунистических лидеров заявил о поддержке позиции, выраженной в письме Сталина и Молотова, подключившись тем самым к критике югославской компартии. За ним последовали (спустя 10 и более дней) лидеры коммунистических и рабочих партий Болгарии — 18 апреля⁶⁰, Польши — 19 апреля, Румынии — 22 апреля и Чехословакии — 23 апреля. К концу месяца все компартии советской сферы влияния в Восточной Европе были выстроены под диктовку Москвы в единый антиюгославский фронт.

Резкое переключение Ракоши на поддержку новой линии СССР в условиях набравшего с каждым месяцем обороты советско-югославского конфликта, как и сам этот конфликт, оставались в Венгрии до конца июня 1948 г. неизвестными: межгосударственные отношения казались нормальными, полемика не афишировалась, в венгерском обществе по-прежнему доминировали настроения в поддержку сотрудничества с Югославией. Правда, о некоторой корректировке политической линии искушенный читатель мог догадаться вследствие прекращения публикации в прессе венгерской компартии статей с апологией тесных венгерско-югославских связей и дунайского сотрудничества (пресса других партий продолжала и в этот период активно пропагандировать это сотрудничество с участием Югославии). При этом сами венгерско-югославские связи, находившиеся к весне 1948 г. на подъеме, продолжали по инерции развиваться, и даже в среде более информированных коммунистических аппаратчиков существовали надежды на преодоление негативных наслоений, строились планы дальнейшего сотрудничества⁶¹. Сохраняли свое действие все подписанные в 1947 г. соглашения в области, как экономических, так и культурных связей. 18 марта 1948 г. было подписано двустороннее соглашение о товарообмене, действовавшее до 18 марта 1950 г.⁶² Вплоть до конца 1948 г. доля Югославии в структуре венгерского импорта была наибольшей. Весной 1948 г. во дворце Каройи в центре

⁶⁰ Показательно, что в письме Г. Димитрова в Москву содержалась прямая ссылка на позицию венгерской компартии (Politikatörténeti és Szakszervezeti Levéltár. Főcsoport 274 (Magyar Kommunista Párt). Állag 10. Ó.e.szám 16. List 30–33).

⁶¹ Югославские документы на этот счет см.: AJ. f. KMJ. I-3-b. L. 24–25.

⁶² АВП РФ. Ф. 77. Оп. 25. П. 20. Д. 13. Л. 130; DA MIP RS. Fond. pol. Arhiv. 1950 godine. Fasc. 59. Mađarska. L. pov. 454.

Будапешта (а затем в Пече и Дебрецене) состоялась фотовыставка «Югославия в борьбе и труде», организованная венгерско-югославским культурным обществом⁶³. Еще более значительным событием культурной жизни стала Неделя югославской культуры в Венгрии. В музыкальной академии Будапешта, в лучших концертных залах столицы и в провинции состоялись концерты музыки югославянских композиторов. В июне 1948 г. в Будапеште и Пече прошли выставки югославского искусства XIX–XX вв., а в Сентэндре (традиционном центре сербской диаспоры в Венгрии) в рамках празднования 100-летия революции 1848 г. был проведен вечер памяти сербского писателя XIX в. Я. Игнятовича, жившего в этом городе и принимавшего участие в венгерской революции⁶⁴. Продолжал выходить основанный в 1947 г. литературно-художественный и общественно-политический журнал «Южная звезда» («Déli csillág»), орган общества венгерско-югославской дружбы, призванный пропагандировать в Венгрии лучшие достижения югославянской литературы и культуры (был закрыт во второй половине 1948 г.). В июне 1948 г. МИД Венгрии предложил будапештской опере поставить несколько балетов композиторов соседних стран. Назывался среди прочего балет сербского композитора С. Христича «Охридская легенда». Правда, поскольку партитура не была вовремя прислана, приступить к постановке не успели.

Между тем, в условиях, когда отношения двух стран оставались внешне нормальными и начавшаяся полемика была скрыта от широкой публики, Ракоши предпринял новые шаги, чтобы доказать Москве свою лояльность. В середине июня состоялся объединительный съезд двух рабочих партий, которому предшествовало очищение социал-демократии от сторонников объединения с коммунистами. В результате была образована Венгерская партия трудящихся (ВПТ). На съезде была провозглашена программа построения социализма с опорой на советские образцы. Проблемы отношений с Югославией фактически не нашли отражения ни в выступлениях на съезде, ни в его резолюциях. Но за несколько дней до объединения, 9 июня, на заседании Политбюро ЦК КПВ было принято решение не принимать приглашение на V съезд компартии Югославии, открывавшийся 21 июля. Венгерская компартия вновь опередила другие партии

⁶³ АВР РФ. Ф. 77. Оп. 25. П. 20. Д. 13. Л. 67.

⁶⁴ MOL. IV 170/5.

стран «социалистического лагеря», оказавшись второй после ВКП(б) партией, отказавшейся принять участие в съезде КПЮ⁶⁵.

В конце июня в Бухаресте состоялось второе совещание Коминформа, на котором, как известно, была принята резолюция о положении в компартии Югославии⁶⁶. Опубликованная в международной прессе, она вывела в публичное пространство межпартийный конфликт. Политический климат в странах советской сферы влияния сразу изменился. Развертывается антиюгославская медиа-кампания, по радио и в прессе изо дня в день звучит всё более жесткая критика политической линии КПЮ. Начинаются усиленные поиски «титоиство» в рядах каждой из партий. Судя по резолюции второго совещания, можно предположить, что уже в это время Информбюро под давлением сталинского руководства становится инструментом осуществления курса, направленного на устранение тогдашнего югославского руководства — Тито, Карделя, Джиласа, Ранковича и др. — чтобы заменить их на «здоровые элементы, верные марксизму-ленинизму, верные интернационалистическим традициям Югославской компартии, верные единому социалистическому фронту»⁶⁷. Решения второго совещания Коминформа открыли новый этап в его деятельности, главным содержанием которой стала массированная антиюгославская кампания.

По сравнению с выступлениями венгерских представителей на первом совещании Коминформа в Шклярской Порембе в сентябре 1947 г., в выступлениях Ракоши в Бухаресте была четко отражена новая, антиюгославская линия. Она была к тому времени общей для всех компартий советской сферы влияния, но Ракоши опять-таки пошел дальше других, предложив приступить к подпольной работе в Югославии как к главному средству борьбы против ее нынешнего руководства⁶⁸; ту же тему он развивал и во многих последующих своих выступлениях.

Летом 1948 г. претерпевает коренную реорганизацию Демократический союз южных славян Венгрии. Руководство ВПТ взяло его под контроль, не только освободив от какого бы то ни было югославского влияния, но, более того, превратив в инструмент активной

⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 94. Л. 62.

⁶⁶ Совещания Коминформа. С. 455–461.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации. С. 29.

антиюгославской политики. Союз выступает с декларацией в защиту резолюции Коминформа⁶⁹, 3 августа избрано новое руководство. Реорганизация общества в антититовском духе была задачей непростой, пришлось оказывать сильное давление на часть актива, не склонную отказываться от дружественного отношения к новой Югославии. Прежние руководители Демократического союза южных славян прошли позднее через тюрьмы и лагеря, как и люди, стоявшие во главе венгерско-югославского культурного общества, во главе с известным журналистом коммунистом Ш. Харасты, впоследствии видным деятелем-реформатором революции 1956 г.⁷⁰

В июле 1948 г. произошел инцидент, который дополнительным грузом лег на ухудшавшиеся с каждым месяцем венгерско-югославские отношения. 10 июля в одном из будапештских студенческих общежитий пресс-атташе югославского посольства в Будапеште Ж. Боаров во время ссоры застрелил активиста Демократического союза южных славян М. Мойча — участника перестройки работы этой организации в антититовском духе. Причиной ссоры стали разногласия в оценке резолюции второго совещания Коминформа. В связи с происшествием 14–16 июля состоялся обмен дипломатическими нотами. Югославская сторона, ссылаясь на необъективный характер расследования, отказывалась выдать венгерской полиции Боарова, укрывшегося в здании посольства ФНРЮ. 18 июля информацию о случившемся опубликовала газета «Szabad Nép». Возвращавшегося из Болгарии в Будапешт поездом Ракоши эта информация застала 18 июля на югославской территории. Сопровождавший его в соответствии с протоколом как вице-преьера правительства сотрудник МИД ФНРЮ И. Вейвода от имени своего правительства предложил Ракоши провести допрос Боарова на территории югославского посольства⁷¹. Между Ракоши и Вейводой состоялся любопытный обмен репликами. На вопрос Вейводы, не думает ли Ракоши, что убийство М. Мойча якобы югославским дипломатом является провокацией, организованной Великобританией или Америкой, венгерский руководитель ответил, что, «к сожалению, нет доказательств в пользу

⁶⁹ DA MIP RS. Fond. Pol. arhiv. 1949 godine. Fasc. 68. Mađarska. L. IV.

⁷⁰ По версии, получившей распространение в прессе осенью 1956 г., Харасты не один месяц держали в камере смертников после вынесения приговора о высшей мере наказания, к счастью, так и не приведенного в исполнение.

⁷¹ DA MIP RS. Fond. Pol. arhiv. 1949 godine. Fasc. 68. Mađarska. L. IV.

этого». В представленном в МИД Югославии отчете о беседе Вейвода так передал свое впечатление: для Ракоши хорошие отношения с Югославией уже не важны. Лидер ВПТ к тому времени, вероятно, сделал свой выбор. Нельзя исключать, что он уже вынашивал планы проведения в Венгрии судебного процесса антиюгославской направленности, инкриминировав обвиняемым англо-американские связи. Так закладывались основы тех искусственно сконструированных «доказательств» сотрудничества югославов с западными разведками, которые были использованы позже при фабрикации громких судебных дел, в том числе знаменитого «дела» Райка.

В ответ на публикацию в «Szabad Nép» белградское информационное агентство ТАНЮГ в заявлении от 18 июля указало на политический характер обвинений против Югославии, что только усилило ожесточенность полемики. Здание югославского посольства в Будапеште на площади Героев все эти дни было окружено венгерскими полицейскими, и скандал таким образом вышел на поверхность. Информация об убийстве Мойча просочилась в печать всего за три дня до открытия съезда КПЮ, на котором, как ожидалось, будет дан отпор резолюции Коминформа, и явилась предвестником мощной пропагандистской антиюгославской кампании. В Белграде, особенно в свете запланированной на август конференции по ключевым проблемам использования Дуная как транспортной коммуникации, не хотели дальнейшего раздувания скандала. Тито, чтобы не давать нового повода для нападок, лично взялся за скорейшее разрешение разгоравшегося конфликта, приняв решение о выдаче Боарова венгерской полиции⁷². Тем более что протестовать было бесполезно: факт убийства был налицо.

Несмотря на предпринятые Белградом шаги по урегулированию ситуации, ее острота не снижалась. Дело Боарова стало для официального Будапешта удобным поводом для развязывания

⁷² Югославский дипломат Л. Бранков, в 1949 г. проходивший в качестве одного из обвиняемых на судебном процессе по «делу» Райка, впоследствии вспоминал: «Ж. Боаров был моим личным другом, его семья была убита фашистами в 1943 г. Мы старались защищать его. Мы с Ж. Боаровым вели беседы 7 дней. Уже к тому времени вокруг посольства находилось много венгерских полицейских. В Белграде в то время проходил пятый конгресс КПЮ. Я прибыл в Белград. Там Тито сказал, что следует Ж. Боарова выдать венгерской тайной полиции» (Audio i foto arhiv Simić. URL: <http://www.audioifotoarhiv.com/gosti%20sajta/LazarBrankov3.html>).

антиюгославской кампании в прессе, что способствовало нагнетанию негативной атмосферы в двусторонних отношениях⁷³. Обмен нотами продолжался и осенью. С югославской стороны протестовали против придания делу Боарова большего политического веса, чем оно того заслуживало. В венгерской же прессе, уже начиная с августа 1948 г. и чем дальше, тем больше, конструировали новые версии произошедшего, бросавшие тень на лидеров КПЮ как организаторов убийства, политическая значимость дела раздувалась⁷⁴. В свою очередь югославская пресса в связи с делом Боарова критиковала методы работы венгерской тайной полиции. Позже дело Боарова было активно использовано при подготовке судебного процесса по «делу» Райка, состоявшегося в сентябре 1949 г.⁷⁵

По мере дальнейшего ухудшения двусторонних отношений не просто резко меняется тон публикаций газет и журналов, совсем недавно регулярно писавших о дружбе с Югославией, о важности дунайского сотрудничества и т. д.; антиюгославская кампания в венгерской прессе набирает с каждым месяцем всё новые и новые обороты. Каждый внутривнутриполитический шаг официального Белграда, направленный на консолидацию правящей партии и общества на основе поддержки действующего режима, становился поводом для обвинений

⁷³ 28 июля в «Szabad Nép» была опубликована статья о деле Боарова. В ней говорилось, что югославское посольство стремится помочь убийце избежать заслуженного наказания. В ответ на это МИД Югославии направил письменный протест в редакцию газеты (DA MIP RS. Fond. Pol. arhiv. 1949 godine. Fasc. 68. Mađarska. L. 8 Boarov 24- s-1, s-2, s-3). 1 августа в «Szabad Nép» была напечатана новая статья, начинавшаяся со сделанного Боаровым в ходе следствия признания о том, что причиной конфликта послужила его, Боарова, неправильная позиция в отношении политики Тито.

⁷⁴ После ареста уже в 1949 г. перешедшего на сторону Коминформа дипломата Л. Бранкова в венгерской прессе постоянно предпринимались попытки выявить связь Боарова с Бранковым, в сентябре 1949 г. представшим перед судом по «делу» Райка. Писалось, в частности, что Боаров совершил убийство именно по приказу, полученному из Белграда через Бранкова.

⁷⁵ Во время процесса по «делу» Райка находившийся в заключении Боаров выступал в качестве свидетеля. Он давал показания о том, что распоряжение убить Мойча исходило якобы от самого министра внутренних дел Югославии А. Ранковича, причем именно Бранков предложил поручить исполнение этого дела Боарову, а орудие убийства — револьвер был передан Боарову якобы самим послом в Будапеште К. Мразовичем. Хотя Бранков отрицал в суде признание Боарова, оно вошло в протоколы допросов, попало в венгерскую печать (*Koltai F. Laszlo Rajk and his accomplices before the people's court. Budapest, 1949. P. 105*).

в осуществлении террора в отношении собственных граждан⁷⁶. Организуется пропаганда и на югославскую аудиторию — вещание из Будапешта на сербско-хорватском языке было начато 30 августа, а на словенском — 7 сентября 1948 г.

Хотя разностороннее сотрудничество в соответствии с ранее подписанными соглашениями продолжалось, был взят курс на его свертывание; любые жесты югославской стороны, направленные на поддержание сотрудничества в прежнем объеме, отклонялись. Это в полной мере касалось контактов по линии молодежного коммунистического движения. 15 декабря 1948 г. состоялся объединенный съезд коммунистических молодежных организаций Югославии. Народный союз венгерской молодежи получил приглашение прислать свою делегацию, но оно, однако, было отклонено на том основании, что во главе югославского молодежного движения стояли (по-другому и быть не могло) люди, всецело следовавшие линии руководства ФНРЮ⁷⁷.

В 1949 г. в Будапеште прошел Второй международный фестиваль молодежи и студентов. Югославия, активно участвовавшая в первые послевоенные годы в международных молодежных акциях⁷⁸, выразила желание направить свою делегацию, но венгерская сторона предоставила югославским представителям всего 5 виз. Приехавшим из титовской Югославии участникам было очень трудно, поскольку к этому времени уже приобрела большой размах антиюгославская кампания, и на фестивале представлять Югославию пытались враги режима Тито, так называемые «коминформовцы».

Для ведения антититовской пропаганды в прессе и на радио всё более активно использовались именно югославские «коминформовцы» — члены КПЮ, взявшие сторону Коминформа

⁷⁶ Профсоюзная газета «Népszava» (Слово народа), орган национальной крестьянской партии «Szabad Szó» (Свободное слово) и др. издания преподносили как проявления внутривластного террора не только арест 23 августа 50 политически неблагонадежных сотрудников югославской политической полиции, но и снятие со своих должностей ряда функционеров республиканского уровня, журналистов и т. д. (РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 116. Л. 124, 183, 202. По данным аппарата Коминформа, за период с 1 сентября 1948 по 12 мая 1949 г. в главной партийной газете «Szabad Nép» появились 122 публикации антиюгославского содержания (Там же. Д. 59. Л. 157–168).

⁷⁷ АВП РФ. Ф. 77. Оп. 25. П 25. Д. 21. Л. 101–102.

⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 44. Л. 70.

в советско-югославском конфликте, в том числе югославские дипломаты-невозвращенцы. Формирование коминформовской эмиграции во всех странах советской сферы влияния в 1948–1949 гг. было связано с существовавшими в югославском обществе в первые месяцы после начала конфликта разногласиями по поводу резолюции Коминформа и дальнейшей тактики. Часто людьми двигала уверенность в том, что Тито обязательно проиграет в споре со Сталиным и вся верхушка КПЮ будет сменена. Из эмигрантской среды формировались общественные организации антититовской направленности, широко использовавшиеся Коминформом, особенно в пропагандистской деятельности. Само присутствие в Венгрии коминформовской эмиграции начиная с 1948 г. находило постоянное отражение в венгерской прессе, подававшей этот факт как свидетельство существования в югославском обществе сильных антититовских настроений.

Уже с 1948 г. представители антититовской эмиграции были активно задействованы на радиовещании на Югославию (на этом участке, по некоторым данным, работало не менее 8 человек⁷⁹), а также в Демократическом союзе южных славян Венгрии. Часть эмигрантов использовалась венгерскими спецслужбами для поддержания связей с антититовскими элементами в самой Югославии, переброски листовок, пропагандистской литературы и т. д. Первая конференция югославских политэмигрантов, обосновавшихся в Венгрии, состоялась уже позже, 8 июня 1949 г. В ней приняли участие 27 человек, было избрано руководство, распределены обязанности между его членами⁸⁰. Представители югославской эмиграции в Венгрии принимали участие в совещаниях югославских политэмигрантов, живших в пределах формирующегося советского «лагеря», став, таким образом, одним из отрядов более широкого политического образования, выступавшего в качестве одного из важнейших инструментов осуществления антиюгославской политики в масштабе всего блока.

Насколько можно судить по документам Коминформа, отражающим деятельность югославской политэмиграции в Венгрии, в окружении Ракоши и — шире — в руководстве ВПТ не питали большого доверия к политическим беженцам из Югославии, рассматривая эту

⁷⁹ Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 116. Л. 175–178, 180–183.

⁸⁰ Там же. Л. 2–3.

категорию лиц в качестве резерва для нахождения новых «шпионов», «диверсантов», кандидатов на занятие мест на скамье подсудимых при организации следующих судебных процессов антититовской направленности. Но, кроме того, были невысокого мнения как об уровне общего образования, так и об уровне политической подготовки этой публики, что ограничивало возможности ее использования на тех или иных постах (хотя среди коминформовцев имелись и лица с высшим образованием, люди интеллектуального труда, в том числе журналисты, большинство эмигрантов составляли рабочие, редко кто из них получил в королевской Югославии среднее образование). В Венгрии основным препятствием для югославских эмигрантов (кроме этнических венгров из Воеводины или сербов из двуязычной Суботицы) было незнание венгерского языка. Для того чтобы по возможности восполнить этот пробел, были организованы курсы по изучению не только венгерского языка, но также теории научного коммунизма, политэкономии социализма, «Краткого курса истории ВКП(б)», а также истории венгерского рабочего движения⁸¹.

Осенью 1948 г. Венгрия, несмотря на усилившуюся доминанцию коммунистов, всё еще была формально страной с многопартийной системой. Однако в вопросе об отношениях с Югославией, как и в других существенных вопросах, ВКП всё интенсивнее навязывала свою волю партнерам по коалиции. 17 сентября 1948 г. в прессе было опубликовано выступление тогдашнего премьер-министра Лайоша Диннеша, члена Партии мелких сельских хозяев (он занимал эту должность до декабря, уступив ее затем еще менее самостоятельному соратнику по партии Иштвану Доби), на заседании Политбюро своей партии. Премьер говорил о том, что, судя по обмену нотами, венгерско-югославские отношения на данном этапе никак нельзя назвать дружескими, и ничего поделать с этим невозможно. Ни о каком праве на особую позицию уже не могло быть и речи⁸².

Новый скандал в двусторонних отношениях, явившийся очередным шагом на пути конфронтации, произошел в конце октября 1948 г. МИД Венгрии 26 и 28 октября направил в адрес внешнеполитического ведомства Югославии ноты с требованием отозвать некоторых сотрудников югославской миссии в Будапеште, подозреваемых

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. Оп. 17. Д. 18. Л. 135.

в шпионаже⁸³. В ответ на это последовали две ноты МИД Югославии. Инцидент вызвал новое обострение полемики в прессе. С югославской стороны указывалось на надуманность обвинений, с венгерской говорилось о намерениях скрыть от венгерской общественности неблагоприятную деятельность югославской дипломатии.

Активно нагнетаемая антититовская атмосфера всё заметнее давала о себе знать и в общественной жизни югославянских меньшинств в Венгрии. Причем во внутренней политике властей на этом направлении всё чаще проявлялась откровенная показуха, призванная представить Ракоши как радетеля всех граждан Венгрии независимо от национальности, продемонстрировать как гражданам страны (в пропагандистских целях), так и международному общественному мнению, заботу о собственном югославянском меньшинстве, противопоставив ее репрессивной внутривластной практике режима Тито. Так, осенью 1948 г. было принято правительственное решение о создании не только новых школ, но и более десятка детских садов в селах, где проживали южные славяне⁸⁴. К этому времени, после решительного обновления руководства, отстранения (и в ряде случаев арестов) людей, симпатизировавших титовской Югославии и имевших связи с Белградом, Демократический союз югославян Венгрии окончательно превращается в полностью контролируемую властями организацию, своего рода приводной ремень для манипуляции населением, привлекавший к организации всё новых и новых пропагандистских кампаний по дискредитации режима Тито. По сообщению венгерской прессы, общее собрание членов союза состоялось 10 ноября в Мохаче близ Печа. После выступления «коминформовца» Крестеношича (бывшего представителя информангентства ТАНЮГ в Будапеште) о «предательской политике» Тито была принята жесткая декларация с осуждением югославского коммунистического режима, в которой от имени всех венгерских югославян говорилось также о полной поддержке политики ВПТ, о готовности строить социализм вместе с венгерскими трудящимися⁸⁵. Об активном использовании этой структуры в антиюгославской политике команды Ракоши свидетельствует тот факт, что сле-

⁸³ АВП РФ. Ф. 77. Оп. 25. П. 23. Д. 20. Л. 43–45.

⁸⁴ Там же. Д. 21. Л. 83.

⁸⁵ Там же. Л. 85.

дующее общее собрание членов союза состоялось всего через 4 дня, 14 ноября, в Байе. На нем выступал упоминавшийся выше югославский дипломат Л. Бранков, к тому времени уже порвавший со своей страной и призывавший венгерских югославын к решительной борьбе против «клики Тито»⁸⁶. Для антититовской пропаганды был использован и государственный праздник новой Югославии: на состоявшейся 28 ноября по этому случаю церемонии новое руководство венгерско-югославского культурного общества выступило с осуждением политики Тито. При этом новая линия руководства ВПТ была охарактеризована как проявление дружеских чувств к народам Югославии⁸⁷.

Наиболее чувствительным для Белграда недружественным шагом официального Будапешта на начальном этапе противостояния лагеря «народной демократии» и ФНРЮ стал отказ венгерской стороны от выполнения своих международных обязательств по выплате репараций, наложенных на Венгрию Парижским мирным договором. Как отмечалось выше, эта сумма должна была составить 70 млн долларов США. Однако в связи с ухудшением отношений между двумя странами репарационные поставки с сентября 1948 г. были полностью приостановлены, о чем Будапешт уведомил Белград по дипломатическим каналам. Было заявлено также, что выплата репараций зависит от последующего развития отношений между двумя странами⁸⁸. Получив такое уведомление, правительство ФНРЮ 17 сентября 1948 г. отправило Венгрии ноту с предложением срочно созвать совещание представителей обоих правительств для обсуждения вопроса об объеме до сих пор невыплаченных репараций и перспективах их выплаты. В ответ на это председатель Высшего экономического совета Венгрии член Политбюро Центрального Руководства (ЦР) ВПТ Золтан Вашш 13 октября 1948 г. сообщил руководителю югославской делегации по репарациям Синановичу, что венгерское правительство приняло решение о прекращении всех поставок по репарациям на том основании, что югославская сторона ранее не пошла навстречу венгерской просьбе о сокращении обязательств Венгрии по репарациям⁸⁹. В свою очередь правительство ФНРЮ

⁸⁶ Там же. Л. 107.

⁸⁷ Там же. Л. 230.

⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1377. Л. 103.

⁸⁹ Там же.

в меморандуме от 30 октября 1948 г. сообщило в Будапешт о том, что оно не исключает возможности уменьшить венгерские репарационные обязательства. А в ноте от 27 ноября 1948 г. оно вернулось к вопросу о скорейшем начале переговоров по урегулированию проблемы и просило венгерское правительство направить своего представителя в Белград. Несмотря на склонность югославов к уступкам, венгерская сторона отказалась от этого предложения, поставив для дальнейшего ведения переговоров ряд условий: отменить заявление посла в Будапеште К. Мразовича о том, что в случае, если Венгрия откажется выполнить свои обязательства, ФНРЮ будет вынуждена обратиться к компетентному международному органу, а также опубликованное 1 августа 1948 г. решение о переходе венгерских активов, находившихся на территории ФНРЮ, в государственную собственность ФНРЮ, что соответствовало букве мирного договора с Венгрией⁹⁰.

Югославская сторона, заинтересованная в выполнении Венгрией обязательств по репарациям в полном объеме, продолжала выискивать компромиссные пути, однако в Венгрии упорно стояли на своем, что отвечало общей линии СССР и его сателлитов на эскалацию конфликта. Нотами от 16 декабря 1948 и 7 февраля 1949 г. югославское правительство снова пригласило официальный Будапешт приступить к переговорам о выполнении обязательств по репарациям. И вновь венгерское правительство отказалось вступать в диалог⁹¹. В следующей ноте, от 19 мая 1949 г., правительство ФНРЮ поставило ребром вопрос, желает ли правительство Венгерской республики возобновить переговоры по урегулированию своих обязательств, признанных международным сообществом, по репарациям. Венгерское правительство ответило на это нотой от 25 мая 1949 г., в которой отказало в пребывании югославской делегации по репарациям и реституциям, заявив, что ее работа на территории Венгрии стала бесполезной⁹². Не помогло и обращение югославов к правительству СССР с просьбой оказать содействие в решении вопроса⁹³. Проблема репараций оставалась неурегулированной вплоть до нормали-

⁹⁰ Там же. Л. 104. По сути, в Белграде было принято решение, с которым ранее, в условиях нормальных двусторонних отношений, не торопились.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же. Л. 105.

⁹³ Там же.

зации двусторонних отношений после смерти Сталина, вопрос был окончательно улажен только в мае 1956 г.⁹⁴

Несмотря на быстрое подключение Ракоши к массированной антиюгославской кампании, развязанной Сталиным, и активнейшее в ней участие, применительно к весне 1949 г. едва ли можно говорить о завоеванном доверии Москвы. Судя по имеющимся документам, там и дальше продолжали выискивать крамолу в Будапеште. В структурах ВКП(б), ответственных за межпартийные связи и деятельность Коминформа, составлялись новые записки о националистических, правооппортунистических тенденциях в деятельности ВПТ, имевшие много общего с записками, характеризующими деятельность югославской компартии на ранних этапах советско-югославского конфликта. Они вполне могли пригодиться в случае, если бы Сталин поставил вопрос о замене руководства венгерской компартии. В Москве были недовольны деятельностью пропагандистских органов ВПТ, их пассивностью⁹⁵. Так, в документе, относящемся к маю 1949 г., отмечалось, что «руководящие деятели партии и, в частности, т. М. Ракоши, заняли совершенно неправильную позицию выжидания по работе с югославской эмиграцией и усилению борьбы против клики Тито, ожидая соответствующих указаний Москвы»⁹⁶. Проявляя недовольство положением в венгерской компартии, составители этих документов отмечали, что в ее деятельности проявились те же тенденции, что и в деятельности компартии Югославии: национализм, недооценка советского опыта и т. д.

Мы не знаем, насколько Ракоши был информирован о подобных оценках своей деятельности. Во всяком случае, он с первых месяцев

⁹⁴ Стыкалин А. С. Советско-югославское сближение (1954 — лето 1956 г.) и внутриаполитическая ситуация в Венгрии // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века / Отв. ред. Г. Г. Литаврин, Р. П. Гришина. СПб., 2002. С. 323–345.

⁹⁵ Так, несмотря на обилие публикаций антиюгославского содержания в главной партийной газете «Szabad Nép» (см. прим. 76), в документах ВКП(б) и Коминформа речь шла о пассивности и безынициативности ВПТ, ее подключении к критике югославов лишь под давлением Москвы, о том, что пропаганда по существу замалчивает разоблачение «клики Тито» (РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 59. Л. 157–168).

⁹⁶ Там же. Д. 188. Л. 25 (Записка курировавшего ВПТ сотрудника аппарата Коминформбюро С. Г. Заволжского от 16 мая 1949 г.). Известна также его записка от 26 марта (Там же. Д. 94. Л. 92–95). В ходе бесед с Заволжским Ракоши с беспокойством интересовался мнением о своей работе, сложившимся как в Москве, так и в структурах Информбюро в Бухаресте.

стремился отвести любые подозрения Кремля в недостаточной лояльности, скрытых проюгославских симпатиях, попытках уклониться от магистрального советского пути к социализму и т. д. Едва ли будет преувеличением утверждать, что именно острое желание венгерского коммунистического лидера продемонстрировать Сталину свою лояльность стало важнейшим побудительным толчком, подвигшим его на фабрикацию судебного дела Райка.

Антиюгославская кампания в Венгрии развивалась по нарастающей и достигла своего апогея к середине 1949 г. В это время Ракоши в угоду официальной Москве организовал при помощи советских «экспертов»-силовиков наиболее громкий в Восточной Европе показательный судебный процесс антиюгославской направленности — процесс по «делу» видного деятеля венгерской компартии Ласло Райка, позволивший вывести антиюгославскую кампанию в международном масштабе на новый уровень.

В докладе А. А. Жданова на втором совещании Коминформа (21 июня 1948 г.) была подчеркнута необходимость «чистки» компартий стран «народной демократии» от чужеродных и враждебных элементов. В каждой из стран разворачиваются кампании по чистке, что делало актуальным для всех высокопоставленных представителей коммунистической партократии проблему сохранения во власти, способствовало обострению внутрипартийной борьбы, которой ее активные участники, выдвигая обвинения против своих оппонентов, пытались придать антиюгославскую окраску. Идут усиленные поиски «титоистов» в рядах каждой из партий. В 1949 г. организуются судебные процессы по делам видных деятелей компартий на основании действительных или мнимых югославских связей — К. Дзодзе (Албания), Тр. Костова (Болгария), Л. Райка (Венгрия) и т. д. Каждый из них в соответствии с замыслами организаторов призван был возыметь международный пропагандистский эффект.

В сравнении с другими процессами будапештский суд над Ласло Райком представлял собой, вне всякого сомнения, самый громкий пример открытого суда, направленного на компрометацию руководства КПЮ. Суд по «делу» Райка получил широкий международный резонанс как ключевое звено в массивной антиюгославской кампании, инициированной Сталиным. Ветеран компартии, видный деятель венгерского коммунистического движения стал главным действующим лицом грандиозного политического спектакля,

срежиссированного в угоду Сталину и призванного послужить компрометации его заклятого политического врага — не покорившегося сталинскому диктату югославского лидера Тито. При всем вопиющем несовершенстве режиссуры суд в целом выполнил поставленные перед ним задачи — организацией судебного процесса по делу Райка Ракоши заявил о себе на весь мир как предельно лояльный Москве и приверженный сталинской линии (и более того, зачастую идущий впереди других лидеров стран советской сферы влияния по пути ее осуществления) коммунистический политик. Суд над Райком в соответствии с замыслом своих организаторов послужил толчком к дальнейшему разжиганию антиюгославской кампании в масштабе не только Венгрии, но всего формирующегося советского блока

Чем был мотивирован выбор Райка в качестве центральной фигуры показательного судебного процесса и какова была роль Москвы? В августе 1948 г. во время беседы посла СССР в Венгрии Г. М. Пушкина с членом Политбюро ЦК ВПТ Э. Герё речь шла об освобождении Райка от обязанностей министра внутренних дел не только из-за его «бонапартистских тенденций» в политической практике, но и из-за «недружелюбного отношения к Советскому Союзу». При этом Герё не мог не признать, что сам Райк последнее всячески отрицал⁹⁷. В те же дни, 16 августа, теперь уже Ракоши снова акцентировал внимание советского посла на недружелюбном отношении Райка к СССР как на главной причине его перевода на пост министра иностранных дел. Г. М. Пушкин выразил свое беспокойство в сообщении в Москву: по итогам беседы с Ракоши у него возникло ощущение, что у Райка, видимо, создалось неправильное впечатление, что его удалили с поста министра внутренних дел по требованию СССР. Это могло негативно сказаться на общении посла с Райком теперь уже как с министром иностранных дел⁹⁸.

Составленные в аппарате ЦК ВКП(б) и структурах Коминформа справки о Райке, относящиеся главным образом к 1947 г., содержат его положительные характеристики, кстати, более положительные, чем Ракоши и его близких соратников по венгерской коммунистической эмиграции в СССР Э. Герё и М. Фаркаша.

⁹⁷ Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Советское руководство и политические процессы Т. Костова и Л. Райка // Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. М., 1999. С. 28.

⁹⁸ Там же.

Вплоть до поздней весны 1949 г. в советских партийных документах о ситуации в венгерской компартии не столько Райк, сколько сам лидер партии Ракоши обвинялся в «националистических ошибках», игнорировании СССР и т. д. Но складывается впечатление, что Ракоши, который, судя по документам, в свете своей прежней близости с югославами не вызывал доверия в Москве и, очевидно, мог опасаться за свое будущее, сумел в течение считанных месяцев «перевести стрелку» на Райка как на главного «титоиста» и югославского агента в Венгрии. Дело облегчалось тем, что у Райка не было тесной связи с Москвой, и он едва ли мог рассчитывать на заступничество ВКП(б) или советских спецслужб. Вообще если пытаться выявить роль советского фактора (во всех его разносторонних проявлениях), его влияние на подготовку судебного процесса, важно заметить, что отношение к Райку в Москве не всегда было одинаковым, недоверие к нему постепенно углублялось, чему в решающей мере способствовали сознательные усилия Ракоши.

В биографии Райка, уроженца Трансильвании, с 1931 г. активного участника коммунистического движения в Венгрии, Чехословакии и других странах, было немало темных моментов, дававших повод для подозрений в «двойной игре». Впоследствии Ракоши, пытавшийся снять с себя ответственность за «дело» Райка и переложить ее на Берию и его людей, признал в мемуарах, что личность Райка была «удобна для провокаций»⁹⁹. В самом деле, еще в 1931 г., во время первого своего ареста в хортистской Венгрии, 22-летний Райк для того, чтобы оказаться на свободе, дал подписку, что не будет заниматься политикой, хотя вскоре нарушил свое обязательство. Во второй половине 1930-х гг., после поражения республиканцев в гражданской войне в Испании, Райк в числе других коммунистов-интернационалистов, сражавшихся на стороне республиканской армии, оказался в лагере для интернированных во Франции, где в принципе легко мог быть завербован различными спецслужбами. Был в его биографии и эпизод, связанный со временным исключением из компартии в конце 1930-х гг. по обвинению в принадлежности к троцкистам. Покрыты мраком неизвестности также обстоятельства возвращения Райка в Венгрию в годы Второй мировой войны, неясной была его

⁹⁹ «Людам свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши // Исторический архив. 1997. № 3. С. 112–113.

роль в самороспуске подпольной венгерской компартии в 1943 г., начавшей вскоре функционировать под названием «Партия мира». Арестованный крайне правым, нилашистским правительством в декабре 1944 г. и оказавшийся затем в концлагере на западе Германии, Райк не только выжил и сохранил здоровье, но был в числе первых освобожден американскими оккупационными войсками, посодействовавшими ему к тому же в возвращении на родину в мае 1945 г. Это также рождало подозрения в том, что он был заброшен в Венгрию в качестве агента. Между тем огромное влияние Райка среди венгерских коммунистов-подпольщиков способствовало его избранию в Политбюро венгерской компартии через считанные недели после возвращения домой. Вдобавок ко всему родной брат Райка был видным членом крайне правой нилашистской партии, бежавшим в начале 1945 г. на Запад (именно он в конце 1944 г., по некоторым сведениям, сумел спасти брата от расстрела нилашистами), а жена Райка, будучи участницей подпольного коммунистического движения, была связана с троцкистскими группами и имела репутацию троцкистки.

Компрометирующие Райка факты биографии были известны в Москве от унаследованных от распущенного в 1943 г. Коминтерна структур, обладавших информацией о положении в коммунистических и рабочих партиях и национально-освободительных движениях (так называемые НИИ № 100 и 205). Существовало к тому же предубеждение, что «движение Сопrotивления в Венгрии руководилось английской разведкой»¹⁰⁰, что, разумеется, бросало тень на одну из виднейших фигур в этом движении в 1943–1944 гг. Таким образом, Райк явно не был «человеком Москвы», а его деятельность с марта 1946 по август 1948 г. в должности министра внутренних дел Венгрии дала повод для нового недовольства со стороны советских спецслужб. В частности, уже в 1946 г. он попытался отодвинуть с руководящих постов в политической полиции тех венгерских коммунистов, которые находились ранее в СССР, воевали в советских партизанских отрядах, что привело к конфликту с Союзной контрольной комиссией (СКК), всецело контролируемой Советским Союзом. Он отказался также от создания института советских советников при министре внутренних дел, а в 1947 г., при ликвидации

¹⁰⁰ Справка канцелярии Секретариата Информбюро о Л. Райке (Март–апрель 1949 г.) опублик.: Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 2. С. 65.

СКК, потребовал передачи венгерскому МВД списков советской агентуры, находящейся в Венгрии (это не могло не быть воспринято как неслыханная дерзость). И тем не менее Москва терпела слишком самостоятельного и амбициозного Райка в роли министра внутренних дел побежденной и ждавшей определения своего послевоенного статуса Венгрии. Она это делала прежде всего в силу его активности в деле устранения из политической жизни противников компартии. Роль этого не слишком разборчивого в средствах политика в установлении коммунистической диктатуры в Венгрии была весьма велика, а его реальный облик мало походил на тот мифологизированный образ борца со сталинизмом, который возник в 1956 г., после реабилитации Райка, на реформаторской коммунистической волне, порожденной XX съездом КПСС.

Будучи сторонником жестких мер в борьбе с противниками коммунистов, Райк вместе с тем (хотя это может показаться парадоксальным) давал повод упрекать себя в недооценке партийного влияния в органах МВД. Так, в начале ноября 1947 г., во время пребывания Ракоши в СССР, он издал приказ о роспуске всех партийных организаций в полиции. Заметим, что там уже с 1945 г. преобладали коммунисты, поэтому приказ коснулся в первую очередь именно их. Тем самым министр внутренних дел, стремившийся ко всё большей самостоятельности, вступил в конфликт с руководством своей партии. Ракоши опасался слишком напористого и честолюбивого Райка, пытавшегося не только всецело подчинить себе политическую полицию (а значит, сделать ее потенциальным орудием в собственных политических играх), но и установить непосредственные связи с Москвой по линии спецслужб. В августе 1948 г., когда в Венгрии уже существовала монополия ВПТ на власть, Ракоши добился перевода Райка на пост министра иностранных дел, менее влиятельный в силу того, что Венгрия в тех условиях не обладала значительным полем для самостоятельных маневров на международной арене. На посту министра внутренних дел Райка сменил считавшийся в то время менее самостоятельным коммунистическим политиком Янош Кадар.

В аппарате ЦК ВКП(б) знали о Райке и как об активном стороннике сближения Венгрии с титовской Югославией. Впрочем, линия на активизацию всесторонних связей с Югославией, представительницей победоносной антифашистской коалиции, страной с резко возросшим за годы войны международным престижем и к тому же

быстро продвигавшейся по пути коммунистических реформ, вплоть до весны 1948 г., как уже отмечалось, была общей установкой руководства венгерской компартии, и Райк не выделялся на общем фоне. Известны более поздние, относящиеся к октябрю 1956 г., нашумевшие в то время вследствие сенсационной публикации¹⁰¹ свидетельства социал-демократа П. Юстуса, проходившего с Райком по одному судебному делу, но выжившего. Согласно Юстусу, весной 1948 г. Райк якобы выступил вразрез с позицией ВКП(б) и Ракоши, ратуя за сохранение близких отношений с Югославией и за венгерское посредничество в разрешении советско-югославского конфликта. Однако эти свидетельства не подтверждаются другими известными нам источниками. Более того, представляется, что верность Райка прежним проюгославским симпатиям сделала бы невозможным его назначение на пост министра иностранных дел в августе 1948 г., в условиях, когда внешнеполитическую ориентацию страны следовало резко изменить именно на югославском направлении.

Как бы то ни было, компрометирующих фактов было в биографии Райка достаточно, и при фабрикации в 1949 г. судебного дела охотно использовалось всё, что подтверждало конструируемую схему обвинений, в соответствии с которой Райк с 1931 г. был агентом венгерской охранки, а с 1943 г. — англо-американским шпионом, работавшим совместно с югославскими агентами тех же разведок. Таким образом, сложившееся к 1949 г. в Москве стойкое недоверие к Райку, как и его репутация последовательного приверженца венгерско-югославского сближения, делали его весьма удобной фигурой для выдвижения на роль главного подсудимого, причем именно на процессе по делу антиюгославской направленности. В условиях, когда Сталин ждал от «проштрафившихся» близостью к Тито венгерских коммунистов всё новых и новых свидетельств лояльности генеральной линии мирового коммунистического движения, организация такого процесса выглядела вполне закономерной.

Есть основания считать, что Ракоши задумал проведение суда по «делу» Райка, в определенной мере играя на опережение. Как уже говорилось, он знал, что и над ним могут сгуститься тучи. В Москве

¹⁰¹ Обзор оппозиционной венгерской печати от 15 октября 1956 г.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы / Ред.-сост. Е. Д. Орехова, В. Т. Серeda, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 310–314.

были хорошо информированы о том, что Ракоши, едва ли в меньшей степени (!), нежели Райк, в 1945–1947 гг. был активным protagonистом венгерско-югославской дружбы. Посол Г. М. Пушкин в мае 1949 г. выражал недовольство также стремлением Ракоши создать «ручную» политическую полицию, не имеющую связей с СССР («или, в крайнем случае, связь должна проходить только через него»). Кроме того, по словам Пушкина, Ракоши, в той мере, в какой это было возможно, внимательно следил за тем, чтобы в Москву не проникала нежелательная для него информация о положении в Венгрии¹⁰².

В этих условиях Ракоши приступил к подготовке большого судебного процесса, который призван был подтвердить наличие мощной югославской агентуры в венгерской компартии. Главным фигурантом судебного дела был избран Ласло Райк. Но внушавшие подозрение эпизоды нашлись и в биографии партийного аппаратчика Тибора Сёни, которого было решено «пристегнуть» к «делу» Райка. Находясь во время войны в эмиграции в Швейцарии, он, как и некоторые другие коммунисты, работавшие в пользу СССР, получал деньги от американской благотворительной организации, контролирующей шефом американской разведки в Европе Алленом Даллесом (будущим директором ЦРУ и родным братом будущего госсекретаря в администрации Д. Эйзенхауэра Джона Фостера Даллеса). Полученный весной 1949 г. новый компромат на Сёни, касавшийся его связей времен войны, стал отправной точкой в процессе фабрикации «дела» Райка.

Конкретные обстоятельства ареста Райка и подготовки судебного дела неоднократно становились предметом исследований¹⁰³. Заметим только, что на первых допросах Райк, арестованный 30 мая 1949 г., несмотря на жестокость обращения с ним, категорически отрицал какие-либо шпионские связи, отвергал все обвинения в свой адрес. Дело сдвинулось с мертвой точки лишь с приездом в Будапешт советских советников во главе с генерал-лейтенантом госбезопасности

¹⁰² РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 94. Л. 92.

¹⁰³ См., напр.: *Желицки Б. Й.* Трагическая судьба Ласло Райка. Венгрия 1949 г. // Новая и новейшая история. 2001. № 2, 3; *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953). М., 2002; *Петров Н. В.* По сценарию Сталина: роль органов НКВД-МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 гг. М., 2011 и др.

М. И. Белкиным, хорошо знавшим технологию фабрикации показательных процессов. По предложенной им новой версии «следствия», Райк впервые встретился с Тито в Париже, когда тот занимался формированием интербригад для помощи республиканской Испании, а с будущим шефом югославской госбезопасности Александром Ранковичем находился в лагере для испанских беженцев во Франции уже после победы генерала Франко в гражданской войне. Используя имевшиеся данные о реальных контактах Райка с югославскими коммунистами и не брезгуя домыслами (например, единственная реальная — рабочая — встреча двух министров внутренних дел соседних государств, Райка и Ранковича, состоялась на венгерско-югославской границе в конце 1947 г.), организаторы дела разработали версию, согласно которой Райк еще в 1930-х гг. установил прямые связи с югославскими агентами иностранных разведок, а позже сам был завербован вражескими разведками — сначала английской, затем американской, а к 1945 г. и югославской. Стремление к криминализации своих политических оппонентов Ракоши в полной мере унаследовал от фабрикаторов больших московских процессов 1930-х гг.: важно было показать, что его противники были не людьми идеи, а зурядными провокаторами, орудием в руках Тито и Ранковича (правда, как будет показано ниже, избранные методы разоблачения Райка в ходе процесса не всегда подходили для решения этой задачи). В соответствии с поставленными целями и разрабатывалась вся концепция обвинения. Как следует из документов, Ракоши был осведомлен о готовившемся в Болгарии процессе по «делу» Трайчо Костова. Оба разоблачительных процесса фабриковались параллельно и с участием советников из СССР, причем ставилась задача доказать, что Тито и Ранкович «хотели сделать в Болгарии на базе личности Костова то же, что сделали на базе личности Райка в Венгрии»¹⁰⁴.

Ко времени приезда в Будапешт Белкина и его команды недоверие к Ракоши в Москве сохранялось, в связи с чем советские «эксперты» испытывали определенное предубеждение против венгерского лидера. В ходе совместной работы возникали конфликты. Однако масштабный показательный процесс антиюгославской направленности был нужен Сталину для дальнейшей эскалации обвинений против Тито, для консолидации стран — сателлитов СССР

¹⁰⁴ Советский фактор в Восточной Европе. Т. 2. С. 177.

на антиюгославской платформе. Поэтому Ракоши предоставили возможность проявить себя, а сохранявшиеся в отношении него подозрения были отложены в запасники советской политики.

За подготовкой этого «дела» Райка всё более внимательно следили в Кремле, конкретные детали обсуждались в относящейся к августу–сентябрю 1949 г. переписке Сталина и Ракоши¹⁰⁵, а также во время приема Ракоши советским руководителем¹⁰⁶. Судя по имеющимся документам, у венгерского коммунистического лидера непросто складывались отношения с послом Пушкиным, отзыв которого из страны в первой половине лета совпал с активизацией работы по фабрикации дела. Еще в середине мая 1949 г. посол жаловался эмиссару Информбюро С. Г. Заволжскому на то, что Ракоши по сути дела запретил политической полиции заниматься разработкой троцкистов и других враждебных лиц в партии, что слишком большое доверие оказывается коммунистам, вернувшимся в Венгрию с Запада, тогда как в аппарате МИДа до сих пор остаются неразоблаченными явные шпионы¹⁰⁷. На самом деле в эти дни уже началась волна арестов, захватившая среди прочего и коммунистов, приехавших с Запада, и работников МИДа.

Процессом по «делу» Райка Ракоши, таким образом, стремился убить сразу двух зайцев — избавиться от опасного конкурента и выслужиться перед Сталиным, развеяв, насколько это было возможно, его недоверие. Не меньшую активность в реализации дела Райка проявил его давний соперник, влиятельный министр обороны и заместитель генерального секретаря ЦР ВПТ М. Фаркаш. Есть основания считать, что именно ему первому пришла в голову идея сделать Райка главной фигурой большого показательного процесса. Это дало возможность Ракоши уже после XX съезда КПСС, весной 1956 г.,

¹⁰⁵ См. публикацию, подготовленную на основании венгерских архивов: *Rainer M. J. Távirat "Filippov" elvtársnak. Rákosi Mátyás üzenetei Sztálin titkárságának, 1949–1952 // 1956-os Intézet Évkönyv. VI. Budapest (далее — Вр.), 1998. О. 103–118.*

¹⁰⁶ Венгерский коммунистический лидер отразил это в своих воспоминаниях — «Людам свойственно ошибаться» (Исторический архив. 1997. №3. С. 131). Все встречи Ракоши со Сталиным, происходившие в кремлевском кабинете Сталина, нашли отражение в дневнике посетителей. К периоду подготовки суда над Райком относится продолжавшаяся более двух часов встреча 20 августа (На приеме у Сталина. Традиции (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.) / Науч. ред. А. А. Чернобаев. М., 2008).

¹⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 94. Л. 92–95.

в условиях активизировавшихся нападков со стороны внутривластной оппозиции, попытаться переложить главную ответственность за суд над Райком с себя именно на Фаркаша.

Усилиями генерала Белкина и его сподручных концепция будущего процесса постепенно обретала свои очертания, и антиюгославская составляющая в ней усиливалась. Приданию «делу» Райка антититовской направленности способствовало подключение к нему югославского «коминформовца» Лазара Бранкова, который был специально доставлен из Москвы. Согласно выработанной концепции, Бранков не только активно вербовал агентуру в Венгрии для подрывной работы в пользу Югославии, именно через него как посредника осуществлялась связь Райка и его сообщников в высших органах власти Венгрии с Тито и Ранковичем в целях свержения действующего и образования проюгославского правительства.

Наряду с антиюгославской сохраняла, впрочем, актуальность и антиамериканская составляющая следственно-судебной конструкции, которую обеспечивал арестованный в мае 1949 г. в Праге и доставленный по настоянию Ракоши в Будапешт левый американский журналист Ноэль Фильд, одно время сотрудничавший с советской разведкой. Именно руководимая Фильдом в годы войны благотворительная структура, находившаяся в Швейцарии, с санкции ЦРУ перечисляла средства восточноевропейским коммунистам, борющимся с нацизмом. Согласно разработанной версии, Райк якобы был завербован американскими спецслужбами в лице Фильда и после освобождения из концлагеря получил задание вернуться на родину с тем, чтобы сразу же приступить к дезорганизации коммунистического движения. Его связи как с американцами, так и с югославами были, по замыслу, звеньями единой разведывательной сети. При отборе действующих лиц показательного процесса учитывались любые биографические детали, подтверждавшие связи с Югославией. Так, один из главных осужденных, бывший заведующий отделом кадров в центральном аппарате венгерской компартии уже упомянутый Т. Сёни вернулся в Венгрию в 1945 г. из Швейцарии через Югославию, имел определенные связи в этой стране, которым была дана соответствующая интерпретация, подтверждавшая сконструированную версию о шпионской деятельности. Широко использовались против Райка показания руководителя пресс-службы МВД, участника гражданской войны в Испании Ш. Череснеша, которому в 1945 г. разведка югославских

партизан действительно предлагала заняться в Венгрии агентурной работой; сам Череснеш, вернувшись в Венгрию, уведомил компартию о своих югославских контактах. Что касается Райка, то его упомянутая выше единственная встреча с Ранковичем в конце 1947 г. интерпретировалась как важнейший этап в подготовке «заговора».

Волна арестов началась в Венгрии в конце мая 1949 г. На сей раз ее жертвами стали не члены конкурирующих партий, включая союзников и попутчиков ВПТ, как это бывало после 1945 г., а высокопоставленные функционеры самой правящей партии, а также представители генералитета, близкие к компартии. В ходе следствия по «делу» Райка допросам подверглись около 200 чел., в том числе большая группа генералов и офицеров (одновременно велась подготовка «дела» о «военном заговоре» во главе с генералом Д. Палфи). В соответствии с разработанной версией действия группы проюгославски настроенных генералов при прямой военной поддержке маршала Тито и усилия партийно-государственных функционеров во главе с Райком рассматривались как звенья одной цепи. Конечная цель «заговорщиков» — захват власти, устранение правящей верхушки во главе с Ракоши, отрыв Венгрии от СССР, установление проюгославского режима, а затем и реставрация в стране капиталистических порядков¹⁰⁸.

Политический спектакль по «делу» Райка начался 16 сентября 1949 г. во Дворце профсоюза металлистов в Будапеште. 47 корреспондентов коммунистической и левой печати из 14 стран получили разрешение присутствовать на процессе, югославские журналисты не были допущены в зал заседаний. В качестве корреспондента газеты «Правда» процесс в «нужном» духе освещал лауреат Сталинской премии писатель Борис Полевой.

В опубликованном еще 10 сентября обвинительном заключении подсудимым инкриминировалось руководство организацией, ставившей своей целью свержение народно-демократического строя, ликвидацию независимости Венгрии при вооруженной поддержке

¹⁰⁸ Читаем в докладной записке С.Г. Заволжского в Секретариат Информбюро от 11 июля, написанной по итогам бесед с Ракоши и Фаркашем: «План арестованной группы заключался в том, чтобы в удобный момент свергнуть руководство партии, собрать чрезвычайную партийную конференцию из своих сторонников и поставить во главе партии и правительства Райка» (Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 2. С. 179).

«банды Тито», отрыв страны от СССР. «Дело» Райка было представлено как заговор международного масштаба, все обвиняемые признали себя виновными, выступив в соответствии со сценарием с четко прописанными, заученными речами. В признаниях акцент был сделан на югославские связи, выступавшие ссылались на якобы имевшие место непосредственные указания Тито и Ранковича, которые в свою очередь согласовывали свои планы с «американскими империалистами». Югославские связи «банды Райка» персонифицировала на процессе очень удобная фигура Бранкова (тоже сидевшего на скамье подсудимых и приговоренного к пожизненному заключению — его, как и Череснеша, решено было «приберечь» для новых разоблачений югославских деяний), который, как «выяснилось», завербовал в 1945 г. Райка в югославскую разведку, зная о его симпатиях к Тито. С каждым днем, по мере выступлений подсудимых всплывали всё новые и новые факты, подтверждавшие «коварные замыслы» югославских лидеров — причем в отношении не только Венгрии, но и других стран. Тесные связи Венгрии с Югославией в 1945–1947 гг., планы дунайского и балканского сотрудничества с участием Венгрии — всё это подавалось как результаты сознательной подрывной работы Райка и его приспешников, завербованных Белградом.

Судебные приговоры были согласованы со Сталиным, который поначалу, в августе 1949 г., в ходе контактов с Ракоши и вышеупомянутой переписке счел целесообразным предоставить своим венгерским вассалам право самим вынести приговор. Но в письме от 22 сентября в свете прозвучавших на показательном процессе признаний четко сформулировал свое мнение: «Считаю, что Л. Райка надо казнить, так как любой другой приговор в отношении Л. Райка не будет понят народом»¹⁰⁹. По сути дела, именно Сталин решил судьбу Райка, хотя иногда, разыгрывая свой собственный спектакль, он давал понять Ракоши, что предоставляет венгерской стороне самостоятельность в ведении следствия и выборе меры наказания. Детали действительно определялись Ракоши и его советниками из совет-

¹⁰⁹ Желицки Б. Й. Трагическая судьба Ласло Райка. С. 181. Документ также приводится и анализируется в послесловии В. Середы: *Серета В. Послесловие // Сас Б. Без всякого принуждения. История одного сфабрикованного процесса. М., 2003. С. 259–270. С. 270. См. также примечания к воспоминаниям М. Ракоши «Людьми свойственно ошибаться». С. 155.*

ских спецслужб. Это касалось и подбора «актеров» на определенные роли (в том числе судей и адвокатов). Источники свидетельствуют о многочисленных конкретных указаниях Ракоши, например, подобрать на роль адвоката «еврея неприятной наружности», неспособного вызвать симпатию у большинства присутствующих в зале суда. Об этом хорошо известно, в частности из относящихся к 1956 г. показаний Г. Петера, шефа венгерской политической полиции, впоследствии арестованного¹¹⁰.

Ласло Райк до самого конца процесса послушно играл роль, отведенную ему по сценарию. В последнем слове он осудил Тито и его «американских хозяев». Главный обвиняемый временами проявлял чрезмерную готовность признать собственные преступления и, более того, служить рупором для изложения коминформовской версии событий, что лишало официальную версию даже минимума убедительности и заставило многих западных (и югославских¹¹¹) наблюдателей решительно усомниться в достоверности показаний, подозревая «инсценировку», проводить при этом параллели с большими московскими процессами 1936–1938 гг., организованными, кстати, менее «топорно». По сообщениям западных посольств, многие венгерские коммунисты верили в невиновность Райка, который был довольно популярен в партийной среде¹¹². В свою очередь люди, далекие от партии, зачастую оставались безразличны к процессу, считая его внутренней разборкой в среде коммунистов.

Что заставляло людей оговаривать себя? В этом пытался позднее разобраться один из оставшихся в живых подсудимых, бывший зав. отделом печати МИД Венгрии и талантливый публицист Бела Сас в известной книге «Без всякого принуждения», написанной

¹¹⁰ Письмо Г. Петера в комиссию по расследованию дела М. Фаркаша (весна 1956 г.) см.: Сас Б. Без всякого принуждения. С. 266–268.

¹¹¹ Интересен отклик наиболее влиятельного венгероязычного писателя Югославии Эрвина Шинко, отраженный в эссе под характерным названием «Те, кто не знает стыда, или Публичное воскресение отца Эскобара». Автор во второй половине 1930-х гг. около года провел в Москве, будучи непосредственным свидетелем одного из больших знаковых процессов (*Кимура К., Стыкалин А. С., Якименко О. А.* Дело Райка 1949 г.: взгляд из Югославии // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. Вып. II. Ставрополь, 2016. С. 259–273).

¹¹² Об отклике западных дипломатических служб на «дело» Райка см.: Желицки Б. Й. Трагическая судьба Ласло Райка. С. 178–179.

и впервые опубликованной в эмиграции¹¹³. Несомненно, наряду с угрозами и физическим воздействием применялись и другие средства — стремление сыграть на коммунистической убежденности Райка, Бранкова и др., убедить их в том, что своими признаниями они окажут неоценимую услугу коммунистическому движению. Процесс нужен был для свержения власти Тито, и ради этого убежденных коммунистов просили взять вину на себя ввиду сложной международной обстановки. При этом нельзя исключать, что организаторы процесса обещали сохранить подсудимым жизнь и в отношении некоторых выполнили свое обещание.

В советских внешнеполитических структурах не было полной удовлетворенности проведенным показательным процессом. Сотрудник Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б), курировавший Венгрию, С. Г. Заволжский, констатировав решение задачи по разоблачению Тито, вместе с тем выразил недоумение в связи с нелепостью отдельных сцен процесса, заставлявших усомниться в справедливости обвинений и достоверности всей системы доказательств. Ему не понравилось, в частности, что некоторым подсудимым, и в первую очередь самому Райку, «удалось разыграть из себя на процессе политических деятелей, идейных людей. Часто Л. Райк выступал на процессе не как свидетель, а как лектор, дающий марксистский анализ прошедших событий. Вряд ли целесообразно было давать подсудимым политически разглагольствовать, а тем более, когда преступники начали в своих выступлениях агитировать за Советский Союз, за вождя трудящихся М. Ракоши и т. д. Средний человек, слушая такое выступление, мог подумать, что это инсценировка»¹¹⁴. Сомнений на этот счет, кстати, не было и у многих восточноевропейских коммунистов. Так, в одном из документов советского посольства в Белгра-

¹¹³ Сас Б. Без всякого принуждения. История одного сфабрикованного процесса. М., 2003. Журналист и редактор Бела Сас (1910–1999), участник нелегального коммунистического движения в Венгрии 1930-х гг., в 1937–1946 гг. находился в эмиграции во Франции и Аргентине. Арестован в Венгрии в мае 1949 г., освобожден по амнистии в 1954 г. 6 октября 1956 г. выступил с яркой речью на торжественной церемонии перезахоронения Ласло Райка, реабилитированного еще в ноябре 1955 г. После драматических октябрьско-ноябрьских событий 1956 г. эмигрировал, работал в эмигрантской прессе и на ВВС. Книга «Без всякого принуждения», анализирующая механизмы судебного процесса 1949 г., была опубликована в 1963 г. Переведена на несколько языков.

¹¹⁴ Докладная записка С. Г. Заволжского в Секретариат Информбюро от 29 сентября 1949 г. (Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 2. С. 231–232).

де от 30 сентября 1949 г. указывалось, что чехословацкие дипломаты в частных беседах со своими румынскими коллегами рассматривали процесс по «делу» Райка как инсценировку, главную роль в подготовке которой сыграли московские «эксперты». «При этом они заявляют в частных беседах, что эта инсценировка подготовлена очень плохо, что в ней не сходятся концы с концами, что ряд фактов, приводимых на процессе, явно неправдоподобны и вообще процесс совершенно недокументирован»; большие московские процессы также могли быть инсценированными, однако там всё же фигурировали более убедительные факты¹¹⁵.

Смертные приговоры Л. Райку, Т. Сёни, А. Салаи, вынесенные 24 сентября, были приведены в исполнение 15 октября 1949 г. Фаркаш предлагал такую меру для всех подсудимых, но более предусмотрительный Ракоши с этим не согласился, исходя из сугубо прагматических соображений — он вынашивал замысел новых процессов. По его мнению, в частности, Л. Бранкову необходимо было, как уже отмечалось, сохранить жизнь для дальнейшего разоблачения «клики Тито» и ее венгерской агентуры¹¹⁶ (эта задача отнюдь не считалась полностью решенной), а деятелю социал-демократии П. Юстусу — для разоблачения некоторых бывших социал-демократов. Была сохранена жизнь и Ш. Череснешу — его как человека, обладавшего широкими, причем реальными, а не выдуманными, югославскими связями, также оставили в живых для получения нового компромата на Тито.

Не мифический, как Райк, а вполне реальный враг венгерского коммунистического режима кардинал Йозеф Миндсенти, за полгода до этого поносившийся министром иностранных дел Райком на пресс-конференции по случаю судебного процесса, приговорившего кардинала к пожизненному заключению, мог теперь наблюдать за его казнью из окна своей тюремной камеры, что отразил впоследствии в воспоминаниях¹¹⁷.

¹¹⁵ Советский фактор в Восточной Европе. Т. 2. С. 176.

¹¹⁶ Л. Бранков был освобожден из заключения в начале апреля 1956 г. и тут же депортирован из Венгрии. Поселиться предпочел не в Югославии, где был нежелательной фигурой в силу своей причастности к коминформовскому движению, а во Франции. Состоял во французской компартии, умер в 2011 г., не дожив нескольких месяцев до 100-летия. В середине 1980-х гг. посетил Венгрию, был принят Я. Кадаром, с которым более двух часов беседовал о делах давно минувших дней.

¹¹⁷ *Mindszenty J. Emlékirátaim*. Bp., 1990.

В дни процесса по «делу» Райка югославская пресса и агентство ТАНЮГ выступили с опровержением обвинений в адрес белградского руководства. Так, еще накануне первого заседания суда, 15 сентября, газета «Борба» опубликовала протест 100 ветеранов югославской компартии — «интербригадистов» в Испании по поводу предъявленных в предварительно опубликованном судебном заключении обвинений в адрес югославских лидеров. Среди подписантов был и К. Мразович, действующий посол Югославии в СССР, находившийся в то время в Белграде. В обвинительном акте по «делу» Райка было указано, что Мразович занимался «шпионской провокационной деятельностью в Испании и затем в концлагере», был тесно связан с Райком и позже организовал (уже в роли посла в Венгрии) тайную встречу Райка с Ранковичем в октябре 1948 г., на которой будто бы обсуждался план вооруженной оккупации Югославией части венгерской территории и «физического уничтожения» отдельных членов венгерского правительства (после этой публикации Мразович был объявлен в СССР персоной *non grata*, ему было запрещено возвращение в Москву)¹¹⁸.

С обвинениями в адрес югославо́в был связан серьезный «прокол» на показательном процессе: в выступлениях некоторых обвиняемых, в том числе самого Райка, был назван ряд членов КПЮ, которые якобы воевали вместе с Райком в Испании. В частности, был упомянут видный деятель КПЮ (а позже СКЮ), многолетний член ее руководства Светозар Вукманович-Темпо¹¹⁹, который на самом деле в Испании не был. Всё это не только давало югославам повод для громких протестов, но и указывало лишний раз на явную надуманность обвинений, направленных на то, чтобы подлить масла в огонь антиюгославской истерии. Именно в таком ключе и комментировала процесс по делу Райка западная и югославская пресса¹²⁰.

¹¹⁸ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 2. С. 216–217.

¹¹⁹ «Прокол» с Вукмановичем, ставивший под сомнение правдоподобность всей обвинительной конструкции, хорошо осознавался и в советской элите, что обнаружилось вскоре после смерти Сталина. В докладе Н. С. Хрущева на июльском пленуме ЦК КПСС 1955 г., посвященном поездке в Белград в целях нормализации советско-югославских отношений, приводится следующий эпизод: «Между прочим, когда мы ехали в машине вместе с т. Вукманович-Темпо (это очень непосредственный человек), он нам сказал: “Я, по утверждению вашей печати, шпион и убийца и завербован, как это писали, во время пребывания в Испании. Но ведь в Испании я никогда не был...”» (Исторический архив. 1999. № 2. С. 42).

¹²⁰ С. Г. Заволжский в служебной записке от 29 сентября 1949 г. следующим образом комментирует этот «прокол»: «Суд прошел мимо таких фактов, когда Райк, может

Процесс по делу Райка проходил в самый разгар холодной войны, в условиях, когда господствовал принцип «кто не с нами — тот против нас» и западные интеллектуалы были поставлены перед выбором — быть другом (а значит, апологетом) или врагом сталинского СССР. Многие симпатизанты коммунистического движения предпочитали закрывать глаза на явные изъяны версии обвинения, необъяснимость организованного политического спектакля, объяснять политическую целесообразность проведенного действия необходимостью разоблачения главного сталинского врага — маршала Тито. Альтернативой такой позиции было одно: открыто порвать с компартиями, левыми, просоветскими движениями, а значит, быть объявленным ренегатом. И такие случаи были.

Граф Михай Каройи, первый президент Венгерской республики в 1918–1919 гг., а с 1947 г. посол Венгрии в Париже, настойчиво пытался убедить свое правительство в том, что открытый процесс по «делу» Райка сильно ударит по репутации Венгрии в мире, а когда убедился в бесперспективности своих усилий, подал в отставку. В конце августа он еще раз приехал в Будапешт, но услышал лишь циничное предложение Ракоши понаблюдать за процессом с галерки. Герё, приняв Каройи, не менее цинично ему заявил, что дело, собственно говоря, не в виновности или невиновности Райка, а в том, что югославская схизма представляет угрозу для мирового коммунистического движения и для ее искоренения хороши все средства. Выехав, теперь уже навсегда, во Францию, Каройи 13 октября 1949 г. отправил в Будапешт телеграмму с предложением о повторном слушании дела, но не был удостоен ответа, после чего леволиберальный по своим убеждениям граф предал ее гласности. Режим Ракоши объявил Каройи своим заклятым врагом (Райка же поспешили казнить). Ушел в отставку (с поста атташе посольства Венгрии во Франции) и зять Каройи Золтан Сабо, впоследствии один из виднейших публицистов венгерской эмиграции. Ференц Фейтё, позднее ведущий французский эксперт

быть с провокаторской целью, назвал ряд югославских государственных деятелей как лиц, якобы бывших с ним в Испании и в лагерях во Франции, когда на самом деле они никогда там не находились. Венгерские товарищи, не уточнив этого факта, опубликовали сказанное Райком в печати. Это дало в руки клике Тито единственный козырь заявлять, что судебный процесс в Будапеште — инсценировка, направленная на клевету югославского правительства» (Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 2. С. 232).

по восточноевропейским делам Франсуа Фейто (а в 1949 г. пресс-атташе венгерского посольства), участвовал в левых движениях хортистской Венгрии, был лично знаком с Л. Райком еще с 1930-х гг. Он также порвал с дипломатической службой, а в ноябре 1949 г. выступил в левой газете «Эспри» со статьей под заголовком «Дело Райка: международное дело Дрейфуса». В статье автор убедительно показал, что весь процесс был сконструирован, главная же его функция — довести до сознания общества идею о том, что «вне советской модели нет благодати»¹²¹.

Между тем проявленная Ракоши инициатива организации большого судебного процесса по делу Райка, видимо, прибавила ему самоуверенности — амбициозный венгерский коммунистический политик претендовал на главную роль в проведении антиюгославской кампании в масштабе всей Восточной Европы, рассчитывал стать «первой скрипкой» в дирижируемом Сталиным оркестре. С этим связаны и направленные им в Прагу и Варшаву «для информации» показания на некоторых видных деятелей этих партий, выбитые из Райка и других подсудимых (в этом списке фигурировал даже временно попавший в опалу виднейший деятель польского коммунистического движения Владислав Гомулка). Некоторые из этих показаний оказались впоследствии востребованными в острой и подчас кровавой внутрипартийной борьбе.

Вынесение смертных приговоров по «делу» Райка 24 сентября 1949 г. привело к дальнейшей эскалации напряженности в отношениях между Югославией и странами формирующегося советского блока. Уже 27 сентября Будапешт потребовал от Белграда отзыва 10 членов югославской миссии в течение 24 часов¹²². В конце сентября сначала СССР, а затем и Венгрия, а также другие страны «народной демократии» расторгают в одностороннем порядке договоры о дружбе и сотрудничестве с Югославией. Белград сразу же выступил с жесткими антисоветскими заявлениями. Международный резонанс имело, например, заявление видного деятеля КПЮ Моше Пьяде о том, что нельзя считать свободной страну, экспортирующую виселицы.

В свете процесса по «делу» Райка прежние обвинения в адрес югославов уже казались Сталину недостаточными. 16–19 ноября 1949 г. в Будапеште состоялось третье (последнее) совещание Коминформа,

¹²¹ См.: Társadalmi Szemle. Budapest, 1990. N 12.

¹²² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1152. Л. 22.

принявшее резолюцию «Компартия Югославии во власти убийц и шпионов». В ней утверждалось, что руководство Югославии установило в стране фашистскую диктатуру и является «наймитом империалистической реакции». Борьба против него была объявлена одной из важнейших задач коммунистических партий и всех «прогрессивных сил» в мире. Ставился вопрос о целесообразности создания в Югославии новой, подпольной компартии, которая была бы «революционной и интернационалистической», способной на «решительную борьбу» за освобождение «от ига узурпаторов». После третьего совещания Коминформа в странах советского блока поднялась кровавая волна репрессий, в каждой из них искали своих «Райков».

Следствием процесса явилась резко возросшая напряженность на венгерско-югославской границе. Югославы, опасаясь провокаций, придвинули к границе с Венгрией дополнительные воинские соединения. Венгерское правительство, в свою очередь, попросило СССР увеличить советский воинский контингент, находившийся на территории Венгрии в соответствии с Парижским мирным договором 1947 г. для поддержания коммуникаций с советской зоной оккупации в Австрии, и эта просьба была выполнена. Численность венгерской армии также увеличивается вопреки положениям Мирного договора. Как писал Ракоши в мемуарах, «югославы, вполне понятно, ожесточенные тяжелыми и, как потом выяснилось, беспочвенными обвинениями в свой адрес, которые прозвучали во время процесса, с пеной у рта нападали на нас и, в особенности, на меня лично. Отношения с ними всё более ухудшались, один инцидент следовал за другим»¹²³.

Таким образом, интенсивное многостороннее сотрудничество, наладившееся к весне 1948 г., в течение считанных месяцев с обеих сторон уступило место крупномасштабным идеологическим акциям разоблачительной направленности, осуществлявшимся в соответствии с актуальным политическим заказом. Нанесенные при этом Югославии психологические травмы оказались настолько тяжелыми, что весьма затруднили новый процесс взаимного сближения, начавшийся в середине 1950-х гг., после смерти Сталина¹²⁴.

¹²³ «Людям свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши. С. 132–133.

¹²⁴ Подробнее см.: *Стыкалин А. С.* Советско-югославское сближение. С. 323–345.

А. С. Гладышева

Советско-югославский конфликт и Румыния: вовлечение в полемику. 1948–1956 гг.

Как одна из стран «социалистического лагеря», Румыния в 1948 г. была вовлечена в советско-югославский конфликт. На ее участие и роль в конфликте существенно влиял ряд факторов. Во-первых, наличие в Румынии большой сербской диаспоры в Банате, в непосредственной близости от румыно-югославской границы, и исторически сложившиеся тесные контакты сербского населения по обе стороны границы, насильственно прерванные с началом конфликта. Во-вторых, транзит через Румынию начиная с лета 1948 г. одного из потоков беженцев из ФНРЮ, и в том числе уходивших в эмиграцию «информбюровцев», активно использовавшихся в антиюгославской пропаганде СССР и его союзниками. В-третьих, необходимость совместного решения, независимо от состояния румыно-югославских отношений, проблем судоходства по Дунаю как международной водной артерии, в частности в месте сужения реки у Железных ворот. В-четвертых, пребывание в Бухаресте со второй половины 1948 г. структур Коминформа, являвшегося важным инструментом в осуществлении сталинской политики на югославском направлении.

О доверии Москвы к коммунистическому руководству Румынии на начальном этапе советско-югославской полемики свидетельствовал тот факт, что именно румынскому лидеру Георги Георгиу-Дежу было поручено выступить с главным докладом на третьем, этапном, совещании Коминформа в ноябре 1949 г. в Будапеште, на котором КПЮ была названа партией, находившейся в руках «убийц и шпионов». Вместе с тем в Румынии так и не был проведен большой показательный судебный процесс антиюгославской направленности,

подобный процессам по делам Ласло Райка в Венгрии, Трайчо Костова в Болгарии, Кочи Дзодзе в Албании. Это облегчило процесс нормализации двусторонних румыно-югославских отношений после смерти И. В. Сталина, хотя они и оказались сильно подорваны в 1948–1956 гг. и длительное время испытывали на себе тяжелый груз прошлого.

При изучении заявленной темы автор опиралась на материалы Отдела ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями, сохраняемые в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28), Информационного бюро коммунистических и рабочих партий (Российский государственный архив социально-политической истории – РГАСПИ. Ф. 575), референтуры по Румынии (Архив внешней политики Российской Федерации – АВП РФ. Ф. 0125) и Внешнеполитического отдела ЦК РРП и Канцелярии ЦК РРП (Национальный исторический архив Румынии – ANIC)¹.

В отечественной историографии значительный вклад в изучение советско-югославского конфликта и процесса нормализации двусторонних отношений внесли Л. Я. Гибианский, Ю. С. Гиренко, А. С. Аникеев, А. Б. Едемский и С. А. Романенко². Но комплексного исследования, посвященного вовлечению Румынии в советско-югославскую полемику, пока не существует. Об интересе румынских исследователей к истории конфликта свидетельствует публикация в 2007 г. сборника

¹ Автор выражает глубокую благодарность А. С. Стыкалину и румынским коллегам В. Буге и К. Диаку, поделившимся своими материалами и архивными находками по исследуемой теме.

² Гиренко Ю. С. Сталин–Тито. М., 1991; Гибианский Л. Я. 1) К истории советско-югославского конфликта 1948–1953: секретная советско-югославо-болгарская встреча в Москве 10 февраля 1948 года // Советское славяноведение. 1991. № 3. С. 12–23; № 4. С. 27–36; Славяноведение. 1992. № 3. С. 35–51; 2) Секретная советско-югославская переписка 1948 года // Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 119–136; 3) Проблемы международно-политического структурирования в Восточной Европе в период формирования советского блока в 1940-е гг. // Холодная война: новые подходы, новые документы. М., 1995. С. 99–126; 4) Кризис в советско-югославских отношениях в 1948 г. // Осмысление истории. М., 1996. С. 123–134; 5) Политика Сталина в Восточной Европе, Коминформ и первый раскол в советском блоке // Советское общество: будни холодной войны: Материалы «круглого стола». М.–Арзамас, 2000. С. 152–179; Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002; Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008; Романенко С. А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе. От начала XX в. до 1991 г. М., 2011.

документов о первых годах полемики³. Том предваряет обстоятельная вступительная статья акад. Ф. Константиniu, который анализирует позицию румынского руководства в свете разногласий Москвы и Белграда. Позднее был опубликован ряд новых документов о румыно-югославских отношениях в 1948–1956 гг. и участии Румынии в конфликте⁴. Румынскими историками тщательно изучались положение сербов Баната в годы конфликта, шпиономания, охватившая страну, процесс нормализации румыно-югославских отношений⁵. Интерес к данной проблематике возник в последние годы и среди молодых ученых⁶.

Истоки вовлечения Румынии в советско-югославский конфликт восходят к заключительному этапу Второй мировой войны, когда страна оказалась в сфере интересов Москвы, а динамика внутривнутриполитического процесса на этапе народной демократии (1944–1948 гг.) имела много общего с развитием других стран советской сферы влияния⁷.

³ Schisma roșie: România și declanșarea conflictului sovieto-iugoslav (1948–1950) / Ed. Fl. Constantiniiu, A. Pop. București, 2007.

⁴ Istoria comunismului din România: documente. Perioada Gheorghe Gheorghiu-Dej (1945–1965) / Eds. De M. Berindei, D. Dobrinu, A. Goșu. București, 2009; Gh. Gheorghiu-Dej la Stalin: stenograme, note de convorbire, memorii: 1944–1952 / Eds. D. Catanuș, V. Buga. București, 2012; *Croitor M., Borșa S.* Triunghiul suspiciunii. Gheorghiu-Dej, Hrușciov și Tito, 1954–1964. Cluj-Napoca, 2014. Vol. II: Gheorghe Gheorghiu-Dej, Hrușciov și Tito (1954–1964). Documente; «Procesul titoismului» în România (1950): documente. Iași, 2015.

⁵ *Buzatu G., Chrițoiu M.* Procesul «titoștilor» // Document. Buletinul Arhivelor Militare Române. 1999. N 1. P. 48–49; *Analele Sighet* 7. Anii 1949–1953: mecanismele terorii. București, 1999; *Martin V.* Revoluționarii iugoslavi anti-titoști din România // *Argessis. Studii și Comunicăii. Ser. Istorie.* 2002. T. XI. P. 434–435; *Milin M., Stepanov L.* Sârbii din România în Golgota Bărăganului. Timișoara, 2003; *Milin M., Milin A.* Sârbii din România și relațiile româno-iugoslave (studii și documente, 1944–1949). Timișoara, 2004; *Cătznue D.* Reluarea relațiilor romano-iugoslave. Vizita lui Tito la București // *Arhivele totalitarismului.* 2004. N 3–4. P. 72–86; *Ilinca A., Bejenaru L. M.* Spiono-manie ei controlul informațiilor on perioada slatinizării României (1948–1953) // *Studii și materiale de istorie contemporană.* București, 2006. Vol. 5. P. 121–152; *Stanciu C.* Devotați Kremlinului: alinierea politicii externe românești la cea sovietică în anii '50. București, 2008; *Croitor M., Borșa S.* Triunghiul suspiciunii. Gheorghiu-Dej, Hrușciov și Tito, 1954–1964. Cluj-Napoca, 2014. Vol. I.

⁶ В 2011 г. в Клузском университете С. Ионица защитила диссертацию на тему «Румыно-югославские отношения в 1950–1970 гг.» (*Ionița S.* Relațiile româno-iugoslave în perioada 1950–1970: Teza de doctorat. Cluj-Napoca, 2011), а два года спустя в Констанце прошла защита Л. М. Херцы, которая представила работу «Румыно-югославские отношения: от конфликта к сотрудничеству (1945–1956)» (*Herța L. M.* Relațiile româno-iugoslave de la conflict la cooperare (1945–1956): Teza de doctorat. Constanța, 2013).

⁷ Подробнее о влиянии советского фактора на внешнюю политику Румынии см., напр.: *Catanuș D.* Relațiile externe ale României și influența factorului sovietic asupra acestora în primele două decenii postbelice // *Studii și materiale de istorie contemporană.*

Поворотным моментом в истории Румынии, предопределившим ее дальнейшую политическую судьбу, стали события 23 августа 1944 г. Разорвав при поддержке короля Михая I союз с Германией и заключив 12 сентября 1944 г. перемирие со странами антигитлеровской коалиции, Румыния продолжила войну на стороне последней. «Процентное соглашение» между У. Черчиллем и И. В. Сталиным о разделе сфер влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе, достигнутое в октябре 1944 г., отводило СССР доминирование в румынских делах⁸.

Малочисленная Румынская коммунистическая партия (КПР), вышедшая из подполья, не обладая широкой социальной базой, при поддержке Москвы начала активно внедряться в политическую жизнь страны. Заместитель наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинский в ходе «рабочих» визитов в Бухарест пытался повлиять на определение главного вектора развития Румынии, разыграв трансильванскую «карту»: приход к власти правительства левых сил гарантировал восстановление румынской администрации в Трансильвании⁹. 6 марта 1945 г. к рулю управления страной был приведен устроивший Москву кабинет Петре Грозы, в котором большинство портфелей получили представители левых сил, объединенные в Национально-демократический фронт (НДФ), и спустя три дня в Северной Трансильвании была восстановлена румынская администрация.

Важную роль в укреплении позиций левых сил сыграла деятельность Союзной контрольной комиссии (СКК) под руководством маршала Р. Я. Малиновского, функционировавшей вплоть до подписания мирного договора в 1947 г. Фактором, благоприятствовавшим консолидации новой власти, было и присутствие на территории Румынии Красной Армии. Москва оказывала левому правительству экономическую помощь. Подписание в мае 1945 г. торгового

București, 2002. Vol. I. P. 201–236; Anton M. *Ieșirea din cerc. Politica externă a regimului Gheorghiu-Dej*, București, Institutul Național pentru Studiul Totalitarismului, 2007.

⁸ *Ржевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискусии: Документы и комментарии 1941–1945. М., 2004. С. 418–429.

⁹ См. подробнее: Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест, 1944–1946: Из истории советско-румынских отношений. Документы российских архивов / Под ред. Т. А. Покивайловой. М., 1998; Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы российских архивов / Отв. ред. Т. М. Исламов. М., 2000; *Исламов Т. М., Покивайлова Т. А.* Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 годы. М., 2008.

соглашения ознаменовало собой переориентацию экономических связей королевской Румынии на СССР.

В первые послевоенные годы Румыния активно развивала сотрудничество с соседней Югославией, поддерживались тесные контакты между населением приграничных районов. Еще по Трианонскому договору с Венгрией в 1919 г. восточная часть Баната вошла в состав Румынии, была установлена общая граница с Королевством сербов, хорватов, словенцев. Подданными Румынии оказались сербские, венгерские и немецкие (швабы) жители этой территории, по-прежнему сохранявшие тесные культурные и семейные связи с сербской частью Баната. Расторгнутые в мае 1941 г. дипломатические отношения между двумя странами не мешали контактам сербского населения, проживавшего по обоим берегам Дуная и в сухопутном пограничье. 970 румынских сербов в годы Второй мировой войны воевали в составе партизанских отрядов Й. Броз Тито, в том числе и в сербской части Баната¹⁰.

Симпатии сербского населения Румынии к сражавшейся Югославии были обусловлены исторической памятью народа о единстве Баната в границах Австро-Венгерской империи. Думая о будущем, славянское население пограничных с Югославией районов считало возможным объединение Баната в составе только славянского государства. В этих условиях многовековые внутрирегиональные связи учитывались официальным Белградом, стремившимся добиться передачи Югославии Баната и земель, прилегающих к г. Решица. Этот вопрос глава югославской делегации А. Хебранг поднимал на встрече с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым 9 января 1945 г. в Москве. Югославы претендовали на присоединение румынской территории в районе г. Темишоара, обосновывая свои претензии наличием в указанном районе уезда, «населенного исключительно сербами». Сам город Темишоара, жители которого, как отметил Хебранг, были «преимущественно немцами», также мог быть передан Югославии. Желательное для югославской стороны изменение границы с Румынией в районе Решицы, в 20 км от пограничного рубежа, мотивировалось наличием на этой территории необходимых Югославии железодельных заводов¹¹. Советское руководство, однако, сочло территори-

¹⁰ *Milin M., Stepanov L. Sârbii din România în Golgota Bărăganului*. P. 8.

¹¹ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.: В 2 т. / Отв. ред. Г. П. Мурашко. Т. I: 1944–1948 гг. М.; Новосибирск, 1997. С. 127–128.

альные претензии Белграда недостаточно обоснованными и в тот момент явно несвоевременными: оно не желало осложнять отношения с Бухарестом и Будапештом (Венгрии также принадлежала небольшая часть Баната) и стремилось сохранить влияние коммунистов в пограничной зоне. На встрече с Хебрангом Сталин, заметив, что сербское население в районе Темишоары должно «само» поставить вопрос о присоединении к Югославии, увязал вопрос о территориальных претензиях югославов с будущей мирной конференцией. «Но, — подчеркнул советский руководитель, — чтобы его ставить на ней, *надо иметь известные аргументы*» (курсив мой. — А.Г.)¹².

На Парижской мирной конференции в 1946 г. Югославия окончательно лишилась надежд на присоединение румынских и венгерских земель. Передачи Баната не произошло, но сербофильские настроения в этой части не могли не беспокоить румынское руководство. С согласия СССР в послевоенные годы рассматривался план создания Балканской федерации, в состав которой предполагалось включить Югославию, Болгарию, Албанию, Румынию и, по возможности, Грецию¹³. Замысел строительства союзного государства не был реализован ни в одном из выдвигавшихся вариантов, но, благодаря двусторонним соглашениям, подписанным балканскими странами, укрепились экономические связи в регионе¹⁴.

До начала советско-югославского конфликта двусторонние румыно-югославские отношения развивались по пути возобновления довоенного сотрудничества. В конце января 1945 г. были восстановлены дипломатические связи, и к марту следующего года Румыния и Югославия обменялись представительствами в ранге посольств. Пост посла Румынии в Белграде в 1946–1947 гг. занимал Т. Виану, профессор Бухарестского университета, известный литературовед, поэт, философ и переводчик. В 1947 г. его сменил влиятельный ветеран партии, коммунист-подпольщик, бывший узник политической

¹² Там же. С. 128.

¹³ Подробнее о проектах федеративного / конфедеративного объединения на Балканах и их судьбе см.: *Гибанский Л. Я.* Проекты федерации на Балканах в годы Второй мировой войны и в начале холодной войны // Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. М., 2014. С. 293–330.

¹⁴ *Аникеев А. С.* Балканский пакт в контексте советско-югославского конфликта // Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. М., 2014. С. 361–372.

тюрьмы Дофтана Теодор (Федор) Руденко, из буковинских украинцев. В румынской столице Югославию с 1947 г. представлял Р. Голубович, занимавший ранее ряд ответственных постов в Черногории¹⁵.

За восстановлением дипломатических отношений последовало налаживание тесного сотрудничества в сфере экономики и культурных связей. В декабре 1945 г. страны заключили торговое и платежное соглашение. В декабре 1946 г. была создана двусторонняя комиссия по изучению гидроэнергетического потенциала Дуная — главной водной артерии, разделявшей страны¹⁶. Визит правительственной делегации во главе с П. Грозой в Югославию в июне 1947 г. завершился подписанием договора о двустороннем культурном сотрудничестве. В соответствии с соглашением в Тимишоаре был открыт книжный магазин, на полках которого была представлена литература на сербо-хорватском языке¹⁷. 17–19 декабря 1947 г. во время официального визита в Румынию Тито от имени югославского правительства подписал Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. Наметившимся благоприятным перспективам сотрудничества помешало, однако, обострение отношений Москвы и Белграда в 1948 г.

Восточноевропейские страны, вошедшие в сферу влияния СССР, демонстрируя свою лояльность, также были вынуждены под нажимом Москвы вступить в открытый конфликт со вчера еще «братской» Югославией. Румыния, втянутая, как и другие страны, в полемику, сыграла в ней далеко не последнюю роль. Советско-югославский конфликт 1948–1953 гг. отразился на внутренней и внешней политике Румынии, которая, только что вступив на путь строительства социализма в соответствии со сталинской моделью, начала кампанию против классовых врагов «рабоче-крестьянской власти». Конфликт с Югославией послужил оправданием политики террора в процессе внутривластной борьбы в руководстве РРП.

¹⁵ Р. Голубович — член КПЮ с 1931 г. В 1945–1947 гг. — министр внутренних дел, юстиции, председатель плановой комиссии Черногории. В августе 1948 г. выступил против Тито, опубликовав статью в центральном органе ЦК ВКП(б) — газете «Правда». Позднее выехал из Румынии в Москву, где в мае 1949 г. принял участие в создании газеты «За социалистическую Югославию».

¹⁶ *Новосельцев Б. С.* Югославия, Румыния и строительство Джердапской ГЭС (середина 1950-х — начало 1960-х гг.) // История, язык и культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте: К 60-летию Константина Владимировича Никифорова. М., 2016. С. 266.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–10.

1948–1953 гг. в Румынии характеризовались наложением советского опыта на реалии традиционно аграрной страны и масштабной репрессивной практикой¹⁸. Полным ходом велось восстановление экономики государства после разрушительных последствий Второй мировой войны. Содействовать осуществлению скорейшего индустриального скачка по примеру СССР была призвана начатая в 1949 г. коллективизация сельского хозяйства. Поддерживая все советские инициативы во внешней политике и международном рабочем и коммунистическом движении, румынское государство солидаризировалось с действиями СССР и в отношении КПЮ (с 1952 г. — СКЮ — Союз коммунистов Югославии). В ходе конфликта произошло укрепление позиций генерального секретаря РРП Георге Георгиу-Дежа. Зарекомендовав себя как последовательный сталинист, он смог заручиться расположением Сталина и, как следствие, поддержкой со стороны советского руководства.

* * *

До того, как разногласия между СССР и ФНРЮ стали достоянием общественности, румынское руководство уже была осведомлено об изменении политики Москвы в отношении КПЮ. Румынский лидер, так же как и руководители Болгарии, Польши и Чехословакии, занял сначала выжидательную позицию и реагировать на охлаждение советско-югославских отношений не спешил. Возможно, поначалу он еще не воспринимал перемены всерьез: на рубеже войны и мира отношения между Москвой и Белградом не раз осложнялись, но тесное сотрудничество при этом сохранялось. Поводом насторожиться стало для Георгиу-Дежа получение 31 марта 1948 г. письма из Москвы с сообщением об отзыве советских военных и гражданских специалистов из Югославии. Причиной объявлялось сокрытие югославской стороной необходимой для их работы информации об экономической ситуации в стране, а также установление контроля

¹⁸ Подробнее об этом периоде см., напр.: *Istoria comunismului din România: documente. Perioada Gheorghe Gheorghiu-Dej (1945–1965)* / Eds. M. Berindei, D. Dobrinu, A. Goșu. București, 2009; *Deletant D. România sub regimul comunist*. București, 2010. P. 83–136; *Politica de cadre a Partidului Muncitoresc Român: 1948–1955*. București, 2006; *Tismăneanu V. Fantoma lui Gheorghiu-Dej*. București: Humanitas, 2008; *Țăranu L. Economia socialistă și problemele modernizării economice a României 1948–1965 // Arhivele totalitarismului*. București, 2002. N 3–4. P. 50–68.

служб госбезопасности за работой советских советников в стране¹⁹. Однако реакции из Бухареста на это известие, судя по ныне доступным исследователям документам, не последовало.

Руководство РРП поддержало критику югославского руководства под давлением Москвы в конце апреля 1948 г., после того как с позицией СССР уже солидаризировались (8 апреля) венгерские коммунисты. 14 апреля, незадолго до второго (бухарестского) совещания Коминформа, секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов отправил Г. Георгиу-Дежу письмо с критикой руководством Венгерской коммунистической партии (ВКП) политики Югославии в отношении СССР. 19 апреля лидер румынской компартии получил также послание из Югославии за подписью Тито, к которому прилагались ответ ЦК КПЮ на письмо ЦК ВКП(б) от 27 марта. В послании из Белграда выражалась обеспокоенность югославского руководства реакцией ВКП на советское письмо²⁰. Ответ на поступившую из Москвы информацию был сформулирован румынами только через восемь дней, что, по-видимому, свидетельствовало о колебаниях румынского руководства перед принятием окончательного решения. После обсуждения писем ЦК ВКП(б) от 27 и 31 марта, адресованных КПЮ, и послания Тито «узким» составом Политбюро ЦК РРП был составлен и 22 апреля отправлен в Москву ответ. В нем румынская сторона полностью согласилась с критикой «ошибок», допущенных руководством Югославии²¹. Приняв сторону Москвы, Деж показал себя послушным проводником политики Сталина наравне с венгерским лидером Матьяшем Ракоши. В сложившихся обстоятельствах румынский руководитель попросту закрыл глаза на возможное влияние его позиции на двусторонние румыно-югославские отношения. В условиях разгоравшегося конфликта Москвы и Белграда их сохранение на прежнем уровне становилось невозможным. На июньском пленуме ЦК РРП (10–11 июня 1948 г.) Васил Лука выступил с докладом о необходимости извлечения уроков из «ошибок» югославов, отмеченных в письмах советского руководства в ЦК КПЮ²². Доклад основывался на полученной из Отдела внешней политики (ОВП) ЦК ВКП(б) справки «Уроки из ошибок компартии Югославии для Ру-

¹⁹ Schisma roşie. P. 69–70.

²⁰ Ibid. P. 71–74.

²¹ ANIC. Fond CC al PCR. Secția Relații Externe. Dosar 31/1948. F. 3–5.

²² РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 104. Л. 174.

мынской рабочей партии». В ней излагалась позиция советской стороны по ряду принципиальных вопросов, на которые румынским коммунистам необходимо было обратить особое внимание, или, говоря языком документа, «извлечь урок». Первый из них — недооценка марксистско-ленинской идеологии — сводился к необходимости идейно-политического воспитания членов партии, в частности непосредственного руководства этим процессом и повышения уровня индивидуальной теоретической подготовки каждого коммуниста. Второй «урок» касался пропаганды в Румынии советского опыта, которая была признана недостаточной. Это упущение необходимо было устранить, чтобы не допустить ситуации, сложившейся в Югославии. Наконец, третий «урок» был связан с недооценкой компартией роли классово-борьбы в деревне в условиях сложившегося в ней социального неравенства²³. Ориентируя подобным образом руководство РРП, советская сторона вооружала «братскую» партию «компасом», по которому ей предстояло впредь ориентироваться в сложном лабиринте взаимоотношений внутри «социалистического лагеря».

Обсуждение вопроса о положении в КПЮ состоялось на втором совещании Коминформа 19–23 июня 1948 г., созванном в столице Румынии. Принятие резолюции об исключении КПЮ из Коминформа ознаменовало собой начало кампании против руководства югославской компартии и правительства²⁴. После раскола в советском блоке Бухарест стал штаб-квартирой Информбюро и местом пребывания редакции его печатного органа газеты «За прочный мир, за народную демократию!»²⁵, прежде располагавшихся в Белграде. Такое решение Сталин принял еще до совещания Коминформа и оставил его без изменений, несмотря на поступившие из Венгрии и Польши предложения разместить структуры Коминформа в Будапеште или Варшаве²⁶.

В процессе эскалации конфликта Румыния верно следовала курсу, намеченному в Москве. Солидаризируясь с ее позицией, член

²³ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы: В 2 т. / Отв. ред. Т. В. Волокитина. Т. 1: 1944–1948 гг. М., 1999. С. 605–608.

²⁴ Подробнее см.: Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы / Ред. Г. М. Адиеков, А. Ди Бьяджо, Л. Я. Гибианский, Ф. Гори, С. Понс. М., 1998. С. 407–417, 455–461.

²⁵ После перевода редакции газеты «За прочный мир, за народную демократию!» в Бухарест Георгиу-Деж лично утверждал к публикации статьи по Югославии.

²⁶ Schisma roşie. P. 38.

Политбюро РРП Лука на заседании Коминформа заявил: «Отрицание роли Советского Союза как решающего фактора, сделавшего возможным появление и развитие народной демократии в странах, освобожденных Советской армией, является тягчайшей ошибкой и даже более чем ошибкой со стороны Тито и руководства КПЮ»²⁷. На заключительном заседании совещания Георгиу-Деж сообщил о том, что еще в мае Политбюро ЦК РРП обсуждало вопрос о выходе Румынии из состава Белградской профсоюзной конвенции и Совета балканской молодежи, в которых югославы играли ведущую роль. Аналогичную позицию по этому вопросу заняли Венгрия и Болгария. Данное решение было принято странами с подачи Москвы, которая указала на необходимость прекратить деятельность Совета балканской молодежи, но сделать это должны сами участники этой организации. Информбюро постановило прекратить дальнейшую работу этих организаций, признав их создание «политической ошибкой»²⁸. В сложившейся ситуации ни одна из компартий, входивших в состав Информбюро, а также компартии Албании, Греции и Финляндии не направили своих представителей на V съезд КПЮ, открывшийся 21 июля 1948 г. Было выполнено решение Секретариата Информбюро от 5 июля 1948 г., которое рекомендовало компартиям отклонить приглашение КПЮ и подготовить мотивированный ответ югославскому руководству²⁹. Официальное сообщение об отказе РРП участвовать в съезде КПЮ было опубликовано в центральной прессе 16 июля³⁰.

Перемещение штаб-квартиры Коминформа из Белграда в Бухарест сделало Румынию организационным центром антиюгославской кампании. Положение хозяина обязывало румынское руководство к последовательному и точному выполнению коминформовских решений. С этой целью в Румынии был создан специальный центр радиовещания на Югославию, а при Международном отделе ЦК РРП — база, где сосредоточивалась вся антититовская литература, поступающая из СССР, Чехословакии и других стран, для последующей ее переправки в Албанию, Венгрию, Болгарию и Австрию³¹.

²⁷ Совещания Коминформа. С. 444.

²⁸ Там же. С. 449–450, 479–480.

²⁹ Schisma roşie. P. 134–135.

³⁰ Scînteia. 1948. 16 iulie.

³¹ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953).

После совещания Информбюро 3 июля 1948 г. состоялось заседание ЦК РРП, на котором румынские делегаты совещания Информбюро проинформировали членов ЦК о принятых решениях. Было одобрено постановление об обсуждении резолюции Информбюро по всей стране, начало которому положило собрание центрального аппарата РРП при участии секретарей региональных организаций³². В июле 1948 г. ЦК РРП разработал план обсуждения итогов бухарестского совещания на заседаниях региональных комитетов партии. В уезды страны среди прочих сотрудников партаппарата были направлены члены Политбюро РРП В. Лука, М. Константинуку, Э. Боднэраш, Т. Иордэеску, Ш. Войтек, Л. Рэдэчану³³, что свидетельствовало о намерении румынского руководства, следуя блоковой дисциплине, серьезно проработать резолюцию Коминформа. В течение недели, с 5 по 11 июля, партийные функционеры проводили разъяснительную работу на местах, вплоть до первичных организаций, с углубленным разбором каждого пункта резолюции. Пропагандистские усилия были направлены в первую очередь на подчеркивание ведущей роли Советского Союза в послевоенном развитии Румынии, поскольку именно СССР, как подчеркивали все выступавшие, обеспечил возможность установления народно-демократического режима в стране, стал гарантом ее национальной независимости. До сознания рядовых партийцев доводились следующие принципиальные установки: развитие демократии невозможно без классовой борьбы в разных формах; переустройство сельского хозяйства на социалистический лад произойдет при условии создания необходимой базы, в частности при ограничении капиталистических элементов и укреплении союза рабочих и крестьян; усиление позиций партии требует укрепления внутрипартийной дисциплины на всех уровнях, развития критики и самокритики; борьба с пережитками прошлого является важнейшим условием усвоения марксистско-ленинской идеологии и исторического опыта партии большевиков; внутривластная и международная обстановка актуализирует задачу усиления бдительности в рядах партии³⁴. Понятно, что все эти установки подавались в контексте критики югославского опыта. Таким образом, проводившаяся

Очерки истории (2-е изд.). М., 2008. С. 368, 371.

³² РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 104. Л. 174–175.

³³ Schisma roşie. P. 99–103.

³⁴ Ibid. P. 102–103.

на региональном уровне кампания была призвана приостановить «еще в зародыше явления, похожие на югославские»³⁵. По оценке ЦК РРП, обсуждение резолюции было проведено основательно, путем критического пересмотра деятельности партии, разоблачения националистических тенденций и подчеркивания важности идеи пролетарского интернационализма³⁶.

В первые недели после принятия резолюции развернулась активная агитационная работа. Против «титовистов» выступили Союз славянских культурных ассоциаций Румынии, в кратчайшие сроки были пересмотрены программы партийных школ. В центральном органе компартии газете «Скынтейя» (рум. – «Искра») и других изданиях публикуются установочные (главным образом переведенные) статьи антиюгославского характера. В течение июля 1948 г. в центральной румынской печати появилось восемь подобных разоблачительных публикаций. Установочные статьи за подписью Георгиу-Дежа, Луки, Паукер и др. в связи с резолюцией издавались также в виде брошюр тиражами 25–55 тыс. экз., некоторые из них – на сербском языке³⁷.

Румынская печать в первые полтора года после принятия резолюции среди прочего придавала большое значение разоблачению «группировки» коммуниста Лукрециу Пэтрэшкану³⁸, тем самым подготавливая массовые чистки в партии. Широкое распространение получила и сама резолюция: по стране быстро разошелся немалый тираж – 130 тыс. экз.³⁹. В целях улучшения пропагандистской работы в августе 1948 г. был возобновлен журнал «Лупта де класа» (Классовая борь-

³⁵ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 104. Л. 174.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Д. 103. Л. 101.

³⁸ Там же. Д. 104. Л. 185–188. В отечественной литературе подробнее о «деле» Л. Пэтрэшкану см.: *Волокитина Т. В.* 1) «Советский фактор» в судьбе политических лидеров стран Восточной Европы на рубеже 40–50-х годов XX в. (Т. Костов, Л. Райк, Л. Пэтрэшкану) // *Историки-слависты МГУ. Кн. 6.* Б. Н. Билунов. Материалы конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Б. Н. Билунова. М., 2008. С. 277–287; 2) Политическое насилие как инструмент утверждения и консолидации коммунистических режимов в Восточной Европе и «советский фактор» (1940–1950-е годы) // *Власть и общество: непростые взаимоотношения (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке).* М., 2008. С. 188–195; 3) Москва и «дело» румынского коммуниста Лукрециу Пэтрэшкану // *Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: Сборник материалов франко-российского семинара.* Вып. 2. Новосибирск, 2011. С. 161–171.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 104. Л. 175.

ба), первый номер которого открывался статьей Георгиу-Дежа с обвинениями югославы в отходе от марксизма. Советские документы, относящиеся к более позднему времени, свидетельствуют о том, что мероприятия по случаю празднования в Румынии 70-летия И. В. Сталина в декабре 1949 г. также сопровождались выступлениями партийного руководства с антиюгославских позиций⁴⁰. Однако руководящий аппарат Коминформа всё же и в 1948 г., и позже оставался недоволен слабой активностью румын. Критические замечания касались в первую очередь содержания и количества пропагандистских материалов о ситуации в КПЮ, помещенных в прессе начиная со второй половины 1948 г. Указывалось, что эти материалы, как правило, касались частных вопросов, не имели обобщающего характера; во втором и третьем номерах «Lupta de clasă» (рум. — «Классовая борьба») вообще не было ни одной статьи, разоблачавшей режим Тито. Румынская пресса ограничивалась перепечаткой материалов из газеты «За прочный мир, за народную демократию!». Лишь к апрелю 1949 г. начинают появляться собственные статьи с критикой «титовцев». Верхом газетной разоблачительной кампании стала установочная статья Георгиу-Дежа «Клика Тито — злейший враг социализма», но она прошла предварительную проверку в коминформовской печати: была прежде опубликована 1 мая 1949 г. в газете «За прочный мир, за народную демократию!»⁴¹. Примечательно, что слабая активность румын дала югославам повод считать, что руководство, в частности Георгиу-Деж, солидаризировалось с позицией Коминформа вынужденно⁴².

Так или иначе, был важен результат. А он не оставлял сомнений в приверженности румын советскому курсу. На третьем совещании Коминформа, проходившем в Венгрии в ноябре 1949 г., РРП подтвердила свою позицию. Это произошло уже на новом витке антиюгославской кампании, после ее ужесточения, связанного с «делом» венгерского коммуниста Ласло Райка. На совещании Георгиу-Деж выступил с основным докладом «Югославская компартия во власти убийц и шпионов», текст которого был подготовлен Внешнеполитической комиссией (ВПК) ЦК ВКП(б)⁴³. Это название получила и новая резо-

⁴⁰ Там же. Л. 196–208.

⁴¹ Там же. Д. 103. Л. 108.

⁴² *Новосельцев Б. С.* Югославия, Румыния и строительство Джердапской ГЭС. С. 266–267.

⁴³ Schisma roşie. P. 41.

люция Коминформа, обвинившая руководство КПЮ в установлении фашистского режима в Югославии и провозгласившая борьбу против «клики Тито» «интернациональным долгом всех коммунистических и рабочих партий»⁴⁴. На волне «дела» Райка Георгиу-Деж призвал руководство социалистических стран усилить бдительность путем проверки партийных рядов. Он также подчеркнул, что уже бухарестская резолюция Информбюро помогла румынской компартии «успешно бороться с националистическими уклонами в своих собственных рядах и укрепить идеологическое единство». Говоря о судебных процессах, прошедших в странах «соцлагеря» против агентов англо-американских разведок, среди прочих лиц румынский лидер обвинил в шпионаже Пэтрэшкану и его окружение⁴⁵. Новый виток конфликта, таким образом, сыграл на руку румынскому партийному руководству, которое на этом этапе предъявило Пэтрэшкану новые обвинения.

С лета 1948 г. разработка «дела» Пэтрэшкану ведется с учетом выявления его связей с «титовцами» и империалистическими кругами Европы и Америки. Пэтрэшкану был теперь не просто одним из «врагов власти». Такой общей характеристики было недостаточно. Исходя из резолюции Коминформа, он становился «шпионом» и «предателем». Доказать это предстояло следствию. Румынские «верхи» понимали, что разоблачение бывшего министра юстиции вполне могло стать поводом для громкого судебного процесса, открывавшего дорогу массовому политическому террору в Румынии. К «делу» Пэтрэшкану привлекли в общей сложности 45 чел. Среди них были не только его соратники по партии (коммунисты Р. Кофлер, Б. Зилбер, Э. Калманович, А. Штефанеску, И. Моксони-Стырча, В. Сырбу — жена Генерального секретаря ЦК КПП в 1940–1944 гг., Ш. Фориша, оппонента и соперника Георгиу-Дежа, устранившегося с его ведома еще в 1946 г., один из основателей румынской школы геополитики, глава Центрального института статистики А. Голопенция), но также и люди из его окружения, не имевшие отношения к политике (жена Л. Пэтрэшкану — Елена (Херта Швамен), адвокат Х. Торасиан, фольклорист Х. Браунер (брат известного румынского художника-сюрреалиста В. Браунера) и его будущая супруга художник Е. Константе, архитектор Д. Берман и др.). К концу 1940-х гг. развязки

⁴⁴ Совещания Коминформа. С. 638–642.

⁴⁵ Там же. С. 630–631.

«дела» не произошло, следствие растянулось до 1954 г.⁴⁶ Причинами этого в числе прочих явились развернувшаяся в румынском руководстве острая внутривластная борьба (Георгиу-Деж стремился убрать с политической сцены основных соперников — «фракционеров» и «правых уклонистов» В. Луку, Т. Джорджеску, А. Паукер), а также задержка с решением вопроса о проведении судебного процесса «по Пэтрэшкану». В связи с этим румыны запросили «совет» Москвы, рассчитывая в частности получить конкретные указания о мере наказания бывшего соратника⁴⁷.

* * *

Ухудшение отношений между РНР и ФНРЮ началось еще до денонсации двустороннего Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи от 19 декабря 1947 г., с началом экономической блокады Югославии, к которой по указанию Москвы присоединились европейские социалистические страны. После бухарестского совещания Коминформа состоялся обмен дипломатическими нотами между РНР и ФНРЮ. В ноте от 25 августа 1948 г. югославская сторона обвинила румын в нарушении договорных обязательств. Среди прочего им инкриминировались клевета и вмешательство во внутренние дела Югославии, притеснения банатских сербов, закрытие в Тимишоаре книжного магазина югославской литературы, прекращение культурных связей. В ответной ноте от 10 сентября 1948 г. румынская сторона пояснила, что закрытие книжного магазина произошло по политическим соображениям: «из-за распространения шовинистической литературы». Одновременно с передачей ответной ноты в «Скынтейе» 10 сентября была опубликована установочная статья «Куда ведет национализм Тито», перепечатанная из «Правды», а 12 сентября — статья «Предательство интернационализма не может быть прикрыто никакими дипломатическими нотами»⁴⁸. Характер этих материалов свидетельствовал о том, что Румыния начала последовательно выполнять установки будапештского совещания Коминформа и перешла к открытой антититовской пропаганде.

⁴⁶ Principiul bumerangului. Documente ale procesului Lucrețiu Pătrășcanu. București, 1996; *Betea L.* Lucrețiu Pătrășcanu. Moartea unui lider comunist. București, 2006.

⁴⁷ *Волокитина Т.В.* Политическое насилие как инструмент утверждения и консолидации коммунистических режимов. С. 192–195.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–10.

В сентябре 1948 г. на заседании Политбюро ЦК РРП был поставлен вопрос о денонсации Торгового и платежного соглашения между РНР и ФНРЮ⁴⁹. Несколько месяцев спустя Румыния солидаризировалась с общей позицией стран — членов Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) — межправительственной организации, созданной 18 января 1949 г. для оказания помощи европейским странам, вошедшим после войны в советскую сферу влияния. Появление этой организации вызвало негативную реакцию югославского правительства, которое 1 февраля направило правительствам всех стран — членов СЭВ ноту протеста. В частности, были раскритикованы отношения СССР с союзниками, а также то, что Югославию не пригласили принять участие во встрече представителей правительств Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии, проходившей 5–8 января в Москве. Румынское правительство 17 января через своего посла в Белграде Т. Руденко передало ответную ноту. В ней опровергались югославские обвинения в проведении Советским Союзом эксплуататорской политики по отношению к странам «социалистического лагеря», а также и развертывание в Румынии антиюгославской кампании. Было заявлено, что Румыния обличает «антисоветскую и антидемократическую шовинистскую политику» ФНРЮ, но, несомненно, поддержит ее вступление в СЭВ в том случае, если она откажется от такой политики⁵⁰.

На первой сессии СЭВ 28 апреля 1949 г. странам-участницам было рекомендовано пересмотреть имеющиеся торгово-экономические соглашения с ФНРЮ с целью: «а) прекращения предоставления каких-либо кредитов Югославии, а также прекращения каких-либо поставок в Югославию в счет ранее заключенных соглашений; б) органичения торговли с Югославией закупками у нее лишь важнейших видов стратегического сырья, как то: свинец и свинцовые концентраты, медь, ртуть и, в ограниченных количествах, железная руда, лес, пенька, пириты; в) серьезного сокращения продажи и поставок в Югославию товаров, являющихся дефицитными для стран-участников Совета, а также капитального промышленного оборудования, товаров, имеющих военное значение, и прекращения поставок в Югославию вооружения; г) прекращения оказания странами-участниками Совета какой-либо технической помощи

⁴⁹ *Stanciu C. Devotați Kremlinului. P. 172.*

⁵⁰ *Ibid. P. 172–173.*

Югославии»⁵¹. Целесообразным признавалось лишь использование югославской территории в качестве транзитной зоны. Эти жесткие экономические санкции не только подорвали внутривнутрирегиональные связи, но и привели впоследствии к переориентации югославской экономики на западный рынок.

Прерывалось и культурное сотрудничество между странами. Помимо упомянутого выше закрытия 20 июля 1948 г. магазина югославской литературы в Тимишоаре прекратило деятельность Общество румыно-югославской дружбы. Руководство Союза славянских культурных обществ было принуждено выступить с осуждением собственных изданий на сербском языке. Сам Союз, одоббивший бухарестскую резолюцию еще 3 июля 1948 г., получил в конце концов разрешение на открытие нового, находящегося под полным контролем властей книжного магазина в историческом центре румынской части Баната — Тимишоаре⁵².

Одним из ключевых аспектов двустороннего сотрудничества была проблема судоходства по Дунаю, которая к началу конфликта оставалась открытой. Стремясь закрепить позиции контролируемых им государств в Дунайском бассейне и отстранить западные державы от регулирования судоходства по реке⁵³, СССР положил в основу послевоенной Конвенции собственный проект. С 30 июня по 18 августа 1948 г. в Белграде уже на фоне начавшегося конфликта проходила международная конференция по проблемам навигации на Дунае, завершившаяся подписанием договора. Румынскую сторону на конференции представляла правительственная делегация во главе с А. Паукер. Дунайская конвенция 1948 г., ратифицированная участниками в марте–мае 1949 г., установила свободное судоходство от Ульма (Германия) до Черного моря для торговых судов, граждан и товаров всех государств. Проход военных кораблей по Дунаю был разрешен только государствам-участникам конвенции — СССР, УССР, Югославии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Чехословакии (с 1960 г. — Австрии).

⁵¹ ANIC. Fond Comisia guvernamentală pentru problemele C. A. E. R. Protocoalele sesiunilor. Dosar 1/1949. Решение I сессии СЭВ об отношениях с Югославией опубликовано в Хрестоматия по отечественной истории (1946–1995). М., 1996. С. 151–152.

⁵² РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–10.

⁵³ В 1921 г. Дунайскую конвенцию подписали западные державы-победительницы в Первой мировой войне. После Белградской конференции 1948 г. западные державы не признали легитимной новую конвенцию о судоходстве на Дунае (подробнее см.: Муттян М. А. Дунайская проблема в международных отношениях (1945–1948). Кишинев, 1977).

Белградская конференция проходила спустя считанные недели после второго совещания Информбюро. В этих условиях внимание как западных держав, так и СССР было приковано к позиции Югославии. Согласно отчету Паукер, на заседании Политбюро ЦК РРП 20 августа 1948 г. югославская сторона заняла «правильную» позицию, солидаризировавшись с придунайскими государствами против западного давления. Она всячески стремилась скрыть те противоречия, которые назрели в отношениях с СССР⁵⁴. Позднее ввиду эскалации конфликта обмен ратификационными документами в связи с заключением конвенции был осуществлен через второстепенных лиц с помощью устных заявлений. (Согласно донесениям посла Руденко от марта 1949 г., югославская сторона не принимала представителей посольств стран народной демократии, избегала встреч с ними⁵⁵.) 11 мая новая конвенция вступила в силу, а ровно через полгода началась первая сессия Дунайской комиссии в румынском городе Галац.

В 1949 г. по инициативе советской стороны Румыния решила претворить в жизнь идею строительства судоходного канала Дунай — Черное море. Связав главную водную артерию Европы с Черным морем, канал существенно сократил бы путь к нему. 25 мая 1949 г. Политбюро ЦК РРП приняло решение о строительстве в Румынии канала⁵⁶, первый проект которого был разработан англичанами еще в начале XX в. На заседании Георгиу-Деж заявил, что «эта работа является частью программы по переустройству экономики страны, частью программы по строительству социализма в нашей стране»⁵⁷. Проект действительно был грандиозным, а его реализация, конечно, не без помощи СССР⁵⁸, явилась бы важным шагом на пути индустриального развития Румынии. Судя по всему, эта идея была хорошо продумана и спланирована. Заведующий канцелярией Георгиу-Дежа П. Сфетку в своих мемуарах воспомина-

⁵⁴ *Stanciu C. Devotați Kremlinului*. P. 49.

⁵⁵ Советский фактор в Восточной Европе. Т. 2: 1949–1953 гг. М., 2002. С. 83.

⁵⁶ *Istoria comunismului din România: documente*. P. 164–177.

⁵⁷ *Ibid.* P. 174.

⁵⁸ СССР обязался направить в Румынию группу инженеров, обладавших соответствующим опытом. Им предстояло взять на себя весь объем проектных работ. Строительство канала было прервано в 1955 г., а его руководители репрессированы. Работы возобновились при Н. Чаушеску в 1976 г. Южная ветка канала была введена в эксплуатацию в 1984 г., северная — в 1987 г. В строительстве канала широко применялся труд политзаключенных (подробнее см.: *Cârja I. Canalul morții*. N. Y., 1974).

ет о пересказанной ему Георгиу-Дежем беседе со Сталиным, в ходе которой советский лидер не только поднял вопрос о возможности строительства канала Дунай — Черное море, но и неожиданно вынул из ящика стола карту с уже готовым проектом⁵⁹. В румынской историографии высказано мнение, что советская сторона увязывала строительство канала с обеспечением прямого водного пути к Югославии, но документально эта версия пока не подтверждена. Как бы то ни было, углубление советско-югославского конфликта не могло не внести своих корректив в планы эксплуатации Дуная, проработывавшиеся в Москве.

10 мая 1949 г. на заседании Секретариата ЦК РРП обсуждался вопрос о мерах, которые необходимо принять в связи с объявлением двух сотрудников румынского посольства в Белграде персонами нон-грата. А. Паукер предположила, что действия Белграда могло спровоцировать требование румын отозвать одного из работников югославского посольства из-за того, что в результате автокатастрофы с его участием погибла женщина. Посол в ФНРЮ Руденко предложил Паукер отозвать эту ноту, чтобы он мог уехать из Белграда, и назначить поверенным в делах Лупана, объявленного персоной нон-грата. Глава румынского внешнеполитического ведомства не согласилась с этим предложением. Она планировала запросить объяснения в югославском МИДе и отправить на работу в Белград новых сотрудников. По предложению Й. Кишиневского Секретариат ЦК РРП постановил: «За получением разъяснений не направлять [в МИД ФНРЮ] ни Руденко, ни кого-либо еще из членов румынской дипломатической миссии»⁶⁰.

Однако под влиянием будапештской резолюции Информбюро ситуация усугубилась. Румынский посол был отозван из Белграда в сентябре 1949 г., а 1 октября 1949 г., на фоне «дела» Райка, были фактически разорваны дипломатические отношения в результате денонсации Румынией в одностороннем порядке Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между двумя странами. К июню 1950 г. в румынской миссии находились лишь советник А. Тома, первый секретарь и шофер. В свою очередь, югославская миссия в Бухаресте в этот период была закрыта (остался один шофер), так как

⁵⁹ Gh. Gheorghiu-Dej la Stalin. P. 116–119.

⁶⁰ Istoria comunismului din România: documente. P. 158, 160–161.

в 1949 г. два сотрудника посольства Югославии были арестованы, еще двое — по требованию румынских властей вернулись на родину. Сам же югославский посол Р. Голубович, поддержав резолюцию Информбюро, был вынужден просить политического убежища у Москвы. Весной 1951 г. советский посол в Бухаресте С. И. Кавтарадзе в беседе с новым послом Болгарии в Румынии Д. Терпешевым отмечал, что советская сторона никаких отношений с югославским представительством в Бухаресте не имеет⁶¹. У румынского руководства имелись планы отзыва всех своих сотрудников из ФНРЮ⁶². Этого не произошло, на наш взгляд, по той причине, что сотрудники посольства могли служить каналом поступления информации о ситуации в Югославии, а возможно, привлекались и к нелегальному распространению пропагандистской литературы.

С 1950 г. румынская сторона, продолжая вместе с другими странами «социалистического лагеря» экономическую блокаду ФНРЮ, денонсировала ряд экономических соглашений с соседкой, были прерваны воздушные, железнодорожные и почтовые связи. Вдоль границы с Югославией сооружались заграждения, обнесенные колючей проволокой. Надо сказать, что после резолюций Информбюро на территорию Румынии в большом количестве хлынули беженцы из Югославии, которые покидали родину отчасти по политическим убеждениям, а иногда просто из-за боязни преследований в обстановке широко развернувшейся в стране шпиономании⁶³. Потока эмигрантов (а далеко не все они получали после соответствующих разбирательств статус политэмигрантов) опасались местные власти. Около 20% прибывших по подозрению в шпионаже были переданы в руки органов государственной безопасности Румынии. Часть югославов, вызывавших подозрения, высылалась обратно на родину⁶⁴.

⁶¹ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. II: 1949–1953 гг. М., 1998. С. 513.

⁶² Советский фактор в Восточной Европе. Т. 2. С. 356–357.

⁶³ См. подробнее: *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953). С. 218–219; *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. С. 11–55.

⁶⁴ Автор благодарит румынских коллег — историков В. Бугу и К. Диак, предоставивших информацию по широкому кругу вопросов на основе изученных ими документов Национального исторического архива Румынии (далее — *Буга В., Диак К.* Устная информация).

Обострилась и ситуация на румыно-югославской границе. В ноте от 25 августа 1948 г. югославская сторона обвиняла румын в создании препятствий для перехода границы с целью обработки земли (часть сельского населения, имея родственников в соседней стране, прежде имела возможность оказывать им помощь в сельхозработах)⁶⁵. Перед румынскими властями встал вопрос, что делать с прежними договоренностями о совместных пограничных и гидрографических проектах. На заседании Политбюро ЦК РПП в сентябре 1948 г. обсуждалась проблема допуска югославских специалистов-гидрографов на территорию Румынии, чтобы они могли принять проведенную работу в соответствии с заключенными ранее двусторонними соглашениями. Георгиу-Деж предложил проконсультироваться с Москвой, но вопрос так и не был разрешен⁶⁶. В том же году было принято решение передать пограничные с Югославией земли в ведение Министерства национальной безопасности. В 1950–1955 гг. на границе осуществлялись фортификационные работы по проекту, разработанному советскими советниками. Вероятно, советские военнослужащие оказывали помощь в возведении оборонительных сооружений, поскольку в Югославии распространились слухи о переброске на румыно-югославскую границу советских воинских частей⁶⁷. Помимо заграждений из колючей проволоки были выкопаны траншеи, сооружены казематы и наблюдательные пункты⁶⁸.

Сделано это было не случайно, поскольку на границе с обеих сторон имели место провокации, питавшие ложные слухи и скрытую пропаганду. В 1949 г., по югославским данным, произошло 38 таких инцидентов. В том же году правительство Югославии предложило создать комиссию для их расследования, но румыны отказались. После повторного обращения румынская сторона согласилась начать переговоры, но до создания комиссии дело так и не дошло.

Из отчета Оргбюро ЦК РПП о внутриполитической ситуации в феврале 1949 г. видно, как нарастала югославская пропаганда на территории Румынии. В уездах Караш, Тимиш, Валя Жиулуй,

⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 103. Л. 101–107.

⁶⁶ Schisma roşie. P. 169.

⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 69. Л. 121.

⁶⁸ *Ionescu-Gură N.* Dislocarea unor categorii de persoane din zona de frontieră cu Iugoslavia în Câmpia Bărăganului (1951–1956) // Revista istorică. Bucureşti, 2010. N 1–2. P. 32.

Мехединц не только ширились слухи, но и распространялись югославские листовки, брошюры на румынском, сербском и венгерском языках, конверты с новостями и комментариями из прессы ФНРЮ⁶⁹. В 1951–1953 гг. ситуация на границе продолжала оставаться напряженной. По югославским сведениям, в 1950 г. произошло 278 инцидентов, в 1951 г. — 432, в 1952 г. — 384, за пять месяцев 1953 г. — 172. По румынским данным, в 1952 г. отмечено 284 инцидента, а за пять месяцев 1953 г. — 268⁷⁰. Именно «титовской агентуре» румынские власти приписывали подрывную деятельность в пограничных селах: саботаж весеннего сева, волновавшие население слухи о денежной реформе, ликвидации колхозов и ТОЗов⁷¹ и др. По всей вероятности, слухи оказали определенное влияние на протестные настроения деревни, в 1953 г. выразившиеся в выходе значительного числа крестьян из кооперативов⁷². В указанном отчете Оргбюро, кроме того, сообщалось, что «титовцы» распространяли клевету на СССР и страны народной демократии, используя установленные на границе громкоговорители. С помощью воздушных шаров над территорией Румынии разбрасывались листовки и другие пропагандистские материалы⁷³.

В столь беспокойных условиях в стране активно проводились масштабные мероприятия в социально-экономической сфере. Чтобы перевести страну в русло советской экономической модели, в 1948 г. была проведена национализация различных отраслей промышленности, банковского капитала и отдельных предприятий. Это привело к частичной экономической блокаде Румынии иностранными инвесторами. Более того, западные государства категорически отказывались заключать торговые соглашения с Бухарестом, пока не будут выплачены компенсации бывшим собственникам национализированных

⁶⁹ Istoria comunismului din România: documente. P. 156.

⁷⁰ Советский фактор в Восточной Европе. Т. 2. С. 785.

⁷¹ Товарищества по обработке земли, как простейшая форма производственной кооперации, начали организовываться с 1952 г. Средняки вступали в ТОЗы, так как лишались только части земли (0,5 га). Получая значительные налоговые льготы и пользуясь помощью МТС, многие крестьяне-члены ТОЗов продолжали при этом вести свое хозяйство почти как единоличники.

⁷² Ситуацию удалось поправить только благодаря решениям августовского пленума ЦК РРП 1953 г. и II съезда партии, проходившего в декабре 1955 г., когда были приняты меры по организационно-хозяйственному укреплению кооперативов (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 230. Л. 128).

⁷³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 27. Л. 41; Schisma roşie. P. 190–200.

предприятий. Вместе с тем на первых порах в некоторых отраслях, особенно в нефтеперерабатывающей, оставались работать подданные других государств, что было вызвано дефицитом собственных квалифицированных кадров. Руководство страны было вынуждено оперативно принимать меры по подготовке нужных специалистов путем создания сети профессиональных училищ⁷⁴.

В 1951 г. страна начала осуществление первой пятилетки с упором на развитие отраслей тяжелой промышленности. Индустриализация шла форсированными темпами, так же как в свое время в СССР, что незамедлительно сказалось на отставании легкой промышленности и вызвало нехватку товаров широкого потребления. Одной из причин увеличения расходов на развитие тяжелой промышленности стали новые установки Москвы. В советской столице в январе 1951 г. на совещании представителей стран народной демократии Сталин указал членам делегаций на необходимость принятия мер по укреплению военно-технического комплекса в социалистических государствах. В условиях перехода «холодной войны» в горячую фазу на Корейском полуострове советское руководство поставило задачу — к концу 1953 г. максимально оснастить национальные армии современным оружием⁷⁵. Навязанное извне увеличение расходов на армию и, соответственно, тяжелую, прежде всего оборонную промышленность серьезно осложнило общую экономическую ситуацию в Румынии⁷⁶. Стране с крупным аграрным сектором (к началу 1950-х гг. основной отраслью экономики оставалось экстенсивное сельское хозяйство, в котором было занято 65,4 % населения⁷⁷) сложнее всего было создать новые промышленные мощности, не говоря уже о достижении серьезных результатов.

Уровень социально-экономического развития Румынии объективно требовал развития материально-технической базы народного

⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 113.

⁷⁵ Фрагмент январского совещания 1951 г. опубликован румынскими исследователями: Gh. Gheorghiu-Dej la Stalin. P. 129–139.

⁷⁶ Волокитина Т.В. «Вопрос о предоставлении Румынии нового кредита требует серьезного изучения...» (Советско-румынские переговоры в Москве. Январь–февраль 1954 г.) // Славянский альманах 2008. М., 2009. С. 374–375; *Стыкалин А. С.* Восточная Европа в системе отношений Восток–Запад (1953 — начало 1960-х гг.) // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 487.

⁷⁷ Anuarul statistic al R.S.R. București: Direcțiunea Centrală de Statistică, 1975. P. 67.

хозяйства и ее модернизации. По советскому примеру власти пошли на насильственные мероприятия по выкачиванию денег из деревни. Принудительная коллективизация позволяла в короткие сроки получать из деревни продукцию по установленным правительством нормам. О масштабах и темпах принуждения свидетельствуют следующие факты: если в первый год проведения коллективизации было создано около 60 коллективных хозяйств, то в следующем, 1950 г., их стало уже около 1 тыс.⁷⁸ Прямым следствием подобной интенсивности явилось падение эффективности отрасли и заинтересованности жителей села в результатах своего труда⁷⁹. Более того, с конца 1940-х гг. владельцы единоличных хозяйств рассматривались как враждебные середняцкие и кулацкие элементы, ведущие подрывную деятельность, препятствовавшую изъятию продукции. Часть сельского населения в этой связи подверглась репрессиям, в особенности в приграничных районах, за сотрудничество с соседними государствами. Это касалось прежде всего связей румынских сербов, которые считались «пятой колонной», с пограничной Югославией. В 1950 г. в соответствии с экономическими соображениями и стремлением создать зоны компактного проживания этнических меньшинств в целях их лучшей интеграции в новые социально-экономические реалии правительство Румынии приняло решение об укрупнении традиционных административно-территориальных единиц. По закону от 6 сентября 1950 г. 58 уездов Румынии были преобразованы в 27 областей и одну автономную область (Венгерская автономная область), которые в свою очередь делились на районы, города и коммуны⁸⁰. Особый статус получили восемь городов республиканского значения. В 1952 г. при посредничестве

⁷⁸ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. II. С. 407. Подробнее о коллективизации в Румынии см.: *Покивайлова Т.А.* Социалистическое преобразование сельского хозяйства Румынии. 1949–1962. М., 1974; *Colectivizarea agriculturii în România: dimensiunea politică.* București, 2000; *Colectivizarea în Maramureș: contribuții documentare: (1949–1962).* București, 2004; *Țărănimea și puterea: procesul de colectivizare a agriculturii în România (1949–1962).* București, 2005, и др.

⁷⁹ О трудностях румынской коллективизации начиная с 1949 г. и ее невысоких темпах докладывал секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу заместитель председателя Комитета информации МИД СССР И. Тугаринов в записке «О кооперации сельского хозяйства РНР» от 23 апреля 1957 г. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 230. Л. 127–132).

⁸⁰ Стенограмма заседания Совета министров РНР по вопросу об административно-экономическом делении территории страны опублик.: *România comunistă: statutul și propaganda: 1948–1953.* Târgoviște, 2005. P. 252–264; *Боттону С.* Создание венгерского автономного региона в Румынии (1952): предпосылки и последствия // Национальные

СССР румынские власти подготовили и одобрили проект новой Конституции, ставшей своего рода адаптацией сталинской Конституции 1936 г. По сравнению с предыдущей Конституцией 1948 г., новый Основной закон призван был закрепить первые успехи, достигнутые Румынией в строительстве социализма⁸¹.

С начавшимся укреплением позиций РРП антикоммунистические настроения в Румынии не утихли, а напротив, на волне проводимых реформ вспыхнули с новой силой. Широкое распространение получила вооруженная борьба, в ходе которой небольшие военизированные отряды находили убежище в лесах и горах. При поимке групп, действовавших в горах Баната, их нередко отождествляли с «титовскими шпионами». В антиправительственных выступлениях на этом этапе практически не участвовали рабочие, однако были задействованы бывшие офицеры королевской армии, представители бывших правящих классов, а также интеллигенция и лица, пострадавшие вследствие гонений на церковь. Начало коллективизации сельского хозяйства спровоцировало в крестьянской среде отдельные акции саботажа мероприятий по изъятию сельхозпродукции и разрушению единоличных хозяйств. Крупные волнения крестьян в 1949–1953 гг. были зарегистрированы в коммунах уездов Арад, Бихор, Яломица, Влашка. Они нередко заканчивались арестами, депортацией части населения. Под карательные акции была подведена законодательная база: в июле 1948 г. действовал декрет, предусматривавший различные меры наказания за саботаж. Показательно, что этот новый вид преступления ранее отсутствовал в румынском законодательстве⁸².

* * *

Стремясь укрепить идеологическое единство в РРП и правительстве, румынское руководство подвергало реформированию государственные структуры власти и проводило чистки в партии. В конце 1940-х гг. после удаления из госаппарата людей, связанных с «историческими» партиями — Национал-либеральной и Национал-царанистской — власть

меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение. М., 2014. С. 206–230.

⁸¹ *Pentelescu A. Caracterul Stalinist al Constituției din anul 1952. O abordare istorică // Anale Sighet 7. Anii 1949–1953: mecanismele terorii. București, 1999. P. 143–156.*

⁸² *Regimul communist din România: o cronologie politică (1945–1989). București, 2002. P. 50.*

столкнулась с острой нехваткой квалифицированных кадров. В 1949 г. Совет министров Румынии претерпел структурные изменения и кадровые перестановки ввиду того, что Георгиу-Деж считал прежнее правительство малоэффективным. Секретариатом РРП было принято решение об учреждении Президиума Совета министров, в который наряду с председателем П. Грозой вошли три его заместителя: генеральный секретарь ЦК РРП Георгиу-Деж, министр иностранных дел Паукер, министр финансов Лука. Помимо этого, на министра внутренних дел Т. Джорджеску и секретаря по пропаганде и культуре ЦК РРП Й. Кишиневского, которых предполагалось ввести в состав Президиума Совета министров, было возложено руководство отдельными министерствами. По рекомендации посла С. И. Кавтарадзе, вероятно, согласованной с руководством СССР, на должность председателя Госплана был назначен Мирон Константинеску, а Комитет государственного контроля возглавил Аврам Буначиу.

В целях укрепления идеологического единства в рядах партии было проведено несколько кадровых чисток. Ответом на резолюции Коминформа стала первая проверка членов партии на благонадежность. Она проходила с ноября 1948 по апрель 1950 г. В результате проверки и обмена партийных билетов больше всего пострадали члены прежней Социал-демократической партии. К этому времени относится и первая волна репрессий в отношении членов РРП и ее сторонников в период подпольной деятельности. Эта категория людей, в особенности те, кто находился долгое время в эмиграции, являлась наиболее опасной для Георгиу-Дежа, поскольку могла скомпрометировать его в глазах Сталина, опираясь на свой авторитет в Москве. За указанный период из партии, насчитывавшей свыше 850 тыс. членов, было исключено 192 881 чел., из них около 113 тыс. чел. — за враждебную деятельность и отклонение от линии партии, в том числе за «титовскую пропаганду». 259 исключенных были членами и сторонниками партии со времен подполья. Массовая чистка существенно сказалась на социальном составе РРП: за счет исключения значительного числа представителей буржуазии, интеллигенции, а также рабочего класса более половины членов партии оказались выходцами из крестьянского сословия⁸³. Репрессии, однако, практически

⁸³ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. II. С. 393–395; Istoria comunismului din România: documente. P. 565–569.

не изменили национальный состав РРП, даже несколько увеличили в ней долю национальных меньшинств.

С середины 1950 по 1952 г. из партии были исключены по меньшей мере 100 тыс. чел., в 1952 г. из рядов РРП вычищены еще 24,5 тыс. чел.⁸⁴ До середины 1952 г. прием в партию практически не осуществлялся, что в совокупности с репрессивными мерами внутри парт-аппарата значительно сократило ее ряды. В декабре 1953 г. с учетом приема новых членов численность РРП составляла 551,9 тыс. чел.⁸⁵

На фоне советско-югославского конфликта в Румынии продолжались репрессии против старого правительственного аппарата. За одну только «ночь чиновников» с 5 на 6 мая 1950 г. 66 бывших министров и государственных служащих, армейских генералов, деятелей науки и искусства, а также представителей оппозиционных партий были арестованы и этапированы в тюрьму г. Сигет. Среди них — Г. Брэтиану, Г. Тэтэреску, П. Бежан, А. Александрини, генерал Г. Маринеску, Р. Портокалэ, И. Пеливан, генерал Е. Георгиу, Р. Рошкулец, В. Папакостя, И. Нистор, К. Джиуреску и др.⁸⁶ «Тюрьма министров», как ее окрестили в народе, находилась рядом с советской границей. Помимо Сигета политзаключенных содержали еще в 44 тюрьмах, крупнейшими из которых были Питешти и Аюд.

Румынское руководство, однако, не спешило проводить крупный политический процесс, хотя Георгиу-Деж оперативно отреагировал на процесс по «делу» Райка: в ноябре 1949 г. он направил письмо в ЦК ВКП(б) с сообщением о решении РРП «перейти к расследованию положения некоторых членов партии с неясной, подозрительной деятельностью». Сработала, помимо прочего, «подсказка» Ракоши, передавшего компромат на десятки иностранных коммунистов, включая членов РРП. По просьбе Георгиу-Дежа для оказания помощи в разоблачении шпионов и вражеских элементов в Бухарест при-были два сотрудника МГБ СССР⁸⁷.

⁸⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 298. Л. 17–37.

⁸⁵ Istoria comunismului din România: documente. P. 568.

⁸⁶ Советский фактор в Восточной Европе. Т. 2. С. 325–326. Полный список арестованных в ночь с 5 на 6 мая 1950 г. см.: *Secașiu C.* “Noaptea demnitarilor” (5/6 mai 1950). *Distrugerea elitei politice românești // Revista 22.* București, 1998. 18–24 august. P. 10–12.

⁸⁷ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. II. С. 219.

Главным итогом внутрипартийных чисток в годы советско-югославского конфликта, включая и «высший уровень» — Политбюро ЦК РРП, явилось сосредоточение в 1952 г. всех рычагов власти в руках Георгиу-Дежа.

* * *

С принятием первой антиюгославской резолюции Информбюро на бухарестском совещании ряды КПЮ, как и других партий, раскололись на сторонников и противников решения Коминформа. После 28 июня 1948 г. пачки писем и телеграмм декларативного характера из Югославии и других стран направлялись руководству СССР и членам «социалистического лагеря»⁸⁸. Помимо полярных суждений (абсолютная солидарность или резкая критика в связи с принятой резолюцией), они выражали также и сомнение в наличии объективных причин для глубоких противоречий в рядах международного рабочего и коммунистического движения. Одна из телеграмм в поддержку резолюции за подписью сотрудников югославского посольства в Вашингтоне и постоянного представительства ФНРЮ в ООН в Нью-Йорке была передана советнику по прессе румынской дипломатической миссии в столице США А. Лэзэрян. В пятницу 17 июля Лэзэрян встретился с пресс-атташе посольства Югославии С. Ивановичем по просьбе последнего. Иванович попросил отправить Паукер шифрограмму в поддержку резолюции для опубликования ее в румынской прессе 19 июля. В декларации звучали призывы к скорейшему возвращению КПЮ на путь пролетарского интернационализма, под крыло СССР, причем подписавшие ее лица рассчитывали, что это может произойти на предстоящем V съезде КПЮ. В силу этого было важно, чтобы письмо появилось в печати до начала партийного форума. Сотрудники румынского дипломатического представительства не могли гарантировать югославским коллегам выполнения ни одной из их просьб, не имея достаточных на то полномочий. Из-за бюрократических проволочек текст декларации с комментариями А. Лэзэрян был отправлен в Бухарест только 28 июля⁸⁹, уже после закрытия съезда КПЮ. По словам Ивановича, в Белград письмо было отправлено еще 7 июля, его также планировалось передать ТАСС и пресс-атташе посольства

⁸⁸ См., напр.: Schisma roşie. P. 104–115, 141–146, 166–168.

⁸⁹ Ibid. P. 141–146.

Чехословакии. Дальнейшая судьба этого документа в Румынии неизвестна. Подобных телеграмм со временем становилось всё меньше, хотя ситуация в Югославии побуждала сторонников резолюции Информбюро к поискам выхода. Часть из них начинает покидать родину, ища политическое убежище в СССР и европейских странах «социалистического лагеря». Румыния, имея общую границу с Югославией, одной из первых столкнулась с волной беженцев, покидавших страну по разным мотивам, в том числе политическим.

Часто бежали за границу те югославские коммунисты, которые после принятия резолюции Коминформа стали подвергаться преследованиям на родине как политически неблагонадежные. Покидали страну и исключенные из КПЮ летом 1948 г. Показательна судьба депутата югославского парламента, секретаря контрольной комиссии Воеводины Д. Новака (в другом варианте — Новаков. — *А. Г.*)⁹⁰. После обнародования резолюции он был исключен из партии и несколько месяцев, перейдя на нелегальное положение, провел в ожидании ареста. В августе 1949 г. Новак предпринял попытку перебраться в Венгрию, но был задержан пограничниками, и позднее смог покинуть родину через румынскую границу. Однако в Румынии впоследствии Новак был причислен к «агентам Тито» и провокаторам⁹¹.

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. из Румынии осуществлялась переброска антиюгославской пропагандистской литературы, с ее территории велось радиовещание на Югославию. В этой работе важную роль играли югославские политэмигранты. В Румынии их насчитывалось, по некоторым данным, 147 чел., в том числе 122 члена КПЮ. В конце сентября 1948 г. бывший югославский посол в Бухаресте Р. Голубович, высказывая свои соображения по поводу создания нелегального руководства КПЮ, писал в Москву о важности формирования широкой сети агентов для распространения пропагандистской литературы на территории Югославии. Каналы ее поступления в разные регионы страны предстояло наладить с территории соседних государств. Так, через Румынию материалы было удобнее всего переправлять в Сербию и Воеводину⁹². Весной 1949 г. Секретариат Информбюро обсуждал возможность использования

⁹⁰ Биографию Д. Новака см.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 88. Л. 103–109.

⁹¹ Об аналогичных случаях см.: РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 113. Л. 140–151.

⁹² Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. С. 623.

политэмигрантов в борьбе с «кликой Тито» путем привлечения их к работе по распространению пропагандистских материалов в соседних странах и на территории самой Югославии⁹³. В этой связи 18 апреля 1949 г. решением Секретариата ЦК РРП при Международном отделе ЦК был учрежден Югославский сектор по работе с политэмиграцией, который возглавила Лидия Лэзэреску (настоящее имя Лиза Лазарович. — А. Г.). В его функции входило оказание поддержки членам КПЮ и другим политэмигрантам (в том числе их политподготовка), а также распространение пропагандистской литературы на территории Югославии. Наряду с Лэзэреску активное участие в координировании работы Югославского сектора принимали кандидаты в члены ЦК РРП Гизела Васс, партработники Ольга Дойч и Андрей Гоанцэ (настоящие имена двух последних неизвестны. — А. Г.). 14 декабря 1949 г. при Югославском секторе была учреждена парторганизация политэмигрантов⁹⁴.

Деятельность эмигрантов находилась и в ведении единого Координационного центра югославской революционной эмиграции, который в апреле 1953 г. был преобразован в Союз югославских патриотов за освобождение Югославии от фашистского ига клики Тито–Ранковича и империалистического рабства. Руководил эмигрантской организацией генерал-политэмигрант Перо Попивода⁹⁵, а ее штаб располагался в Москве. 23–25 апреля 1953 г., т. е. уже после смерти Сталина, в Бухаресте проходила I Конференция Союза югославских патриотов под председательством Попивода. Главной задачей Союза по-прежнему оставалась «ликвидация титовского фашистского режима и империалистического рабства». По итогам мероприятия было постановлено «устранить недостатки в работе Союза, а именно усилить пропаганду <...> направить всю деятельность эмигрантской среды на борьбу с режимом Тито». Путем политико-воспитательной

⁹³ Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. С. 152.

⁹⁴ Schisma roşie. P. 239.

⁹⁵ Попивода Перо (1916–1979) — член КПЮ с 1937 г., участник национально-освободительной борьбы в годы Второй мировой войны. В 1947 г. закончил Академию им. Фрунзе, получил звание генерал-майора, стал заместителем командующего ВВС Югославии. В середине августа 1948 г. перелетел в Румынию, где через несколько дней выступил с письмом против Тито. В сентябре того же года был направлен в Москву. 25 января 1953 г. Попивода обратился к Г. М. Маленкову с просьбой разрешить ему продолжить военное обучение в Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 88. Л. 1).

работы предполагалось укрепить организационное единство Союза и очистить его ряды от «вражеских элементов»⁹⁶. Решения конференции по мере ослабления антиюгославской кампании после смерти Сталина постепенно утратили свою актуальность.

К эмигрантам из Югославии румынские власти далеко не всегда относились с пониманием и благосклонностью. Иногда эти люди попадали в застенки органов государственной безопасности Румынии, а затем в тюрьмы. Позднее процедура приема эмигрантов стала более толерантной. После проведения румынскими властями расследований многие перебежчики признавались политэмигрантами, остальным просто предоставлялось убежище в Румынии⁹⁷. Однако, судя по документам, к таким лицам румынская сторона в условиях нараставшей шпиономании нередко проявляла недоверие, что становилось катализатором разногласий среди самих политэмигрантов⁹⁸. После установления личности прибывших и изучения их политической благонадежности (этим занимался Югославский сектор Международного отдела ЦК РРП) прошедшие проверку получали разрешение вступить в ряды Союза коммунистической молодежи Румынии и в РРП⁹⁹.

Печатным органом югославской политэмиграции в Румынии стала газета «Под знаменем интернационализма», учрежденная решением Секретариата ЦК РРП от 18 апреля 1949 г.¹⁰⁰ С мая того же года газету стали издавать на сербском языке два раза в месяц. Ее главным редактором был утвержден Д. Новак. Под его руководством был сформирован состав редакции газеты, в дальнейшем одобренный Секретариатом ЦК РРП. Помощь в работе редакции оказывали партработники, в частности О. Дойч. Тираж издания был рассчитан на распространение не только в Румынии, но и на территории Югославии. Обязанности по пересылке газет возложили на партработника Б. Романа¹⁰¹.

Эмигрантская среда была довольно разношерстной: политическое убежище запрашивали не только члены КПЮ, но и рядовые граждане, нередко студенческая молодежь. Среди эмигрантов оказались офицеры, адвокаты, служащие, сельскохозяйственные рабочие. При

⁹⁶ Там же. Д. 89. Л. 51–54.

⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 69. Л. 175.

⁹⁸ Там же. Д. 64. Л. 158–160.

⁹⁹ *Буца В., Дуак К.* Устная информация.

¹⁰⁰ Решение Секретариата ЦК РРП от 18 апреля 1949 г. см.: Schisma roşie. P. 204–205.

¹⁰¹ Ibid.

составлении автобиографий был выявлен их в целом низкий уровень образования и политической подготовки. Эмигрантов с высшим образованием фактически не было, редким исключением оказались и те, кто имел гимназическое или неполное высшее образование¹⁰². Наиболее способные эмигранты, которым можно было доверить ответственную работу, направлялись на обучение в Москву. Чаще всего они уже знали русский язык, либо начали его изучение в Румынии. Многие политэмигранты и сами проявляли инициативу в стремлении попасть в СССР, где они рассчитывали пройти обучение для борьбы с «титовцами» и ознакомиться с опытом строительства социализма. В феврале 1949 г. в аппарат ЦК РРП было направлено обращение за подписью 24 эмигрантов с просьбой направить их на учебу в Советский Союз¹⁰³. Так как в самой Румынии оставались менее квалифицированные кадры, в том числе не имевшие образования, для них было организовано обучение: открывались политические школы, организовывались годичные курсы и кружки по истории ВКП(б). Часть югославы проходила обучение в профсоюзных и молодежных школах. В силу того, что Бухарест стал местом пребывания штаб-квартиры Коминформа, в румынской столице периодически проходили совещания представителей югославской эмиграции из разных стран, на которых обсуждались организационные вопросы борьбы с режимом Тито¹⁰⁴.

Несмотря на предпринимаемые усилия по подготовке политэмигрантов, их работа вызывала сильное недовольство у румынского партаппарата в силу ее малой эффективности. Кроме того, конфронтация с Югославией, усилившая шпиономию и поиск «титовской агентуры», ставила под удар в первую очередь самих эмигрантов. К их деятельности в партаппарате РРП и по линии Коминформа относились скептически и с большим недоверием. Подозрение коснулось даже бывшего посла Р. Голубовича. В любом югославском гражданине румынские власти видели шпиона. Внутренние распри и шпиономания проявлялись и в самой эмигрантской среде, о чем свидетельствует обилие доносов политэмигрантов друг на друга. Так, в одном из доносов указывалось на проведение рядом лиц «вражеской деятельности с целью раскола эмигрантской среды,

¹⁰² Данные о беженцах см.: РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 113. Л. 140–151; Д. 69. Л. 175.

¹⁰³ Советский фактор в Восточной Европе. Т. 2. С. 37–38.

¹⁰⁴ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. II. С. 735–736.

деморализации людей, разжигания недовольства условиями их содержания в Румынии»¹⁰⁵.

С 1949 г. из Бухареста осуществляла вещание на ФНРЮ радиостанция политэмигрантов «Свободная Югославия», в работе трех редакций которой (сербохорватской, македонской, словенской) были задействованы 15 политэмигрантов. Передачи основывались на материалах газет «Правда», «За прочный мир, за народную демократию!», прессы стран народной демократии, информационных бюллетеней ТАСС и румынского агентства Аджерпресс. Однако работа радиостанции оказалась фактически оторвана от руководящего центра — Исполкома Союза югославских патриотов, находившегося в Москве¹⁰⁶. В июне 1953 г. сотрудники Секретариата Информбюро А. Котеленец и М. Митин в своем обзоре деятельности радиостанции отмечали, что ее пропаганда не отвечает современным задачам. В первую очередь указывалось на низкий уровень идейного содержания радиопередач, их поверхностный характер, путаницу в оценке событий. Кроме того, белградские газеты приходили на радиостанцию с опозданием на неделю и больше, а значит, теряла свою актуальность содержащаяся в них информация. Эти трудности были обусловлены отсутствием в редакции коллегиального руководства и профессиональных пропагандистских кадров, лучшие силы которых были сосредоточены в газете «За социалистическую Югославию»¹⁰⁷ и других печатных органах Союза югославских патриотов. Исполкому организации было рекомендовано: создать редколлегию из пяти человек, подобрать двух квалифицированных обозревателей, практиковать запись на пленку выступлений и обращений к народу авторитетных политэмигрантов, ввиду опоздания белградской прессы организовать при редакции группу из двух человек по прослушиванию югославских радиостанций¹⁰⁸. В сентябре 1953 г. Попивода обратился к секретарю ЦК КПСС М. А. Суслову с письмом, в котором

¹⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 113. Л. 158–159.

¹⁰⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 88. Л. 222, 224.

¹⁰⁷ Газета «За социалистическую Югославию» до октября 1952 г. являлась органом югославской политэмиграции в СССР. После публикации в «Правде» 14 октября 1952 г. речи П. Попиводы на XIX съезде ВКП(б)–КПСС «Выступление от имени «Союза югославских патриотов по освобождению народов Югославии от фашистского гнева клики Тито–Ранковича и империалистической неволи» газета стала именоваться органом Союза югославских патриотов (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 88. Л. 237).

¹⁰⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 88. Л. 222–225.

настоятельно просил удовлетворить его просьбу об изменении штата сотрудников радиостанции для улучшения ее работы¹⁰⁹. К концу года просьба была удовлетворена. На работу в Бухарест были направлены главный редактор болгарской газеты «Напред» Тодорович и литературный сотрудник газеты «За социалистическую Югославию» Кариня. Тогда же была создана редколлегия, которая стала собираться не реже раза в неделю для решения вопросов пропаганды и проведения организационных мероприятий¹¹⁰.

Под контролем Коминформа в Румынии издавались пропагандистские материалы на славянских языках для распространения на территории Югославии (через Румынию в ФНРЮ пересылались газеты «За социалистическую Югославию», «Под знаменем интернационализма», брошюры и листовки). Они посылались в страны «социалистического лагеря», а также в места пребывания старой югославской эмиграции, в том числе в Северную и Южную Америку, Италию, Францию. В среднем в Румынии на сербском языке издавалось около 10–15 тыс. экз. брошюр и 20–25 тыс. листовок ежемесячно, но их путь в Югославию был трудным и долгим, поэтому нередко они оставались в больших количествах на территории Румынии. Согласно советским документам, материалы переправлялись посредством международных каналов РРП и при содействии местного сербского населения, проживавшего в приграничных районах РНР. За первое полугодие 1951 г. румынской стороне удалось переправить в Югославию около 100 тыс. газет, листовок и брошюр, т. е. в среднем менее половины изданных за этот период экземпляров. Большинство брошюр и листовок представляли собой перепечатки передовиц и установочных статей из газет «За прочный мир, за народную демократию!» и «За социалистическую Югославию»¹¹¹. Кроме того, в свет выходили брошюры с характерными названиями: «Клика Тито — злейший враг социализма» (автор Георгиу-Деж), «Предательство социализма» (автор Паукер) и др. Материалы, издававшиеся в Москве, направлялись в другие страны «социалистического лагеря», как правило через Бухарест, который был своего рода перевалочной базой¹¹². Брашовская радиостанция ретранслировала советские радиопере-

¹⁰⁹ Там же. Л. 226.

¹¹⁰ Там же. Л. 227, 262.

¹¹¹ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. II. С. 591–593.

¹¹² Советский фактор в Восточной Европе. Т. 2. С. 216–222.

дачи на территорию ФНРЮ¹¹³. Трудности в переправке литературы в Югославию обусловили создание при Секретариате ЦК РРП особой группы из 15–20 чел. во главе с В. Мурешану, которая стала заниматься организацией каналов для распространения печатной продукции¹¹⁴.

* * *

Эскалация обвинений в отношении КПЮ провоцировала всё новые и новые репрессии в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Клеймо «титоиста» могли поставить на любого человека, никто не был застрахован от этого. Шпиономания, охватившая страны «социалистического лагеря» в конце 1940-х — начале 1950-х гг., не обошла стороной и Румынию¹¹⁵. Трудно судить, насколько обоснованными были многочисленные обвинения в адрес тех или иных партийно-государственных чиновников и рядовых граждан, поскольку методы получения информации от лиц, попадавших в застенки органов госбезопасности, были самыми разными. Однако нельзя полностью отрицать существование в Румынии в условиях разгоравшейся холодной войны агентурной сети Запада, не говоря уже о деятельности на территории страны оппозиционно настроенных лиц, в том числе сочувствовавших Югославии. 21 октября 1948 г. передовая статья «Скынтейи» указала на наличие в стране троцкистских организаций¹¹⁶. О действовавшей агентуре можно косвенно судить хотя бы по тому, что сведения об утечке секретной информации поступали периодически в аппарат ЦК ВКП(б), о них неоднократно докладывал Георгиу-Деж сотрудникам советского посольства в Бухаресте¹¹⁷. На территории Румынии, как и других стран формирующегося советского блока, вели свою работу западные разведки, ими активно собиралась и передавалась информация о ситуации в советской сфере влияния. Однако масштабы

¹¹³ Там же. С. 341–342.

¹¹⁴ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. II. С. 594.

¹¹⁵ Подробнее о шпиономании в РНР в 1948–1956 гг. см.: *Ilinca A., Bejenaru L. M.* 1) Spiono-manie și controlul informațiilor în perioada stalinizării României (1948–1953) // Studii și materiale de istorie contemporană. București, 2006. Vol. 5. P. 121–152; 2) Spiono-manie și controlul informațiilor în România populară după moartea lui Stalin (1953–1956) // Studii și materiale de istorie contemporană. București, 2007. Vol. 6. P. 118–135.

¹¹⁶ Подробнее об антиюгославских мероприятиях РРП см.: РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 103. Л. 99–108.

¹¹⁷ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. II. С. 522–523, 585–588.

выявления и «разоблачения» шпионов значительно превосходили их реальную активность. В Румынии была проведена серия сфальсифицированных судебных процессов по обвинению противников режима в сотрудничестве с англо-американскими спецслужбами, связях с Ватиканом, румынской эмиграцией, сионистскими организациями¹¹⁸. Среди реальных случаев заброски шпионов на территорию Румынии следует упомянуть о группе «Роберт». В ночь со 2 на 3 октября (по другим данным, с 1 на 2 октября) 1952 г. в район коммуны Плопшор на парашютах были сброшены два бывших legionera — А. Тэнасе и М. Попович, агенты американской и французской разведок. Они были задержаны румынскими органами безопасности лишь 30–31 мая 1953 г. В октябре 1953 г. в Бухаресте прошел открытый показательный процесс¹¹⁹ по их делу с привлечением к нему и других арестованных лиц¹²⁰. В обвинительном акте указывалось, что подсудимые принадлежали к разведывательным службам Франции, Греции и других капиталистических стран, поддерживавшим связи с legionerami, фашистами, военными и уголовными преступниками, бежавшими за границу, во главе с Х. Сима, Б. Траяном, Д. Мирча, М. Мирча и др. Эти люди, как утверждалось, проходили обучение в специальных школах для осуществления в дальнейшем диверсионной деятельности. Парашютисты были хорошо экипированы и разбрасывали листовки на территории страны¹²¹. 12 октября из 16 человек, проходивших по делу, 13 были приговорены Бухарестским военным трибуналом к расстрелу. Решение это предварительно было принято на заседании Политбюро ЦК РРП 2 сентября с подачи Георгиу-Дежа¹²². Таким образом, процесс и его развязка представляли собой превентивную меру в деле борьбы с противниками режима РРП и обличали перед обществом «преступные» замыслы западных держав.

Сложнее судить о степени развитости агентурной сети Югославии в 1948–1953 гг., которая, если верить официальной советской

¹¹⁸ Там же. С. 615.

¹¹⁹ Процесс освещался в центральной румынской прессе (Scînteia. 1953. 10–13 octombrie).

¹²⁰ Istoria comunismului din România: documente. P. 398. О мероприятиях по поиску А. Тэнасе и М. Поповича см: Ibid. P. 398–404.

¹²¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 28. Л. 172–186.

¹²² Chirițoiu M. Rolul Biroului Politic al CC al PMR în instrumentarea proceselor politice din România anilor 1949–1953 // Analele Sighet 7. Anii 1949–1953. Mecanismele terorii. București, 1999. P. 281–292.

и румынской пропаганде, якобы охватила все страны Центральной и Юго-Восточной Европы. В условиях острого политического кризиса сфабрикованные в Румынии политические процессы против «агентов Тито» были необходимы для того, чтобы подчеркнуть солидарность румынского руководства с Москвой и показать бдительность Бухареста в борьбе с «врагами народной власти». Поэтому в ходе фальсифицированных судебных процессов тех лет наряду с обвинениями в связях с западными разведками и Ватиканом неизменно присутствовали и обвинения антиюгославского содержания.

* * *

Антиюгославская кампания нашла свое отражение в репрессиях против представителей национальных меньшинств. В первую очередь она коснулась немецкого населения Баната — швабов. Еще в марте 1945 г. в результате проведения аграрной реформы у всех румынских граждан немецкой национальности были конфискованы земельные наделы¹²³. В условиях обострения румыно-югославских отношений кампания возобновилась с новой силой. В соответствии с решением Министерства внутренних дел РНР от 18 июня 1951 г. была проведена депортация 4580 этнических немцев в разные уезды на юго-востоке страны. Среди них было 1085 кулаков, 76 бывших помещиков, 982 коллаборациониста и 2537 чел., квалифицированных просто как швабы (т. е. немцы-католики). Последние проживали в западных, пограничных с Югославией, районах страны. В условиях антиюгославской кампании, по мнению властей, эти люди, будучи политически ненадежными, представляли угрозу для национальной безопасности Румынии. С началом нормализации румыно-югославских отношений правительство восстановило немцев в правах на землю и имущество в марте 1954 г., часть из них вернулась в родные края. Однако для жителей сельской местности условием реализации гражданских прав стало обязательное вступление в колхозы¹²⁴.

¹²³ В апреле 1945 г. было принято распоряжение, по которому земли конфисковали не только у немцев, но и у всех граждан Румынии, состоявших в годы войны в немецких фольксгруппах (см. подробнее: *Покивайлова Т.В.* Межнациональные конфликты в Трансильвании и румынском Банате в период проведения аграрных реформ 1921 и 1945 гг. // Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение. М., 2014. С. 173–187).

¹²⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 166. Л. 67.

Другим объектом притеснения со стороны властей, в том числе и насильственных переселений, стали проживавшие в Банате сербы Румынии. В годы Второй мировой войны они создали Славянский антифашистский фронт (САФ), члены которого, как уже отмечалось, воевали на стороне партизанских отрядов Тито. После 1945 г. часть румынских сербов выступила с инициативой о передаче Баната Югославии. Это привело к роспуску САФ и созданию Союза славянских культурно-демократических объединений Румынии (ССКДОР), находившегося в середине 1948 г. под полным контролем РРП. С началом советско-югославского конфликта в Банате развернулась «охота на титоистов», в которой принимал участие и Союз вплоть до своего роспуска в 1953 г. Однако с принятой Исполкомом ССКДОР летом 1948 г. резолюцией по Югославии были согласны не все члены организации. На М. Тодорова, фактического лидера румынских сербов, властями было оказано давление, чтобы он согласился выступить против политики Тито¹²⁵. М. Тодоров и Б. Станоевич приняли решение отклонить принятый ранее документ и составили антирезолуцию, разослав ее на подпись членам организации. Все члены Исполкома были арестованы. Наряду с сотрудниками югославского посольства в Бухаресте и рядовыми сербами в 1950 г. они оказались в числе подсудимых на процессе против «группы шпионов и предателей, находившихся на шпионской службе фашистской клики Тито».

В 1950–1951 гг. в Бухаресте и Тимишоаре прошла серия открытых процессов над «агентами Тито». Осуществление этих процессов проходило под контролем Москвы, направившей в Румынию группу сотрудников госбезопасности. При сохранении основного советского воинского контингента в Румынии войска НКВД, несшие охранную функцию, покинули ее территорию еще в конце 1945 г. В условиях советско-югославского конфликта Сталин считал необходимым присутствие сотрудников МГБ СССР в европейских социалистических странах для стабилизации обстановки и оказания конкретной помощи в борьбе с внутренними и внешними врагами. Российский историк Н. В. Петров утверждает, что решения о командировании советников принимались лично советским лидером, но в ответ на соответствующие запросы национального

¹²⁵ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 69. Л. 102–114.

руководства¹²⁶. Дело выглядело так, что командирование советских сотрудников в соцстраны было личной инициативой их руководства, а не превентивной мерой Москвы. Такая просьба была составлена и румынами. Сталин в ответном письме за подписью «Филиппов» от 15 ноября 1949 г. распорядился командировать в Румынию советников МГБ СССР А. М. Сахаровского и С. В. Патракеева на основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 13 июня¹²⁷. 24 марта 1950 г. Сахаровский был назначен на должность старшего советника. В его подчинении находился аппарат из семи консультантов при органах госбезопасности РНР, которым тем самым была оказана важная практическая помощь. При непосредственном участии советников румынскими «силовиками» был вскрыт и ликвидирован ряд резидентур американской и английской разведок, а также реально существовавших подпольных организаций¹²⁸. Трудно судить об обоснованности предъявленных обвинений лицам, проходившим по политическим делам в эти годы: в обвинительных актах вымысел переплетался с реальностью. Вот что сообщали работники советского посольства в Бухаресте об одном из крупнейших в Румынии процессов против «титоистов» (процесс против «группы шпионов и предателей, находившихся на шпионской службе фашистской клики Тито»), основываясь на материалах румынской прессы: «1 августа 1950 г. военным трибуналом Бухареста был начат процесс над “агентами фашистской клики Тито”. В шпионаже в пользу Югославии были обвинены двенадцать сербов (М. Тодоров, Б. Латсич, Н. Медич, М. Адамов, Д. Баслер, Ж. Петров, А. Пейович, Б. Станоевич, М. Силин, С. Радосавлиевич, Н. Милутинович, В. Недич¹²⁹), четверо из которых являлись гражданами ФНРЮ (двое, Б. Латсич и Н. Медич, были работниками югославского посольства в Бухаресте¹³⁰)». Антигосударственную деятельность по «подрыву строительства социализма в РНР», по свидетельству

¹²⁶ Петров Н. В. По сценарию Сталина. Роль органов НКВД–МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 гг. М., 2011. С. 222, 226.

¹²⁷ Schisma roşie. P. 237–238; Петров Н. В. По сценарию Сталина. С. 226.

¹²⁸ А. М. Сахаровский находился в Румынии с ноября 1949 г. В марте 1950 г. был назначен старшим советником МГБ СССР при МГБ Румынии. В ноябре 1952 г. вернулся в СССР. Подробнее о Сахаровском и Патракееве см.: Петров Н. В. Кто руководил органами госбезопасности, 1941–1954: Справочник. М., 2010. С. 678–679, 771–772.

¹²⁹ Buzatu G., Chriţoiu M. Procesul «titoiştilor» // Document. Buletinul Arhivelor Militare Române. 1999. N 1. P. 48.

¹³⁰ Ibid.

обвинителей, «шпионы» начали еще в сентябре 1944 г.¹³¹ Здесь видим явное противоречие, так как в 1944 г. еще не было и речи о социалистических перспективах страны. В румынском Банате в 1944 г. действительно существовал один из центров по сбору разведанных, но главной целью в те годы являлось присоединение Баната к возродившейся после оккупации Югославии. Материалы уголовного дела свидетельствовали о том, что агенты вербовались из сербского населения Баната, прежде всего из числа сторонников командовавшего четниками¹³² Дражи Михайловича. Главным организатором этой группы был объявлен бывший офицер югославской королевской охраны Душан Иванович, который прибыл в Румынию в декабре 1944 г. в качестве торгового представителя Югославии, а затем работал секретарем югославского посольства в Бухаресте. В мае 1948 г. он выехал на родину, и руководить разведывательной работой стали другие офицеры УДБ в Румынии, в том числе майор Ранко Зец¹³³. Подсудимым инкриминировались следующие преступления: организация шпионской сети; сбор экономической, политической и военной информации; организация складов оружия, распространение титовской литературы, ложных слухов и т. п.¹³⁴. Судя по тому, что данная организация была создана в годы войны, часть обвинений в отношении ее членов являлась вполне обоснованной. Однако действия, приписываемые организации с началом советско-югославского конфликта, прямого отношения к ее прежней деятельности не имели. Они служили лишь «доказательством» причастности сербов к шпионажу в пользу Тито, который, возможно, и вовсе не имел места.

Членам ССКДОР Тодорову и Станоевичу инкриминировалось, что еще в 1947–1948 гг. их принудили пойти на стговор с югославами, и через них осуществлялась передача информации о Румынии. Вероятно, для того чтобы обосновать факт закрытия югославского книжного магазина в Тимишоаре, его работники также проходили

¹³¹ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 38. Папка 41. Д. 60. Л. 53–54; *Buzatu G., Chrițoiu M. Procesul “titoiștilor”*. P. 48.

¹³² Четническое движение в годы Второй мировой войны — это сербская партизанская организация монархического толка, осуществлявшая под руководством генерала Драголюбa (Дражи) Михайловича подрывную деятельность как против оккупантов, так и против партизанских отрядов Тито.

¹³³ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. II. С. 405–409.

¹³⁴ Там же. С. 406.

по делу в качестве «титовских агентов». 7 августа суд под председательством генерал-майора юстиции А. Петреску¹³⁵ признал вину подсудимых. Сербы были приговорены к разным срокам заключения (от 3 до 25 лет) вплоть до пожизненного пребывания в тюрьме (М. Тодоров и Б. Станоевич, Б. Латсич), а трое фигурантов по делу (Д. Баслер, Н. Милутинович и В. Недич) — к смертной казни¹³⁶. В результате этого и других судебных процессов 1950–1951 гг. в Румынии пострадали в общей сложности около ста сербов.

В условиях борьбы с «кликой Тито» в марте 1953 г. существовавший до тех пор Демократический комитет сербского населения попал в список комитетов национальных меньшинств Румынии (в частности венгерского, немецкого, еврейского и пр.), деятельность которых прекращалась. Это мероприятие было осуществлено с целью установления контроля РПП над жизнью этнических групп через народные советы и культурные организации¹³⁷.

Советско-югославская полемика наложила свой отпечаток и на политику румынского руководства в отношении евреев. Координирующим органом еврейских организаций был Еврейский демократический комитет, который в первые послевоенные годы занимался решением проблем еврейского меньшинства, привлечением его в ряды КППР, а после 1948 г. начал осуществлять борьбу с идеями и движением сионистов под влиянием начавшейся тогда антиеврейской кампании в СССР. В июне 1948 г. были установлены дипломатические отношения Румынии с Израилем, после чего евреи стали массово подавать заявления на выезд из страны¹³⁸. Но через считанные месяцы, после того как Израиль «не оправдал» сталинских надежд в качестве возможного проводника советской политики, отношения испортились. В этих условиях в декабре 1948 г. Политбюро ЦК РПП приняло резолюцию по национальному вопросу, в которой не только изобличалась «предательская клика в руководстве КПЮ», но и содержались

¹³⁵ А. Петреску (ум. 1977) — генерал-майор юстиции, военный судья. Председательствовал на многих громких политических процессах межвоенного периода, а также в 1941–1954 гг. В 1952–1954 гг. — руководитель Бухарестского территориального военного трибунала.

¹³⁶ *Buzatu G., Chrițoiu M. Procesul “titoiștilor”*. P. 48–49; Подробнее см. сборник документов по этому уголовному делу: “Procesul titoismului” in România (1950): documente. Iași, 2015.

¹³⁷ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. II. С. 894–896.

¹³⁸ Там же. С. 407.

нападки на сионизм — «реакционное националистическое политическое движение еврейской буржуазии»¹³⁹. Резолюция положила начало повсеместной борьбе с так называемым национальным шовинизмом — это понятие распространялось как на политику «клики Тито», так и на многие другие явления. Антимиграционная пропаганда проводилась в еврейской общине Румынии повсеместно. В 60 филиалах комитета в провинции специально подготовленные активисты вели среди евреев разъяснительные беседы антиссионистского содержания. Пропагандисты посещали евреев по месту жительства, содействовали постановке соответствующих пьес в театрах, организовывали лекции в школах с преподаванием на идише и конференции на тему жизненных трудностей евреев, уехавших в Израиль. В периодическом издании комитета «Новая жизнь» публиковались материалы о плохих отношениях с Израилем, в вину которому вменяли дипломатические отношения с «американскими империалистами». Еврейское население активно выступало против деятельности комитета. Несмотря на пропагандистские мероприятия, эмиграция не сокращалась, достигнув высшей отметки в 1951 г. С 1948 по 1951 г. страну покинули 117 950 евреев. После 1952 г. процесс пошел на убыль, в связи с чем работа комитета была приостановлена. Сокращение еврейской эмиграции пришлось на пик антисемитской кампании в Румынии. В 1953 г. Еврейский демократический комитет был распущен, закрылись его региональные органы, была упразднена пресса¹⁴⁰.

Помимо судебных разбирательств, в рамках антиюгославской кампании правительством Румынии был осуществлен ряд мер по укреплению румыно-югославской границы. В марте 1951 г. Совет министров принял постановление, согласно которому Министерство внутренних дел страны получило «право перемещать любых лиц из населенных пунктов, чье присутствие в этих местах является неоправданным или ставит под угрозу строительство социализма в РНР»¹⁴¹. Это решение стало обоснованием осуществленных в 1951 г. депортаций населения из пограничных с Югославией юго-западных

¹³⁹ Regimul communist dîn România: o cronologie politică. P. 55.

¹⁴⁰ Răzvan F.M. Comitetul Democrat Evreiesc, II, Propaganda anti-sionistă 1952–1953 // Arhivele totalitarismului. București, 2007. N 1–2. P. 185–186.

¹⁴¹ Постановление правительства «Детальные меры, принятые руководством МВД по “перемещению опасных элементов” на расстояние 25 км от границы с Югославией» от 6 марта 1951 г. опубл.: Istoria comunismului dîn România: documente. P. 317–322.

районов (глубиной до 25 км от границы) страны. Правительство опасалось наличия компактного немецкого населения в Банате и в связи с этим создания независимой республики в регионе — пропаганда говорила об этом в контексте критики политики западных держав, направленных на оживление западногерманского милитаризма.

Депортации решали одновременно несколько задач. С одной стороны, выселению подвергались политически неблагонадежные с точки зрения властей элементы. Под эту категорию в условиях советско-югославского конфликта попадали представители конкретных наций (немцы, сербы, хорваты) и региональных общностей (бессарабцы). Кроме того, государство таким образом решало задачу борьбы с противниками коллективизации в регионе¹⁴². Рассматривая проблему депортаций, следует учитывать и намерение румынского руководства «поднять» отстающие в экономическом отношении районы, используя труд переселенцев.

Массовая депортация началась в ночь с 18 на 19 июня 1951 г., она охватила 172 населенных пункта (находившихся в 25-километровой зоне от румыно-югославской границы) трех румынских областей — Тимишоара, Арад, Крайова (по старому административному делению до 1950 г. это были уезды Тимиш, Караш-Северин, Мехидинци), расположенных в области Банат, отличающейся, как уже ранее говорилось, пестротой национального состава. Переселению подверглись этнические сербы, хорваты, швабы, беженцы из Бессарабии и Буковины, арумыны¹⁴³. В общей сложности места проживания вынуждены были покинуть около 40 тыс. чел., в том числе 10 тыс. этнических немцев, около 2 тыс. сербов и хорватов¹⁴⁴. Нота протеста югославского правительства в связи с переселением осталась без ответа. Люди были депортированы на юго-восток страны в слабообжитую Бэрэганскую степь¹⁴⁵.

¹⁴² *Castellan G.* The Germans of Rumania // *Journal of contemporary history.* London, 1971. N 1. P. 71.

¹⁴³ Арумыны — южнодунайские румыны, романизированные потомки фракийско-илирийского населения Балкан. В настоящее время относительно компактно проживают в Греции, Албании, Македонии, Сербии, Хорватии, Болгарии, а также и в самой Румынии.

¹⁴⁴ *Милин М., Степанов Л.* Бараганска Голгота. Срба у Румунији. 1951–1956. Тешвар, 1996. С. 7.

¹⁴⁵ *Гладышева А. С.* Векторы румынской политики в отношении национальных меньшинств, 1945–1989 // *Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение.* М., 2014. С. 198.

Переселенцев, собравших установленный минимум вещей, отконвоировали на железнодорожные станции, где их уже ждали железнодорожные составы¹⁴⁶. Но из-за отсутствия достаточного количества локомотивов отправка растянулась на несколько дней, в течение которых люди находилось под надзором румынской службы безопасности — Секуритате. Во время проведения депортации к границе было переброшено дополнительно около 9 тыс. военнослужащих. Были задействованы полиция и курсанты академии пограничных войск, расположенной в г. Орадя, и пожарной службы. Ответственными за депортацию были министр внутренних дел Т. Джорджеску, его заместитель генерал-майор М. Бурка и заместитель главы Секуритате генерал-майор Е. Попеску¹⁴⁷.

Местом проживания депортированных стали 18 новых и существовавших ранее коммун в регионах Бухарест, Галац и Констанца. Жилые дома депортированные, как правило, строили самостоятельно. В паспорта переселенцев ставилась отметка правоохранительных органов, где указывался конкретный населенный пункт проживания, удаляться от которого более чем на 15 км владелец паспорта не имел права¹⁴⁸. Сербы-переселенцы на новом месте были поражены в правах, в частности, их не брали в армию, у них изымали охотничьи ружья, населению препятствовали при устройстве на работу¹⁴⁹. Вот что о положении сербов, выселенных из уезда Тимиш в уезд Галац (юго-восток румынской Молдовы), докладывал уже после смерти Сталина второй секретарь посольства СССР в РНР И. Ильин, посетивший регион в мае 1955 г. Дипломат отмечал, что «несколько тысяч сербов проживали в ряде однотипных населенных пунктов». Эти села были построены скученно без предоставления жителям приусадебных участков. Население работало в близлежащих госхозах, в деревне. Несмотря на контроль со стороны Секуритате, сербы установили контакт с югославским посольством через секретарей сельских народных советов¹⁵⁰. Как нам представляется, это донесение отражает определенную динамику ситуации в услови-

¹⁴⁶ *Deletant D.* Communist terror in Romania: Gheorghiu-Dej and the Police State, 1948–1965. С. Hurst & Co. Publishers, 1999. P. 143–144.

¹⁴⁷ *Ibid.* P. 117–118.

¹⁴⁸ *Milin M., Stepanov L.* Sârbii din România în Golgota Bărăganului. P. 40, 45, 48.

¹⁴⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 166. Л. 67.

¹⁵⁰ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 44. П. 246. Д. 61. Л. 46–52.

ях начавшегося примирения стран советского блока с Югославией. Едва ли до 1954 г. могли иметь место контакты румынских сербов с югославским посольством.

В условиях напряженности, сохранявшейся в первые месяцы после смерти Сталина, население пограничных с Югославией районов оказалось под сильным давлением со стороны соседнего государства. Об этом, например, свидетельствуют материалы одной из районных партконференций, прошедшей в мае 1953 г. в г. Сын-николау-Маре, расположенном на румынской границе с Югославией и Венгрией. «Агенты Тито», имевшие определенные связи с Югославией, обвинялись в подстрекательстве крестьян к саботажу путем распространения ложных слухов, о которых мы упоминали выше¹⁵¹. Но в целом, думается, можно предполагать, что после смерти Сталина югославская сторона считала менее вероятным вооруженный конфликт стран советского блока с Югославией, а потому не предпринимала активных мер по предотвращению инцидентов на границе.

Однако спокойствия на границе по-прежнему не было, что вызвало недовольство в Бухаресте и привело к кадровым перестановкам в пограничных зонах. Осуществлялась также серьезная политико-воспитательная работа среди населения для предотвращения провокаций и братания пограничников с югославскими гражданами (имели место и такие случаи)¹⁵². Для контроля над ситуацией в пограничных районах и проведения политико-воспитательной работы среди населения туда был командирован заместитель министра иностранных дел А. Буначиу.

Наступавшие изменения коснулись и депортированных лиц. Специальная комиссия МВД по проверке лиц, проживавших в новых коммунах, в конце июля 1955 г. подготовила доклад о проверке 8850 семей, депортированных в 1951 г. из пограничной с Югославией зоны. Изучив документы, на основании которых осуществлялась депортация, а также в ряде случаев ответы на запросы в центральный аппарат МВД и его региональные отделения, комиссия предложила снять ограничения на перемещение с 3692 семей, а 513 семьям предоставить право вернуться на прежнее место жительства. Дополнительные

¹⁵¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 27. Л. 41.

¹⁵² Буца В., Диак К. Устная информация.

данные для принятия окончательного решения потребовались к моменту подготовки доклада только в отношении 14 семей¹⁵³.

Ограничение на перемещение предполагалось снять с тех, кто был депортирован незаконно, а именно: с бедняков и середняков, которые находились в день депортации в доме кулаков; с лиц, находившихся в услужении у кулаков; с беженцев с территории СССР (не являвшихся представителями эксплуататорских классов и неизвестных своими вражескими действиями); с арумынских колонистов; с иностранцев (югославы и венгры, депортированных лишь на основании того, что они являлись иностранцами); с семей, виновник депортации которых (член семьи) скончался; с одиноких стариков и больных, имеющих родственников на прежнем месте жительства; с лиц, депортированных как подозрительные элементы, компрометирующий материал на которых отсутствует. На прежнем месте жительства должны были остаться: представители бывших эксплуататорских классов, члены СС, НСДАП, занимавшие ответственные должности в Организации фашистской молодежи Германии; бывшие legionеры и их семьи; лица, обвиненные в контрреволюционной деятельности и их семьи; лица, оказывавшие моральную и материальную помощь контрреволюционным организациям; бывшие жандармы и полицейские; контрабандисты и проводники через границу; участники кулацких мятежей¹⁵⁴. Отчет и предложения Комиссии легли в основу принятого 27 июля 1955 г. Министерством внутренних дел решения¹⁵⁵.

Антирумынская кампания, развернутая в западной прессе в связи с депортацией немцев, и заявление правительства ФРГ об осуждении депортаций, принятое еще в октябре 1951 г., потеряли в изменившейся обстановке свою остроту. Решение о возвращении в Банат депортированных было связано также с требованиями о соблюдении принципов ООН, в которую Румыния вступила в декабре 1955 г. Членство в ООН предполагало следование определенным нормам для обеспечения прав человека. На основании постановления правительства МВД 20 декабря 1955 г. приняло решение об отмене ограничений на перемещение лиц, депортированных из пограничной с Югославией зоны (за исключением помещиков, промышленников и крупных

¹⁵³ Istoria comunismului din România: documente. P. 514.

¹⁵⁴ Ibid. P. 515.

¹⁵⁵ Ibid. P. 516–517.

коммерсантов). Им было предоставлено право вернуться на прежнее место жительства¹⁵⁶. На родине, в Банате, большая часть депортированных оказалась уже в 1956 г.

* * *

Со смертью И. В. Сталина 5 марта 1953 г., уже летом–осенью того же года начинается постепенная нормализации отношений между СССР и Югославией. Под ее влиянием тенденции к возобновлению контактов с последней проявились и в политике европейских социалистических стран. Процесс налаживания добрососедских отношений Бухареста с Белградом можно разделить на три условных этапа: 1) возобновление транспортного сообщения между странами; 2) заключение торгово-экономических соглашений и восстановление дипломатических отношений; 3) окончательная нормализация отношений после обмена визитами Й. Б. Тито и Г. Георгиу-Дежа.

В мае 1953 г. несколько меняется общий тон печати СССР и социалистических стран в отношении Югославии. В связи с этим руководитель Международного отдела ЦК РРП Ади рекомендовал заведующей Югославским сектором Лэзэреску быть более сдержанной на страницах газеты «Под знаменем интернационализма». С середины апреля была прекращена антиюгославская пропаганда на радиостанции «Свободная Румыния»¹⁵⁷. Показательно, что в СССР прекращение радиопропаганды произошло только осенью 1954 г., т. е. руководство РРП, хотя и действовало с оглядкой на Москву, взяло более высокий темп свертывания пропаганды против Югославии, правда, не афишируя свои мероприятия. Изменение тона советской печати было воспринято в Румынии как сигнал к началу корректировки своей политики в отношении ФНРЮ. Румынская сторона проявила заинтересованность в снижении напряженности на границе и решении проблем дунайского судоходства. Изменения по линии СМИ были приурочены к началу переговоров между РНР и ФНРЮ о создании смешанной дунайской речной администрации в секторе Железных ворот¹⁵⁸. (Переговоры длились в общей сложности полтора месяца — с 15 апреля по 31 мая 1953 г. в румынском городе Оршова

¹⁵⁶ Ibid. P. 520–521.

¹⁵⁷ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. II. С. 902–903.

¹⁵⁸ Там же.

и югославском пограничном селе Текия. Румынскую делегацию возглавлял заместитель министра иностранных дел Г. Преотяса, а югославскую — С. Петрович). Однако строго выдерживать новый курс в средствах массовой информации не всегда удавалось: действовала определенная инерция. Так, 30 мая, в дни переговоров, «Скынтейя» опубликовала статью «Жалкая жизнь югославского народа», в которой описывались безработица, голод и болезни населения в титовской Югославии¹⁵⁹. А уже тремя днями позднее газета сообщала о подписанном 31 мая двустороннем соглашении по созданию речной администрации Железных ворот для регламентации навигации в этой зоне¹⁶⁰. В действительности весной 1953 г. удалось урегулировать только вопрос об использовании югославской паровой тяги на Сипском канале¹⁶¹. Окончательное соглашение о создании речной администрации было подписано 5 декабря 1953 г.

8 июля 1953 г. Георгиу-Деж присутствовал на встрече с В. М. Молотовым, Г. М. Маленковым, Н. С. Хрущевым и А. И. Микояном, в ходе которой советской стороной было высказано намерение пойти на нормализацию отношений с ФНРЮ¹⁶². Начинается постепенное ослабление антитовской пропаганды в Румынии и предпринимаются конкретные меры по восстановлению добрососедских отношений с Белградом. 11 сентября 1953 г. в югославском городе Выршец представители сторон договорились о стабилизации ситуации в пограничной зоне¹⁶³. Результатом подписанной конвенции стало создание двусторонней румыно-югославской комиссии для расследования, устранения и предотвращения возможных пограничных инцидентов. Контакты между странами активизируются в 1954 г., о чем свидетельствовали регламентация режима таможенного контроля, восстановление воздушного, железнодорожного и почтового сообщения, прерванного в 1950 г. Югославы стали чаще приглашать на дипломатические приемы¹⁶⁴.

¹⁵⁹ Scînteia. 1953. 30 mai.

¹⁶⁰ Ibid. 2 iunie.

¹⁶¹ Советский фактор в Восточной Европе. Т. 2. С. 786.

¹⁶² Croitor M., Borșa S. Triunghiul suspiciunii. Gheorghiu-Dej, Hrușciov și Tito. Vol. I. P. 36.

¹⁶³ Scînteia poporului. 1953. 13 septembrie.

¹⁶⁴ Stanciu C. Devotați Kremlinului. P. 173; Croitor M., Borșa S. Triunghiul suspiciunii. Gheorghiu-Dej, Hrușciov și Tito. Vol. I. P. 37; Regimul communist dîn România: o cronologie politică. P. 88–89.

В июле–сентябре 1954 г. происходят восстановление дипломатических отношений между двумя странами и обмен послами¹⁶⁵. Послом РНР в Югославии был назначен Н. Гуинэ¹⁶⁶. О том, как принимали в Белграде нового румынского посла, свидетельствует его отчет в МИД РНР и беседа с новым советским послом в ФНРЮ В. А. Вальковым¹⁶⁷. Оба документа датированы 15 сентября 1954 г. Н. Гуинэ прибыл в Белград 2 сентября 1954 г., а 4 сентября состоялась его встреча с и. о. государственного секретаря А. Беблером, которому были вручены копии верительных грамот. В ходе беседы Беблер напомнил, что «обмен послами означает лишь формальную нормализацию» отношений между странами. Вручение верительных грамот состоялось 10 сентября на Бриони, где Гуинэ принимал Тито¹⁶⁸. Румынский посол заявил, что будет содействовать дальнейшей нормализации отношений между странами и надеется на встречные шаги югославской стороны в этом вопросе. Он также отметил, что Румыния желает возобновить экономические связи, но заинтересованность Югославии в поставках зерновых в текущем году сможет удовлетворить только кукурузой¹⁶⁹.

Осенью 1954 г. (не ранее 10 сентября) в аппарате ЦК РРП было подготовлено обращение к членам партии в связи с начавшейся нормализацией отношений с ФНРЮ, необходимость которой, как подчеркивалось в документе, обосновывалась стремлением СССР и социалистических стран укреплять мир, демократию и социализм. В обращении рассказывалось о предпринятых в 1953–1954 гг. румынской стороной шагах на пути к нормализации и подчеркивалась необходимость в создавшихся условиях прекратить антиитовскую пропаганду. Соответствующая задача ставилась перед партийными и государственными кадрами¹⁷⁰. Отчеты о меро-

¹⁶⁵ Подробнее см.: *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. С. 126–133, 158–160.

¹⁶⁶ Н. Гуинэ — румынский дипломат, с 1954 г. — посол РНР в ФНРЮ, в 1960–1966 гг. — посол РНР в СССР.

¹⁶⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 239. Л. 58–60; *Croitor M., Borşa S.* Triunghiul suspiciunii. Gheorghiu-Dej, Hruşciov şi Tito. Vol. II: Documente. P. 17–21.

¹⁶⁸ *Croitor M., Borşa S.* Triunghiul suspiciunii. Gheorghiu-Dej, Hruşciov şi Tito. Vol. II. P. 18–19.

¹⁶⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 239. Л. 58–60; *Croitor M., Borşa S.* Triunghiul suspiciunii. Gheorghiu-Dej, Hruşciov şi Tito. Vol. II. P. 19–21.

¹⁷⁰ *Ibid.* P. 15–16.

приятных по восстановлению отношений с Белградом руководство РРП направляло в ЦК КПСС. В одном из таких документов отмечалось: «В последнее время мы предприняли всё необходимое для прекращения деятельности на территории РНР “Союза югославских патриотов” и издания им газеты, и они дали указания, для того чтобы что в устной и письменной пропаганде проблемы, связанные с Югославией, обсуждались надлежащим образом. Сняты из обращения книги и публикации, содержавшие оскорбления в отношении югославских руководителей и положения дел в Югославии»¹⁷¹.

23 мая 1955 г. в ЦК РРП было получено письмо от Н. С. Хрущева, в котором поднимался вопрос о необходимости аннулирования резолюции, принятой на третьем совещании Коминформа. На этот шаг советское руководство пошло ввиду предстоящего визита советского руководителя в Белград (27 мая — 2 июня 1955 г.). Хрущев отмечал в письме, что обвинения в адрес КПЮ строились на данных, сфабрикованных Берией, Абакумовым и их агентурой. Кроме того, решение будапештского совещания основывалось на сообщениях о репрессиях в Югославии в отношении «коминформовцев», т. е. тех, кто солидаризировался с позицией ВКП(б). Румынам было рекомендовано опубликовать в газете «За прочный мир, за народную демократию!» коммюнике с заявлением о том, что обвинения в отношении КПЮ были необоснованными, и с предложением аннулировать резолюцию¹⁷².

Натянутость в отношениях двух стран продолжала сохраняться. Это было неудивительно после столь сокрушительной антиюгославской кампании в Румынии. В феврале 1955 г., еще до визита Хрущева в Белград, Георгиу-Деж в беседе с новым послом СССР в Румынии Л. Г. Мельниковым указал на проявления настороженного отношения румын к Югославии, но в то же время поддержал позицию СССР в начавшейся нормализации¹⁷³.

В 1955 г. активизируются торгово-экономические связи двух стран. 24 марта 1955 г. было заключено торговое соглашение сроком на один год, которое было продлено и расширено 28 декабря 1955 г.

¹⁷¹ Ibid. P. 28–29.

¹⁷² Ibid. P. 39–41.

¹⁷³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 298. Л. 87–91.

В тот же день состоялось подписание финансового протокола, аннулировавшего взаимные долговые обязательства, накопившиеся после 9 мая 1945 г.¹⁷⁴ Справка о взаимных долгах за 1945–1949 гг. зафиксировала сохранявшийся остаток в пользу Югославии размером свыше 1 млн долларов, который румынская сторона планировала выплатить четырьмя траншами в 1956–1957 гг. На декабрьских переговорах было отложено обсуждение вопроса об убытках, понесенных югославами, покинувшими Румынию в 1948–1949 гг. В результате возобновления двусторонних экономических связей югославский экспорт в Румынию (медь, железный прокат, машины и оборудование) увеличился с нуля в 1954 г. до 253,9 млн динаров в 1955 г. и до 701 млн динаров в 1956 г. Импорт из Румынии (нефтепродукты, пиломатериалы, пищевые продукты и пр.) вырос с 24,2 млн динаров в 1954 г. до 216, 9 и 863 млн динаров в 1955 и 1956 гг. соответственно¹⁷⁵.

* * *

Важным вкладом в процесс нормализации явились двусторонние переговоры лидеров двух государств, которые состоялись в 1956 г. в ходе визита Й. Броз Тито в Бухарест и Г. Георгиу-Дежа в Белград. Договоренность о проведении первой встречи была достигнута 31 мая 1956 г. в ходе короткой беседы на железнодорожном вокзале Бухарест-Бэняса, где югославский президент остановился по пути в Москву¹⁷⁶. По возвращении из СССР югославская правительственная делегация 23–26 июня 1956 г. посетила Румынию. Тито согласился с предложениями румынской стороны о необходимости подписания долгосрочного торгового соглашения и строительства ГЭС в районе Железных ворот. Кроме того, была достигнута договоренность о заключении культурного соглашения, подписании договора о научно-техническом сотрудничестве, о содействии сотрудничеству политических, профсоюзных и общественных организаций двух стран. На переговорах румынами был затронут и вопрос о банатских сербах: югославы проинформировали о мерах по возвращению депортированных лиц в пограничные районы, подчеркнув факт освобо-

¹⁷⁴ *Stanciu C. Devotați Kremlinului. P. 174–175.*

¹⁷⁵ *Ibid*; Народное хозяйство Федеративной Народной Республики Югославии (Статистические показатели). М., 1957. С. 187–189.

¹⁷⁶ *Croitor M., Borșa S. Triunghiul suspiciunii. Gheorghiu-Dej, Hrușciov și Tito. Vol. I. P. 42; Vol. II. P. 57–58.*

ждения репрессированных в ходе советско-югославского конфликта. При этом румыны сочли нужным отметить, что среди сербского меньшинства «есть элементы, которые расцениваются как враждебные режиму», и что в случае необходимости в их отношении будут предприняты меры, которые не следует рассматривать как притеснение в стране сербского меньшинства¹⁷⁷.

Визит выявил и наличие разногласий. Проявились они в связи с предложением румынской стороны подписать совместную декларацию. Если в части, отражающей межправительственные отношения, лидеры двух стран быстро и легко пришли к общему соглашению, то дать оценку связям между СКЮ и РРП оказалось не так просто. В условиях сохранения явных идеологических разногласий между партиями декларировать улучшение межпартийных связей Тито считал неприемлемым. Аргументы, приведенные югославами, были вполне убедительны. Во-первых, считали они, у читателей декларации вполне обоснованно могут возникнуть сомнения, что в течение трех дней можно было обсудить и подготовить столь объемные и важные документы. Во-вторых, такая декларация не соответствовала бы международной обстановке¹⁷⁸. В итоге было решено принять совместную декларацию о межгосударственных связях и отдельное коммюнике о характере межпартийных контактов¹⁷⁹. Однако югославская сторона выразила желание продолжить обсуждение документа об отношениях между партиями, пригласив румынскую партийно-правительственную делегацию в Белград. На предстоящей встрече предполагалось также подписать экономическое и культурное соглашения.

Ответный визит Георгиу-Дежа в Югославию во второй половине октября 1956 г. совпал с началом венгерского восстания. 27 октября лидеры двух государств подписали совместную Декларацию об отношениях между Румынской рабочей партией и Союзом коммунистов Югославии¹⁸⁰. В документе оговаривались следующие направ-

¹⁷⁷ Ibid. Vol. II. P. 58–59, 62.

¹⁷⁸ Ibid. P. 60.

¹⁷⁹ Отчет о визите в РНР 23–26 июня 1956 г. югославской делегации от 6 июля 1956 г. см.: *Croitor M., Borşa S. Triunghiul suspiciunii. Gheorghiu-Dej, Hruşciov şi Tito.* Vol. II. P. 57–63.

¹⁸⁰ Текст Декларации об отношениях между Румынской рабочей партией и Союзом коммунистов Югославии см.: *Croitor M., Borşa S. Triunghiul suspiciunii. Gheorghiu-Dej, Hruşciov şi Tito.* Vol. II. P. 74–76.

ления развития межпартийных отношений: обмен информацией, решениями съездов и пленумов партий; обмен мнениями по проблемам международного рабочего движения; обмен партийными делегациями; взаимопомощь и обмен опытом строительства социализма. Декларировались принципы равноправия, невмешательства во внутренние дела, свободный обмен мнениями и особо подчеркивалась возможность «объективной, конструктивной и товарищеской критики»¹⁸¹. Таким образом, осенью 1956 г. стороны сделали важный шаг в сторону нормализации партийно-государственных отношений, «узаконив» факт возобновления сотрудничества.

Новая фаза в развитии отношений между РНР и ФНРЮ ознаменовалась возвращением к планам строительства ГЭС в районе Железных ворот. Деятельность комиссии по совместному использованию гидроэнергетического потенциала Дуная была прервана в 1949 г. и возобновлена с подписанием 7 апреля 1955 г. нового соглашения¹⁸². Годом ранее возобновилось и научно-техническое сотрудничество по строительству ГЭС на Дунае¹⁸³. На московском совещании представителей коммунистических и рабочих партий европейских социалистических стран, проходившем 6–11 января 1956 г.¹⁸⁴, румынская делегация внесла предложение о перспективах совместного использования гидроресурсов Дуная странами Дунайского бассейна¹⁸⁵. Было решено рассмотреть предложение Румынии и перспективы ее сотрудничества с ФНРЮ в этом вопросе. 3 февраля 1956 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «Об обмене электроэнергией между странами-участницами СЭВ и использовании гидроресурсов Дуная»¹⁸⁶, на основании которого в том же году была учреждена Постоянная комиссия СЭВ по обмену электроэнергией

¹⁸¹ Ibid. P. 75.

¹⁸² *Новосельцев Б. С.* Югославия, Румыния и строительство Джердапской ГЭС. С. 266; *Stanciu C.* Devotați Kremlinului. P. 175.

¹⁸³ *Новосельцев Б. С.* Югославия, Румыния и строительство Джердапской ГЭС. С. 267.

¹⁸⁴ Совещания представителей коммунистических и рабочих партий с июня 1956 г. стали новой формой сотрудничества в коммунистическом движении после прекращения деятельности Информбюро по решению ЦК КПСС от 13 апреля 1956 г. (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2: Постановления / Под ред. А. А. Фурсенко. М., 2006. С. 941).

¹⁸⁵ Там же. С. 188–190.

¹⁸⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 377. Л. 123–124.

ей между странами-участницами и использованию гидроресурсов Дуная. На июньском совещании 1956 г. участники постановили поддержать принятые на VII (Берлинской) сессии СЭВ (май 1956 г.) решения о программе работы Комиссии¹⁸⁷. В ее задачи входило рассмотрение вопросов по увеличению обмена электроэнергией между странами СЭВ и строительству ЛЭП, разработка планов проведения изыскательских и проектных работ и схемы комплексного использования гидроресурсов Дуная, а также мероприятия по улучшения его судоходных условий и орошению прилегающих земель, подготовка предложений и рекомендаций для стран СЭВ по осуществлению гидротехнического строительства на Дунае и строительства ЛЭП¹⁸⁸. К строительству каскада ГЭС на Дунае предполагалось привлечь Румынию, ФНРЮ, Венгрию, Чехословакию, Болгарию, проводилось множество консультаций, но практического воплощения планы не получали в течение 8 лет¹⁸⁹. Во время июньской встречи Георгиу-Дежа с Тито первый дал понять, что видит будущий гидроузел в районе Железных ворот результатом не многостороннего, а двустороннего румыно-югославского сотрудничества. Этой же точки зрения придерживался и югославский лидер¹⁹⁰. Белград, хотя и поддержал румынскую идею, финансово не готов был сразу начать работы по сооружению ГЭС в районе Железных ворот, поскольку уже вел строительство нескольких гидроэнергетических объектов. Соглашение о сооружении гидроузла было подписано только в 1963 г. Участие в его строительстве приняли РНР и ФНРЮ при научно-техническом содействии СССР¹⁹¹.

* * *

В советско-югославском конфликте Румыния выступила в качестве последовательного сторонника и проводника политики

¹⁸⁷ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. С. 343.

¹⁸⁸ РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 15. Л. 21–23.

¹⁸⁹ Подробнее см.: *Гладышева А. С.* Советские планы экономической интеграции в рамках СЭВ и позиция румынского руководства (середина 1950-х — середина 1960-х гг.) // История: Научно-образовательный журнал, 2015. Т. 6. Вып. 11 (44) [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840001341-4-1> (дата обращения 05.09.2016). DOI: 10.18254/S0001341-4-1.

¹⁹⁰ *Croitor M., Borşa S.* Triunghiul suspiciunii. Gheorghiu-Dej, Hruşciov și Tito. Vol. II. P. 58–59.

¹⁹¹ *Гладышева А. С.* Советские планы экономической интеграции; *Новосельцев Б. С.* Югославия, Румыния и строительство Джердапской ГЭС. С. 265–284.

Кремля. Это проявилось в мероприятиях, осуществлявшихся в стране в 1948–1956 гг. Румынское государство в рассматриваемый период находилось на начальной стадии процесса советизации структур власти. В этих условиях, признавая слабость своего влияния в обществе и испытывая потребность в его укреплении, руководство РРП предпринимает ряд репрессивных мер в отношении разных категорий населения: старой аристократической и армейской элиты, интеллигенции и духовенства, а также крестьянства. В стремлении добиться гомогенного состава (по принципу избавления от носителей наследия прошлого) в РРП проводятся чистки среди рядовых членов партии, в ЦК и Политбюро, активизации которых сильно способствовало резкое ухудшение отношений СССР и стран «социалистического лагеря» с Югославией. Советско-югославский конфликт сыграл немаловажную роль также и в процессе укрепления позиций новой власти в отношении национальных меньшинств Румынии, ранее сравнительно слабо подверженных политико-идеологическому диктату бухарестского центра. Самым болезненным итогом антиюгославской кампании в Румынии стал разрыв двустороннего румыно-югославского сотрудничества, которое после нормализации отношений несмотря на обоюдные усилия и встречные шаги обеих сторон будет долгие годы развиваться в условиях подозрительности и недоверия.

А. Животич

Советско-югославский конфликт и укрепление советского влияния в Албании. 1948–1953 гг.

Кризис в югославско-албанских отношениях на рубеже 1947–1948 гг. хронологически совпал с генезисом конфликта между СССР и Югославией. Конкретным поводом осложнения отношений между Москвой и Белградом, своего рода детонатором, явилось намерение Югославии направить в Албанию дивизию без предварительного оповещения советского правительства¹. Однако за этим событием, лежащим на поверхности, без сомнения, скрывались гораздо более глубокие причины, которые в общем плане можно свести к противоречиям в югославско-албанских отношениях в 1944–1948 гг. и советской концепции выстраивания отношений на Балканах. Советская сторона по-своему представляла роль Югославии в международных отношениях и ее присутствие в Албании, по-своему оценивала позицию Албании в социалистическом мире. Серьезное влияние на отношения между Советским Союзом, Албанией и Югославией оказывал греческий вопрос. Доступные исторические источники ясно указывают, что Москва не хотела углубления конфликта в Греции, стремилась контролировать своих балканских союзников, которые оказывали помощь греческому партизанскому движению. Слишком сильная позиция Югославии на Балканах, революционный энтузиазм масс и накопленный руководством опыт и, наконец, реальность выхода Югославии через Албанию в Средиземноморье, с советской точки зрения, могли создать нежелательные проблемы в социалисти-

¹ Корректировка этого устоявшегося вывода предложена в статье А. С. Аникеева в этом сборнике (Примеч. ред.).

ческом мире. Для того чтобы разрядить обстановку, был спровоцирован конфликт, в котором Тиране отводилась роль, способствующая эскалации кризиса в двусторонних отношениях. Ее агрессивное выступление вкупе с исключительной важностью албанского фактора внутри самой Югославии отвлекали внимание югославского правительства от других крупных проблем, возможная радикализация которых угрожала бы межсоюзническим договорам, достигнутым Советским Союзом и его западными союзниками еще в ходе Второй мировой войны. Для Югославии конфликт с Албанией представлял серьезный удар не только в политическом и военном, но и в экономическом плане в связи с крупными югославскими инвестициями в Албанию, которые югославское правительство не могло никоим образом вернуть назад и которые были крайне необходимы самой Югославии, опустошенной войной².

Югославское партийное руководство с самого начала увязывало свои отношения с Албанией с проблемой ухудшения отношений с Советским Союзом. В этом контексте особое значение для окончательного оформления позиции Югославии имело заседание Политбюро КПЮ 9 мая 1948 г. Наряду с решением дать отрицательный ответ на письмо ЦК ВКП(б) и не посылать делегацию в Бухарест на заседание Информбюро были приняты также решения об отношениях с Албанией. В соответствии с ними двусторонние контакты предстояло строить по-новому — на основе межгосударственного договора и связанных с ним двусторонних договоренностей, что окончательно положило бы конец прежней практике и в то же время защитило югославские вложения в эту страну³.

В это время Политбюро ЦК ВКП(б) приступило к анализу реальных масштабов югославского экономического и культурного присутствия в Албании, по-видимому, понимая степень активности Югославии в этой стране, но одновременно и возможности изменения ситуации в Албании и ее нового сближения с Югославией.

² Подробнее об этом см.: *Petranović B.* Istorija Jugoslavije. III. Beograd, 1988; *Štrbac Č.* Svedočanstva o 1948. Beograd, 1989; *Dedijer V.* Izgubljena bitka Josifa Visarionoviča Staljina. Sarajevo, 1968; *Petranović B.* Југославија на размеђу (1945–1950). Подгорица, 1998; *Petranović B.* Велика шизма. Четрдесетосма. Подгорица, 1999; *Животић А.* Југославија, Албанија и велике силе 1945–1961. Beograd, 2011.

³ *Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta KPJ* (11. jun 1945 — 7. jul 1948) / *Priredivač B. Petranović.* Beograd, 1995. S. 248–250.

Советскими экспертами тщательно был изучен албанский пятилетний план и перспективы его реализации, состояние торговли и промышленности, развитие культуры, образования и транспорта, а также деятельность смешанных культурных обществ Югославия–Албания и СССР–Албания⁴. На основе всестороннего анализа был сделан вывод, что югославские позиции в Албании очень сильны и хорошо укоренены, но что обстановка в Политбюро албанской компартии сложная: часть членов убеждена, что югославское влияние мешает развитию Албании, причем сторонники данной точки зрения составляют большинство в КПА, они преданы Советскому Союзу и ВКП(б).

С начала возникновения советско-югославского конфликта Албания, хотя и не входила в Информбюро, играла важную роль в отношениях между Югославией и странами восточного блока. Сам факт, что открытая фаза кризиса в отношениях Белграда и Москвы началась именно в связи с югославской политикой в отношении Албании, придавала этой стране особое значение. Агрессивный тон антиюгославских заявлений албанской стороны, слепое подчинение Советскому Союзу, так же как и откровенно сформулированные территориальные претензии к Югославии, обозначили путь, которым пошло албанское руководство, и определили основной вектор его политики в отношении Югославии.

Албанские «верхи» не упускали случая обвинить югославскую партийную элиту в троцкизме, предательстве социализма, попадании под опеку империалистов. В этих нападках особенно отличались Энвер Ходжа и член Политбюро Гого Нуши⁵. Наиболее крупным событием, которое албанская сторона использовала для агрессивной кампании против Югославии, явился Второй съезд молодежи, состоявшийся в Тиране в сентябре 1949 г. На съезде присутствовали и представители других коммунистических партий. Наряду с лидером албанской молодежи Рамизом Алией, который в уже привычных выражениях критиковал Югославию, особенно отличился в нападках на КПЮ китайский представитель, обвинивший партию в «продаже интересов Югославии империалистическим колонизаторам». Его

⁴ РГАСПИ Ф. 17. Оп. 128. Д. 473. Л. 2–5, 6–9, 10–18, 19–30, 31–39, 40–41, 42–50, 51–61.

⁵ Diplomatski arhiv Saveznog ministarstva inostranih poslova, Politička arhiva (далее – ДАСМИП, ПА) 1949. Ф. 1, 4129.

поддержали венгерский и болгарский делегаты⁶. В дни празднования очередной годовщины Октябрьской революции в 1949 г. Мехмед Шеху сделал резкий выпад против югославского партийного руководства, назвав его «бандой фашистов и террористов и вражеской агентурой, которая действует вопреки интересам стран народной демократии и СССР»⁷.

Большое значение для югославско-албанских отношений имело начало судебного процесса над Кочи Дзодзе, обвиненным в измене родине и работе «на Югославию». Поскольку большая часть процесса проходила в закрытом режиме, югославская дипломатия собирала сведения о нем из вторых рук. Начало процесса знаменовалось полученным в результате применения физического воздействия признанием Кочи Дзодзе, что он действовал по приказам Светозара Вукмановича-Темпо, Велимира Стойнича, Иосипа Джерже и других югославских представителей в Албании с целью скомпрометировать ЦК КПА и лично Энвера Ходжу и подчинить страну Югославии. Устроители процесса пытались доказать вмешательство Югославии во внутреннюю жизнь Албании путем осуществления проекта балканской федерации⁸. Помимо намерения учинить суд над Дзодзе ставилась задача осудить югославскую внешнюю политику, экономическое, государственное и общественное устройство страны, скомпрометировать ее видных политических деятелей, что неоднократно подчеркивалось в югославской печати⁹. Югославская дипломатия также констатировала, что целью процесса являлась компрометация политики Югославии в Албании, разжигание ненависти к югославам у албанского народа. Главный обвиняемый Кочи Дзодзе был приговорен к расстрелу, а остальные подсудимые — Панди Христо, Васко Леци, Нури Хута и Васо Митролерди получили от 5 до 20 лет каторжных работ¹⁰. Им вменялись в вину прямые контакты с «югославскими троцкистами» с целью создания шпионской сети на территории Албании, свержения власти в стране и установления югославских политических и экономических порядков¹¹. Процесс

⁶ Там же. Ф. 1, 4132.

⁷ Там же. Ф. 1, 4139.

⁸ Там же. Ф. 1, 4657.

⁹ Борба. 1949. 6. јун.

¹⁰ ДАСМИП, ПА — 1949. Ф. 1, 4119.

¹¹ Там же.

по делу Дзодзе нанес серьезный удар по югославской политике в отношении Албании, но албанское руководство своими действиями против Дзодзе пыталось также нивелировать тяжелое положение в стране и отвлечь внимание общества от тяжелых экономических проблем, с которыми Албания столкнулась в то время. Югославское правительство стремилось представить казнь Дзодзе как расправу Ходжи с той частью партии, которая не одобряла конфликт с Югославией и выступала против разрыва политических, экономических и культурных связей Югославии и Албании¹². На страницах югославской печати процесс приравнивался к расправам с противниками режима в нацистской Германии¹³. В свою очередь, Ходжа регулярно информировал советского посланника Д.С. Чувахина о подготовке и ходе процесса и получал от него инструкции по организации этого политического действия для достижения «нужного» результата¹⁴. Помимо Дзодзе летом 1949 г. был арестован и осужден как югославский шпион полковник Хамди Кепи, начальник разведывательного управления Генерального штаба Албании. В вооруженных силах страны это вызвало серьезные волнения, которые в соответствии с советским инструктажем были быстро подавлены самыми жесткими мерами¹⁵.

Пока албанское правительство активно занималось антиюгославской пропагандой, югославская сторона стремилась укрепить свои позиции в Албании путем обновления своего дипломатического аппарата. Хотя нового югославского посла, молодого и перспективного дипломата Якшу Петрича, прибывшего в Тирану 18 апреля 1949 г., ждал холодный прием, он сразу же приступил к своим обязанностям¹⁶. В соответствии с протоколом он попросил о встрече с Энвером Ходжой, но, не получив в течение месяца никакого ответа, отозвал свое прошение¹⁷. Уже 7 мая Петрич имел весьма неприятную беседу в албанском Министерстве иностранных дел

¹² Архив Југославије, 507/IX, — Komisija za međunarodne odnose i veze Centralnog komiteta komunista Jugoslavije, I/1-258 (далее — КМОВ СК СКЈ).

¹³ Борба. 1949. 16. мај.

¹⁴ Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг.: В 2 т. / Отв. ред. Г. П. Мурашко. Т. 2: 1949–1953. М.; Новосибирск, 1998. С. 120–123.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1123. Л. 13–14.

¹⁶ ДАСМИП, ПА — 1949. Ф. 2, 42148.

¹⁷ Там же. Ф. 2, 42154.

с помощником министра Мифти. Дипломат резко протестовал против постоянной слежки за югославским дипломатическим персоналом со стороны албанской службы безопасности, а также против затягивания решения вопроса о репатриации югославских граждан. Он получил в ответ лишь общие отговорки и отрицание какой-либо слежки¹⁸. После вручения верительных грамот Петрич посетил посланника Чувахина. В ходе протокольной беседы он призвал к укреплению отношений между Югославией и Советским Союзом¹⁹, что соответствовало югославской политике сдерживания конфликта. 4 мая Чувахин с ответным визитом посетил Петрича, интересовался содержанием беседы югославского посла с албанскими политическими деятелями и пытался выведать истинную причину его миссии в Тиране. У югославского посла сложилось впечатление, что советская сторона опасается изменения позиции албанского правительства по отношению к Югославии и возможного нового сближения двух стран²⁰.

Разрыв отношений с Югославией больно ударил по албанской экономике, которая до этого почти полностью основывалась на кооперации с Югославией. Албанское правительство стремилось преодолеть сложившееся положение развитием экономического сотрудничества с другими странами народной демократии. Поэтому оно стремилось присоединиться к только что созданному Совету экономической взаимопомощи (СЭВ) и 8 февраля направило письмо правительству Советского Союза, заявляя, что Албания твердо стоит на антиимпериалистических позициях и стремится противостоять иностранному экономическому давлению, прямо намекая на свою предшествующую экономическую привязанность к Югославии²¹. Чувахин уже 21 февраля 1949 г. официально оповестил албанское правительство, что учредители СЭВ приняли решение принять Албанию в эту организацию в качестве полноправного члена. Албанская сторона широко освещала это событие²². 10 марта 1949 г. Ходжа обсуждал с Чувахиным возможные направления деятельности Албании в СЭВ

¹⁸ Там же. Ф. 2, 42356.

¹⁹ Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953 гг.: В 2 т. / Отв. ред. Т. В. Волокитина. Т. 2: 1949–1953. М., 2002. С. 91–94.

²⁰ ДАСМИП, ПА — 1949. Ф. 2, 42359.

²¹ Советский фактор в Восточной Европе. С. 35–36.

²² ДАСМИП, ПА — 1949. Ф. 2, 41229.

и услышал совет налаживать всестороннее экономическое и политическое сотрудничество со странами-участницами²³.

В середине 1949 г. Ходжа провозгласил новый курс албанской экономической политики. Обвиняя Югославию в тяжелом экономическом положении Албании, Ходжа выдвинул перспективный план преодоления трудностей на основе развития договорного сотрудничества с Советским Союзом и странами народной демократии, причем СССР должен был взять на себя большую часть помощи, а остальные социалистические страны — поставлять продукты сельского хозяйства и товары легкой промышленности²⁴. Албанский руководитель сообщил о начале строительства нефтепроводов и нефтеперерабатывающих предприятий, текстильных фабрик и фабрик по производству сахара, о чем была достигнута договоренность еще во время его визита в Москву в 1947 г., но реализация этих проектов запаздывала²⁵. Албанская сторона постоянно обвиняла Югославию в проведении колонизаторской политики, настаивая на увеличении площадей, отводимых под технические культуры, в то время как и сами югославы расширяли посевы технических культур²⁶. Для того чтобы увеличить их производство в Албании, на протяжении 1949–1950 гг. в стране работали несколько групп советских специалистов, однако их усилия по модернизации сельского хозяйства не дали значительного результата²⁷. Несмотря на постоянную советскую помощь, сами албанцы не прилагали должных усилий для реализации намеченных планов и рекомендаций. Когда Энвер Ходжа в беседе с представителем ВКП(б) в Тиране В. А. Кареткиным 27 декабря 1951 г. в очередной раз попросил увеличить советскую экономическую помощь Албании, Кареткин жестко изложил советскую позицию: СССР готов помочь, но и албанцы со своей стороны должны потрудиться и создать условия для экономического прогресса²⁸. Тем не менее албанский хозяйственный план на 1953 г. базировался на значительной советской экономической помощи²⁹. Первое серьезное экономическое

²³ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 31–35.

²⁴ ДАСМИП, ПА — 1949. Ф. 2, 41103.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1123. Л. 20–45.

²⁶ АЖ, 507/IX — КМОВ ЦК СКЈ, П/1–154.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1123. Л. 132–150.

²⁸ Там же. Д. 1124. Л. 54–57.

²⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 14. Л. 1–54.

соглашение со странами народной демократии после прекращения отношений с Югославией было заключено в январе 1949 г. с Польшей. Контракт объемом в 4 млн долларов предусматривал, что Албания будет импортировать оборудование для железных дорог, морские суда, текстиль, продукты металлургической промышленности, электротехнические товары, а экспортировать медь, пирит, хлопок, бензин и табак³⁰. Однако экономическое сотрудничество с Польшей не дало ожидаемых результатов, и в конце года в Варшаву была направлена новая албанская экономическая делегация для решения назревших вопросов³¹. Албанское правительство продолжало политику укрепления экономических связей и с остальными странами народной демократии для того, чтобы как можно легче преодолеть тяжелые последствия разрыва с Югославией. В Праге 12 марта 1949 г. Тук Якова подписал торговый договор на сумму 3 млн 350 тыс. долларов с Чехословакией. Договор предусматривал, что Албания получит часть чехословацких товаров в кредит (транспортные средства, оборудование для горнодобывающей промышленности, товары широкого потребления), а взамен будет поставлять в эту страну древесину, руду и лекарственные травы³². Для осуществления достигнутой договоренности и укрепления экономических связей в Тирану 20 ноября прибыла специальная делегация из Чехословакии³³. Аналогичное соглашение на сумму в 1 млн 700 тыс. долларов было подписано с Венгрией в Будапеште 14 марта и предусматривало импорт в Албанию механизмов, запасных частей, предметов потребления и экспорт битума³⁴. В начале 1950 г. были подписаны торговые договоры с Болгарией³⁵ и Венгрией³⁶. Болгария кроме того направила в Албанию большое число специалистов, а также инструкторов в помощь в становлении албанской военной авиации и обучении ее кадров³⁷. С Румынией деловые отношения устанавливались труднее и медленнее. 14 февраля 1950 г. в Тиране был подписан договор о культурном

³⁰ ДАСМИП, ПА – 1949. Ф. 2, 41229.

³¹ Там же. Ф. 2, 41298.

³² Narodni Archiv (NA – Praha). 1537. Ф. 23. А. j. 23. Л. 3.

³³ ДАСМИП, ПА – 1949. Ф. 2, 41230.

³⁴ Там же. Ф. 2, 45327.

³⁵ Там же. Ф. 2, 42853.

³⁶ Там же. Ф. 2, 42859.

³⁷ АЈ, 507/IX – КМОВ ЦК СКЈ, II /1–178.

сотрудничестве, который подразумевал укрепление связей и контактов между двумя странами в области культуры, просвещения и науки³⁸. В конце того же месяца в Бухаресте было подписано и экономическое соглашение между двумя странами, в соответствии с которым Албания обязалась поставлять цитрусовые и минеральное сырье, а Румыния — зерно, продукцию нефтехимической и химической промышленности³⁹.

Однако весьма амбициозные программы экономического сотрудничества между Албанией и странами народной демократии не могли дать ожидаемых результатов. Прежде всего их основная цель — преодоление тяжелой экономической ситуации в Албании, сложившейся после разрыва экономических связей с Югославией, и помощь развитию албанской экономики — не могла быть осуществлена из-за изолированности албанской территории от стран народной демократии, слабого экономического развития последних (за исключением Чехословакии) и крайне скромных возможностей Албании в экономическом обмене с этими странами. Географическое положение Албании, особенности рельефа ее территории, состояние экономики обуславливали первостепенную важность экономического и транспортного сотрудничества, прежде всего с Югославией, и развитие хозяйственных связей с Советским Союзом и странами «социалистического лагеря» ни в коей мере не могло полностью компенсировать потерю Албанией экономического партнера в лице Югославии.

Заметим, что укрепление экономического сотрудничества со странами народной демократии сопровождалось и улучшением политических отношений. В марте 1949 г. в Албанию прибыл венгерский посол Ленард Зори⁴⁰, а 17 июня — чехословацкий посол Урбан⁴¹. Важным шагом вперед было и подписание соглашения между Болгарией и Албанией о сотрудничестве между этими странами в области социальной политики и медицинской помощи, которое было подписано в Тиране в октябре 1949 г.⁴² Особое значение для Албании имело проявление солидарности со стороны Китая. Телеграмму Мао Цзэдуна в поддержку Ходжи и албанского народа в борьбе против

³⁸ ДАСМИП, ПА — 1953. Ф. 67, 41539.

³⁹ Там же.

⁴⁰ ДАСМИП, ПА — 1949. Ф. 1, 41214.

⁴¹ Там же. Ф. 1, 41224.

⁴² Там же. Ф. 1, 41251.

«империализма и реакционного блока Тито»⁴³ албанское правительство впоследствии долго эксплуатировало в пропагандистских целях⁴⁴. Одним из результатов следования курсу советской внешней политики по укреплению связей с Китаем было установление дипломатических отношений между Албанией и КНР 19 ноября 1949 г.⁴⁵ Укрепляя связи со странами восточного блока, Албания в декабре 1949 г. установила дипломатические отношения и с ГДР⁴⁶.

Ограничение сотрудничества с Югославией Албания стремилась компенсировать развитием отношений с Советским Союзом. Советское руководство в рамках мер по усилению советского влияния и политических режимов в странах народной демократии планировало постоянный обмен культурными, образовательными, профсоюзными, кооперативными, молодежными делегациями, а также открытие домов советской культуры⁴⁷. В этой связи осенью 1949 г. была направлена специальная делегация в Москву на празднование годовщины Октябрьской революции, а Неджмие Ходжа как председатель Союза албанских женщин участвовала в Москве в заседании комитета МДФЖ⁴⁸. Весной 1950 г. последовал ряд визитов албанских партийных и профсоюзных организаций в Советский Союз⁴⁹, а советская делегация присутствовала на праздновании 1 мая в Тиране⁵⁰. Стремление укрепить отношения с Советским Союзом выразилось и другим образом. Осенью 1949 г. Энвер Ходжа просил Сталина дать согласие на прием албанских партийных кадров на учебу и разрешить пребывание постоянного албанского партийного представителя в Москве⁵¹. Москва очень быстро дала положительный ответ на эту просьбу, и руководство Албанской партии труда направило в советскую столицу своего официального представителя, что способствовало укреплению межпартийных связей. Советское присутствие в Албании упрочилось и в культурном плане. Весной 1949 г. в Албанию приехала группа советских кинематографистов, которая

⁴³ Там же. Ф. 1, 41252.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Ф. 1, 41258.

⁴⁶ Там же. Ф. 1, 41260.

⁴⁷ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 41–43.

⁴⁸ ДАСМИП, ПА — 1949. Ф. 1, 41256.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1123. Л. 92–105.

⁵⁰ Там же. Л. 5.

⁵¹ Там же. Л. 17–19.

должна была заложить основы албанской кинематографии и помочь созданию сети кинотеатров в стране⁵². В течение следующего года в Албанию было направлено несколько групп специалистов с задачей помочь развитию различных видов драматического и изобразительного искусства в Албании⁵³. Страну посетили и ведущие советские скульпторы, которым было поручено подготовить заключение о развитии монументальной пропаганды, в частности об открытии памятников в Тиране⁵⁴. Стремясь развивать отношения с Советским Союзом, а также консолидировать различные слои общества и укрепить собственную власть, албанское руководство, вопреки устоявшимся идеологическим нормам, обратилось к Сталину с просьбой разрешить посещение СССР делегацией Исламской религиозной общины Албании. При этом оно опиралось на позитивный опыт, связанный с пребыванием в СССР представителей албанской православной церкви в 1947 г.⁵⁵ Сталин дал согласие, и летом 1949 г. делегация Исламской религиозной общины посетила районы Советского Союза, где проживало мусульманское население⁵⁶.

Отсутствие всесторонней югославской помощи ощущалось и в необходимости привлечения советских инструкторов в тех областях, в которых прежде работали югославские советники и инструкторы. Начиная с 1949 г. албанская сторона неоднократно обращалась в Москву с просьбами прислать специалистов. Особенно нуждались в них строительная отрасль, силовые структуры и система государственного управления. Уже в апреле 1949 г. поступила просьба о направлении двух советских специалистов для организации работы милиции и прокуратуры⁵⁷. С согласия министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова Политбюро ЦК ВКП(б) решило пойти навстречу албанской стороне. В апреле 1951 г. в Албанию были направлены пять

⁵² Там же. Л. 10–12.

⁵³ Там же. Л. 111–125.

⁵⁴ Там же. Л. 60–63.

⁵⁵ Так в тексте. Дата указана ошибочно. Запланированная на июнь 1947 г. поездка делегации АПЦ в Москву не состоялась, хотя интенсивная подготовка визита велась албанской стороной вплоть до конца мая. Делегация АПЦ во главе с архимандритом Паисием прибыла в Москву 10 января 1948 г. (*Примеч. ред.*).

⁵⁶ РГАСПИ Ф. 82. Оп. 2. Д. 1123. Л. 64–67.

⁵⁷ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. М., 2008. С. 288.

советников по линии государственной безопасности (контрразведка, следственная практика, криминалистика, охрана границ, милиция). Такая же помощь была необходима и в области судопроизводства. Энвер Ходжа 7 сентября 1951 г. просил Москву о командировании в Албанию двух советников по юридическим вопросам сроком на два года каждого, а также о принятии на стажировку двух албанских сотрудников. Албанский лидер объяснял необходимость советской помощи низким уровнем подготовки собственных кадров: большинство занятых в правоохранительной системе имели среднее или неполное среднее образование. И эта просьба была удовлетворена⁵⁸.

Центральный аппарат ВКП(б) стремился как можно шире знакомить советскую общественность с албанской действительностью. Несмотря на интенсивное военное, политическое и экономическое сотрудничество с СССР, Албания была практически неизвестна советским людям. С целью «знакомства» была опубликована книга побывавшего в Тиране сотрудника Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) П. И. Манчхи⁵⁹, который в откровенно пропагандистском стиле и в соответствии с потребностями и целями советской политики в Албании представил картину экономического и политического положения в этой стране, обвинив Югославию в проведении якобы империалистической политики в отношении Албании и попытках ее полного подчинения. При этом автор умолчал о югославской помощи албанцам во время войны и после ее окончания. Книга, изобилующая идеологическими штампами и откровенными измышлениями, оставалась своеобразным советским справочником по Албании вплоть до начала десталинизации, нормализации отношений с Югославией и последующего конфликта между Советским Союзом и Албанией.

Новая волна двустороннего сотрудничества пришлась на 1953 г. В марте–апреле в Тиране находилась делегация советской молодежи, которая, помимо ознакомления с состоянием албанского комсомола, имела важное задание содействовать укреплению первичных организаций⁶⁰. В результате поездки осенью 1953 г. 10 албанских комсомольцев были направлены на учебу в Советский Союз⁶¹. В этом же году Москву

⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1123. Л. 148.

⁵⁹ Манчха П. Албания на пути к социализму. М., 1951.

⁶⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 14. Л. 141–144.

⁶¹ Там же. Л. 157–162.

посетила делегация албанских рабочих, которой предстояло ознакомиться с работой профсоюзных организаций и впоследствии применить советский опыт у себя в стране⁶². Одновременно активизировалась работа и в плане культурного сотрудничества⁶³. Советские специалисты участвовали в разработке плана реорганизации местного управления в Албании, которое было создано по югославскому образцу⁶⁴.

Одновременно была предпринята попытка преодолеть изоляцию Албании в Организации Объединенных Наций. Энвер Ходжа в чрезвычайно учтивых выражениях, что вообще-то было несвойственно ему в сфере дипломатии, попросил Генерального секретаря ООН Трюгве Ли разрешить Албании, не являющейся членом этой ведущей международной организации, иметь при ней своего постоянного наблюдателя⁶⁵.

В рамках укрепления связей с Советским Союзом Ходжа в марте–апреле 1949 г. посетил Советский Союз. Кроме него в правительственную делегацию входили министры торговли, промышленности и строительства⁶⁶. В Москве 22 марта Ходжу первым принял А.Я. Вышинский. Во время беседы Ходжа, рассказав о целях визита, описал тяжелое экономическое положение Албании, представив его как следствие пагубного югославского влияния в предшествующий период. Касаясь внешнеполитической сферы, албанский руководитель жаловался на постоянно ухудшающиеся отношения с Югославией и Грецией. Он обвинял югославскую сторону в пограничных инцидентах, переброске в Албанию диверсантов и шпионов, проведении активной антиалбанской пропаганды. Ходжа просил совета относительно установления дипломатических отношений с Италией, поскольку якобы существовал ряд нерешенных вопросов между двумя странами. Вышинский ушел от ответа, временно отложив рассмотрение этого вопроса⁶⁷. На следующий день, 23 марта, Ходжу принимал в Кремле Сталин. В самом начале переговоров албанский гость поблагодарил Сталина за резолюцию Информбюро, спасающую, по его словам, Албанию от неминуемой катастрофы. На вопрос Сталина,

⁶² Там же. Л. 145–146.

⁶³ Там же. Л. 163–167.

⁶⁴ Там же. Л. 169–172.

⁶⁵ ДАСМИП, ПА – 1949. Ф. 2, 4293.

⁶⁶ Там же. Ф. 1, 42113.

⁶⁷ Советский фактор в Восточной Европе. С. 61–63.

в чем заключалась бы эта катастрофа, Ходжа ответил, что югославская политика была направлена против всего «социалистического лагеря» и особенно против Советского Союза и Албании. Он обвинил Югославию в подрывной деятельности, проводимой непосредственно в Албании, в инициировании раскола в рядах ее партийных лидеров, попытке проводить колонизаторскую политику⁶⁸. Ходжа смиренно признал «ошибки» албанской партии, которая вовремя не заметила опасные тенденции, и взял на себя ответственность за это. Вновь обсуждался вопрос о югославском военном присутствии в Албании. Собеседники признали, что советская сторона не была информирована о намерении Югославии ввести свой воинский контингент, а албанцы были уверены, что позиция Югославии была согласована с Советским Союзом⁶⁹. Обе стороны выразили убеждение, что Югославия не собиралась защищать албанские границы, а рассчитывала дестабилизировать ситуацию в стране. Затем Ходжа информировал Сталина о ходе борьбы албанского руководства за устранение югославского политического и экономического влияния в стране, об арестах «югославских приспешников» и о тяжелой экономической ситуации в Албании. Он выразил озабоченность в связи с пограничными инцидентами, утверждая, что югославская сторона засылает в Албанию террористов. Гость всячески старался создать у хозяина впечатление, что Албании грозит вооруженная агрессия со стороны Югославии⁷⁰. Сталин, однако, эти опасения не разделял, подчеркнув, что опасности для национальной безопасности Албании нет, поскольку она гарантирована декларациями великих держав еще со времени Второй мировой войны⁷¹. Касаясь ситуации в Греции, Ходжа настаивал, что существует угроза греческой агрессии и против Албании. Сталин это отрицал, советуя Ходже сократить помощь греческой демократической армии и свести контакты с ней к минимуму. Кроме этого, Сталин обещал Албании значительную экономическую помощь⁷². Предлагая албанской стороне сократить помощь греческим партизанам, советское руководство считало целесообразным продолжить работу на территории Албании радиостанции Захариадиса. Таким образом, в Москве стремились

⁶⁸ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 44–58.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² Восточная Европа в документах российских архивов. С. 44–58.

косвенным образом и дальше поддерживать конфликт, хотя давно уже отказались от широкомасштабных действий⁷³.

25 апреля 1949 г. посланник Д. С. Чувахин передал Ходже советские рекомендации по пограничным вопросам. Был дан совет полностью закрыть границу с Грецией, укрепить наиболее уязвимые участки на границе с Югославией (Поградец, Кукс, Тропоя, Пешкопоя) и направить в эти районы дополнительные военные формирования. Уже на следующий день, согласившись с «мнением Москвы», албанское Политбюро приняло окончательное решение об укреплении границ с Югославией и отправке дополнительных военных частей на границу. Ходжа поспешил проинформировать Чувахина об усилении контроля над положением на границе с Югославией⁷⁴. 1 мая 1949 г. албанское правительство закрыло границу с Грецией и перестало оказывать помощь греческим партизанам. Этот факт важен, поскольку подтверждал прекращение поддержки советской стороной греческого партизанского движения.

Сообщая своему окружению об итогах визита в Москву, Ходжа заявил, что добился огромной советской экономической помощи и льготных кредитов⁷⁵. Со своей стороны, Москва старалась точнее оценить потенциал албанской экономики в целях ее более быстрого развития при использовании природных ресурсов страны. Поэтому был подготовлен и издан специальный справочник, содержавший экономико-географическую характеристику Албании⁷⁶. Вместе с тем советская сторона постепенно слагала с себя обязательства оказания постоянной помощи бедному и слабо развитому союзнику.

Непосредственным результатом переговоров в Москве стал тот факт, что в рамках помощи албанской армии Советский Союз взял на себя 50% всех расходов на содержание албанских вооруженных сил. Кроме того, в Албанию были направлены инструкторы по ведению разведки и организации службы мобилизации, политической работе, организации милиции и шифровальной службы. В мае 1949 г. для специального обучения в Советский Союз было направлено 20 офицеров албанской госбезопасности⁷⁷.

⁷³ РГАСПИ Ф. 82. Оп. 2. Д. 1123. Л. 58.

⁷⁴ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 83–85.

⁷⁵ ДАСМИП, ПА — 1949. Ф. 1, 41222.

⁷⁶ *Силаев Е. Д.* Албания: экономическо-географическая характеристика. М., 1953.

⁷⁷ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 83–85.

Югославское информационное агентство ТАНЮГ, информируя о советском военном присутствии в Албании, в сентябре 1950 г. опубликовало сообщение, что в Албании находятся более 480 советских военных специалистов⁷⁸. По совету советского правительства албанская сторона немедленно опровергла эту информацию. В то время в албанской армии находился 21 советский военный советник⁷⁹.

В целях реализации достигнутых с Советским Союзом договоренностей 30 ноября 1949 г. в Москву отправилась албанская экономическая делегация, задачей которой было добиться увеличения советской помощи⁸⁰. На прием иностранных дипломатов, который был организован по случаю визита, не были приглашены только югославский и французский послы. Албанская сторона явно не была удовлетворена исходом переговоров в Москве. Впервые после публикации бухарестской резолюции Информбюро Ходжа в своих публичных выступлениях не нападал на Югославию. Это бросилось в глаза советским дипломатам, и они старались получить достоверную информацию о том, не готовятся ли изменения в отношениях между двумя странами⁸¹.

Однако вскоре, излагая основы двухлетнего хозяйственного плана на 1949–1950 гг., Ходжа с трибуны парламента яростно напал на Югославию. Одновременно он четко определил основные направления экономического развития Албании, реализовывать которые предполагалось, полностью опираясь на Советский Союз и его союзников⁸².

Тяжелая экономическая ситуация, запаздывание обещанной советской стороной экономической помощи, напряженность в отношениях с Белградом и на границах с Югославией и Грецией заставили Ходжу вновь поставить вопрос о приеме его в Москве. 17 января 1950 г. посланник Чувахин, горячо поддержав намерение албанского лидера, просил Политбюро ЦК ВКП(б) принять его как можно раньше⁸³. После долгого размышления Молотов дал согласие на визит Ходжи в июле–августе 1950 г. Приехав в июле 1950 г. в Советский Союз,

⁷⁸ Там же. С. 424.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ ДАСМИП, ПА — 1949. Ф. 2, 41239.

⁸¹ Там же. Ф. 1, 4195.

⁸² Там же. Ф. 1, 4078.

⁸³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1124. Л. 17–18.

Ходжа официально обратился к Молотову с просьбой об оказании в срочном порядке экономической помощи, а также о содействии в развитии сельскохозяйственных кооперативов⁸⁴. Он не упустил возможности вновь обвинить в тяжелой экономической ситуации в стране Югославию и ее представителей в Албании, которые якобы целенаправленно разрушали албанскую экономику⁸⁵. В ходе беседы Ходжи и Тук Яковы с Молотовым 5 августа 1950 г. албанский лидер старался убедить собеседника, что Албании угрожает опасность вооруженной агрессии со стороны Югославии. Молотов, однако, сразу же выразил несогласие с такой перспективой, заявив, что Югославия переживает серьезные внутренние трудности и не имеет сил для вооруженной агрессии⁸⁶. Очередная попытка албанского лидера получить дополнительную экономическую и военную помощь под предлогом угрозы со стороны Югославии не удалась.

Вопрос о военной помощи Албании Энвер Ходжа вновь поднял во время посещения Советского Союза весной 1951 г. 2 апреля он говорил об этом со Сталиным в Кремле, мотивируя свою просьбу угрозой со стороны Югославии, Греции и Италии. Выслушав пространную речь Ходжи, Сталин заметил, что не верит в такое развитие событий, но всё же пообещал жаловавшемуся на нехватку танков и самолетов албанскому лидеру серьезную советскую военную помощь, а также военных советников для организации системы безопасности и обучения в албанской армии⁸⁷. В связи с этим был одобрен специальный кредит для закупки вооружения и военной техники в СССР в размере 142 млн руб., которые Албания обязалась погасить в течение 10 лет — две трети в виде платежей по кредиту, а треть в форме товарообмена с Советским Союзом⁸⁸. Советскую сторону, по всей видимости, раздражали постоянные жалобы албанцев, их требования казались чрезмерными, поэтому советское правительство направило в Албанию значительно меньше советников, чем просило албанское правительство⁸⁹.

⁸⁴ Там же. Д. 1123. Л. 91.

⁸⁵ Там же. Л. 19–30.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 525–527.

⁸⁸ Быстрова И. В. Военно-промышленный комплекс СССР на международной арене // Отечественная история. 2006. № 2. С. 58.

⁸⁹ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 525–527.

В ходе тотальной советизации албанского государственного аппарата были проведены проверки органами госбезопасности многих видных албанских деятелей, которые заняли свои посты по совету югославских представителей в Албании или по характеру своей работы были связаны с югославскими представителями и советниками в Албании. В поле зрения силовых структур попали и те албанские граждане, которые находились на учебе или повышении квалификации в Югославии. Особенно строгую проверку органами советской и албанской госбезопасности прошел начальник Генерального штаба генерал Бекир Балуку⁹⁰. В советской справке особо подчеркивалось, что югославы поддержали его назначение на пост начальника Генштаба албанской армии в декабре 1947 г. и якобы хотели использовать для достижения своих целей, но генерал «вовремя поддержал советскую линию и работал в тесном контакте с советскими инструкторами в Албании»⁹¹. И хотя подозрение с генерала не было снято, он остался на своем посту и в публичных выступлениях выдвигал обвинения в адрес Югославии, осуждал ее политику в Албании до 1948 г. и накануне конфликта с Советским Союзом и странами народной демократии.

Столкнувшись с враждебностью албанской стороны, югославское правительство в ноябре 1949 г. решило разорвать Договор о дружбе и сотрудничестве 1946 г., который в качестве главного международного соглашения оставался, хотя и формально, в силе. Югославская сторона, денонсировав договор, заявила, что Албания ведет себя крайне провокационно в отношении Югославии, нарушает основные положения договора, подчиняет свои национальные интересы интересам Советского Союза и других стран в борьбе против Югославии и тем самым ставит себя в тяжелое экономическое и международное положение. Албанское правительство обвинялось в том, что оно использует в своих интересах отдельные статьи договора и при этом плетет интриги против Югославии, в то время как югославская сторона, даже прекращая действие договора, не останется равнодушной, если Албании будут угрожать извне⁹². Нота о денонсации Договора о дружбе и сотрудничестве была передана в Тирану 12 ноября

⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1123. Л. 126–132.

⁹¹ Там же.

⁹² ДАСМИП, ПА – 1949. Ф. 1, 41115.

1949 г.⁹³, а 22 ноября в ответной ноте албанское правительство опровергло югославские претензии и обрушило на Югославию и ее государственное и партийное руководство лавину обвинений в привычных уже пропагандистских выражениях⁹⁴.

Одновременно албанские партийные лидеры стремились оправдать проводимую антиюгославскую политику своей ролью оплота народной демократии в тылу Югославии и Греции. 19 октября 1949 г., на третьем пленуме Албанской партии труда Мехмед Шеху обвинил югославов в попытке свергнуть власть в Албании, в помощи реакции, вооруженных провокациях, заброске групп диверсантов и шпионов, в дипломатическом шантаже и сотрудничестве с западными странами⁹⁵.

Кампанию против Югославии, которую вели Советский Союз и его сателлиты, включая Албанию, югославское правительство воспринимало как прямую угрозу независимости и суверенитету страны. Поэтому оно решило интернационализировать проблему, представив ее на обсуждение в ООН в сентябре 1949 г.⁹⁶

Албанская сторона использовала это югославское намерение для развертывания нового пропагандистского наступления, заявляя, что, апеллируя к ООН, Югославия якобы публично признала свое «вхождение в империалистический блок»⁹⁷.

Начало 1950 г. означало и начало новой фазы в конфликте между Югославией и Албанией. В Тиране усилилась слежка за югославскими дипломатами, ограничивалось их передвижение. Одновременно возникли большие проблемы с албанскими дипломатами в Белграде, которые своими действиями провоцировали югославские органы безопасности и распространяли пропагандистские материалы среди албанцев в Югославии. Поэтому югославская сторона была вынуждена ограничить передвижение албанских дипломатов только Белградом и его окрестностями. Считая условия для работы югославской дипломатической миссии в Тиране невозможными из-за постоянной слежки за дипломатами, вручения оскорбительных дипломатических нот и возвращения югославских дипломатических нот безо всякого

⁹³ Там же. Ф. 1, 41116.

⁹⁴ Там же. Ф. 1, 41174.

⁹⁵ АЈ, 507/IX — КМОВ ЦК СКЈ, I/1—252.

⁹⁶ *Коматина М.* Енвер Хоџа и југословенско-албански односи. Београд, 1995. С. 94.

⁹⁷ АЈ, 507/IX — КМОВ ЦК СКЈ, I/1—251.

объяснения, югославское правительство приняло решение временно закрыть свое диппредставительство в Тиране⁹⁸. В дальнейшем контакты с правительством Албании велись через югославское посольство в Будапеште⁹⁹. Албанский представитель в Белграде М. Шеху просил в посольстве СССР совета по вопросу дальнейшей работы миссии в Югославии. Он сообщил, что в югославском Министерстве иностранных дел ему посоветовали, чтобы члены албанской дипломатической миссии покинули Белград. При этом было заявлено, что временное закрытие миссии югославская сторона не считает разрывом дипломатических отношений¹⁰⁰. Шеху просил советское посольство в случае отъезда албанских дипломатов позаботиться о секретном архиве миссии. Советник советского посольства в Белграде В. С. Семенов не мог дать определенного ответа без консультаций в МИД СССР. В конце концов, 22 ноября албанская миссия в Белграде была закрыта¹⁰¹.

Энвер Ходжа в своем вступительном слове на Втором съезде Албанской партии труда, проходившем с 31 марта по 7 апреля 1952 г., не удержался от резких выпадов в адрес Югославии и лидеров КПЮ, назвав их палачами, агентами империализма, бандитами, фашистами и пр.¹⁰² Советская сторона пристально следила за ходом съезда и в своем отчете констатировала, что албанское партийное руководство отличает агрессивный тон в отношении Югославии и что его обвинения в адрес Югославии часто характеризует предвзятость и представление ситуации хуже, чем она есть на самом деле, и поэтому албанцам было сделано внушение, чтобы они впредь были осторожнее в своих выступлениях в отношении Югославии и ее лидеров¹⁰³.

Однако постепенно в связи со смягчением советского курса в отношении Югославии агрессивная риторика албанских лидеров теряла остроту, но без каких-либо признаков того, что в ближайшее время можно будет прийти к нормализации отношений между двумя недавними близкими союзниками.

Особую проблему в отношениях между двумя государствами представляла албанская политическая эмиграция в Югославии, где

⁹⁸ *Коматина М.* Энвер Хоца и југословенско-албански односи. С. 94.

⁹⁹ ДАСМИП, ПА – 1950. Ф. 1, 421344.

¹⁰⁰ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 360.

¹⁰¹ *Коматина М.* Энвер Хоца и југословенско-албански односи. С. 94.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1123. Л. 57–72.

в начале 1951 г. насчитывалось 2195 эмигрантов (428 в Черногории, 1240 в Сербии и 527 в Македонии). Югославские власти старались использовать их для развертывания широкой пропагандистской кампании против Албании. Была создана эмигрантская организация, которая с середины 1951 г. выпускала свою газету «Застава слободе» для распространения в Албании в целях содействия сопротивлению режиму Энвера Ходжи. Кроме того, Душан Мугоша предлагал сформировать из албанских эмигрантов военные отряды, которые, пройдя специальную подготовку, в нужный момент могли быть использованы в Албании. Он считал, что это имело бы значение не только с политической и военной точек зрения, но и как мобилизующий фактор для недовольных режимом албанцев¹⁰⁴. Предложение Мугоши не было принято. Считалось, что такой шаг даст повод албанской пропаганде обвинять югославскую сторону в агрессивных намерениях.

Под влиянием албанской пропаганды и слухов, что Югославия, принимая албанских эмигрантов, стала сборным пунктом криминальных элементов и военных преступников, югославские власти перешли к жестким и жестоким ответным мерам: расстреляли многих албанских эмигрантов. Позднее было доказано, что многие из них были весьма уважаемыми людьми и пострадали безвинно. Многие эмигранты были высланы назад в Албанию, а албанские власти отказывались принять их обратно¹⁰⁵. Использовали ли югославские власти албанских эмигрантов для переброски на албанскую территорию ради подрывной деятельности, сказать трудно из-за отсутствия доступных источников. Албанские документы свидетельствуют, что в последние месяцы 1951 г. албанскими силами безопасности было выявлено, задержано или ликвидировано 30 диверсантов, которые были заброшены с югославской территории. Согласно утверждениям Албанского телеграфного агентства, речь шла об албанских эмигрантах, которые нашли убежище в Югославии¹⁰⁶. Албанские власти также заявили, что в начале января 1953 г. были ликвидированы еще 12 диверсантов, переброшенных из Югославии¹⁰⁷. Утверждалось, что речь шла об албанских эмигрантах. И это утверждение невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть доступными архивными

¹⁰⁴ АЈ, 507/IX – КМОВ ЦК СКЈ, I/1–258.

¹⁰⁵ Там же, III/1–138.

¹⁰⁶ АЈ, 112 – ТАНЈУГ.

¹⁰⁷ Там же.

источниками. В сложившихся условиях югославское правительство постепенно отказалось от планов политического использования албанских эмигрантов в Югославии. Среди общественности восточно-европейских стран систематически распространялись слухи о том, что будто бы Югославия использовала албанских эмигрантов для переброски диверсионных групп на территорию Албании. Эти слухи активно использовались для антиюгославской пропаганды¹⁰⁸.

Вместе с тем албанское правительство стремилось объединить достаточно многочисленную югославскую эмиграцию «информбюровцев». В беседе с представителем ВКП(б) в Тиране В. А. Кареткиным Ходжа сообщил ему о решении Политбюро Албанской партии труда объединить всех эмигрантов в одну организацию, предоставить им членство в АПТ, возможность получить албанское гражданство, право работать и учиться¹⁰⁹. Он рассказал, что в Албании насчитываются около 300 югославских эмигрантов — «информбюровцев», из которых около 100 чел. находятся в албанских тюрьмах по подозрению, что они югославские агенты. Примерно 30 чел. вернулись назад в Югославию¹¹⁰. Ходжа заявил, что считает югославских эмигрантов в Албании передовым отрядом будущей революции в Югославии, которая сбросит режим Тито¹¹¹. Албанское правительство собиралось использовать югославских эмигрантов для серьезных акций в Югославии. Нет надежных источников, подтверждающих это, однако, учитывая характер албанской деятельности среди югославских эмигрантов, идеологический настрой эмиграции и интенсивность пограничных инцидентов, можно предположить, что часть югославских эмигрантов перебрасывалась на территорию Югославии для выполнения разведывательных и диверсионных заданий.

* * *

Югославско-албанский конфликт, хотя и был частью конфликта между Югославией, СССР и странами, сплотившимися вокруг Советского Союза, представлял собой не просто идеологическое противостояние, влиявшее и на остальные сферы жизни. Он был гораздо более

¹⁰⁸ Arhiv Ministerstva Zahraničnih Veci, Teritorialny obor (далее — AMZV, TO-T), Albanie. K. 1, 625/52.

¹⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1123. Л. 106–110.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же.

глубоким и сложным явлением, что обуславливалось как характером отношений между двумя странами во время войны и непосредственно после ее окончания, так и масштабами югославского «присутствия» в Албании в различных областях. Югославия помогала строительству государственных институтов и организации коммунистической партии Албании, формировала и экипировала албанские вооруженные силы, оказывала огромную экономическую помощь, превышавшую собственные возможности, в частности предоставляла инвестиции для строительства албанской промышленности и создания инфраструктуры, обучала албанских школьников и студентов в своих школах, фабрично-заводских училищах, университетах. Степень югославского присутствия в Албании несла в себе зародыш будущего конфликта, который имел другие измерения по сравнению с остальными странами восточного блока. Если добавить к этому еще и особенности албанского менталитета, то будет понятно, почему конфликт между Югославией и Албанией сопровождался эмоциональными взрывами, резкостью обвинений, нередко бездоказательных, грубостью формулировок и выражений, постоянным ростом напряженности и проявлениями враждебности и агрессивности вплоть до вооруженных провокаций.

Советский фактор в югославно-албанском конфликте выражался по-разному. С одной стороны, Советский Союз ускорил начало конфликта между Югославией и Албанией, позволив Энверу Ходже приступить к ликвидации югославского влияния в стране. На протяжении всего конфликта Советский Союз укреплял свои позиции в Албании, оказывая ей значительную экономическую и военную помощь и посылая военных и экономических советников. Но несмотря на это и на помощь со стороны других социалистических стран потери Албании из-за разрыва с Югославией компенсировать не удалось. С другой стороны, албанские партийные лидеры, воодушевленные советской поддержкой, развязали политический и экономический конфликт с Югославией, выходя за установленные Москвой рамки. Поэтому советская сторона нередко была вынуждена «одергивать» албанских руководителей, предлагая избрать иной тон критики югославской политики и снизить ее накал.

Конфликт между Югославией и Албанией являлся важной составляющей конфронтации между Югославией и странами «социалистического лагеря», но имел и существенные особенности, придававшие ему свой специфический облик.

Перевел с сербского А. А. Аникеев

В. В. Волобуев

Польша и советско-югославский конфликт

Внутриполитические события в Польше

4 апреля 1948 г. польское руководство в лице генерального секретаря ЦК Польской рабочей партии (ПРП) В. Гомулки было официально уведомлено об обострении отношений между ВКП(б) и КПЮ. Сделал это советник посольства СССР в Варшаве В. Г. Яковлев, который передал Гомулке копию письма Политбюро ЦК ВКП(б) верхушке КПЮ от 27 марта. Реакция генерального секретаря была весьма сдержанной: он не согласился с обвинениями против Тито, оценил действия ВКП(б) как преждевременные, и выразил опасение, что из-за таких шагов Югославия отпадет от соцлагеря¹.

Владислав Гомулка не принадлежал к когорте «московских поляков» (т. е. коммунистов, прошедших годы Второй мировой войны в СССР), а потому не был склонен бездумно следовать указаниям из Кремля. На этой почве у него не раз возникали конфликты с новым избранным президентом Польши Б. Берутом, который хотя и являлся формально беспартийным, однако имел за плечами большой стаж работы в Коминтерне и был безгранично предан И. В. Сталину. Берута поддерживало большинство членов Политбюро ЦК, состоявшее из «московских поляков». Факт этой борьбы отмечал посол В. З. Лебедев, который в своем донесении от марта 1948 г. тревожился, что противники Гомулки, борясь против якобы присущего ему «польского шовинизма», сами идут по ошибочному пути, поскольку создают

¹ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953: Очерки истории. М., 2008. С. 502–503.

нечто вроде «еврейской группы». Лидером этой группы посол считал министра промышленности, члена Политбюро Г. Минца².

Настороженное отношение советских властей к Гомулке имело следствием появление уже 5 апреля 1948 г. служебной записки отдела внешней политики ЦК ВКП(б) «Об антимарксистских идеологических установках руководства ППР (аббревиатура Польской рабочей партии, данная по первым буквам польского названия.—В.В.)». В этой записке лидер польской партии обвинялся по следующим пунктам: недооценка роли советской армии в освобождении страны от фашизма и постулат о мирном характере установления нового строя (в отличие от России, где большевики утвердили свою власть в ходе Гражданской войны); игнорирование роли Ленина и Сталина в марксистском учении применительно к Польше и курс на построение некоего «польского марксизма»; низкое количество материалов об СССР в прессе и удаление из армии советских офицеров; разработка мобилизационного плана для войны с СССР; идеологическое сближение с социалистами; «хвостизм» в аграрном вопросе (неприятие коллективизации).³

Всего один день, отделявший ознакомление Гомулки с письмом советских товарищей от появления на свет этой записки, показывает, что компромат на генерального секретаря готовился заблаговременно, а особая позиция польского лидера по югославскому вопросу стала еще одним подтверждением плохой управляемости главы польских коммунистов. Ясно это стало уже в сентябре 1947 г., когда на совещании в Шклярской Порембе Гомулка выступил против создания Коминформа (хотя и был вынужден подчиниться мнению большинства)⁴. Уже тогда в папку «Польша» Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) попал ряд компрометирующих Гомулку материалов, в частности «Информационная записка о современном политическом и экономическом положении Польши», где партийный лидер обвинялся в умалении роли СССР при освобождении страны от гитлеровцев и нежелании брать на вооружение советский опыт⁵.

² Там же. С. 509–510.

³ СССР–Польша. Механизмы подчинения. 1944–1949: Сборник документов / Под ред. Г. Бордогова, Г. Матвеева, А. Косеского, А. Пачковского. М., 1995. С. 229–246.

⁴ Яжборовская И. С. 1948 год. Москва. Варшава. Югославский вопрос. М., 1998. С. 10–15.

⁵ Адибеков Г. М. Коминформ и послевоенная Европа. М., 1994. С. 90–91.

Отсутствие реакции поляков на письмо ВКП(б) побудило В. М. Молотова через посла Лебедева 18 апреля 1948 г. затребовать от Гомулки, чтобы Польская рабочая партия выступила с заявлением касательно данного документа, «как это уже сделала венгерская компартия». На следующий день такое заявление было отослано в Москву, однако и здесь Гомулка не смог удержаться от оговорок: в заявлении содержалась обеспокоенность по поводу негативного влияния, которое может оказать конфликт на международное коммунистическое движение⁶. 7 мая Гомулка направил еще одну записку в Москву, предложив свое посредничество в улаживании спора, но при этом воздержавшись от обвинений какой-либо из сторон. Он особо указал, что «чехи... не осведомлены» о его идее⁷. Москва отнеслась к инициативе холодно: А. А. Жданов в ответном письме, отправленном 3 июня 1948 г., выразил сомнение в ее успехе, хотя и отметил, что решение остается целиком и полностью за поляками⁸.

Совпадение или нет, однако именно 3 июня в Варшаве собрался пленум ЦК, на котором вышла наружу борьба двух течений в руководстве партии. Поводом явилась дискуссия о роли социалистов в польском рабочем движении (в преддверии слияния Польской рабочей и Социалистической партий это представлялось весьма важным вопросом). Одиннадцать из восемнадцати выступавших заявили, что не приемлют тезиса генерального секретаря о необходимости ценить опыт социалистов. Обе стороны поспешили заручиться поддержкой Москвы: Гомулка направил 11 июня письмо Сталину, а Б. Берут 14 июня встретился с послом Лебедевым (через месяц польский президент отправился в Москву, чтобы лично пообщаться с советским вождем)⁹. Кроме того, генеральный секретарь и его противники обменялись развернутыми посланиями, в которых обосновывали свои позиции (не затрагивая, однако, югославскую тему)¹⁰.

К этому времени в Москве уже сделали выбор: на свет появилась записка «Уроки из ошибок компартии Югославии для польской

⁶ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. С. 503.

⁷ Archiwum Akt Nowych (далее — ААН) XIA/69. К. 91.

⁸ Ibid. К. 94.

⁹ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. С. 511–512.

¹⁰ Яжборовская И. С. 1948 год. Москва. Варшава. Югославский вопрос. С. 28–29.

рабочей партии», где прямо выдвигалось обвинение против «руководства ППР» в «явном уклоне... к национализму» (хотя и не в столь категоричной форме, как это было сделано позже). Исследовательница вопроса И. С. Яжборовская отмечает, что «по тональности [записка] явно предназначалась для определенной части польского руководства, которая вооружалась аргументами критики курса Гомулки»¹¹.

Польско-югославские отношения в тот период оставались достаточно благожелательными. Гомулка не разрывал контактов с Тито. Так, 9 июня польский представитель в журнале Коминформа «За прочный мир, за народную демократию» сообщил в Варшаву, что передал через М. Джиласа некое письмо для Тито¹².

Августовская поездка Берута в Москву была формальностью: к тому времени Гомулка, психологически истощенный борьбой, ушел в отпуск, на время перестав принимать участие в работе партии. Он не смог повлиять на позицию своих товарищей по Политбюро (Я. Бермана, А. Завадского и М. Спыхальского), которые от имени ПРП целиком поддержали антититовскую резолюцию Коминформа, принятую на совещании в Бухаресте 19–23 июня. На собранном по этому случаю пленуме ЦК, прошедшем 6–7 июля 1948 г., Гомулка даже не присутствовал, ограничившись отправкой письма, в котором заранее поддержал все его решения¹³. Именно этот пленум постановил перейти к форсированной индустриализации и солидаризировался с бухарестской резолюцией. Единственным, кто осторожно выражал сомнение в праведности антиюгославского гнева, был заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК В. Беньковский — верный сторонник Гомулки. Но его мнение было дружно отвергнуто руководством, тем более что в работе форума неформально участвовал сам Берут. Сразу после пленума Беньковский был снят с должности, а в конце августа выведен из состава ЦК¹⁴.

21 августа, сразу по возвращении из Советского Союза, польский президент уведомил Гомулку о его грядущем освобождении с поста генерального секретаря. В тот же день Берут направил запрос

¹¹ Там же. С. 23–24.

¹² ААН 295/VII/73. К. 1–2.

¹³ ААН XIA/69. К. 103–104.

¹⁴ Яжборовская И. С. 1948 год. Москва. Варшава. Югославский вопрос. С. 31–32; РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 62. Л. 83.

в Москву, прося поднять его, Берута, письмо от июня 1944 г., в котором он упрекал партийного лидера в идеологических шатаниях и фракционности— это письмо послужило одним из рычагов давления на опального политика с целью вынудить его к самокритике¹⁵.

31 августа — 3 сентября 1948 г. на пленуме ЦК Гомулка был обвинен в правонационалистическом уклоне и снят с поста генерального секретаря. Его место занял Б. Берут, который и выступил с основным докладом, нацеленным на шельмование своего предшественника. «Микробы идеологических колебаний...— говорил Берут, — выявились у товарища Веслава (партийная кличка Гомулки в период оккупации.—*В. В.*)<...> в момент получения нами в апреле текущего года одного из писем ЦК ВКП(б)... Не ожидая даже оценки Политическим бюро представленных в этом письме положения и фактов, товарищ Веслав заявил сразу, что не верит в поданные факты, не верит в то, чтобы руководители югославской партии могли занять такую позицию, в которой их обвиняет письмо ЦК ВКП(б)... Несомненно, что развитие югославских событий стало стимулом для выступления товарища Веслава уже на июньском пленуме, хотя выразившаяся уже тогда, но еще не разрешившаяся ситуация в Югославии три недели спустя нашла заслуженный отпор и оценку в совещании представителей восьми компартий, входивших в Информационное бюро». Берут намекнул также, что особое мнение Гомулки играет на руку капиталистам: «Вся отечественная и международная реакция начала триумфально трубить о новом прорыве в демократическо-антиимпериалистическом фронте, пытаясь поставить товарища Веслава рядом с Тито на пьедестале “героев” “национального коммунизма”, “противостоящего диктатуре СССР”»¹⁶.

Сильнее всего антиюгославские акценты прозвучали в докладе члена Политбюро Я. Бермана. Именно его выступление заняло ключевое место в подборке материалов Информбюро, посвященной пленуму¹⁷. Берман провел параллель между «раскольнической» деятельностью «титовской клики» и позицией Гомулки, заявив, что лишь

¹⁵ ААН ХІА/69. К. 109; Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. С. 513; Яжборовская И. С. 1948 год. Москва. Варшава. Югославский вопрос. С. 33–34.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 62. Л. 31–35.

¹⁷ Яжборовская И. С. 1948 год. Москва. Варшава. Югославский вопрос. С. 39.

«встряска» могла излечить от этой «болезни». «Трудно не поддаться впечатлению, что в нем (Гомулке. — В.В.) борются две души: одна — коммунистическая, пролетарская, та, которая строит народную Польшу, та, которая лелеет образ социалистической Польши, и другая — мелкобуржуазная, та, которая испугалась возникновения Информбюро, та, которая испугалась в вопросе о границах, та, которая неосознанно сочувствует КПЮ...» Заряжая слушателей страхом, Берман упомянул о предложении Гомулки покинуть бухарестское совещание, чтобы еще раз обсудить на пленуме ЦК советский постулат о коллективизации деревни (поляки настаивали на термине «кооперация»). «Разве этим мы не загнали бы нашу партию в положение КПЮ?» — задавался вопросом докладчик, с признательностью вспоминая об острастке, полученной им и его товарищами от Жданова¹⁸.

В обстановке нарастающего остракизма бывший руководитель должен был частично покаяться и признать справедливость упреков в свой адрес и в адрес КПЮ. Гомулка, однако, настаивал, что конфликт необходимо было разрешать иными методами. В конце концов он отказался и от этого пункта. «В... первой самокритике я по отношению к Югославии действительно не занял иной позиции, чем та, которую я занимал всё время кризиса по югославскому вопросу... Я в этой самокритике действительно проявляю то примиренческое отношение к КПЮ... которое у меня было в течение всего периода... я в настоящее время действительно с уверенностью, с убеждением заявляю, что не имею никаких оговорок ни к Резолюции Информационного бюро, ни к методам, применяемым ВКП(б), считая, что это были правильные методы». Аналогичным образом высказались и его соратники¹⁹.

Тем не менее Гомулка продолжал упорствовать во мнении, что Польша должна идти своим собственным путем к социализму, а не копировать советский опыт. Покидая пленум, он успел сделать несколько заявлений по этому поводу. Кроме того, отставной лидер отказался входить в новый состав Политбюро, явно демонстрируя тем самым несоответствие точек зрения, что в сталинской системе считалось неприемлемым. Учитывая вес, который он всё еще имел

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 62. Л. 22–26.

¹⁹ Яжборовская И. С. 1948 год. Москва. Варшава. Югославский вопрос. С. 37–45; РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 62. Л. 71–72.

в общественной жизни, правящая верхушка не могла расправиться с ним как с обычным отступником. В конце октября Берут предложил ему встретиться со Сталиным, но Гомулка отказался: «Теперь я — труп. С чем я поеду?» Спустя месяц с ним провели беседу в Секретариате ЦК. Опальный политик всё же дал согласие выступить на объединительном съезде Польской рабочей и Социалистической партий, а также съездить в Москву²⁰.

Беседа его со Сталиным, прошедшая 9 декабря, ни к чему не привела. Гомулка по-прежнему отказывался войти в Политбюро, да еще отправил 14 декабря письмо Сталину, в котором по пунктам обосновывал свое решение. Любопытно, что среди прочих причин он указал кадровую политику, приводившую к непропорциональному росту числа партийцев еврейского происхождения (этот мотив совершенно отсутствовал прежде)²¹. Трудно сказать, был ли данный пассаж искренним или проистекал из стремления использовать нарастающую в СССР антисемитскую волну (пресловутую кампанию по борьбе с космополитизмом). Так или иначе, в Москве к тому времени уже твердо решили списать его со счетов.

Еще в июле 1948 г. с санкции Политбюро ЦК ПРП началось следствие по обвинению в измене родине в отношении ряда бывших сотрудников заместителя министра обороны М. Спыхальского (некогда соратника Гомулки, затем переметнувшегося в лагерь его противников). 29 сентября Политбюро постановило начать через неделю аресты этих лиц и обратилось к советской стороне с просьбой передать в распоряжение поляков двух свидетелей, которые могли бы подтвердить враждебную деятельность упомянутых личностей (оба этих свидетеля находились в советских лагерях). Всего, по данным советской госбезопасности (с которой поляки координировали свои действия), по делу проходило до 40 человек. Решением Политбюро ЦК ПРП была образована негласная партийная комиссия во главе с Берутом, курировавшая следствие. Однако сам Гомулка пока оставался незатронутым этой акцией — Москва посоветовала польским товарищам оставить его в ЦК, хотя и не вводить

²⁰ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. С. 513–514; Яжборовская И. С. 1948 год. Москва. Варшава. Югославский вопрос. С. 45–46.

²¹ СССР и Польша. Механизмы подчинения. 1944–1949: Сборник документов / Под ред. Г. Бордюгова, Г. Матвеева, А. Косеского, А. Пачковского. М., 1995. С. 274–275.

в Политбюро: «Отношение т. Гомулки к партии и его искренность требуют дальнейшей проверки»²².

Всё лето и осень 1948 г. в Рабочей и Социалистической партии шли приготовления к объединительному съезду. Приготовления эти сопровождалось массовым «очищением рядов» от «классово чуждых» элементов, но, как правило, без идейной накачки. Мотив «правонационалистического уклона» или симпатий к «титовской клике» возникал спорадически, так и не став правилом²³. Гомулка пока проходил по разряду ошибающегося, а не врага (даже год спустя, клеймя на июньском совещании Коминформа курс Гомулки, член Политбюро Я. Берман не назвал его имени²⁴).

Параллельно в прессе разворачивалась кампания по обличению югославского руководства. Только в июле–августе центральный орган ПРП газета «Głosludu» («Голос народа») опубликовала 22 статьи против Тито. В Польше была перепечатана статья из «Правды» «Куда ведет национализм группы Тито в Югославии», опубликованы отклики «братских компартий» на бухарестскую резолюцию Информбюро. В Социалистической партии антиюгославскую линию ретиво проводил член Главного совета Ю. Циранкевич, вскоре ставший премьером Польши.

Польские власти сумели переманить на свою сторону пятерых работников торговых и дипломатических представительств Югославии, составивших ядро политической организации эмигрантов-антититовцев (образована 27 октября 1948 г.). Эта пятерка вела агитацию среди югославских учащихся (из-за чего в частности, югославское армейское командование отозвало 2 сентября своих курсантов из Польши), готовила передачи пропагандистского характера для радио, переводила на сербохорватский важнейшие материалы антититовского характера, которые затем распространяли работники польского посольства в Белграде. В своей деятельности организация находилась под плотной опекой Заграничного отдела ЦК ПРП, чьи сотрудники «часто инспирировали некоторые мероприятия, как организационные, так и политические». Главным успехом организации была

²² Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. С. 514–515.

²³ Paczkowski A. Pólwieku dziejów Polski. Warszawa, 2005. S. 151; Яжборовская И. С. 1948 год. Москва. Варшава. Югославский вопрос. С. 34–36.

²⁴ Адибеков Г. М. Коминформ и послевоенная Европа. С. 95–96.

ноябрьская декларация четырнадцати югославских студентов, в которой те расписывали террор у себя на родине и изъявляли желание остаться в Польше, чтобы оттуда вести борьбу с Тито²⁵.

Объединительный съезд двух партий, прошедший 15–21 декабря, не обошелся без антититовских акцентов, которые рьяно представляли Берут и вышеупомянутый Циранкевич. Гомулка, которому было позволено выступить с речью, уже не пытался защищать прежние позиции, хотя стремился очистить себя от обвинений. Он был избран в ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), однако набрал меньше всех голосов²⁶.

Антититовская кампания развивалась волнообразно. За подъемом следовал спад. Уже в мае 1949 г. работники Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) с тревогой отмечали: «За последнее время Польская объединенная рабочая партия крайне слабо, от случая к случаю, выступает с критикой предательской клики Тито». Характерным явлением в этом смысле советские товарищи считали апрельский расширенный пленум ЦК ПОРП 1949 г., во время которого «клик Тито» удостоилась всего одного упоминания, да и то — в докладе польского представителя в коминформовской газете. «Руководство ПОРП... по существу не проводило никакой работы среди польского населения, репатрированного в 1945–46 годах из Югославии в Польшу. Польские репатрианты из Югославии в количестве 26 тыс. человек поселены в одном районе, на западных землях в Силезии. Среди этого населения (проживавшего до 70 лет в Югославии) проводят активную работу агенты Тито... ЦК ПОРП лишь в последнее время решил обратить внимание на работу среди этого населения»²⁷. Но уже в июле пропагандистская кампания пошла на новый виток. Советский посол сообщал заведующему IV Европейским отделом МИД СССР: «Кроме корреспонденций Польского пресс-агентства (ПАП), орган ЦК ПОРП газета “Трыбуна люду” напечатала свыше 20 отдельных статей, посвященных разоблачению предательской деятельности клики Тито. Органы остальных польских партий подобных больших статей не печатали, но систематически помещали корреспонденции ПАП, снабжая их политически острыми заголовками.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 62. Л. 104; Д. 154. Л. 36.

²⁶ *Paczkowski A. Pólwieku dziejów Polski. S. 152; Яжборовская И. С. 1948 год. Москва. Варшава. Югославский вопрос. С. 45–47; РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 87. Л. 32–38.*

²⁷ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 87. Л. 40, 42.

Следует отметить 6 крупных статей о Югославии, напечатанных в газете “Жечпосполита”. Несмотря на относительно большое общее количество напечатанных статей о Югославии, хронологическая последовательность их появления неравномерна. В то время как в январе и феврале “Трибуна люду” напечатала всего по одной статье, в июне было напечатано 8»²⁸. Разоблачительская активность польской прессы не утихла и в 1950 г. Только за второе полугодие, по данным советского посла, в польской печати было опубликовано 95 материалов на югославскую тему. На первом месте, как и раньше, шла «Трибуна люду», которая в среднем через день помещала статьи и заметки против Тито. «Следует отметить оперативность газеты, — сообщал посол. — В отделе под рубрикой “На темы дня” “Трибуна люду” помещает небольшие фельетоны, разоблачающие титофашистов на основании новых фактов, свидетельствующих о преступных действиях клики Тито: “Титовцы и лисынмановцы”, “Транспорты американского оружия для титовской агентуры”, “Белградский документ предательства” и др.» Отдельного упоминания удостоился член Политбюро Р. Замбровский, опубликовавший в газете статью «Кулачество — опора клики Тито в деревне». Вместе с тем, по мнению посла, «Трибуна люду» недостаточно активно воспроизводила статьи из газеты «За прочный мир, за народную демократию!», а кроме того, располагала весьма небольшим авторским коллективом, выступавшим со статьями на югославскую тему (на постоянной основе об этом писали лишь два автора: политэмигрант Н. Сандулович и публицист З. Бронярек)²⁹.

Основным проводником антититовского курса в Польше, что естественно, был ответственный за идеологию и органы госбезопасности член Политбюро Я. Берман. Он участвовал во всех совещаниях Коминформа, а в июне 1949 г. вошел в состав комиссии по разработке устава этой структуры. Однако политические репрессии в Польше в общем проходили без всякой связи с югославскими событиями. Единственным, кто попытался увязать внутренних «врагов» в ПОРП с «титовской кликой», был венгерский лидер М. Ракоши, который в июле 1949 г. сообщил Беруту, что согласно показаниям бывшего советника югославского посольства в Будапеште и советского агента

²⁸ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 31. Пор. 22. П. 235. Л. 31.

²⁹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 34. Пор. 37. П. 267. Л. 2–8.

Л. Бранкова (проходившего по делу Л. Райка) «Ранкович и Ко» видели в Гомулке польского Тито. Представитель Ракоши в Варшаве передал польскому руководству список лиц, которые якобы проводят шпионскую деятельность. В этом списке среди прочих значились министр обороны М. Жимерский и его заместитель М. Спыхальский (оба до недавних пор считались соратниками Гомулки). В конце августа 1949 г. в Будапешт отправились два высокопоставленных сотрудника польской госбезопасности, чтобы вскрыть связи арестованных по делу Райка с Гомулкой. Ничего принципиально нового они не узнали. Бранков назвал имена югославских функционеров, ответственных за проведение разведывательной деятельности в Польше, однако кроме общих слов о надеждах, которые возлагал Ранкович на Гомулку, ничего конкретного показать не смог³⁰. Результатом поездки стала лишь волна арестов людей, сотрудничавших с благотворительной организацией братьев Филдов. Ответственных работников партии эта волна не затронула³¹.

В октябре 1949 г. в Польше был схвачен некий М. С. Петрович, обвиненный в шпионаже в пользу Югославии. Следствие пыталось представить его связным между Гомулкой и Тито. Арестованный «признался, что ему было поручено проводить диверсию путем создания фракции из правых элементов». Однако контактировал ли он с Гомулкой или нет, следствие не установило³². В итоге Петрович получил 10 лет заключения. Процесс над ним привел к выдворению из страны восьми работников югославского посольства и сокращению персонала посольства до восьми человек (вместе с водителями). В конце 1951 г. в Польше был разоблачен еще один югославский разведчик, и количество работников посольства уменьшилось до трех³³. Югославия теперь воспринималась чуть ли не хуже капиталистических стран. Так, польское посольство в Москве игнорировало югославского коллегу, когда рассылало приглашения на прием в честь государственных праздников (послы западных держав это приглашение получали). В апреле 1952 г. польский поверенный в де-

³⁰ Instytut Pamięci Narodowej Biuro Udostępniania (далее — IPN BU). 1572/1194. К. 4–5.

³¹ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. С. 532–533.

³² IPN BU. 01299/33. К. 30.

³³ IPN BU. 01299/33. К. 7, 17.

лах неофициально довел это до сведения министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинского, получив ответ: «Очень правильно». В той же беседе Вышинский назвал Польшу вторым по важности советским союзником (после Китая), однако первым по близости³⁴.

11–13 ноября 1949 г. состоялся III пленум ЦК ПОРП. Он проходил на фоне больших арестов в армейском руководстве. К тому времени на первый план в качестве обвиняемого выдвинулся Спыхальский, принужденный каждый день писать мемуары для партийной верхушки³⁵. Руководство ПОРП, судя по всему, куда больше было озабочено широким представительством в армии офицеров «буржуазной» Польши, нежели гипотетическими кознями титовских агентов. Ноябрьский пленум постановил вывести из состава ЦК Гомулку, Спыхальского и бывшего председателя фракции ПРП в Сейме З. Клишко. Причиной была заявлена «потеря бдительности», способствовавшая проникновению вражеской агентуры в ряды партии. В преддверии пленума Гомулка, чувствуя, к чему идет дело, направил в ЦК для публикации свою статью «Национализм — орудие империализма», в которой превозносил процесс против Райка и «разоблачение клики Тито», однако не удержался от выпадов по адресу Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (одной из предшественниц Компартии Польши), упрекая ее в «национальном нигилизме». Тем самым автор как бы продолжил спор вокруг роли лозунга национального освобождения в рабочем движении, выбросившем его из обоймы. Руководство ПОРП решило не допускать статью к печати³⁶.

Пленум явно готовился с прицелом на новое совещание Коминформа в Бухаресте, прошедшее 16–19 ноября 1949 г. По сравнению со своими товарищами из стран советского блока, полякам нечем было похвастаться на ниве разоблачения козней «титовских агентов». Дело военных формировалось вне связи с антититовской борьбой, а главный кандидат в югославские агенты — Гомулка — до сих пор пребывал на свободе, хотя и подвергся новой обструкции на ноябрьском пленуме. Выступавший в Бухаресте от имени ПОРП Я. Берман отчитался об успехах в преодолении правонационалистического

³⁴ ААН ХІА/69. К. 447–448.

³⁵ Польша в XX веке. Очерки политической истории / Под ред. Г. Ф. Матвеева, А. Ф. Носковой и Л. С. Лыкошиной. М., 2012. С. 592.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 79. Л. 324–328.

уклона, упомянул об аресте М. Петровича и о работе по вскрытию протитовских настроений среди репатриантов в Силезии, но не более того³⁷. Данными, которые говорили бы о связи Гомулки с Тито, партийная верхушка не располагала.

В мае 1950 г. были арестованы Спыхальский и бывший помощник министра общественной безопасности Г. Корчинский (еще один близкий Гомулке человек), в августе 1951 г. — сам Гомулка, в ноябре 1952 г. — шеф военной разведки В. Комар, в 1953 г. — М. Жимерский и З. Клишко. Чудом уцелел В. Беньковский, утративший в 1952 г. мандат депутата Сейма (в октябре того же года он направил большое покаянное письмо Беруту, в котором всячески отмежевывался от «гомулковщины»³⁸). В апреле 1950 г. появился компромат даже на одного из соратников Берута — Р. Замбровского, о котором первый секретарь Гданьского обкома ПОРП доносил, что он якобы не считал Тито закоренелым изменником, а кроме того, осуждал «культ Сталина» и носился с какой-то своей «теорией» о гегемонии рабочего класса³⁹. Однако Замбровского репрессии не коснулись.

Готовился большой судебный процесс над прежним партийным лидером и его соратниками. Они обвинялись в заговоре, направленном на свержение государственного строя. Спыхальский и Комар поддались нажиму и дали требуемые от них показания, зато Корчинский стойко держался под пытками. Теперь именно его следствие старалось представить связным между Гомулкой и Тито, но так и не добилось признания вины⁴⁰. В конце концов, уже в мае 1954 г., он был приговорен к пожизненному заключению за расправы над мирным населением во время оккупации.

Организация югославских политэмигрантов

Одним из проявлений антититовской борьбы в Польше стало создание организации югославских политэмигрантов. 11 октября 1948 г. член ЦК Польской рабочей партии Я. Изыдорчик сообщал

³⁷ Польша в XX веке... С. 592–593; Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы / Отв. ред. И. Ю. Новиченко. М., 1998. С. 643–645.

³⁸ AAN Akta M. Moczara — 23. K. 217–226.

³⁹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 33. Пор. 82. П. 260. Л. 34.

⁴⁰ *Machcewicz P. Władysław Gomułka*. Warszawa, 1995. S. 32; Польша в XX веке... С. 597–598.

в Москву: «Вскоре после опубликования Резолюции Информационного бюро мы заинтересовались настроениями, царящими среди работников югославских представительств. К этой работе мы привлекли прибывшего из Чехословакии тов. Рановича. Через некоторое время мы организовали группу, состоящую из 5 товарищей: 1) Шаранович Радамир, бывший секретарь посольства, Черногория, член Итальянской коммунистической партии с 1943 г. (участник партизанского движения в Италии), с 1945 г. член КПЮ; 2) Проданович Иован, серб, инженер, член КПЮ с 1944 г.; 3) Сандулович Микрай (на самом деле — Николай. — В. В.), серб, член КПЮ с 1943 г., бывший работник Министерства путей сообщений, в последнее время — работник Министерства внешней торговли; 4) Вукманович Берилка, работница посольства, была в партизанах, член партии с 1946 г.; 5) Яич Яков, шифровщик, в армии был заместителем комиссара батальона, член партии с 1943 г. Эта группа опубликовала в печати антититовскую декларацию... Товарищи Шаранович, Сандулович и Проданович побывали уже в школах в Забже, Бытоме и Валбжихе. В Валбжихе югославские воспитатели не допустили югославских товарищей к ребятам, ссылаясь на приказ югославского посольства. Уже предприняты меры, чтобы ликвидировать такое положение вещей. В Забже и Бытоме товарищи провели индивидуальные беседы с ребятами и раздали им статьи из “Правды”, касающиеся югославского вопроса на сербском языке. Бюро займется распространением антититовских публикаций и организацией симпатизирующих среди учащихся. В Югославии работники нашего посольства занялись распространением польских материалов. В различные югославские институты было разослано 600 экземпляров доклада т. Берута на сербском языке. Польская печать начала популяризировать югославский антититовский орган “Нова Борба”»⁴¹.

3 августа 1950 г. заведующий отделом связи канцелярии секретариата Коминформа Н. Н. Пухлов переслал председателю Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) В. Г. Григорьяну информационную записку о деятельности югославских политэмигрантов антититовской направленности в Польше, подготовленную сотрудниками Заграничного отдела ЦК ПОРП. Из нее следовало, что группа югославов-антититовцев в Польше насчитывала уже 23 человека: 11 сербов

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 62. Л. 104.

и по 4 хорвата, македонца и черногорца; 8 человек происходило из рабочих, 8 — из мещан и 7 — из крестьян. По роду деятельности 16 обучались в польских вузах, 4 работали на Польском радио (в югославских передачах), 1 трудился горным инженером на шахте под Катовицами, 2 являлись домохозяйками. «В самый момент организации, равно как и во время дальнейшего развития и работы югославских групп антититовских политэмигрантов Заграничный отдел ЦК ПОРП помогал им в их политической работе. На каждом важном собрании присутствовал представитель Заграничного отдела. Через Сандуловича и Бабина мы часто инспирируем некоторые мероприятия, как организационные, так и политические, помогая им таким образом в разрешении проблемы и заботясь о правильной работе партийной организации», — сообщали через Пухлова польские функционеры.

Поляки, говоря о пятерке, ставшей костяком группы, почему-то забыли о И. Продановиче, зато включили в ее состав Д. Атанасова (должно быть, Проданович очень быстро отошел от дел и был заменен Атанасовым). Указывалось, что Н. Сандулович являлся ответственным за связь с Заграничным отделом ЦК от лица парторганизации югославских политэмигрантов-антититовцев, образованной 27 октября 1948 г.

Все пятеро развернули работу среди югославских студентов (30 человек), из коих ровно половина вскоре изъявила желание остаться в Польше, остальные же вернулись в Югославию. Уже в ноябре 1948 г. студенты-антититовцы (почему-то 14 человек, а не первоначальные 15) выступили с декларацией, в которой на основе личных наблюдений подробно расписывали террор, устроенный руководством КПЮ в Югославии, и клеймили Тито и его «клику». 18 апреля 1949 г. в Гданьске была проведена конференция югославских политэмигрантов, на которой создали организацию югославских студентов. 21–22 июля 1949 г. в Варшаве прошла вторая общая конференция, где избрали секретаря парторганизации (Я. Яича) и членов комитета (Н. Сандуловича, Р. Шарановича, М. Дабича, Ж. Суботица). Однако уже в июне 1950 г. Яича на посту секретаря сменил недавно прибывший в Польшу Т. Бабин, которого перед тем выслали из США. Яич переместился на пост секретаря варшавской парторганизации югославских политэмигрантов.

С самого начала югославское сообщество, и без того небольшое, начали раздирать склоки, причины которых авторы записки

усматривали в его малой численности и разбросанности по городам (Варшаве, Вроцлаву, Кракову, Гданьску), что приводило к недоразумениям между руководством и местными ячейками (гданьские политэмигранты даже грозили отделиться от основной парторганизации, однако сотрудники Заграничного отдела быстро подавили наметившуюся фракционность). Да и вообще, как заметили авторы документа, «в группе югославских политэмигрантов-антититовцев обнаружилась склонность к личным трениям и групповщине». При этом трения на национальной почве проявлялись весьма слабо, разве что у черногорцев, которые «оказывают друг другу взаимную поддержку, хотя и не раз отдают себе отчет в том, что поступают неправильно». Но и без этих склок, по мнению авторов записки, образованная структура не имела шансов на развитие, так как «в основном охватила... всю политическую эмиграцию из Югославии».

В области идеологической работы упор был сделан на изучение «Краткого курса истории ВКП(б)» и разоблачение «титовских козней». Так, Сандулович вместе с польскими товарищами выезжал в районы проживания польских реэмигрантов из Югославии, где «были обнаружены попытки титовских агентов сеять смуту. Тов. Сандулович привез тогда ценные материалы». В Кракове Г. Радониц обнаружила бюллетени югославского посольства, которые рассылались рабочим местных фабрик. Вместе с польской парторганизацией Радониц организовала ряд бесед о положении в Югославии.

«Проблемы борьбы с протитовскими тенденциями внутри самой группы не существует, — докладывал Пухлов, — так как нет никаких данных о том, чтобы среди членов группы проявлялись протитовские настроения... До сих пор мы не имели явных фактов деятельности титовских агентов внутри югославской партийной организации. Мы постоянно наблюдаем и всякие сомнения расследуем».

В июле 1949 г. югославские политэмигранты, под пристальным надзором Заграничного отдела ЦК ПОРП начали издавать бюллетень «За победу». Он выходил тиражом 250–300 экземпляров, но и такого числа было слишком много для крохотной югославской диаспоры в Польше, почему польские чиновники сразу заявили, что считают «нецелесообразным печатание газеты». «Политический уровень статей, написанных редакторами бюллетеня — югославскими политэмигрантами, был в общем слабый. В пятом номере была напечатана передовая статья, которая была затем снята как политически неправильная.

С этого времени основные статьи редактируются под руководством ответственных товарищей из Международного отдела ЦК ПОРП. Перед выходом бюллетень контролируется Международным отделом ЦК ПОРП. В состав редакции бюллетеня входят югославские политэмигранты: Дабич, Яич, Сандулович, Субисич, Шаранович»⁴². Но невзирая на такой контроль (а может быть, благодаря ему), статьи в бюллетене получались чересчур схематичными: «...в них нет конкретных фактов и примеров из отдельных областей партийной, государственной и хозяйственной жизни Югославии». Пухлов отметил также небрежность оформления издания и упомянул идеологически неверную передовицу четвертого номера, где содержался призыв к восстанию и индивидуальному террору в Югославии (из-за чего номер был изъят). «Бюллетень посылается редакциям советских газет (“Правда”, “Труд”), редакциям революционных эмигрантов в СССР и странах народной демократии, всем революционным эмигрантам-югославам в Польше, в незначительном количестве македонцам из греческих групп в Польше и полякам — реэмигрантам из Югославии, живущим в Болеславском уезде Вроцлавского воеводства»⁴³.

Югославы, кроме того, писали статьи для польской прессы, вместе с организацией польских студентов устраивали беседы и клубные вечера для разоблачения «клики Тито». Польское радио дважды в день, в 19:00 и 22:00, транслировало 15-минутные передачи на сербохорватском языке. «Статьи, посвященные борьбе народов Югославии против фашистско-гестаповского режима клики Тито и развитию новой КПЮ, редакция основывает на материалах, зачерпнутых из органа Информбюро, “Правды”, а также эмиграционной югославской печати, издающейся в Москве, Праге, Бухаресте. Раз в неделю, в двух очередных передачах (одна в данный день, другая на следующий день), транслируется обзор антититовской печати, заключающий в себе сокращение важнейших статей (прежде всего передовиц). Кроме того, некоторые наиболее интересные статьи цитировались полностью. Передачи заключают в себе много информации об успехах социализма в СССР, а также из области социалистического строительства в странах народной демократии... Польша показана как пример народной демократии, которая благодаря применению

⁴² РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 154. Л. 36.

⁴³ Там же. Л. 212–213, 221–222.

правильной ленинско-сталинской политической линии добивается больших успехов. В комментариях указываются источники успехов польских трудящихся — опыт, пример и помощь Советского Союза — и противопоставляется этому тяжелое материальное положение трудящихся Югославии, а также анализируются причины этого (предательская политика титовской клики)».

Планировалось увеличение длительности передач до 45 минут и начало трансляций на македонском языке. «Почти каждая передача, — доносили авторы записки, — содержит комментарий, целью которого является показать, что клика Тито — враг мира и агент империалистических поджигателей войны. Таким образом, разоблачается каждое новое мероприятие титовской клики, как в области внутренней, так и внешней политики, а также каждое новое выступление этой клики». Польские чиновники отмечали, что «почти единственным источником непосредственной и быстрой информации о Югославии, каким располагает редакция, являются записи радиопередач из Белграда, транслируемых на польском и сербском языках. Однако редакция не может базировать своей работы на этих источниках из-за плохой слышимости... Белградскую ежедневную печать редакция получает с запозданием по крайней мере на 10 дней. Периодическую же печать, как “Криижевне новины”, “Коммунист” и т. п., редакция получает с еще большим запозданием». Однако, кроме югославских, советских и польских материалов, редакция изучала также данные, содержащиеся в западной прессе, причем не только «прогрессивной», но и вполне себе «реакционной», например передаваемые «Голосом Америки» и тому подобными радиостанциями. Пухлов сообщал Григорьяну: «Ощущается недостаток в последовательном снабжении редакции информацией о материальном положении в Югославии (цены, спрос на внутреннем рынке, недостатки в снабжении, заработная плата работников разных категорий и т. д.). В рамках 15-минутной передачи транслируются известия и политический комментарий. Общий тон передач в большинстве своем очень серьезный и слишком тяжелый, что приводит к тому, что передача утомляет слушателей, принадлежащих к различным слоям общества».

Авторы материала для Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) отмечали особую заботу поляков о благосостоянии югославских эмигрантов: тех старались устроить на работу с хорошим окладом, их студенческие стипендии были в два раза выше польских,

каждому эмигранту было выделено жилье, а в неотложных случаях югославы получали единовременное пособие⁴⁴.

17 июля 1950 г. на экстренной конференции, вызванной началом Корейской войны, появился орган «узкого руководства» парторганизацией — Исполнительное бюро комитета, в которое вошли Т. Бабин, Н. Сандулович и Г. Радонич. Произошло это в несколько драматической атмосфере: Сандулович «раскритиковал организационные недочеты Комитета, отставание руководства организации от требований нашей линии и политической борьбы, вредно отражающееся на всей работе». При этом избранием Исполбюро дело не ограничилось. «В дальнейшей дискуссии обсуждались результаты в учебе, достигнутые товарищами-студентами, — сообщил Пухлов. — Критика работы руководства была положительной. Но самокритика не развернулась надлежащим образом». Досталось и редколлегии бюллетеня «За победу», у которой «обнаружились редакционные недочеты», после чего она была реорганизована⁴⁵.

Согласно отчету Заграничного отдела ЦК ПОРП за январь–май 1951 г., все члены группы, кроме одного, перебрались в Варшаву (этот единственный остался работать в Катовицах). 18 из них были трудоустроены на Польском Радио. В «узком руководстве» в декабре 1950 г. произошел «дворцовый переворот»: Бабина на посту секретаря сменил Суботич. «Тов. Бабин... не был избран в партийное бюро, так как совершил ряд ошибок: 1) за время своего пребывания на посту секретаря он не сумел ликвидировать до конца остатки беспринципной “групповщины”, личных споров и дрязг; 2) в связи с делом своей жены — Бабиной Мэри — которая вопреки решению партийного комитета и всей антититовской группы упорно ставит вопрос о своем возвращении в Америку, — тов. Бабин занял неправильную позицию, полностью поддерживая свою жену». Яркое проявление «групповщины» авторы отчета увидели в выборах нового бюро, когда «6 человек среди группы голосовало организованно против выдвигаемых большинством кандидатов». Однако польские чиновники отметили и положительный момент: «В теперешнем руководстве нет уже людей, которые всячески мешали работе (Шаранович) и неспособных и не желающих работать (Бабин)».

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 175. Л. 194–213, 228–230; Д. 62. Л. 130–138.

⁴⁵ Там же. Д. 154. Л. 209.

Авторы отчета нашли уместным дать характеристики некоторым лицам, входящим в состав антититовской группы. Теплее всего они отзывались о Николае Сандуловиче, который по должности наиболее часто соприкасался с Заграничным отделом ЦК. Однако заметили, что Сандулович «трудно уживается в коллективе, несколько упрям и не умеет подойти к молодежи». Живко Суботич, по мнению поляков, «выделяется своей общей развитостью и уровнем сознательности. Очень охотно учится, точно придерживается указаний от ЦК ПОРП». Тем не менее Суботич оказался слабохарактерным: «Часто подпадает под влияние других и, как следствие этого, поступает неправильно». Гроздана Радонич «способная и трудолюбивая — она много работает над собой и подает надежды на дальнейшее развитие». Также много над собой работал Дмитрий Журовский (вошедший в новый состав узкого руководства): «Он энтузиаст, оптимист и самоотверженный работник», хотя и «слабее других в теоретической подготовке». Зато Шаранович «работает с прохладцей, проявляет нетоварищеское отношение к окружающим». Именно его авторы отчета полагали рассадником групповщины: «Неоднократно пытался связать группу с эмигрантами, о которых известно было, что они политически ненадежны или даже подозрительны». В свою очередь Мэри Бабина «не хотела работать. Не признавала никакой партийной дисциплины. До последнего месяца упорно требует отправки ее в Америку. В Америке она имеет взрослого сына и дочь. Эта последняя недавно вернулась в Америку из Югославии, где перед отъездом ее принимал Ранкович. Об этом рассказывает сам Бабин».

Впрочем, невзирая на все эти эксцессы, группа активно работала. 17–18 января 1951 г. члены Исполнительного бюро (Н. Сандулович, Ж. Суботич, Г. Радонич) участвовали в конференции представителей групп «югославских революционных политэмигрантов в СССР и странах народной демократии». Продолжал выходить бюллетень «За победу», Польское радио каждый день транслировало 6 передач на сербохорватском языке и 2 — на македонском.

Между прочим, из числа югославских политэмигрантов выявили одного подозрительного, которого на всякий случай не включили в группу. Его звали Никола Войнович, и информация о нем дошла аж до Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б). Заведующий Заграничным отделом ЦК ПОРП О. Длуский сообщал,

что вышеуказанный гражданин приехал из Франции, куда якобы был отправлен на лечение, но болезнь его была слишком несерьезна, чтобы проходить лечение за границей. Кроме того, у Войновича осталась жена в Югославии, однако он не выказывал никакого беспокойства о ней, уверенный, что по революционной традиции партийные товарищи обеспечат ей материальное положение. По утверждению Войновича, он не пользовался доверием в Югославии, что тем не менее не помешало ему быть избранным в один из белградских райкомов и в союзную скупщину, а потом еще и получить разрешение на выезд во Францию. Спрошенный о работе в райкоме и об антититовских настроениях в Югославии, Войнович не смог дать конкретного ответа, отделался общими фразами, заявив, что его отстранили от ответственной работы в Югославии. «Товарищи, беседовавшие с В., отмечают его врожденную интеллигентность, здравый подход при обсуждении злободневных политических вопросов — но им бросалось в глаза его нежелание говорить о вещах, непосредственно связанных с его прежней работой».

Н. Сандулович, будучи в Румынии, расспросил троих тамошних югославских политэмигрантов о Войновиче (которого он почему-то величал Войной Николичем), и те заявили, что Войнович — бывший титовский активист, по какой-то причине (очевидно, в силу разложения рядов) сбежавший из Югославии. Во Внешнеполитическую комиссию ЦК ВКП(б) были отправлены заявления всех троих насчет Войновича. Сам Войнович не отрицал, что он — бывший приверженец Тито. В обширном заявлении, написанном 19 января 1951 г. в Варшаве, он, однако, очень глухо поведал о причинах, побудивших его разочароваться в Тито, зато обильно пересыпал текст дежурными обвинениями в адрес югославского руководства. Очевидно, всё это произвело впечатление на соответствующие органы. 23 августа 1951 г. Длускому был отправлен из Москвы ответ с предложением, чтобы Войнович выступил в печати⁴⁶.

К сожалению, на этом обрываются данные о югославских политэмигрантах, имеющиеся в Архиве социально-политической истории. Польские же партийные архивы, собранные в варшавском Archiwum Akt Nowych, не дают никакой информации на этот счет.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 175. Л. 174–193; Д. 211.

Ситуация в Югославии глазами польских военных атташе

Особый интерес представляет польский взгляд изнутри на ситуацию в Югославии. Отчеты посла почему-то не сохранились (во всяком случае они отсутствуют в архивных документах МИД Польши), зато остались подробнейшие информационные записки военного атташе польского посольства в Белграде. Из них следует, что первый неприятный инцидент между югославскими и польскими военными случился еще в 1947 г. Польская сторона по неизвестной причине отказалась принимать югославские награды для своих офицеров: в мае 1947 г. Тито выступил с идеей наградить 150 польских офицеров по примеру чехословацких, причем маршал особенно настаивал, чтобы орден получил и министр обороны Польши М. Жимерский — дескать, негоже ему иметь меньше орденов, чем генералу Свободе. Поляки затягивали дело, отделяваясь отговорками. Однако 1 марта 1948 г. военный атташе Польши в Белграде полковник М. Брон вынужден был сам нанести визит члену Политбюро ЦК КПЮ генералу И. Гошняку, чтобы довести до его сведения тяжелое материальное положение польских слушателей Школы офицеров пехоты в Сараеве. Гошняк, пользуясь случаем, вновь поднял вопрос с награждением. Брон докладывал своему начальнику, генералу В. Комару: «Я снова солгал, объяснив отсутствие ответа болезнью генерала Завадского» (члена Секретариата и Оргбюро ЦК Польской рабочей партии). Брон потребовал от Варшавы определиться с этим вопросом, указав, что увливания компрометируют поляков в глазах югославов⁴⁷.

Однако этот инцидент пока еще не сказался на добрых взаимоотношениях двух стран. В марте–апреле 1948 г. военный атташе даже занимался организацией доставки 50 бутылок югославского вина для Б. Берута⁴⁸. Но уже в начале июля тон его депеш меняется. Брон начинает собирать отзывы военных атташе капиталистических стран об изгнании Югославии из соцлагеря. По его данным канадский атташе выражал уверенность, что Тито обратится за помощью к американцам, зато французский называл идею посла США в Белграде о включении страны в план Маршалла идиотизмом. Любопыт-

⁴⁷ IPN BU. 2602/21599.K. 11.

⁴⁸ Ibid. К. 21, 23, 27.

но, что позицию французского коллеги разделил и американский военно-морской атташе, по мнению которого Югославии достаточно было укрепить отношения с Италией для поднятия своей экономики. При этом и французский, и американский, и даже швейцарский атташе были уверены, что у Тито нет иного выхода, кроме как идти до конца — в случае сдачи он расстанется с жизнью. Военный атташе США прямо спросил у Брона, возможна ли, по его мнению, советско-югославская война, но тут же сам признал нелепость такого предположения⁴⁹.

Тем не менее поляки допускали такую возможность. В начале ноября 1948 г. новый военный атташе полковник Г. Алеф-Больковяк приобрел английские карты некоторых городов и приграничных районов Югославии, а также пытался достать карты Италии, Греции и Болгарии⁵⁰. Полковник регулярно передавал данные о передвижениях войск и нарастании мобилизационной готовности в стране. На всякий случай в Варшаве была поднята информация военного атташе Польши в Риме, касавшаяся сотрудников посольства США в Италии, которые проводили разведывательную деятельность против Югославии. Информация поступила в Варшаву 24 ноября 1947 г. Была использована и депеша М. Брона от мая 1947 г., в которой он, ссылаясь на данные военного атташе США в Белграде и югославского дезертира, скрывшегося в Австрии, перечислил армейские части, принимавшие участие в параде победы, а также соединения, размещенные в Словенской Быстрице⁵¹. По поручению Комара Брон и Алеф начали собирать информацию о структуре югославской армии и промышленности, причем делали это как открыто (через официальные каналы), так и используя личные связи. Югославы оказывали полякам всяческое содействие, невзирая на нарастающие противоречия между странами. Уже в конце августа 1948 г. полковник Алеф-Больковяк переслал в Варшаву список основных оборонных предприятий Югославии и мест размещения некоторых армейских частей⁵².

Югославы всеми силами пытались сохранить хорошие отношения с Польшей и Советским Союзом. 22 июля 1948 г. польское

⁴⁹ IPN BU. 2602/21599. К. 55–59, 63–64.

⁵⁰ IPN BU. 2602/995. К. 94.

⁵¹ Ibid. К. 105–106.

⁵² IPN BU. 2602/1012. К. 116–117.

посольство по случаю приема живших в Югославии поляков посетил посол Югославии в Варшаве Прибичевич (находившийся в Белграде на партийном конгрессе). Он подчеркнул, что югославы испытывают к СССР огромное уважение, и пожаловался на то, что дипломатические курьеры посольства в Варшаве уже дважды подвергались нападениям неизвестных. В тот же день в Белграде было открыто Товарищество югославско-польской дружбы (всего через несколько дней после закрытия такого же в Варшаве). Брон и Алеф отметили: «Помещение было приготовлено очень быстро. Буквально в течение нескольких дней. Как видно, они очень заинтересованы в добрых отношениях с нами». Торжества начались еще утром в опере, причем, впервые на сцене не было портрета Тито. Устроителем приема был министр реконструкции Югославии Зечевич, среди гостей присутствовали министр иностранных дел, председатель комиссии по планированию, спикер парламента и вице-премьер Хорватии. Столь высокий ранг гостей, прервавших ради такого случая участие в конгрессе КПЮ, «носил явно демонстративный характер», подчеркнули польские дипломаты. В открывшей мероприятию речи Зечевича «не упоминалась резолюция Информбюро. Речь свою он закончил здравицами в честь Циранкевича и Тито»⁵³.

Тем временем во взаимоотношения военных двух стран вспыхнул скандал. Сразу после принятия бухарестской резолюции Информбюро В. Комар вызвал на разговор военного атташе Югославии в Варшаве Джоковича, который еще ничего не знал о резолюции. Комар изложил Джоковичу суть произошедшего и поинтересовался его мнением. Застигнутый врасплох собеседник, очевидно, наговорил лишнего, потому что Комар не замедлил показать ему пластинку с записью их разговора. Джокович тут же примчался в Белград за консультациями (после чего был отозван со своего поста), а представителей польской армии вызвал для объяснений заместитель главы югославского генштаба генерал Янкович. Пылая гневом, Янкович заочно обвинил В. Комара в попытках искать «обходные пути» (читай — вербовать агентов) для доступа в югославскую разведку и, увлекшись, с насмешкой заявил ошарашенным полякам (М. Брону и Г. Алефу-Больковяку), что в случае войны «сражаться, пожалуй, будем вместе». После Янковича обоих атташе на ковер вызвал

⁵³ IPN BU. 2602/1012. K. 407–408.

министр иностранных дел Югославии («добрый знакомый Брона»), который также выразил протест против таких приемов, хотя затем принялся уверять офицеров, что Югославия навечно связана крепкими узами дружбы со странами народной демократии⁵⁴.

Данный инцидент привел к срыву визита армейской делегации Польши в Югославию. Генерал Гошняк заявил об этом Брону и Алефу 2 августа 1948 г. Кроме того, он выразил свое отношение к ситуации в целом. Генерал констатировал, что ВКП(б) стремится разбить КПЮ, но югославы готовы к любому развитию событий вплоть до полной изоляции. Генерал отметил, что и в самой ВКП(б) не всё благополучно, прочие же партии слепо выполняют указания ее руководства. Проявив завидную осведомленность, Гошняк поведал, что в Польской рабочей партии также налицо столкновения, причиной чему — особое мнение Гомулки⁵⁵.

В августе М. Брон вернулся в Польшу, передав дела Г. Алефу-Большковяку. Тому пришлось вплотную заняться проблемой польских офицеров, находившихся на обучении в Сараеве. 5 августа он отправил телеграмму капитану Урбановскому (старшему среди польских курсантов), предписав слушателям пехотной школы активно постигать азы марксизма-ленинизма, но избегать участия в обсуждении резолюции Информбюро. «Лояльность к хозяевам требует, чтобы вы не участвовали с дискуссиях на партийные темы». По свидетельству самих офицеров, югославы понимали щекотливость ситуации, в которой оказались поляки, и не принуждали их к этому. Более того, гостям разрешалось слушать радиопередачи из Варшавы. Алеф присутствовал на выпускном экзамене, прошедшем 14–15 октября 1948 г. Пользуясь случаем, он смог донести до земляков позицию польского руководства, а также проинформировать о внутрипартийных процессах в Польше. Недоразумений не возникло. По словам военного атташе, польские офицеры «правильно оценивают ситуацию в Югославии». Было замечено, что за ними установлена слежка. Учебный год должен был закончиться примерно 25 ноября, однако уже 29 октября из Варшавы пришел приказ возвращаться в страну⁵⁶. К тому времени югославские курсанты, занимавшиеся в пехотной школе

⁵⁴ IPN BU. 2602/21599. К. 66–68.

⁵⁵ Ibid. К. 79.

⁵⁶ IPN BU. 2602/1014. К. 34, 154, 199–200.

города Рембертова, были уже два месяца как отозваны из Польши. Еще 2 сентября генштаб югославской армии поставил об этом в известность польских коллег, назвав причиной давление, оказываемое на югославы с целью выступить с антититовской декларацией⁵⁷.

В конце ноября 1948 г. в консульство в Белграде обратился некий Л. Кон — уроженец Польши, участник коммунистической и антифашистской деятельности в Польше, Швейцарии, Австрии и Югославии. Кон просил дать ему польское гражданство, поскольку югославы уже три года отказывают ему в таковом, объясняя это тем, что он «не на линии». По словам Кона, он долгое время не мог понять, что это за линия, пока не разгорелся конфликт с Информбюро. Кон всерьез опасался, что мог однажды «исчезнуть», и потому записался в число эмигрантов в Израиль. Однако хотел бы вместо Израиля выехать в Польшу. Беседовавший с ним Алеф вынес позитивное впечатление о Коне⁵⁸. Невзирая на это, польские власти тянули с ответом (возможно, смущенные наличием у Кона жены-австрийки), вследствие чего тот в конце декабря отправился в Израиль⁵⁹.

Вышеперечисленные события не прервали сотрудничество военных двух стран. Еще 23 декабря 1948 г. Алеф сообщал, что после неоднократных напоминаний югославы все-таки передали ему подборку своих военных журналов (в обмен на польские), оговорившись, что их атташе в Варшаве получил распоряжение пересылать польским властям военные журналы из Югославии⁶⁰. А 25 апреля 1949 г. к военному атташе Польши через посредство Заграничного отдела югославской армии обратился шеф политического отдела с просьбой больше не присылать журнал «Naszamyśl» («Наша мысль»), так как там обнаружались антиюгославские выпады. Югославы просили ограничиться присылкой сугубо военных изданий⁶¹. 16 мая того же года Алефа пригласили в Заграничный отдел югославской армии для обсуждения этого вопроса. «Прием был достаточно вежливый», — сообщал полковник, прося Варшаву более регулярно отправлять в Белград военные журналы⁶².

⁵⁷ IPN BU. 2602/995. К. 3–5.

⁵⁸ IPN BU. 2602/1014. К. 323–324.

⁵⁹ IPN BU. 2602/1013. К. 30.

⁶⁰ IPN BU. 2602/21559. К. 153.

⁶¹ Ibid. К. 219.

⁶² Ibid. К. 237.

Поляки широко использовали общение с коллегами из капиталистических стран для сбора данных о положении в стране. Часто это общение носило весьма неформальный характер. Об этом можно судить по телеграмме, которую Алеф отправил в Варшаву 6 декабря 1948 г. В телеграмме он интересовался, сообщает ли его предшественник Брон югославам, что поддерживает контакты с британцами через дочь хозяйки квартиры, где он жил⁶³. Более того, сама квартира оказалась «местом сбора» сотрудников американского и британского посольств, из-за чего Алеф настоятельно просил югославские власти дать ему другое жилье⁶⁴. Вопрос с жильем затянулся до лета следующего года. Полковник видел в этом предубежденность югославов и в апреле 1949 г. обращался в Варшаву с просьбой дать ему информацию о жилищных условиях военного атташе Югославии в Польше⁶⁵.

18 августа 1948 г. Алеф направил свой первый обстоятельный отчет Комару. Живописуя титовскую пропаганду, он должен был признать, что «она весьма способствовала сплочению партийных рядов вокруг вождей, особенно вначале (пятого. — *В. В.*) конгресса (КПЮ. — *В. В.*)». Но дальше отметил: «Энтузиазм партийных масс, вызванный Конгрессом и надеждой уладить конфликт, ослабевал с каждой речью (выступающего. — *В. В.*). Всё чаще в беседах с рядовыми членами партии, и даже со средним звеном слышится тревожный вопрос: “Что дальше? Не пойдём же мы к англосаксам. А долго оставаться в подвешенном состоянии тоже не можем...” Зато в разговорах с руководящим активом постоянно слышатся истеричные заверения в верности СССР, ВКП(б), Сталину, подчеркивается, что другой дороги, кроме как вместе с СССР и странами народной демократии, для них нет, и одновременно звучат заявления, что нельзя признаваться в несуществующих грехах...» Алеф указывал, что западные дипломаты совсем не прочь перетянуть Югославию на свою сторону, и даже, может быть, ведут какие-то переговоры с югославами, но последние, хотя и не отвергают возможности западных кредитов (ссылаясь на пример Польши), однако не приемлют самой мысли о переводе страны на прозападные рельсы. «Наблюдая военных атташе США и Великобритании, прихожу к убеждению, что они взаимодействуют друг

⁶³ Ibid. К. 141.

⁶⁴ IPN BU. 2602/1014. К. 381–382.

⁶⁵ IPN BU. 2602/21599. К. 219.

с другом куда ближе, чем полагается просто дипломатам дружественных стран. Мне кажется, их сотрудничество имеет оперативный характер. Подобным образом обстоит дело и в других областях, как следует из наблюдений нашего дипломатического корпуса». Говоря о репрессиях, Алеф остановился на «перестройке» правительств Черногории, а также Боснии и Герцеговины. Среди жертв политических расправ он назвал: генерал-полковника А. Йовановича (застреленного при попытке перейти границу), генерал-майора Б. Петривича (арестованного там же), аресты функционеров Гайчевича и Радовановича (о последних двух Алеф получил сведения от польского поверенного в делах). При этом Алеф усомнился в правдивости слов официального коммюнике, подавшего информацию о смерти Йовановича, и предположил, что это было классическое «убийство при попытке к бегству»⁶⁶.

Второй отчет, написанный 18 октября 1948 г., был уже выдержан сугубо в рамках сталинской фразеологии. Алеф жестко прошелся по югославам, заявив, что кампания по очернению Коминформа является подготовительной акцией для перевода Югославии в «англосаксонский лагерь». Он по пунктам перечислил основные тезисы титовской пропаганды, охарактеризовав ее как проявление национализма. Атташе заявил, что эта пропаганда способствует укреплению реакционных элементов, каковые и поддерживают Тито всеми силами. В то же время Алеф указал, что и среди «просоветских сил», невзирая на сомнения, чувствуется культ Тито. Представители этих сил в беседах в польском атташе говорят: «У нас ведь нет другого руководства. Откуда мы его возьмем, если все старые коммунисты сплотились вокруг Тито?»⁶⁷

Алеф пытался представить картину так, будто в Югославии налицо массовое сопротивление политике Тито. В информационной записке от 25 октября полковник повествовал о волне вооруженных столкновений между офицерами-титовцами и сталинистами в югославской армии. Кроме того, сославшись на болгар, он заявил, что ежедневно в Болгарию бегут 4–5 югославских офицеров⁶⁸. 20 ноября полковник сообщал, что недовольство народа из-за ухудшаю-

⁶⁶ IPN BU. 2602/1014. К. 89–93.

⁶⁷ Ibid. К. 185–189.

⁶⁸ IPN BU. 2602/1014. К. 232.

щейся экономической ситуации растет: «Даже террор и страх перед янычарами Ранковича не в состоянии замедлить нарастающего ропота, который всё сильнее прорывается наружу». Однако дальше он признавал: «Ныне благодаря террору и пропагандистской машине положение в стране ужесточилось, а без сильной встряски ситуацию не изменить»⁶⁹. 6 декабря Алеф поведал, будто в Белграде существует антититовская организация «Югославские коммунисты», которая раскидала с вертолета листовки в одном из районов столицы. ЦК этой организации якобы имел своих представителей в федеральных и республиканских органах власти. Алеф заявил, что будет искать выход на подпольщиков⁷⁰.

В очередном отчете, составленном 15 декабря, военный атташе рассказал, что в Югославии налицо отрезвление от националистического угара первых дней конфликта: люди понемногу начинают разочаровываться в титовской пропаганде, однако не могут выразить этого открыто из-за всеобъемлющего террора. По словам Алефа, даже «ультралояльные» деятели боятся сказать лишнее слово. В качестве примера он привел коменданта Белграда героя Югославии М. Милоевича, который на приеме в честь национального праздника Югославии, беседуя с Алефом, всё время озирался и просил польского атташе делать вид, будто они разговаривают о разных пустяках, когда кто-нибудь приближался. Другим примером являлся член Ревизионной комиссии ЦК КПЮ генерал Георгиевич, который под разными предлогами отказывался прийти к Алефу на обед. «Тем не менее, можно быть уверенным, что в партии начала действовать антититовская организация, чья активность пока еще малозаметна, однако в партийных кругах говорят о факте фракционной работы». При этом, утверждал Алеф, члены КПЮ избегали явных нападок на эту работу, хотя еще недавно рьяно набрасывались на Жуевича и Хебранга. Более того, по заявлению Алефа, «партийные массы» восприняли речь Тито на последнем конгрессе Компартии Хорватии как начало самокритики. Эти массы полагают, что речь явилась следствием прошедших переговоров главы торговой делегации Югославии с советскими представителями в Москве. Однако авторитет Тито по-прежнему высок, констатировал польский атташе, а его сторонники продолжают

⁶⁹ IPN BU. 2602/995. K. 130.

⁷⁰ IPN BU. 2602/21599. K. 143.

твердить, будто СССР хотел лишить страну экономической независимости. «Но Югославия, — заявляют они, — это не Белоруссия и не Украина»⁷¹.

27 декабря 1948 г. Алеф проинформировал о создании целого ЦК подпольной Компартии югославских большевиков⁷². 11 января 1949 г. военный атташе докладывал В. Комару: «Пропагандистская кампания, долгое время проводимая против СССР и стран народной демократии, приобрела ныне другой характер. Если до сих пор она велась исключительно в рамках политики, то теперь главной целью пропаганды стали экономические сферы. Уже давно в партийных рядах, особенно среди партийных активистов, ведется акция по перекладыванию ответственности за тяжелые бытовые условия и экономические трудности, возникшие в ходе выполнения пятилетнего плана, на СССР и страны народной демократии. Недвусмысленно дается понять (о чем я писал в предыдущем рапорте), что СССР и более промышленно развитые страны народной демократии заинтересованы в превращении Югославии в сырьевую базу...» Атташе живописал террор, развязанный Тито в стране, и вновь упоминал о ЦК подпольной Коммунистической партии югославских большевиков, который, дескать, пока только вербует сторонников и еще не приступил к активным действиям. Алеф утверждал, что за работниками польского посольства установлено полицейское наблюдение. В конце рапорта дипломат просил разрешения приехать в Польшу, чтобы лично проинформировать руководство о возникшей ситуации⁷³.

25 января 1949 г. Алеф сообщил, что, по слухам, в Черногории образовался партизанский отряд с участием ряда высокопоставленных функционеров. Якобы на сторону отряда перешла милиция из сербского местечка Приполье (31 января Алеф уточнил, что речь идет о Биелом Поле, находящемся рядом с Припольем)⁷⁴. Алеф вновь обратился к Комару с просьбой дать ему разрешение лично доложить в Варшаве о югославских событиях, но вскоре отозвал свою просьбу, попросив вместо этого санкции выехать к местам боевых действий⁷⁵. Разрешение, как видно, получено не было, потому что 18 февраля

⁷¹ IPN BU. 2602/1014. К. 388–390.

⁷² IPN BU. 2602/21599. К. 159.

⁷³ IPN BU. 2602/1012. К. 22–25 (в документе стоит ошибочная дата — 1948 г.).

⁷⁴ IPN BU. 2602/21599. К. 179, 187.

⁷⁵ Ibid. К. 181.

1949 г. Алеф докладывал из Белграда, что партизанское движение подавлено, и перечислял фамилии убитых и схваченных антититовцев⁷⁶. 7 апреля полковник поделился с Варшавой мнением корреспондента газеты «Нью-Йорк Геральд Трибьюн» Кобленцем, который, объездив всю страну, однозначно заявил: 75 % населения настроено против правительства, но вместе с тем уважает Тито⁷⁷.

11 апреля Алеф сообщил, что под данным «русских», которыми они поделились с польским послом, в югославском генштабе раскрыта антититовская организация, вследствие чего в армии проведены большие аресты. «Постараюсь выяснить подробности», писал дипломат⁷⁸. Словно в подтверждение этих слов 13 апреля полковник переслал в Варшаву листовку антититовского содержания, распространявшуюся в Загребе. При этом Алеф указал, что антититовские группы действуют в министерствах, в армии и в провинции, но пока не имеют центрального руководства⁷⁹. 14 апреля Алеф передал информацию торгового атташе Польши, который, со слов племянницы президента Югославии, сообщал о массовых отставках офицеров, работавших в Верховном суде⁸⁰. 31 мая дипломат донес о бегстве в Болгарию заместителя начальника госбезопасности приграничного округа вместе с несколькими рядовыми сотрудниками, а также вице-министра финансов Сербии и секретаря парткома шахты по добыче меди «Бор». Также он поведал о слухах, согласно которым в окрестностях Валева в Центральной Сербии действует 10 боевых групп, сформированных бывшим начальником штаба четников «известным фашистом» Калабичем⁸¹. 3 сентября Алеф доложил о череде железнодорожных катастроф в Далмации, Боснии и Герцеговине: по данным польского дипломата население страны воспринимало эти инциденты как элемент борьбы против Тито⁸².

Другой мыслью, которую настойчиво проводил полковник, был дрейф Югославии в сторону капиталистического лагеря и переход на враждебные СССР позиции. Почти сразу по прибытии военный

⁷⁶ Ibid. К. 191.

⁷⁷ IPN BU. 2602/21599. К. 203.

⁷⁸ Ibid. К. 209.

⁷⁹ IPN BU. 2602/1013. К. 273.

⁸⁰ IPN BU. 2602/21599. К. 211.

⁸¹ Ibid. К. 245.

⁸² Ibid. К. 272.

атташе сообщил в Варшаву, что, «согласно информации из американских кругов», югославы обратились к США с просьбой о доставке машинного масла, которое раньше получали из Румынии и Албании. «Американцы выражают надежду, что найдется формула для того, чтобы втянуть югославов в план Маршалла. Югославы по-прежнему воспринимают с сильной обидой обвинения в сползании на американские позиции»⁸³. В отчете от 18 октября Алеф обращал внимание, что Запад идет на разного рода экономические уступки, чтобы вовлечь Югославию в свою орбиту. «Не случайно, мне кажется, всё чаще мы встречаем в Белграде представителей западного мира...»⁸⁴ 20 ноября полковник доносил: «Согласно информации из англосаксонских кругов, идут переговоры между югославами и американцами по вопросу налаживания близких экономических контактов. Ходят упорные слухи, будто югославы готовы принять некоторые политические концепции взамен на получение Истрийского полуострова и югославской зоны Триеста. Приехавший несколько дней назад в Белград посол в Вашингтоне Косанович вроде бы должен передать правительству СФРЮ американские предложения. Тито произносит речи, готовя, по-моему, почву для явного разрыва с внешней политикой СССР и стран народной демократии»⁸⁵. 23 ноября 1948 г. Алеф, сославшись на польского посла, сообщил, что диспредставительства Югославии получили задание поддерживать отношения с «раскольниками» в компартиях мира⁸⁶. 27 декабря атташе отметил факт наплыва в белградские гостиницы итальянцев, что свидетельствовало о начале торговых переговоров Югославии с Италией (хотя сами итальянцы всячески опровергали эти слухи)⁸⁷. Подтверждением контактов югославов с итальянцами должен был служить отъезд военной делегации Югославии в Венецию 10 января 1949 г. (об этом донесла жена советника посольства Чехословакии, случайно оказавшаяся на вокзале, когда военные покупали билеты)⁸⁸. Тогда же Алеф сообщил о неофициальном предложении британского офицера югославским коллегам из Заграничного отдела вооруженных сил посе-

⁸³ Ibid. К. 85.

⁸⁴ IPN BU. 2602/1014. К. 185–189.

⁸⁵ IPN BU. 2602/995. К. 129.

⁸⁶ IPN BU. 2602/1014. К. 322.

⁸⁷ IPN BU. 2602/21599. К. 159.

⁸⁸ Ibid. К. 175.

тить Лондон для обмена опытом⁸⁹. В отчете, посланном на следующий день в Варшаву, полковник обращал внимание на изменение отношения западных дипломатов к Югославии: «Они себя начинают чувствовать здесь как в дружественном государстве — с уважением отзываются о Тито, демонстративно приходят при полном параде на заседания, хотя раньше являлись в лучшем случае в служебных мундирах. На последнем заседании демонстративно аплодировали Тито, в то время как раньше этого не делали». Алеф утверждал, что и югославы повернулись лицом к этим дипломатам, всячески угождают им, хотя прежде похвалялись, будто не дают жизни англичанам⁹⁰.

31 января 1949 г. атташе проинформировал, что югославы начали поставлять в США цветные металлы: Алеф привел точные данные о количестве металлов и даже указал, на каких судах они отправлены из Риеки в США. Не преминул атташе отметить и то, что американцы платят за цветные металлы меньше, чем поляки⁹¹. В тот же день, сославшись на данные из «экономических кругов Югославии», Алеф сообщил, что англичане прислали специалистов и машины для вырубki дерева в Далмации. Из Белграда туда были направлены водители, причем директор одного из государственных предприятий столицы жаловался военному атташе СССР, что работавшие прежде с ним шоферы уехали в Далмацию, польстившись на высокие зарплаты. Полковник отметил, будто, по слухам, из Великобритании прибыли также специалисты по выработке синтетического топлива и по горному делу⁹². Разговаривавший 7 апреля с Алефом американский корреспондент Кобленц так обрисовал линию США в отношении Югославии: «В политике нет сантиментов. Америка безусловно поддержит Тито и не будет продвигать более либеральное правительство. Ее интересам больше соответствует титовский полицейский режим с антисоветской окраской, нежели более либеральный. Сейчас США отдают себе отчет, что Тито — коммунист, но они надеются, что коминформовская критика толкнет его в объятия американцев, так как у него нет другого выхода»⁹³. 23 апреля полковник передал слова американского атташе по делам авиации Андерсона, который поде-

⁸⁹ Ibid. К. 157.

⁹⁰ IPN BU. 2602/1012. К. 22–25.

⁹¹ IPN BU. 2602/1013. К. 33.

⁹² Ibid. К. 34.

⁹³ IPN BU. 2602/21599. К. 203.

лился с польским коллегой своим недоумением, зачем югославам понадобилось просить у американцев топливо и смазку для самолетов, когда их собственного производства должно для этого хватить. Андерсон также недоумевал, почему югославы не позволили ему проверить, точно ли это топливо и смазка пойдут на нужды гражданской авиации⁹⁴.

Польский агитпроп тоже не дремал. В начале января 1949 г. Информбюро организовало выставку в Белграде, рекламирующую условия жизни в Польше. Выставка эта подверглась критике югославской прессы и вызвала демарш югославского МИДа, так что вскоре ее пришлось закрыть. Тогда поляки устроили новую выставку — на этот раз иллюстрирующую объединительный конгресс Польской рабочей и Польской социалистической партий, прошедший в декабре 1948 г. Югославы и тут подвергли выставку обструкции, однако, как язвительно заметил Алеф, эти выпады лишь увеличили популярность обеих мероприятий⁹⁵.

21–29 июня 1949 г. Алеф наконец-то совершил давно планируемое путешествие на автомобиле по маршруту Белград — Загреб — Любляна — Риека — Сплит — Дубровник — Цетине — Титоград — Приеполе — Титове Ужице — Валево — Белград. По его данным, в Загребе шли аресты среди коммунистической интеллигенции, он даже лично встретился с девушкой, чьи родители были схвачены службой госбезопасности. «Люди запуганы и боятся выразить открыто свои мысли», — сообщал дипломат, но делал неожиданный вывод: «Загреб может стать центром нашей работы... В консульском округе (Загреба.—В.В.) проживает около 80 польских граждан... Не исключено, что при соответствующей разработке можно было бы выделить среди них тех, кто будет на нас работать». Алеф предположил, что в Загребе действуют немногочисленные антититовские группы, и выразил мнение, что благодаря радио местная интеллигенция осведомлена о позиции СССР. «Коминформовская пресса доходит очень слабо». Повсюду Алеф встретил проявления недовольства властями — как в городах, так и в деревне. «Путешествие вдоль горной гряды Черногории я использовал для бесед с крестьянами. Я специально выбрал пути, лежащие далеко от основных трасс. Везде слышны жалобы

⁹⁴ Ibid. К. 217.

⁹⁵ IPN BU. 2602/1013. К. 36–37.

на материальное положение и на террор, но незаметна никакая организованная деятельность, которая бы вобрала в себя эти настроения. Чувствуется отсутствие коминформовских изданий». Из разговоров с крестьянами Алеф вынес заключение, что проводимая в то время коллективизация опиралась исключительно на насилие. Вывод был неутешителен: «Повсюду ощущение бессилия и отсутствия веры в способность изменить такой порядок вещей»⁹⁶.

Этот отчет производит странное впечатление, так как совершенно то же самое можно было наблюдать в те годы и на родине Алефа. Но идеологические установки требовали от чиновника показывать титовский режим сугубо в черном цвете, не обращая внимания на его неотличимость от режимов в других странах «народной демократии».

31 августа 1949 г. Алеф телеграфировал в Варшаву, что уже несколько дней за ним следят, причем даже не скрывают этого. Полковник обратился по этому поводу к офицеру из Заграничного отдела югославской армии, который выразил искреннее удивление данным фактом. Алеф также сообщил Комару, что следят (хотя и не столь нагло) за военным атташе Чехословакии. Вмешательство Заграничного отдела, как видно, принесло свои плоды, потому что уже 3 сентября наблюдение было снято⁹⁷.

Это было последнее донесение полковника Г. Алефа-Больковьяка. 15 сентября истек срок его нахождения на посту военного атташе, и он вернулся в Варшаву. Нового атташе Варшава уже не присылала, очевидно, по причине суда над Петровичем и взаимными экстрадициями дипломатов.

Заключение

В период массовых репрессий и нарастания холодной войны югославская тематика занимала далеко не основное место в пропагандистских кампаниях и политических преследованиях, осуществившихся в Польше. Это и понятно — Польша не граничит с Югославией, а число репатриантов либо югославских граждан в стране было слишком мало, чтобы всерьез рассуждать об опасности «титовской

⁹⁶ IPN BU. 2602/1014. К. 38–41.

⁹⁷ IPN BU. 2602/21599. К. 271–272.

агентуры». Перед коммунистической властью Польши стояли куда более насущные задачи: утверждение новых западных границ, чистка в армии, борьба с антикоммунистическим подпольем и т. д. На этом фоне на Тито выглядел обременительной обязанностью, в которой польское руководство вынуждено было участвовать в силу принадлежности к советскому блоку. Берут и когорта «московских поляков» разыграли «титовскую карту» (вкупе с рядом иных), когда снимали Гомулку с поста лидера партии, но использовать эту карту дальше представлялось малореальным в силу вышеперечисленных причин. Неудивительно, что Москва периодически должна была подстегивать Варшаву, которая норовила прекратить антититовскую пропаганду в прессе и перейти к более насущным проблемам. Неудивительно также и отсутствие успехов власти в привязке деятельности своих «отщепенцев» (Гомулки и его соратников) к позиции Тито: уж слишком далеко находились два этих коммунистических деятеля друг от друга, так что даже усилия М. Ракоши — главного разоблачителя «козней клики Тито–Ранковича» в странах народной демократии — не смогли тут ничем помочь.

Сегодняшнему читателю может показаться странным, что польские власти и их московские кураторы прикладывали столько сил для создания в стране организации антититовских эмигрантов: ни по своей численности, ни по влиянию на соотечественников она не могла оправдать использованных затрат. Однако здесь надо иметь в виду, что для сталинской системы пропагандистский эффект был столь же важен, как и реальные результаты. Необходимо было внедрить в массы убеждение, что «здоровые силы» в КПЮ есть и активно действуют против Тито — так у жителей стран народной демократии создавалась иллюзия слабости, а следовательно, неправоты и обреченности белградской власти. Кроме того, без присутствия «здоровых» (т. е. антититовских) сил в среде югославы неизбежно возникало бы ощущение, будто весь народ Югославии пошел за Тито, из чего напрашивался вывод, что Тито выражал интересы своего народа. Это в корне противоречило сталинской пропаганде. Поэтому все режимы стран народной демократии, и польский в том числе, вынуждены были всеми правдами и неправдами сколачивать у себя структуры антититовской эмиграции, изображая их подлинными борцами за права югославского народа, поруганные «фашистской кликой Тито».

Сам Тито и его окружение, как видно из отчетов военных атташе, до самого конца старались избежать конфликта, и даже после снятия Гомулки делали демонстративные жесты, чтобы показать Польше свою дружбу. Работники польского посольства беззастенчиво этим пользовались, чтобы собрать информацию о положении в стране. Обращает на себя внимание то, насколько инструментально смотрел военный атташе Алеф-Больковяк на свои обязанности: он не занимался объективным анализом ситуации, а усиленно выискивал подтверждения официальной коминформовской позиции, не брезгуя даже слухами. Возникал порочный круг: польская власть, с подачи Сталина, задавала тональность высказываний, используя при этом данные из Югославии, каковые в свою очередь поставлялись ей с таким расчетом, чтобы соответствовать изначально выбранной точке зрения. Едва ли Алеф являлся исключением на фоне остальных польских дипломатов. В условиях пропагандистской кампании отклоняться от ее линии было чревато обвинениями в «потере бдительности», а то и в потворстве «врагу», поэтому сотрудники посольства старательно держались официального мнения и в таком духе составляли отчеты, невзирая на собственные впечатления от пребывания в стране.

Г. П. Мурашко

Советско-югославский конфликт и Чехословакия: борьба в политическом руководстве и эволюция общественных настроений

Советско-югославский конфликт 1948–1953 гг. сыграл определяющую роль в формировании общественных настроений в Чехословакии в условиях советизации стран Центральной и Юго-Восточной Европы на основе модели «ускоренного построения социализма».

Как известно, еще в мае 1946 г. И. В. Сталин придерживался принципиально иной позиции, убеждая польских лидеров Болеслава Берута и Эдварда Осубку-Моравского, что строй, установленный в Польше, — это новый тип демократии. «Она, — говорил советский лидер, — не имеет прецедента. Ни бельгийская, ни английская, ни французская демократии не могут братья вами в качестве примера и образца. Ваша демократия особая... Демократия, которая установилась у вас в Польше, в Югославии и отчасти в Чехословакии, — это демократия, которая приближает вас к социализму без необходимости установления диктатуры пролетариата и советского строя. Ленин вовсе не говорил, что нет других путей для построения социализма, кроме диктатуры пролетариата, наоборот, он допускал возможность прихода к социализму путем использования таких учреждений буржуазного демократического строя, как парламент и другие институты»¹. Идея, что пути к социализму не обязательно должны идти через советскую систему и диктатуру пролетариата, в течение 1946 г. неоднократно звучала в беседах и интервью Сталина с политиками разных уровней².

¹ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953: В 2 т. / Отв. ред. Г. П. Мурашко. Т. 1: 1944–1948 гг. М.; Новосибирск, 1997. Док. № 151. С. 457–458.

² Подробнее см.: *Волокитина Т. В.* «Холодная война» и социал-демократия Восточной Европы. 1944–1948 гг. Очерки истории. М., 1998. С. 50–51.

Однако на рубеже 1947–1948 гг. в его позиции происходит крутой поворот. Спустя тридцать лет, в 1978 г., Б. Н. Пономарев — секретарь ЦК КПСС, курировавший международное коммунистическое движение, на обсуждении рукописи 4-го тома «Истории международного рабочего движения» в присутствии академиков П. Н. Федосеева и Е. М. Жукова, характеризуя специфику ситуации в первые послевоенные годы и восприятие Сталиным новой послевоенной реальности, дал этому факту следующее объяснение: «После Второй мировой войны капитализм был в большем потрясении, чем после Первой, и революционные возможности на Западе были также много больше, тем более что компартии располагали не только оружием, но и армией, вышедшей из Сопrotивления. Я говорил тогда Тольятти и Торезу: “Пойдите к Сталину, договоритесь, пора действовать”. Они пошли: сначала Тольятти, потом Торез. И потом оба говорили мне: Сталин против того, чтобы пойти сейчас на регион, он против лозунгов захвата власти, он против риска новой войны — на этот раз с американцами... И они ему подчинились, поехали к себе домой и вели работу по восстановлению экономики оба в качестве премьер-министров³. И шанс был упущен. <...> В этот благоприятный момент [Сталин] испугался американцев, которые тогда не осмелились бы воевать против нас. <...> Сталин поднял перчатку “холодной войны” и повел ее сам, потому что был в ярости от того, что его снова (как Гитлер в 1941 г.) обманули. Он остановил революцию, действовал как честный партнер, а ему ответили антисоветизмом и изгнали коммунистов из правительства»⁴. Сказанное Пономаревым характеризует настроения части советской партийной верхушки на рубеже 1946–1947 гг.

Осознание происходивших изменений в послевоенном мире (расхождение интересов участников антигитлеровской коалиции и перерастание их противостояния в холодную войну) поставило советское руководство перед необходимостью существенной корректировки избранного курса. К концу 1947 г., по мере того как американская сторона через реализацию «плана Маршалла» стала интенсивно укреплять свое присутствие в Европе, для советского руководства всё более очевидным становился происходивший поворот вправо в общественных настроениях

³ Здесь Б. Н. Пономарев допускает неточность. Во Франции и Италии в первые послевоенные годы действовали коалиционные правительства, возглавляемые представителями католических партий. В них наряду с социалистами входили и коммунисты.

⁴ Цит. по: *Черняев А.* Совместный исход. М., 2010. С. 359.

Западной Европы. Об этом наглядно свидетельствовали осложнение отношений между коммунистами и социалистами во Франции и Италии, поражение компартии Финляндии на выборах в Сейм и совершенно неожиданный для Москвы выход коммунистов из состава правительства во Франции. Все эти новые обстоятельства не могли не породить в Кремле определенных опасений возможности аналогичного поворота к западному варианту развития среди части стран, оказавшихся по итогам Второй мировой войны в сфере влияния СССР.

Опасения эти имели под собой реальную основу, особенно если принять во внимание немаловажные изменения в социальной базе компартий стран Центральной и Юго-Восточной Европы, четко обозначившиеся уже к концу войны и в первый послевоенный год. Бывшие до войны в большинстве стран региона мелкими периферийными политическими образованиями, компартии в этой части европейского континента, перешедшего в сферу влияния СССР, стали на рубеже 1946–1947 гг. массовыми, причем, что важно подчеркнуть, не только за счет социально слабых групп населения. Их ряды пополнялись представителями интеллигенции и других средних слоев. Немалую часть среди них составляли евреи, пережившие гитлеровский геноцид и видевшие в коммунистах и СССР последовательных борцов с нацизмом. Результатом такой интенсивной и социально разнородной массовизации было и многообразие подходов в восприятии как самих идей социализма, так и тактики перехода к новому строю.

Новая же политическая реальность противостояния с бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, обрисовавшаяся к концу 1947 г., поставила на повестку дня перед советским руководством в качестве первоочередной задачу создания «лагеря социализма» как крепости, способной противостоять капиталистическому миру.

В этих условиях еще недавно предлагаемая Сталиным концепция множественности «национальных путей к социализму» стала рассматриваться в Москве как не сопрягающаяся со сложившейся реальной политической обстановкой. От этой концепции, как правильно отмечает российский историк Т. В. Волокитина, советскому руководству предстояло не просто отказаться, но и подвергнуть ее политическому ostrакизму⁵. В качестве единственного возможного эталона им вновь была взята на вооружение идея диктатуры пролетариата. Опыт

⁵ Волокитина Т. В. «Холодная война» и социал-демократия Восточной Европы. С. 51.

ВКП(б) при этом терял свою уникальность и провозглашался обязательным для политической практики всех компартий.

Уже с конца 1947 г. в Отделе внешней политики (ОВП) ЦК ВКП(б) под руководством М. А. Суслова развернулась интенсивная работа по подготовке аналитических материалов с оценкой деятельности коммунистических и рабочих партий стран рассматриваемого региона. При этом не скрывалась четко заданная сугубо критическая направленность проводимого анализа. Об этом убедительно говорят сами названия подготовленных документов: «Об антимарксистских установках руководителей компартии Югославии в вопросах внешней и внутренней политики», «О националистических ошибках руководства Венгерской коммунистической партии и венгерской коммунистической печати», «Об антимарксистских идеологических установках руководства ППР», «О некоторых ошибках Коммунистической партии Чехословакии»⁶. Последний документ датировался апрелем 1948 г.

Он особенно интересен тем, что в нем на примере подробного анализа деятельности руководства КПЧ был дан разбор «ошибок», вытекающих именно из ориентации «в теории и на практике на особый мирный путь к социализму, без жертв и классово-борьбы»⁷. Опыт КПЧ расценивался авторами документа (а это были сотрудники аппарата ЦК ВКП(б) Л. С. Баранов, В. В. Мошетов и А. И. Антипов) как «сползание на позиции мирного вращивания капитализма в социализм»⁸. Анализируя политическую практику КПЧ, авторы разъясняли: «Серьезные перемены в политической и экономической структуре чехословацкого общества, значительное полевение трудящихся масс и его непосредственный результат — получение компартией на выборах 1946 года более 40% голосов всех избирателей — всё это породило в рядах компартии и у ее лидеров иллюзии насчет “легкости” победы социализма в Чехословакии мирным путем, без жертв и классово-борьбы. <...> Многие лидеры КПЧ допускали серьезную ошибку, заключающуюся в том, что они наивно верили в возможность “тесного сотрудничества” с буржуазными партиями в рамках Национального фронта и его правительства. В своей практической деятельности лидеры КПЧ до последнего времени ошибочно полагали, что “коалици-

⁶ Восточная Европа в документах российских архивов. Док. № 267, 269, 272, 274. С. 787–800, 802–806, 814–829, 831–858.

⁷ Там же. С. 831.

⁸ Там же.

онное сотрудничество” с буржуазными партиями в рамках программы Национального фронта позволит избежать классовой борьбы»⁹.

В заключение авторами делался весьма жесткий вывод: руководство КПЧ придерживается антимарксистских установок по вопросу о мирном пути к социализму, явно переоценивает результаты демократических преобразований в стране и недооценивает силы реакционной буржуазии и помещиков и сохранявшейся в их руках экономической базы, «фактически замазывает классовые противоречия, отходит тем самым от марксистско-ленинской теории классовой борьбы; <...> вплоть до последних (февральских) событий в стране недооценивало силы трудящихся масс и самой партии, а также важной роли массовых политических акций, поддержанных широчайшими кругами народа, и тем самым неизбежно скатывалось в государственной деятельности на порочный путь соглашательства и различных компромиссов с буржуазными партиями»¹⁰.

Фактический отказ советского руководства от концепции «национальных путей к социализму», четко обозначившийся на рубеже 1947–1948 гг., объективно ставил руководителей компартий стран региона перед необходимостью полной унификации своих национально-государственных интересов с интересами Москвы и советского блока в целом. Реализацию столь крутого стратегического поворота ЦК ВКП(б) связывал с проведением необходимой ему перестановки кадров в руководящих структурах компартий, где к тому времени стала набирать силу борьба различных кланов и группировок за место в системе власти и за право монопольных контактов с Москвой. В формирующейся новой политической элите ведущее место Москва отдавала теперь сторонникам форсированного развития по советскому образцу.

Созданному еще осенью 1947 г. на совещании коммунистических и рабочих партий в Шклярской Порембе Коминформбюро (в него наряду с представителями ВКП(б) входили руководители всех компартий региона, кроме Албании, а также лидеры компартий Италии и Франции) в планах Москвы отводилась особая роль. Необходимость его создания стала особенно очевидна в связи с тем, что часть лидеров восточноевропейских компартий (Владислав Гомулка, Клемент Готвальд, Георге Георгиу-Деж) не спешили формулировать

⁹ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 832–833.

¹⁰ Там же. С. 839–840.

свою позицию по разгорающемуся советско-югославскому конфликту. Созданный же коллективный орган должен был стать действенным орудием по приведению интересов всех стран региона к единому с Советским Союзом знаменателю.

Резолюция Коминформбюро «О положении в Коммунистической партии Югославии», принятая на бухарестском совещании в июне 1948 г., рассматривалась советским руководством как важнейший инструмент воздействия на руководство компартий региона. В аппарате Коминформа был разработан перечень проблем, по которым руководство каждой компартии должно было извлечь собственные конкретные уроки из «ошибок» руководства ЦК КПЮ.

В документе, предназначенном для Чехословакии, на первое место был поставлен вопрос о четком определении роли рабочего класса и компартии в системе народно-демократического государства. В нем отмечалось, что «стремление к количественному увеличению партии в ущерб ее качественному составу ведет к принижению руководящей роли партии, к ослаблению всех других организаций рабочего класса и, следовательно, к ослаблению и обезоруживанию пролетариата. <...> Тот факт, что в новых условиях партия не отграничивает себя от тех, кто мог ослабить ее боеспособность, вызывает серьезные опасения за идейное и организационное состояние рядов КПЧ». Второй урок, который, по мнению составителей документа, предстояло извлечь руководству КПЧ из резолюции Информбюро, заключался в необходимости последовательного проведения марксистско-ленинской политики по отношению к крестьянству. «Руководство КПЧ не имеет программы по крестьянскому вопросу на основе марксистского анализа классовых сил в деревне, — утверждалось в документе. — ...В области сельского хозяйства земельная реформа, оставившая в руках крестьян наделы до 50 га при высокой интенсивности сельского хозяйства Чехословакии, не затрагивает интересов кулачества и не подрывает окончательно основ капитализма в деревне. Поэтому партия должна готовиться к неизбежной борьбе против кулачества, должна готовить рабочий класс для мобилизации его сил на помощь трудовому крестьянству»¹¹.

Еще один урок, который весьма настойчиво рекомендовалось извлечь руководству КПЧ, заключался в исправлении ошибок, допущенных при решении национального вопроса. Руководство КПЧ,

¹¹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 50. Л. 45, 47.

отмечалось в документе, уже с начала освобождения страны от немецкой оккупации в разрешении вопроса о немцах и венграх солидаризировалось с лидерами буржуазных партий. «Исходным положением, общим как для КПЧ, так и буржуазных партий в отношении неславянских меньшинств, являлось убеждение в необходимости создания Чехословакии как государства двух славянских народов — чехов и словаков. ...Эта точка зрения повторялась, — подчеркивалось в документе, — во всех последующих высказываниях как лидеров КПЧ, так и лидеров буржуазных партий и объяснялась стремлением руководства КПЧ укрепить в чехословацком народе мнение о компартии как последовательном “защитнике” коренных интересов республики и в этом вопросе. Тем самым, — заключали составители документа, — ленинско-сталинские принципы национальной политики были подчинены мнимым “общим интересам” с буржуазией, что неизбежно привело к тому, что компартия оказалась вынуждена идти в национальном вопросе под одним знаменем с буржуазией»¹². При этом составители рассматриваемого документа как бы забывали, что положение о послевоенных судьбах немцев и венгров было включено в проект Кошицкой программы, получившей одобрение советской стороны¹³. Теперь же руководство КПЧ упрекали в том, что оно забыло указания товарища Сталина, не сумело разглядеть такой немаловажный момент, что внутренняя реакция проводила политику преследования немцев и венгров, с целью «отвлечь внимание трудящихся масс от необходимости проведения чистки государства от реакционеров и предателей чехословацкого народа»¹⁴.

При этом специально подчеркивалось, что в принятой 9 мая 1948 г. новой конституции по существу был обойден вопрос о предоставлении гражданских прав национальным меньшинствам, и тем самым закреплена дискриминация по отношению к неславянским национальным меньшинствам.

В рассматриваемом документе отмечалось также, что нельзя признать разрешенной и основную проблему национальной политики в Чехословакии — проблему взаимоотношений чехов и словаков. Правда, его составители вынуждены были признать, что, благодаря

¹² Там же. Л. 50.

¹³ Восточная Европа в документах российских архивов. Док. № 54. С. 175–176.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 50. Л. 51.

усилиям компартии, был осуществлен ряд шагов по обеспечению в будущем полного равноправия чехов и словаков и ликвидации их политического и экономического неравенства. Но вместе с тем в документе отмечалось, что нельзя признать правильной политику КПЧ, направленную на ликвидацию фактического неравенства чехов и словаков, «которое выражается в промышленной и культурной отсталости Словакии по сравнению с Чешскими землями. Практическое разрешение задачи индустриализации Словакии путем перебазирования ряда предприятий из Чехии в Словакию — является неправильным и вредным, приводящим только к обострению отношений чехов и словаков»¹⁵. Завершался рассматриваемый документ, являвшийся по сути разработанным в Москве проектом корректировки политического курса КПЧ, заключением, что имеется ряд ошибочных положений в практической деятельности и теоретических установках КПЧ, которые требуют начать борьбу за чистоту марксистско-ленинской теории и повышение уровня идеологической работы среди членов партии.

Общий вывод сводился к следующему: для решения поставленных задач следует всесторонне использовать опыт ВКП(б), критически переосмыслить деятельность КПЧ в прошлом.

Сопоставление этого документа с подготовленным в ОВП ЦК ВКП(б) в апреле 1948 г. материалом «О некоторых ошибках Коммунистической партии Чехословакии» позволяет сделать вывод, что корректировка политического курса компартии была задумана Москвой ранее, на рубеже 1947–1948 гг., а советско-югославский конфликт был лишь поводом для реализации этих планов Кремля.

Публикация резолюции Информбюро о положении в КПЮ, как в руководстве и аппарате ЦК КПЧ, так и в чехословацком обществе в целом, вызвала шок. Честмир Цисарж, являвшийся в то время сотрудником идеологического отдела ЦК КПЧ, позже, вспоминая в своих мемуарах ситуацию лета 1948 г., писал: «Обвинения звучали неубедительно, ведь Югославия, возглавляемая Тито, всеми воспринималась как страна, наиболее преданная, наиболее близкая Советскому Союзу. А теперь она вдруг становится “буржуазной республикой”? Или даже “колонией империализма”? К чему приведет призыв Информбюро “сменить ведущих руководителей Югославии”, создать “новое интернациональное руководство”? Дело дойдет до распада

¹⁵ Там же. Л. 53–54.

СКЮ или до гражданской войны? Никому не могло прийти в голову, что Сталин может вводить в заблуждение или что он ведет продуманную политическую игру... Мы скорее предполагали, что речь идет о недоразумении, которое будет разрешено в ходе дискуссии...»¹⁶

28 июня 1948 г. состоялось заседание Президиума ЦК КПЧ, на котором Генеральный секретарь ЦК Рудольф Сланский сделал доклад о результатах заседания Коминформбюро, Президиум единогласно высказал свое полное согласие с резолюцией «О положении в коммунистической партии Югославии». 2 июля на заседании Президиума ЦК компартии Словакии был обсужден доклад ее председателя Вильяма Широкого, посвященный совещанию в Бухаресте. Президиум ЦК компартии Словакии также высказал свое полное согласие с резолюцией Коминформа. Центральные органы компартий Чехословакии и Словакии газеты «Руде право» и «Правда» опубликовали коммюнике о совещании Информбюро коммунистических партий и резолюцию «О положении в Коммунистической партии Югославии».

В направленной в Москву информационной записке о мероприятиях, проведенных компартией Чехословакии в связи с резолюцией Информбюро, сообщалось: «Никаких других решений ЦК компартии Чехословакии, нацеливающих партию на конкретные выводы для своей теоретической и практической работы, опубликовано не было. Уделяя большое внимание сообщениям об откликах других партий, газеты “Руде право” и “Правда” в первые дни ограничились лишь одной статьей секретаря ЦК КПЧ по пропаганде тов. Бареша “Ответственность югославских коммунистов”, помещенной всеми газетами в качестве передовой. Но в этой статье, являющейся директивной статьей ЦК КПЧ, не дается критического анализа практической деятельности партии...»¹⁷

В течение всего лета 1948 г. из Праги в Москву систематически направлялась информация о ходе обсуждения резолюции Информбюро по Югославии в областных и районных комитетах, местных и фабрично-заводских организациях КПЧ. «Принятые в парторганизациях резолюции целиком поддерживают резолюцию Информбюро. Многочисленные собрания на заводах в Праге, Брно, Моравской Остраве, Злине и других городах резко осудили руководство

¹⁶ *Císar Ā. Paměti. Nejen o zakulisí Pražského Jaru. Praha, 2005. S. 280.*

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 112. Л. 9, 10.

КПЮ», — сообщалось в итоговой информационной записке, подготовленной ОВП ЦК ВКП(б) в октябре 1948 г.¹⁸

В качестве образца автор информационной записки привел фрагмент резолюции, принятой на партийной конференции в г. Мост: «Мы полностью согласны с резолюцией Информбюро о положении в КПЮ и обязуемся еще больше укреплять идеологическое и организационное состояние наших рядов, чтобы партия уверенно шла вперед, верная принципам марксизма-ленинизма»¹⁹. Однако составитель информации, а им был сотрудник ОВП ЦК ВКП(б) А.И. Антипов, один из авторов ранее упомянутого документа «О некоторых ошибках Коммунистической партии Чехословакии», вынужден был констатировать, что в ходе обсуждения принимались и другие резолюции, «страдающие политической близорукостью и наивностью, написанные в умоляющем тоне и призывающие Тито опомниться и признать свои ошибки»²⁰.

Партийная печать, прежде всего газеты «Руде право» и «Правда», развернули кампанию по пропаганде резолюции Информбюро. На их страницах выступили известные политики Бруно Келлер, Эдо Фриш, Вилем Новы и др. Но вместе с тем в Москве было отмечено, что ни председатель КПЧ Готвальд, ни генеральный секретарь ЦК Сланский не сформулировали публично свою позицию. В разгар пропагандистской кампании они упорно хранили молчание. Поэтому неудивительно, что в аппарате ЦК ВКП(б) был сделан достаточно критический вывод: «Мероприятия, проведенные компартией Чехословакии в связи с резолюцией Информбюро “О положении в компартии Югославии”, недостаточны. Они не мобилизуют всей партии на активную борьбу за укрепление народно-демократической республики, не обеспечивают воспитания коммунистов в духе марксизма-ленинизма, в духе большевистской нетерпимости ко всякого рода уклонам и извращениям революционной теории. Эти мероприятия не организуют подлинно партийной критики имеющих место в КПЧ ошибочных теоретически-установочных положений»²¹.

Каковы же в реальности были результаты мер по созданию в стране «антититовской» атмосферы? Они отнюдь не были однозначными.

¹⁸ Там же. Л. 10.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 21.

«Для нас югославские коммунисты стали предателями. Троцкизм, который до того времени оставался для меня скорее академическим понятием, приобрел новый конкретный облик: политика Тито = преследование настоящих коммунистов = троцкизм у власти»²². Это фрагмент из воспоминаний одного из известных в 1950–1980-е гг. исследователей международного рабочего движения историка Милоша Гаека, который в 1948 г., будучи молодым коммунистом, преподавал в районной партшколе КПЧ. Его свидетельство отражало настроения той части молодых членов партии, которые составляли основу ее низовых идеологических звеньев.

Но в послевоенном чехословацком обществе налицо были и другие настроения, о которых по дипломатическим каналам поступали сообщения в Москву. Например, советское посольство в Праге уже в своей первой информации от 29 июня 1948 г. о реакции чехословацких военнослужащих на публикацию резолюции Коминформбюро отмечало, что в этой среде резолюция вызвала «всеобщее изумление, а у некоторых офицеров испуг и опасение в отношении перспектив», а также «сомнения в отношении того, что ситуация (в Югославии. — Г. М.) была точно такой, как это указывается в резолюции Информбюро»²³. «Для чехословацкой молодежи и для широких масс населения Чехословакии резолюция Информбюро явилась неожиданностью. ... Тито создали большую популярность в Чехословакии. На Тито втайне многие смотрят как на героя, достойного подражания. ... Многие из руководящих лиц или близко к ним стоящих хотели бы чувствовать себя поменьше связанными с Москвой», — сообщал в своей информации из Праги почти год спустя корреспондент ТАСС Медов²⁴.

Но, пожалуй, наиболее ярким свидетельством сохранявшейся популярности Тито в рабочей среде стало сообщение агентства ТА-НЮГ о состоявшемся в Праге в помещении торгпредства ФНРЮ 22 мая 1949 г. собрании, посвященном юбилею маршала. В нем приняли активное участие 70 чехословацких гостей, в большинстве своем рабочих. Специально на торжество прибыла делегация из г. Мост. От имени чехословацких рабочих выступал рабочий завода «Чешско-Моравска Кольбен Данек» Мирослав Шик. Он заявил: «Я хочу

²² *Hajek M.* Paměti české levice. Praha, 2011. S. 142.

²³ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 150. Д. 31. Л. 78.

²⁴ Там же. П. 147. Д. 2. Л. 70–71.

спросить, почему нас сегодня убеждают, что Тито предал интернациональное рабочее движение и сошел с пути марксизма-ленинизма? Так как известная резолюция Информбюро мало объясняет это, мы, рабочие и настоящие коммунисты, не верим подобным утверждениям». Шик далее потребовал от чехословацкой печати правдиво освещать события в Югославии, в том числе успехи в выполнении пятилетнего плана, и выражал свое возмущение по поводу того, что чехословацкая печать безо всякой причины вдруг резко изменила курс по отношению к Югославии и Тито и теперь клеветает на героический народ Югославии, присоединяя свой голос к голосу врагов из всего империалистического лагеря. «Наш рабочий долг, — продолжал он, — и дальше защищать единство пролетариата всего мира. Если наши руководители не смогут найти способа для решения этой проблемы, мы ее решим общим трудом на общем строительстве социализма». «Если бы чехословацкая печать правдиво освещала жизнь югославских народов, — заявил Шик, — то для нас вопрос Югославии не был бы высокой и тайной политикой, как это представляют многие ответственные товарищи, избегая прямых ответов на вопросы». «Тебе, маршал Тито, — сказал Шик в заключение, — желаем всяческих успехов в дальнейшей работе, а народам ФНРЮ желаем, чтобы ты долго здравствовал и вел их дальше в борьбе за осуществление наших коммунистических и интернационалистских целей». Участники торжественного собрания направили Иосипу Броз Тито приветственную телеграмму²⁵.

Подобные настроения, проявлявшиеся, несмотря на развернутую официальную пропаганду, в чехословацком обществе, не могли не оказывать влияния на позиции руководства КПЧ. По-видимому, они и определяли сдержанность Сланского, Готвальда и других лидеров КПЧ в публичных оценках «предательской роли клики Тито». Это обстоятельство вызывало определенное беспокойство в Москве. В специальной информационной записке, подготовленной в ОВП ЦК ВКП(б) в мае 1949 г., отмечалось, что руководители КПЧ «в своих докладах и выступлениях не делают для себя необходимых выводов из деятельности клики Тито, не разоблачают перед партией и народом ее троцкистские маневры, не ведут борьбу против нее». И далее следовал вывод: «Руководство компартии придерживается

²⁵ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 112. Л. 45.

пассивной позиции в вопросе разоблачения югославских националистов и их перехода в лагерь империализма»²⁶.

Для исправления ситуации руководителям КПЧ предлагалось реализовать следующие конкретные меры:

1. Провести в печати и в партийных организациях разъяснительную работу среди членов партии и широких слоев населения «о подлинном облике националистической, предательской клики Тито»;

2. Организовать систематическую публикацию в партийной печати материалов, разоблачающих антисоветский троцкистский курс клики Тито (при этом особенно настойчиво подчеркивалась необходимость выступлений как в печати, так и на собраниях руководящих деятелей компартии Чехословакии);

3. Под руководством и контролем ЦК КПЧ предлагалось организовать политическую работу среди югославских политэмигрантов;

4. Использовать все средства для ограничения и пресечения антисоветской и антикоммунистической деятельности в Чехословакии «агентов Тито» — сотрудников югославского посольства в Праге. Советская сторона считала целесообразным также создать специальную комиссию при ЦК КПЧ для координации всей работы по борьбе против «клики Тито» и определить такой порядок, чтобы все публикуемые материалы в газетах и журналах, радиопередачи, а также выступления на собраниях и митингах, связанных с кликой Тито, контролировались ЦК КПЧ и проводились в соответствии с его указаниями²⁷.

Изучение материалов российских архивов показывает, что «разоблачение» Тито отнюдь не являлось единственной и основной целью документа, принятого Коминформбюро в Бухаресте. Он явно имел более глубокий стратегический заряд. Именно об этом свидетельствовало пристальное внимание Москвы к тому, как воспринималась резолюция руководством других компартий региона. Документ явно был ориентирован на «демонстрацию силы» лидерам тех компартий, которые продолжали в своей практике опираться на концепцию «мирного пути» к социализму. Очевидно, что первыми адресатами были руководители КПЧ.

Руководство КПЧ, хотя и одобрившее резолюцию Информбюро по Югославии, находилось в весьма сложной ситуации. Как известно,

²⁶ Там же. Д. 87. Л. 57, 59.

²⁷ Там же. Л. 60.

в мае 1948 г. в стране торжественно была принята новая конституция, закрепившая победу коммунистов в феврале 1948 г. Анализ основных статей этого документа показывает, что он базировался на определении народной демократии как пути к социализму «без необходимости установления диктатуры пролетариата и советского строя». В конституции законодательно закреплялось право частной собственности на землю с максимальным наделом в 50 га. Установленный размер, как было известно Москве, являлся «компромиссной цифрой в предложениях парламентской комиссии по аграрной реформе (еще задолго до февральских событий)»²⁸. Право владения промышленно-ремесленными предприятиями ограничивалось числом наемных рабочих до 50 чел.

Эти требования, выдвинутые коммунистами еще в апреле 1947 г., обеспечили КПЧ массовую поддержку крестьянства и средних городских слоев в февральском противостоянии в 1948 г. И теперь, когда они были официально закреплены конституцией, их выполнение, естественно, рассматривалось руководством КПЧ как важнейшее условие продвижения страны по пути к социализму на базе широкого экономического союза со средними слоями общества. Данный курс и должен был стать одной из принципиальных составляющих всей послефевральской политики КПЧ.

В ситуации же, порожденной изменением Москвой в 1947 г. своего стратегического курса, созданием Коминформбюро и начавшимся советско-югославским конфликтом, Президиум ЦК КПЧ был поставлен перед необходимостью разработки новой политики в отношении средних слоев. Аппарату ЦК уже летом 1948 г. было предложено подготовить рабочий материал для обсуждения действий по отношению к крестьянству. Однако требуемую Москвой активную реализацию поворота в аграрной политике и скорейший переход к коллективизации деревни в немалой степени затрудняло то обстоятельство, что подавляющая часть руководства ЦК КПЧ, находившаяся в годы войны в эмиграции в СССР, была хорошо осведомлена о катастрофических последствиях советской коллективизации. Лидеры КПЧ отнюдь не горели желанием перенести этот тяжелый опыт на родную почву. Наличие таких настроений в руководстве партии позже подтверждала М. Швермова, входившая в рассматриваемые годы в «практическое руководство» ЦК. Она в частности

²⁸ Восточная Европа в документах российских архивов. Док. № 270. С. 809.

рассказывала, как коммунисты, находившиеся в эмиграции в СССР, перед отъездом в Прагу в 1945 г. дали друг другу слово не создавать у себя на родине колхозов²⁹.

Весьма сдержанная позиция руководителей КПЧ Готвальда и Сланского, явно избегавших публичных оценок советско-югославского конфликта и принятой Коминформом резолюции по Югославии и выдерживающих паузу по вопросам корректировки стратегического курса, в том числе и будущей политики в деревне, по-видимому, и побудила Москву провести зондаж политических настроений в руководстве правящей партии. Подтверждением тому явился так называемый случай Кольмана.

Арношт Кольман — «интернационалист» времен Гражданской войны в Советской России, проживший в СССР около 30 лет, член ВКП(б), преподаватель Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б), активно участвовавший в 1930-х гг. в утверждении «марксистской идеологии» в советских общественных науках, был в 1945 г. направлен в Прагу. В ЦК КПЧ возглавлял отдел пропаганды. Активно поддерживал связи с советским посольством. В начале сентября 1948 г. им была подготовлена статья «За большевистскую критику в нашей Коммунистической партии Чехословакии», предназначенная для публикации в теоретическом журнале ЦК КПЧ «Творба». Кольман утверждал, что в новых условиях КПЧ «не отвечает многим требованиям марксистско-ленинской партии»³⁰. Причину этого он видел в том, что «практическое руководство партии» — Р. Сланский, М. Швермова, Г. Бареш — «не сосредоточили свое внимание на рабочем классе, на рабочем ядре, которое одно лишь может составлять хребет партии, а позволили, чтобы это ядро было в значительной степени оттеснено на задний план за счет буржуазных элементов». По мнению автора, поставленная Готвальдом задача завоевать большинство народа «была практическим руководством партии неправильно понята и осуществлялась ценой идеологических уступок и отступлением от ленинских принципов»³¹. Основной вывод Кольмана заключался в признании допущенных руководством партии «правооппортунистических ошибок». Заканчивалась статья призывом: «Наша партия не только должна, но и может

²⁹ Jech K. Kolektivizace a vyhnání sedlaku z půdy. Praha, 2008. S. 56–57.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 68. Л. 4.

³¹ Там же. Л. 5.

полностью и без оговорок осуществить самую широкую и самую глубокую самокритику в своих рядах. У нее имеется здоровое рабочее ядро (с ним вместе значительная часть партийной интеллигенции), здоровое большинство руководящих кадров... У нее имеется в лице тов. Готвальда верный ученик Сталина, который, как председатель и идеолог нашей сильной партии, партии Фучика и Швермы, и как глава государства поведет нас к социалистической республике»³².

Еще до публикации статьи Кольман выступил с докладом на собрании парторганизации идеологического отдела ЦК КПЧ. И в нем он также обвинил руководство партии в допущенных «правооппортунистических ошибках».

Выступление Кольмана, как и планируемое появление статьи в партийной печати, нельзя считать случайностью. Оно приурочивалось к поездке Готвальда в Крым, где предполагалась его встреча со Сталиным. По всей вероятности, действия Кольмана направлялись советским руководством, которому было важно получить представление о степени единства в руководстве КПЧ и наметить свои возможные действия.

Как видно из изложенного, острие критики Кольмана было направлено против так называемого практического руководства партии (Сланский, Швермова, Бареш). Готвальд же явно выводился автором из-под огня критики как «верный ученик Сталина», знающий верный путь к «социалистической республике».

Однако предпринятая Кольманом попытка обозначить наличие в руководстве партии «правооппортунистического» (читай: бухаринского) уклона встретила единодушный отпор членов Президиума ЦК. На специальном заседании 16 сентября 1948 г. выступление Кольмана было оценено как «вредное и фракционное». Ему были запрещены не только публикация статьи, но и какие-либо публичные выступления с пропагандой своих взглядов³³.

Находившийся в это время в Крыму Готвальд уже 17 сентября 1948 г. был информирован о принятом Президиумом ЦК решении. Он использовал эту информацию в беседе со Сталиным, которая состоялась 22 сентября 1948 г. В ходе ее обсуждался также вопрос о необходимости выявления врагов внутри партии. По воспоминаниям

³² Там же. Л. 7.

³³ Подробнее реакцию на выступление Кольмана см.: *Císař Č. Paměti. Nejen o zakulisí Pražského Jaru*. S. 303–306.

Н. С. Хрущева, Сталин якобы предлагал своему собеседнику пригласить с этой целью в страну советских советников³⁴. Однако реакция Президиума ЦК КПЧ стала для Готвальда весомым аргументом в доказательстве того, что внутри правящей группировки в Чехословакии царит единство, нет в данный момент каких-либо концептуальных противоречий и противостояния. В такой ситуации Кольман оказывался для советской стороны помехой. Его срочно отозвали в Москву, где он был арестован³⁵.

Тем не менее встреча Сталина и Готвальда в Крыму дала определенные результаты. Руководству КПЧ было предложено, не отказываясь от ориентации на мирный путь к социализму, всё же внести некоторые коррективы в свою политику. Речь шла в частности о том, чтобы, признав тезис об обострении классовой борьбы, приступить к проведению политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов и классовой чистке государственного и экономического аппарата страны путем замены старого чиновничества рабочими кадрами³⁶. Понятно, что «совет» Москвы руководство КПЧ не могло игнорировать.

Через два месяца после крымской встречи, 17–18 ноября 1948 г., состоялся пленум ЦК КПЧ, на котором Готвальд выступил с докладом о политическом и хозяйственном положении и задачах развития страны в текущий момент. Чехословацкий руководитель сформулировал девять задач, которые предстояло решить в процессе создания предпосылки для «дальнейшего скачка к социализму в деревне». Информировав Москву, советское посольство процитировало соответствующий фрагмент из доклада Готвальда (орфография подлинника сохранена):

«Во-первых и прежде всего, мы должны обеспечить и улучшить снабжение, особенно питание [населения], окончить двухлетку и начать пятилетний план.

³⁴ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 108–109.

³⁵ Арест Кольмана и его дальнейшая судьба подтверждают участие Москвы в «проверочной акции» 1948 г. Кольман находился под арестом в СССР более трех лет. Только в феврале 1952 г. советские спецслужбы вспомнили о нем. Глава МГБ СССР С. Д. Игнатьев информировал Сталина о том, что в МГБ содержится некто Кольман, и предложил выслать его в отдаленные районы СССР. Далее последовало решение об освобождении Кольмана, который в апреле 1952 г. обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой вернуть ему партийный билет члена ВКП(б) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 82. Л. 77).

³⁶ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. С. 108–109.

Во-вторых, мы должны при выкупе сельскохозяйственных продуктов в деревне обращать главное внимание на то, чтобы больше давали крупные хозяйства, с целью обеспечить положение бедняцких хозяйств. Практически так нужно проводить ограничение и вытеснение капиталистических элементов и в политике налогов, и в политике установления цен, пайков и т. д.

В-третьих, мы должны при распределении хозяйственных запасов в первую очередь удовлетворять рабочих за счет паразитов. Мы должны отказаться от уравниловки и постепенно переходить к системе дифференцированных пайков, пока карточная система будет необходима, пока предметы широкого потребления не поступят на вольный рынок.

В-четвертых, мы должны в деревне обеспечить, расширить и укрепить материально-техническую базу в форме густой сети государственных тракторных станций и общественных пунктов для откорма свиней, рогатого скота и домашней птицы.

В-пятых, мы должны в деревне, среди крестьян поддерживать всякого рода кооперативное движение, особенно кооперативные производственные товарищества, и во что бы то ни стало постараться, чтобы в этих кооперативах решающий голос имел не деревенский богач, а бедный и средний крестьянин.

В-шестых, мы должны со всей решительностью добиваться выполнения всех государственных и общественных повинностей остатками капиталистических элементов в городе и деревне, а в случаях обнаружения антигосударственной и вообще противозаконной деятельности этих элементов налагать на них наказания имущественного характера.

В-седьмых, мы должны провести реформу и реорганизацию общественного управления на основе районных национальных комитетов, ввести во всех секторах новый правопорядок в согласии с новой конституцией и стремиться к тому, чтобы народно-демократический государственный аппарат стал мощным рычагом при социалистическом переустройстве общества.

В-восьмых, мы должны обучить наш партийный, профсоюзный, управленческий, культурный, охранительный аппарат и военные кадры с тем, чтобы они выделялись высокими специальными знаниями и в то же время овладели наукой всех наук, искусством всех искусств — марксизмом- ленинизмом.

В-девятых, мы должны укрепить преобразованный Национальный фронт сверху донизу, сознавая, что преобразованный

Национальный фронт, в котором реакция уже не будет иметь легальной трибуны, как это было до февраля, останется и далее политической формой нашей общественной жизни на пути к социализму.

Вот несколько задач, которые мы должны решать сейчас, чтобы быть в состоянии решить еще более важные далеко идущие задачи»³⁷.

Таким образом, Готвальдом была предложена продуманная программа конкретных, четко сформулированных мер, которая могла быть положительно воспринята значительной частью населения страны. Их реализация с точки зрения руководства КПЧ давала возможность по мере выполнения обеспечить постепенное продвижение к новой экономической и политической организации общества.

Как же реагировала советская сторона на решения ноябрьского пленума ЦК КПЧ? Если судить по материалам, поступавшим в Москву из советского посольства с начала 1949 г., то нетрудно заметить, что сформулированный Готвальдом курс был воспринят советскими дипломатами с явным опасением. «Умолчание о неизбежности коллективизации в ЧСР» может вызвать серьезные ошибки и подорвать доверие к народно-демократическому строю, указывалось в одном из документов посольства.

В информации, направляемой из посольства на имя министра иностранных дел А. Я. Вышинского в мае 1949 г., уже после принятия закона о создании единых сельскохозяйственных кооперативов³⁸, сообщалось: «В Чехословакии запрещается даже упоминать слово “коллективизация” в печати, на собраниях, в беседах. Руководящим началом этого считается место из речи Готвальда на ноябрьском пленуме ЦК КПЧ. Он тогда, говоря о политике партии в деревне, утверждал: “В нашей экономической политике вообще, и в земельной в особенности, остается в силе предупреждение, что всякая спешка принесла бы только вред. Сейчас на повестке дня стоит ограничение и вытеснение капиталистических элементов в деревне и в городе. Видеть что-нибудь другое и говорить о чем-нибудь другом было бы неверно”. Эта установка не говорить о коллективизации принята как директива и проводится повсюду ...В такой политике, — заключали авторы, — заложена опасность потери доверия народа в связи с явным

³⁷ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 30-б. П. 242. Д. 8. Л. 223–224.

³⁸ Закон был принят 23 февраля 1949 г. О его содержании подробнее см.: *Marjínová V. V., Murašková G. P.* Rozorané medze. Bratislava, 1971. S. 66–67.

разрывом между словом и делом, между политикой и практикой ее проведения»³⁹.

Советские наблюдатели в стране также сообщали в Москву, что чехословацкая пресса до сих пор не публиковала антититовские материалы, что помощь «антититовцам» в Праге явно недостаточна. Было также отмечено, что на ноябрьском пленуме 1948 г. Готвальд увязал резолюцию Информбюро о положении в компартии Югославии единственно с вопросом о политике КПЧ в деревне, об отношении к капиталистическим элементам деревни, причем о «клике Тито» вообще не было сказано ни слова, говорилось только о «руководителях Югославии»⁴⁰.

Таким образом, материалы российских архивов позволяют заключить, что начавшийся в 1948 г. советско-югославский конфликт для лидеров КПЧ отнюдь не стал, как рассчитывала Москва, импульсом к полному и безоговорочному принятию сталинской модели ускоренного построения социализма.

Но вместе с тем нельзя не видеть, что по мере углубления советско-югославского конфликта и усиления противостояния Тито нажиму Москвы перед советской стороной открывались возможности ужесточить свой контроль над процессом формирования новой политической элиты в регионе. Советская сторона получила шанс путем перестановки ключевых фигур в руководящем звене правящих коммунистических партий добиться искоренения ненужного «инакомыслия» под предлогом чистки партийных рядов от «агентов Тито». Именно этот процесс и стал рассматриваться Москвой как одна из важнейших задач в деле укрепления позиций формирующегося «социалистического лагеря». Документальные источники свидетельствуют, что уже с конца 1948 г. в Москве начала накапливаться секретная информация, поступавшая из верхних эшелонов партийно-государственного аппарата стран региона о ситуации и настроениях в руководстве правящих коммунистических партий. Особое внимание обращалось на обвинения конкретных лиц «в национализме», «в недооценке роли СССР», «в связях с Тито», «в шпионаже в пользу Тито и англо-американских империалистов».

При знакомстве с данными материалами бросается в глаза особая роль венгерского коммунистического лидера Матьяша Ракоши как «интернационализатора» начинавшихся в регионе партийных

³⁹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 30-а. П. 179-а. Д. 18. Л. 5.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 87. Л. 58.

чисток. 3 сентября 1949 г. именно он направил Готвальду письмо с доносом на министра внутренних дел В. Носека, министра иностранных дел В. Клементиса, ведущих экономистов страны Л. Фрейку и Й. Гольдмана. Все они обвинялись в шпионаже «в пользу англо-американских империалистов», поскольку во время Второй мировой войны находились в эмиграции в Лондоне⁴¹. Ракоши буквально бомбардировал аппарат ЦК ВКП(б) своими сообщениями об агентах иностранных разведок из числа ведущих политиков Чехословакии⁴².

На Прагу шло прямое давление как из Будапешта, так и из Варшавы (где «национализм» Владислава Гомулки был уже «разоблачен»), с требованием интенсифицировать проведение арестов лиц, подозреваемых в шпионаже. Прага отреагировала на этот нажим просьбой в Москву направить в Чехословакию специалистов МГБ СССР.

Однако сам Готвальд как президент страны в тот период к идее поисков в стране «шпионов Тито и агентов англо-американского империализма» относился еще весьма сдержанно.

Именно с такой его позицией и встретились приехавшие в Прагу в сентябре 1949 г. офицеры МГБ СССР М. Т. Лихачев и Н. И. Макаров, уже имевшие за плечами опыт работы по «делам» Трайчо Костова в Болгарии и Ласло Райка в Венгрии. При первой же встрече с ними Готвальд твердо заявил, что в Чехословакии англо-американская шпионская сеть не разрослась до размеров заговора, вскрытого в Венгрии, и что «чехословацкие министры не могут быть замешаны в каком-либо заговоре». Вместе с тем он допускал, что «в среднем звене государственного и партийного аппарата враги, конечно, могут быть»⁴³. Представляется, что, говоря о министрах, Готвальд, по-видимому, имел в виду прежде всего В. Клементиса и Г. Гусака, ареста которых весьма настойчиво добивался Ракоши.

Однако М. Т. Лихачев, располагая полученной еще в Москве информацией о «словацком национализме» (Ракоши неоднократно информировал советскую сторону о его проявлениях в связи с активно проводимой словацким руководством политикой переселения венгров из южных районов Словакии как в Венгрию, так и в Чешские

⁴¹ Подробнее см.: *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953: Очерки истории. М., 2002. С. 529–530.

⁴² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1157. Л. 35; Д. 1153. Л. 8–9.

⁴³ Там же. Д. 1361. Л. 55.

земли, где после выселения немцев ощущалась острая нехватка рабочей силы⁴⁴), отправился прежде всего в Братиславу. Цель поездки заключалась в изучении положения в этой части республики и проверки точности информации Ракоши.

Одним из результатов этой «инспекции» стал тот факт, что в начале 1950 г. уже и от советских советников МГБ стали поступать в Москву сведения «о враждебной работе» министра иностранных дел Клементиса, председателя Корпуса уполномоченных (правительства Словакии) Гусака и уполномоченного Министерства просвещения Словакии Новомеского. Советники отмечали, что на некоторые места в госаппарате «проникли люди, враждебные Советскому Союзу и связанные с англо-американскими кругами... однако со стороны товарища Готвальда и руководителей чехословацких органов безопасности [эти факты] до последнего времени должной оценки не получили. ...Руководители Чехословакии полагают, что у них в стране англо-американская и титовская агентура не может пробраться в руководящие звенья государственного и партийного аппарата»⁴⁵.

Объяснение такой весьма осторожной позиции Готвальда и его ближайшего окружения следует, на наш взгляд, искать в сложившемся соотношении сил внутри правящей верхушки КПЧ.

В 1949–1950 гг. американские дипломатические службы, внимательно отслеживавшие ситуацию в Чехословакии, констатировали в своих аналитических записках, что политическая элита страны тяготеет к двум центрам: одна ее часть концентрируется вокруг президента Готвальда, другая — вокруг генерального секретаря ЦК КПЧ Сланского. Оба они, по мнению американских дипломатов, являлись «людьми Москвы» и существенных политических разногласий между ними не было. «Сланский и Готвальд, — отмечалось в одном из информационных материалов американского посольства, — расходились не в своих политических концепциях, а только в методе их практического применения. Готвальд стремился к тому, чтобы переход от буржуазной демократии к “народной демократии” был осуществлен с меньшим применением силы, и чтобы (хотя он полностью следовал линии Москвы) некоторые процессы в этом развитии происходили постепенно. Он хотел реализовать программу

⁴⁴ Подробнее см.: *Sutaj St. Nutené presidlenie Maďarov do Cech*. Bratislava, 2013.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1361. Л. 56, 58.

с минимальными экономическими потрясениями, чтобы таким образом сохранить популярность партии. Методы Сланского были более радикальные, более насильственные. Им не принималась во внимание разница между СССР и ЧСР. Радикальный подход Сланского давал ему преимущество, казалось, что это гарантирует Советам желаемые результаты в весьма краткие сроки»⁴⁶.

Американские дипломаты при этом не исключали, что почва для конфликта между двумя лидерами могла существовать. В частности, ими отмечалось, что после избрания Готвальда летом 1948 г. президентом ЧСР в обществе стало весьма интенсивно нарастать влияние Сланского. В руках генерального секретаря ЦК КПЧ сосредоточились фактически все внутренние дела. Он начал устанавливать всё более жесткий партийный контроль над ключевыми сферами государственной жизни. Партийные контакты с Готвальдом теперь могли осуществляться только через Сланского, что, естественно, вызывало негативную реакцию как самого Готвальда, так и его окружения. По мнению американских наблюдателей, Сланский постепенно стал занимать не только первое место в партии, но и в государстве, поскольку оказывался в курсе государственных дел раньше президента Готвальда⁴⁷.

Советские советники в 1950 г. также отмечали начавшуюся борьбу двух группировок в руководстве КПЧ. «В компартии Чехословакии, — сообщали они в Москву, — Клементис принадлежит к политической группе Готвальда, и его отставка (Клементис был освобожден от занимаемой должности по решению секретариата ЦК КПЧ 18 марта 1950 г. — Г.М.) показывает, что группировка Готвальда теряет силу, а группа Сланского растет в весе»⁴⁸. Группа сторонников Готвальда стала формироваться именно как реакция на ярко выраженное стремление партаппарата, возглавляемого Сланским, поставить под свой контроль государственные структуры.

Глава правительства Антонин Запотоцкий определял складывавшуюся в стране ситуацию как дуализм. Американские дипломаты отмечали, что практически, по его мнению, «в ЧСР существовали два

⁴⁶ Arhiv Centralnog komiteta saveza komunista Jugoslavije (далее — АСКЈ). 507. IX. 22/II — 46 — Analiza o stavu v UV KSC/ (1951). Документ с таким названием архива и сигнатурой был предоставлен автору чешскими коллегами из Института истории (Прага).

⁴⁷ Подробнее см.: *Tripkovič D. Proces s R. Slanským — Jugoslavsky pohled // Politické procesy v Československu po roce 1945 a «případ Slanského»*. Brno, 2005. S. 87–88.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1361. Л. 69.

государства с разными исполнительными властями: одно — с правительством Готвальда и Запотоцкого, которое управляло теоретически, но на практике было беспомощно, другое — с партийным секретариатом Сланского, который был всемогущ»⁴⁹. Партийный секретариат теперь интенсивно вмешивался в дела Народного банка, службы разведки, паспортной службы и другие сферы жизни общества. Еще осенью 1949 г. Запотоцкий угрожал отставкой с поста главы кабинета министров, если вмешательство Сланского в дела правительства будет продолжаться.

У формировавшихся правящих элит Праги и Братиславы по мере развития противостояния Готвальда и Сланского стала вызывать особое опасение интенсивно усиливавшаяся активизация деятельности органов госбезопасности, находившихся фактически под полным контролем Сланского. В 1950 г. волна арестов в верхнем слое партийно-государственной номенклатуры стала нарастать. Под стражу были взяты около 50 чел., в том числе лица, о которых «сигнализировал» Ракоши еще в 1949 г. Это вызвало усиление напряженности в отношениях двух группировок, особенно после того как Вильям Широкий, возглавлявший тогда ЦК КПС, поставил, опираясь на поддержку Сланского и советских советников Лихачева и Макарова, вопрос о необходимости ареста Клементиса. Свою жесткую позицию советские советники объясняли тем, что, по их мнению, министр иностранных дел ЧСР Клементис, «был решительно против включения его страны в союз с СССР» и мог, следовательно, «сыграть такую же роль, как и Тито»⁵⁰. 18 марта 1950 г. Клементис был снят с занимаемой должности. Одновременно прошли массовые аресты в верхах: арестованы были заместители Клементиса — А. Лондон, В. Гайду, секретарь ЦК КПЧ М. Швермова, секретари крупнейших краевых парторганизаций страны О. Шлинг, В. Фукс и М. Ланда. В феврале 1951 г. по обвинению в «словацком национализме» последовал арест части руководства КПС — Г. Гусака, Л. Новомеского, Л. Голдоша, Д. Окали.

Это обвинение имело свою историю: еще в сентябре 1948 г. вездесущий Ракоши направил письмо Сталину, сообщая, что компартия Словакии разложилась на фракции. «Одну из фракций, — писал Ракоши, — возглавляет Председатель Словацкого Совета Уполномоченных Гусак. В эту фракцию входят Клементис, Новомеский и вообще

⁴⁹ АСКЖ. IX. 22/II — 51.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1361. Л. 91.

словацкая интеллигенция и студенчество. Фракция имеет резко националистический, антисемитский, антивенгерский характер»⁵¹. Это обвинение поддержал и В. Широкий, возглавлявший тогда компартию Словакии. При этом Широкий опирался на резолюцию Коминформбюро по Югославии и польский прецедент — критику Гомулки на Пленуме ЦК ППР в сентябре 1948 г.⁵² Но позиция Широкого, к которой присоединился и член руководства КПЧ Ю. Дюриш, тогда встретила твердый отпор Готвальда, и вопрос о буржуазном национализме в компартии Словакии был временно снят с повестки дня⁵³.

Однако в 1950 г., по-видимому, не без давления советских советников, вопрос о словацком буржуазном национализме и его носителях в КПС был реанимирован. Аресты, проводимые в 1950 г., затронули также часть генералитета, офицерский корпус и органы госбезопасности. Именно в это время Ракоши, как показывают материалы российских архивов, буквально заваливал сотрудников аппарата ЦК ВКП(б) своей информацией о «разоблачении» венгерской стороной руководящих лиц партии и правительства Чехословакии. В его списках значились министр внутренних дел В. Носек, министр обороны Л. Свобода, секретарь Готвальда Райхман и др. При этом Ракоши прямо обвинял Готвальда и Сланского «в нерешительности и проявлении либерализма по отношению к вражеским элементам в партии». «Им стоило бы, — отмечал Ракоши в беседах с работниками аппарата ЦК ВКП(б), — поучиться у венгров разгрому врага»⁵⁴.

По мере расширения кампании арестов, активно проводившихся органами госбезопасности, противостояние двух сформировавшихся группировок в руководстве страны приближалось к своему апогею. Американские дипломаты сообщали, что произошло прямое столкновение между Готвальдом и Сланским. Ситуация, по мнению американцев, стала столь напряженной, что потребовалось прямое вмешательство Москвы. «Так как устремления Сланского открыто поддержал советский посол в Праге Михаил Силин, Готвальд подал в отставку, следом в отставку подал и Запотоцкий. После долгих и трудных переговоров

⁵¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 803. Л. 156.

⁵² Подробнее см.: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. С. 532–533.

⁵³ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 33. П. 14. Д. 191. Л. 98.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1153. Л. 8; Д. 1154. Л. 12.

Кремль рекомендовал компромисс, который развязал руки Готвальду по вопросу объединения партийного руководства ЧСР, но при условии, что будет обеспечен рост производства, покончено со словацким сепаратизмом и устранены все те, кто отходит от этой линии, независимо от занимаемых ими постов в правительстве или партии»⁵⁵.

В Прагу, по сведениям американских наблюдателей, приезжал заместитель министра иностранных дел СССР В. А. Зорин. После сложных переговоров было якобы достигнуто некое соглашение: Готвальду и Запотоцкому предстояло решить «трудную и деликатную задачу — заставить чехословацкий рабочий класс согласиться с непопулярными мерами, направленными на то, чтобы обеспечить более упорный труд, более строгие ограничения, меньшую зарплату и уменьшение социальных льгот»⁵⁶.

Попытки автора данной статьи найти в фондах АВП РФ какие-либо сведения о поездке В. А. Зорина в Прагу не увенчались, однако, успехом. Подтвердился лишь факт пребывания в это время в чехословацкой столице А. И. Микояна для решения ряда экономических вопросов.

Изложенная американскими дипломатами версия, безусловно, требует более полных документальных подтверждений. Но она интересна тем, что дает возможность исследователям уточнить некоторые прежние оценки и подходы к вопросам, имеющим принципиальное значение. Представляется, что с учетом этой версии есть основание считать, что именно в компромиссе, заключенном группировкой Готвальда с Москвой в середине 1950 г., и следует искать начало конца концепции «национального пути к социализму» в Чехословакии, а отнюдь не в решениях ноябрьского 1948 г. Пленума ЦК КПЧ, когда Готвальдом были сформулированы девять пунктов экономической политики для создания условий перехода к началу построения социализма.

Если допустить факт достижения Москвой компромисса с группировкой Готвальда, то становится также совершенно понятной и объяснимой происходившая со второй половины 1950 до середины 1951 г. фронтальная переориентация стратегической линии в раскрытии «антигосударственного заговора», выявленного органами госбезопасности Чехословакии во второй половине 1949 — начале 1950 г., когда их курировал по партийной линии лично Сланский.

⁵⁵ АСКЖ. IX. 22/II — 51.

⁵⁶ Там же.

Известно, что после ареста Шлинга и других секретарей крайкомов вся концепция «заговора», разработанная под руководством советских советников (после отъезда Лихачева и Макарова их возглавлял В. Боярский), строилась на идее, что «заговор Шлинга» направлен против Сланского как генерального секретаря ЦК КПЧ. Теперь же, после достижения компромисса с группировкой Готвальда, «политический компас» требовал поворота на 180 градусов. Один из сотрудников госбезопасности ЧСР К. Дубек, с самого начала принимавший активное участие в разоблачении «заговора», в 1954 г., находясь под следствием, рассказал на допросе: «На совещании с тов. советником, когда мы искали возможность двинуть дело вперед, то одной из наиболее разрабатываемых была теория о еврейском буржуазном национализме... Тов. Борис (советник Есипов, заместитель В. Боярского. — Г.М.) очень активно упирал на эту линию. Она позже и стала основой всего “дела” Сланского»⁵⁷.

Доказательную базу такого поворота могли в немалой степени составлять беседы ведущих политиков Чехословакии А. Запотоцкого, А. Новотного, В. Копецкого, А. Чепички, входивших в группировку Готвальда, с сотрудниками советского посольства.

Например, Алексей Чепичка в беседе с сотрудником посольства П. Г. Кречотенем 10 октября 1951 г. сообщил, что «серьезное беспокойство вызывает деятельность в Чехословакии еврейской общины. Многие факты говорят о том, что еврейская община была тесно связана с сионистами, югославскими и англо-американскими разведчиками. ...Еврейская община проводила крупные махинации с имуществом евреев в период национализации и практически препятствовала национализации этого имущества. С еврейской общиной тесно был связан Райцин, некоторые работники аппарата ЦК и др. Установлено, что Райцин организовал на Мораве из евреев вооруженную группу в несколько сот человек для посылки ее в Израиль. ... Не исключено, что эта группа Райцином и Шлингом готовилась для использования в путчистских целях. ...Далее, — писал Кречотень, — [Чепичка] сообщил, что в аппарате ЦК имеется много евреев. Объясняет это Чепичка тем, что бывшее руководство (секретариат. — Г.М.)

⁵⁷ *Kaplan K. STB o sobě. Výpověď vyšetřovatele D. Doubka. Praha, 2008. S. 110.*

генерального секретаря ЦК поддерживало евреев при направлении их на работу в аппарат секретариата ЦК»⁵⁸.

Копецкий в беседе с П. Г. Крекотенем 18 сентября 1951 г. рассказал: «Разоблачение Швермовой–Шлинга и последующие события показали, что кадры, рекомендованные секретариатом на ответственные посты, оказались вражеской агентурой. В своем большинстве это были люди, жившие в Англии и находившиеся на службе в английской армии. Кроме того, эти люди были, как правило, космополитами. ...Копецкий очень резко отзывался о бывшем секретаре ЦК КПЧ. Сланский и его сторонники в ЦК оторвались от партии, оторвались от народа, они не знали, чем живет народ, и не интересовались этим. ...В то же время эта группа возомнила себя хозяином в партии, и видные деятели партии чувствовали, как эта группа оттирает их от руководства и как они (Копецкий, Неедлы, Дюриш и др.) постепенно становились людьми 3-го и 4-го разряда. Аппарат секретариата ЦК КПЧ постепенно превратился в инородное тело партии. Работники, сидевшие в аппарате ЦК, в своем большинстве не знали чешского языка, не знали и не понимали чешский народ. Эти люди никогда искренне не любили Советский Союз, им было безразлично, кому служить»⁵⁹.

В связи с вышесказанным уместно предположить, что противостоящие Сланскому политики, используя его происхождение для доказательства связей генерального секретаря ЦК КПЧ с сионистскими организациями, стремились, таким образом, ввести «дело» Сланского в русло государственного антисемитизма, уже набравшего обороты в СССР, и тем самым укрепить собственные позиции.

Как же реагировало советское руководство на готовившуюся замену центральной фигуры предстоящего политического процесса? Сталин информацию о том, что «главным руководителем заговорщиков является генеральный секретарь ЦК КПЧ Сланский»⁶⁰, получил еще 17 июля 1951 г. 19 июля уже последовала ответная телеграмма Сталина: «Получили следственные материалы о тов. Сланском и тов. Геминдере. Мы считаем материалы недостаточными и думаем, что они не дают оснований для обвинения. Мы полагаем, что нельзя только на основании показаний известных преступников делать выводы,

⁵⁸ Дело Сланского / Вступ. ст. Г. П. Мурашко) // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 15.

⁵⁹ Там же. С. 12–13.

⁶⁰ АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 394. Л. 104.

нужны еще факты, подтверждающие такие показания. Ввиду недостаточности серьезного отношения к этому делу мы решили отозвать Боярского в Москву»⁶¹. Последняя фраза была ключевой: отзыв главного советника при Министерстве госбезопасности В. Боярского, автора концепции «заговора» Шлинга против Сланского, означал фактическое одобрение Сталиным фигуры Сланского на роль «главного руководителя заговора». Поэтому неудивительно, что после отзыва советника в Москву «дело» Сланского попало в руки его заместителя Б. Есикова. Позднее, в 1953 г., за успехи в раскрытии «заговора» он был представлен правительством Чехословакии к награде.

После получения согласия Сталина в сентябре 1951 г. Сланский на заседании пленума ЦК КПЧ был освобожден от обязанностей генерального секретаря и назначен заместителем председателя правительства. А 23 ноября 1951 г. последовал его арест, что было также напрямую санкционировано Москвой и стало прологом к новой волне арестов в стране.

К началу 1952 г. были арестованы представители партийно-государственной верхушки, курировавшие развитие экономики страны и являвшиеся во многом сторонниками «национального пути к социализму». В их числе: Л. Фрейка — руководитель экономического отдела Канцелярии Президента республики, Й. Гольдман — председатель Госплана и представитель ЧСР в СЭВ, Й. Франк — секретарь ЦК по промышленности, Б. Геминдер — заведующий международным отделом ЦК КПЧ, А. Грегор — министр торговли. Для расширения масштабов «заговора» следственные органы включили в число «заговорщиков» и лиц, арестованных еще в 1950 г. по списку Ракоши. Поэтому в нем оказались такие политики, как В. Клементис, Э. Лёбл, А. Лондон, О. Шлинг, М. Швермова и др. Материалы российских архивов свидетельствуют, что проведению судебного процесса над «бандой Сланского» предшествовала неформальная консультация Готвальда со Сталиным во время XIX съезда КПСС в октябре 1952 г. На встрече с чехословацкой партийной делегацией советский лидер неожиданно сказал: «А все-таки Клементис верный человек». На слова Готвальда, что Клементис — враг и его скоро будут судить,

⁶¹ Там же. Л. 105. Телеграмма Сталина от 19 июля и письмо Готвальду от 24 июля 1951 г. опубли.: Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.: В 2 т. Т. 2: 1949–1953 гг. М.; Новосибирск, 1998. Док. № 207 и коммент. к нему. С. 580–581.

как впоследствии рассказывал В. Широкий, Сталин якобы заметил: «То, что вы его будете судить, это ваше дело, мы его считаем верным человеком»⁶². Реплика Сталина, по сути дела, развязывала руки Готвальду в решении судьбы отнюдь не только Клементиса, но и всех арестованных по делу об «антигосударственном заговоре, возглавляемым генеральным секретарем ЦК КПЧ Р. Сланским», по которому проходило, по сведениям прессы, около 3 тыс. чел.

По всей стране была развернута кампания по принятию резолюций с требованиями разоблачения врагов народа и их наказания. К концу декабря 1951 г. в течение только одного месяца ЦК КПЧ получил 2355 писем и телеграмм в поддержку проводимой политики по разоблачению «антигосударственного заговора»⁶³.

В чем же обвинялись «заговорщики»? Кроме связей с сионизмом и американским империализмом, в пропагандистской литературе и прессе распространение получил тезис о том, что антигосударственный центр Сланского, равно как и титовцы в Югославии, придумали так называемую теорию особого «чехословацкого пути к социализму». Под прикрытием этой теории центр осуществлял подготовку реставрации старого режима в Чехословакии по примеру Тито и под руководством английских и американских империалистов. При этом интересно отметить, что впоследствии в официальном обвинительном протоколе данный пункт обвинения отсутствовал⁶⁴. Но свою роль в нагнетании моральной обстановки в стране подобные утверждения прессы, безусловно, сыграли.

Итог «раскрытия заговора» — 11 смертных приговоров и огромное число осужденных на различные сроки тюремного заключения.

Как же реагировали на это партия и общество?

«“Политические процессы” не вызвали у меня понимания ответственности за то, что делает руководство партии», — напишет полвека спустя в своих воспоминаниях упоминавшийся выше М. Гаек, характеризуя общественную атмосферу начала 50-х гг. В качестве преподавателя Высшей политической школы при ЦК КПЧ он присутствовал

⁶² АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 806. Л. 93.

⁶³ Подробнее см.: *Волокитина Т.В.*, *Мурашко Г.П.*, *Носкова А.Ф.*, *Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. С. 555–561.

⁶⁴ *Proces s věděním protistátného spřisahaneckého centra na čelo s Rudolfem Slanským.* Praha, 1953.

на одном из заседаний суда по «делу» Сланского. «Мне просто не приходило в голову усомниться в выдвигаемых против Сланского обвинениях. Если преступником, как Тито, Сланский не был, то, значит, преступниками были Сталин и Готвальд? Такое истинным коммунистам не могло присниться и в страшном сне. ...Мы “разоблачение” Сланского и его сообщников расценивали как выигранную битву. Нас успокаивало, что если “агентам империализма” удалось захватить Югославию, то в случае с Райком, Костовым, Сланским, Гомулкой и Дзодзе у них ничего не вышло»⁶⁵.

Дело об «антигосударственном заговоре» во главе со Сланским и вынесенные судом приговоры фактически зомбировали КПЧ как правящую партию страны. «Атмосфера недоверия, подозрительности, осторожности и страха постепенно становилась всё более невыносимой. Люди, которые еще недавно были друзьями, начинали относиться друг к другу с недоверием. ...Мы лавировали в рамках официальных взглядов, сформулированных, в первую очередь, К. Готвальдом. Он же после ослабления позиций Сланского, Швермовой и других сосредоточил в своих руках все “бразды правления”. Теперь каждый стремился руководствоваться только его мнением, игнорируя позиции других членов руководства КПЧ. Можно сказать, что никогда до этого или позже (вплоть до конца 80-х годов) партия не находилась в таком состоянии оцепенения и распада, как в то время», — так вспоминал те годы сотрудник идеологического отдела ЦК КПЧ Ч. Цисарж⁶⁶.

Возникает закономерный вопрос: зачем Москве потребовался этот политический «монстр-процесс», превзошедший, пожалуй, по своим масштабам все аналогичные акции в советской сфере влияния? Думается, что ответ следует искать в том, что именно руководство КПЧ, возглавляемое Готвальдом, выступало как наиболее последовательный сторонник концепции «национального пути к социализму». Москве же в условиях разгоравшейся холодной войны, которая на Корейском полуострове уже перерастала в «горячую», была необходима публичная «анафема» этой концепции именно из Праги. Обратной стороной ее развенчания становилось признание руководством КПЧ универсальности исторического опыта ВКП(б), с тем чтобы поставить последнее

⁶⁵ *Hajek M.* Paměti české levice. S. 151.

⁶⁶ *Čisář Č.* Paměti. Nejen o zakulisí Pražského Jaru. S. 391. В 1968 г. Цисарж был активным политиком, сторонником демократических реформ.

перед обязательностью прямого копирования советской политической практики «построения социализма». В общественное сознание начал интенсивно внедряться лозунг «Советский Союз — наш пример».

Накрывшая же страну волна антисемитизма создавала благоприятные условия для смены кадров в партийном и государственном аппарате. Как показывают проведенные исследования, разработка принципов комплектования верхнего слоя управленцев осуществлялась под непосредственную диктовку Москвы⁶⁷. В 1952 г. ЦК КПЧ официально утвердил список в 17 тыс. номенклатурных должностей, непосредственно подчиненных высшему партийному органу. На них могли претендовать только представители наиболее привилегированной части партийных функционеров. Предположительно, круг этой партийно-государственной номенклатуры включал 80–90 тыс. чел. Опорой его становились выборные партийные функционеры. Их количество достигало 200 тыс. чел., и из их рядов должны были формироваться местные органы власти.

Становление и функционирование номенклатурной властной конструкции проходило под контролем советских советников, число которых стало особенно интенсивно возрастать с середины 1953 г., когда после смерти К. Готвальда 14 марта 1953 г. во главе страны встало «коллективное руководство». В его состав входили президент А. Запотоцкий, премьер-министр В. Широкий, первый секретарь ЦК КПЧ А. Новотный. Показательно в этом отношении письмо Запотоцкого и Широкого министру иностранных дел СССР В.М. Молотову от 29 июля 1953 г. с просьбой «расширить группу советских советников в армии, прикомандировав советских военных советников к бригадам, полкам и даже к некоторым батальонам, а также направить советников в медицинское, финансовое и политическое управление Министерства обороны»⁶⁸. В приложенном к письму списке значились 164 советника.

Насколько советская сторона оказалась готова к столь интенсивному расширению данной формы сотрудничества? По материалам МИД СССР, в 1954 г. в Чехословакию был командирован 81 специалист, а в 1955 г. — еще 40. К ноябрю 1956 г. в Чехословакии работали 192

⁶⁷ Подробнее об этом см.: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. С. 154–169.

⁶⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 12. П. 70. Д. 565. Л. 136.

советских советника. Из них 38 были гражданскими специалистами (30 чел. работали в промышленной сфере, 8 чел. — в учебных заведениях), 116 человек были связаны с армией, а 49 — с силовыми структурами⁶⁹.

Как оценивала советская сторона работу советников в Чехословакии? Здесь, пожалуй, наиболее адекватно отражающей реальность можно считать оценку, данную М. В. Зимяниным. В 1955 г. он, будучи заведующим IV Европейским отделом МИД СССР, писал в одном из своих отчетов: «Следует отметить, что советские советники и специалисты не обладают иногда достаточными знаниями и опытом, что наносит определенный ущерб престижу советских специалистов. Часть специалистов односторонне понимает задачи, не принимая ценного опыта, накопленного в некоторых областях науки и техники Чехословакии»⁷⁰. Поэтому неудивительно, что «институт советников», постепенно становясь анахронизмом, стимулировал появление антисоветских настроений среди части населения Чехословакии. Но пока еще не они преобладали в общественных настроениях чехов и словаков.

Основным, главным фактором, определявшим вектор формирования общественных настроений, всегда остается социальная политика, проводимая властью. Исследования чешских историков и социологов, опубликованные в последние годы, убедительно свидетельствуют, что именно в этой сфере после установления монополярной власти коммунистов в 1948 г. и принятия ими советской модели построения социализма отчетливо прослеживаются две разновекторные тенденции. Если в 1949–1950 гг. показатели состояния жизненного уровня фиксировали хотя и незначительную, но всё же тенденцию к росту, то в 1951–1953 гг., т. е. с момента полного перехода к «сталинской модели построения социализма» с ее тремя составляющими — коллективизацией, индустриализацией и культурной революцией, статистика неумолимо свидетельствовала об очевидном ухудшении ситуации в социальной сфере. Достаточно сказать, что к 1953 г. личное потребление сократилось по сравнению с 1948 г. на 25%.

Поэтому отнюдь не случайно всё чаще предметом обсуждения высших органов власти с 1951 г. становятся стихийно возникавшие забастовки протеста против плохого снабжения, несправедливого распределения «карточек», лимитировавших нормы продуктов

⁶⁹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 42. П. 279. Д. 18. Л. 17; Оп. 41. П. 273. Д. 35. Л. 273.

⁷⁰ Там же. Оп. 39. П. 261. Д. 21. Л. 15.

питания и товаров первой необходимости, против отмены некоторых социальных гарантий.

По данным, которые приводила известный чешский историк Л. Калинова, за период с 1948 по 1953 г. доля личного потребления населения в общем объеме национального дохода сократилась с 75,2 до 58,9%; общественное потребление выросло с 5 до 7%. При том что доля накоплений в национальном доходе увеличилась с 17,8 до 24,1%, а средства, выделенные на оборону, увеличились с 2 до 10%⁷¹. В целом реальная зарплата трудящихся упала на 12%, а лиц, занятых в сфере производства, на 17–20%. Реальная же заработная плата промышленных рабочих в течение 1951–1952 гг., несмотря на ее номинальное повышение, снижалась, и только в 1953 г. она вновь достигла уровня 1949 г.⁷²

Советская сторона располагала достаточно полной информацией о ситуации, складывающейся в Чехословакии. Еще в начале 1953 г. советское посольство, опираясь на материалы беседы с В. Копецким, с тревогой сообщало в Москву о том, что на заседании Политсекретариата ЦК КПЧ «принято решение полностью прекратить строительство металлургического комбината ГУКО в Кошицах и перевести рабочих этого комбината на другие стройки Словакии. Политсекретариат поручил министру информации проследить, чтобы в печати больше не писалось о строительстве комбината ГУКО. ...На строительстве металлургического комбината в Кунчице будет прекращено строительство третьей домны. ...Таким образом, из пяти доменных печей построены только две, остальные печи строиться пока не будут. Готвальд выразил недовольство и стал обвинять Госплан и министерства в том, что в свое время без достаточных оснований была поднята большая шумиха в печати и на телевидении о строительстве большого металлургического комбината в Кунчице, который был назван социалистической стройкой»⁷³. На этом заседании ставились также вопросы о консервации строительства и ряда других промышленных объектов в Словакии.

К лету 1953 г. ситуация еще больше осложнилась, о чем красноречиво свидетельствовала секретная записка советского представителя в СЭВ А. В. Захарова, направленная в июне 1953 г. в ЦК КПСС.

⁷¹ Kalinová L. Společenské proměny v čase socialistického experimentu. K socialním dějinám v letech 1945–1969. Praha, 2007. S. 194–195.

⁷² Ibid. S. 195.

⁷³ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 35. П. 78. Д. 236. Л. 225.

Характеризуя ситуацию в Чехословакии, он писал: «За последние два года ухудшилось снабжение населения, среди которого стало проявляться недовольство и ослабление доверия к мероприятиям правительства. Перенапряжение в экономике вызвано прежде всего весьма высокими темпами роста тяжелой промышленности и раздутым объемом военного производства... С 1 июня 1953 г. в Чехословакии была отменена карточная система и одновременно проведена денежная реформа, масштаб цен изменился в 5 раз... Стоимость бюджетного набора рабочим и служащим после отмены карточной системы увеличилась на 22%. Повышение цен не компенсировалось повышением зарплаты...»⁷⁴

Общество, и в первую очередь рабочий класс, составляющий социальную базу правящей партии, восприняло денежную реформу негативно, ответив на нее 130 забастовками. Они охватили крупнейшие промышленные центры страны. Причем активное участие в этих забастовках принимали и коммунисты. В Пльзне, ставшем центром протестного движения против денежной реформы, для разгона демонстрации власти вынуждены были использовать войска и полицию. Президент страны А. Запотоцкий на состоявшемся 11 июня 1953 г. заседании секретарей краевых комитетов КПЧ вынужден был признать, что «ситуация порой была очень сложной, и это в огромной степени вызвано безразличием некоторых руководящих деятелей к нуждам людей»⁷⁵. 6 июля 1953 г. было принято постановление правительства и секретариата ЦК КПЧ о мероприятиях по закреплению результатов денежной реформы. Документ обязывал всех министров и руководящие органы, непосредственно подчиненные правительству, устранить из государственного и хозяйственного аппарата всех лиц, которые в период проведения денежной реформы «не проявили настоящей твердости, оказались паникерами», а также и элементы, виновные в перебоях в снабжении и работе кредитных учреждений⁷⁶. Специальным пунктом постановление предусматривало чистку профсоюзных кадров и проведение проверки и чистки всех органов партии от коммунистов, «которые оказались маловерами, колеблющимися, а иногда становились и на враждебную позицию»⁷⁷.

⁷⁴ Там же. Оп. 129. П. 71. Д. 578. Л. 2.

⁷⁵ Цит. по: *Kalinová L. Společenské proměny v čase socialistického experimentu. S. 196.*

⁷⁶ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 35. П. 80. Д. 236. Л. 114.

⁷⁷ Там же.

Это постановление в Москве вызвало определенную настороженность. Ознакомившийся с ним Ю.В. Андропов в своем «Заключении», направленном заместителю министра иностранных дел В.А. Зорину, особо отметил, что «проведение в жизнь решения о широкой чистке государственного и партийного аппарата, а также профсоюзов в нынешних условиях могло бы привести к новым осложнениям внутривластной обстановки в Чехословакии»⁷⁸. Он рекомендовал обратить особое внимание чехословацкой стороны именно на это обстоятельство.

Советское руководство, располагая информацией, поступавшей из Чехословакии по разным каналам, пришло к заключению, что новые чехословацкие лидеры А. Запотоцкий, А. Новотный и В. Широкий «явно недооценили сложностей внутреннего положения в стране и не сделали для себя должных выводов из прошедших событий, а это чревато новыми более серьезными трудностями в дальнейшем»⁷⁹. Прибывший в Москву в начале июля 1953 г. Запотоцкий услышал от советских лидеров острую критику экономической политики, проводившейся в стране. Позиция московского руководства стала для чехословацкого президента полной неожиданностью, тем более что сам он весьма гордился успехами в развитии тяжелых отраслей промышленности⁸⁰. Напомним, что именно этот пункт был ключевым в соглашении, заключенном Готвальдом и его окружением с Москвой в 1950 г. Теперь же Запотоцкий был вынужден принять прозвучавшую критику и согласиться с необходимостью перейти к «новому курсу».

Отражением такой трансформации явилась разработка специального документа «Тезисы Политического секретариата ЦК КПЧ о современном экономическом и политическом положении и задачах партии и правительства в ближайший период». Его обсуждение и проходившие в Москве консультации продолжались до сентября 1953 г. Советская сторона упрекала «друзей», что документ носит «покаянный характер», причем ЦК КПЧ и правительство «каются сверх всякой меры, допускают неправильные и вредные формулировки» в оценке прежней экономической политики, приведшей к снижению жизненного уровня населения, а также по вопросам аграрной политики и кооперирования

⁷⁸ Там же. Л. 115.

⁷⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 806. Л. 126.

⁸⁰ Подробнее об этом визите см.: *Kaplan K. Kronika komunistického Československa (doba taní. 1953–1956)*. Brno, 2005. S. 71–72.

деревни. Предлагавшиеся в документе меры по улучшению материального положения трудящихся в Москве признали явно недостаточными: «Неотложной задачей является проведение таких мер, которые бы позволили за 1953–1954 гг. превзойти уровень материального благосостояния рабочих, имевшийся в 1950 г., путем более значительного, чем это намечено в тезисах, снижения цен уже в текущем году, а также некоторого повышения заработной платы для отдельных категорий рабочих, оказавшихся в наиболее неблагоприятном положении»⁸¹.

По мере получения замечаний из Москвы и доработки документа постепенно ослабевал критический анализ прежней политики. Суть окончательно принятого документа была в конце концов сведена к констатации, что генеральная линия в целом была правильной, но в ходе ее реализации низовыми парторганизациями были допущены серьезные ошибки⁸². Этот вывод в полной мере отражал позицию правящего «триумvirата» — А. Запотоцкого, А. Новотного и В. Широкого и во многом определял характер взаимоотношений правящей политической верхушки с обществом.

Итак, теперь в качестве центральной на 1954–1955 гг. выдвигалась задача повышения жизненного уровня трудящихся. В связи с этим предполагалось больше внимания уделять развитию легкой промышленности, производящей товары народного потребления, а также существенно увеличить выплаты в социальной сфере. По всей стране началась широкая пропагандистская кампания в поддержку «нового курса». В краевых центрах уже в апреле 1954 г. прошли массовые манифестации, приветствовавшие решения правительства о снижении цен на все товары народного потребления. В Праге в этой акции приняли участие 200 тыс. чел., в Брно — 45 тыс., в других краевых центрах — от 10 до 60 тыс.⁸³. Главная цель кампании по снижению цен заключалась прежде всего в снятии политической напряженности в обществе и восстановлении доверия его большинства к правящей элите. Проводя активный пиар предложенного нового экономического курса, власть одновременно усиливала систему контроля средств массовой информации. Параллельно осуществлялась необходимая, с ее точки зрения корректировка направленности репрессивных мер.

⁸¹ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг.: В 2 т. Документы / Отв. ред. Т. В. Волокитина. Т. 2: 1949–1953. М., 2002. Док. № 305. С. 794–801.

⁸² Kaplan K. Kronika komunistického Československa. S. 573.

⁸³ Ibid. S. 595–597.

Что касается средств массовой информации, то советское посольство уже в 1954 г. сообщало в Москву: «Вся чехословацкая печать, в том числе и некоммунистических партий, массовых организаций и ведомств, направляется теперь компартией. Ее содержание определяется основными задачами, которые ставит компартия перед народами Чехословакии на каждом этапе строительства социализма»⁸⁴.

Что касается репрессивных мер, то их акцент сместился: теперь в центре внимания «триумvirата» был не столько поиск «врага внутри партии», которым прикрывалась борьба за места в системе партийной иерархии, сколько установление контроля над настроениями тех социальных слоев общества, которые КПЧ рассматривала как свою социальную базу. И здесь речь шла прежде всего о рабочем классе. Ведь именно он располагал, как показало лето 1953 г., таким эффективным средством воздействия на власть, как забастовки.

Если судить по информации, регулярно поступавшей в советское посольство, забастовки в 1954–1955 гг. отмечались в разных районах страны и вызывались отнюдь не политическими, а в первую очередь чисто экономическими причинами. Самым распространенным поводом служило повышение норм выработки, введение ночных смен или неполная выплата зарплаты.

В качестве примера приведем сообщение советского посольства В. А. Зорину о том, что 1 апреля 1955 г. на четыре часа прекратили работу 6800 рабочих завода им. Готвальда в Кунчицах. Причина — повышение норм выработки. «Рабочие возобновили работу только после того, как им было обещано администрацией, что новые нормы будут пересмотрены», — указывалось в документе⁸⁵. Посольство информировало также и еще о семи забастовках, прошедших на других промышленных предприятиях по этой же причине. Власти усматривали в подобных акциях прежде всего политическую подоплеку, а именно свидетельство недостаточной степени своего влияния в рабочей среде. Объяснение этому они видели в остатках влияния социал-демократии⁸⁶. С подачи чехословацкой стороны советские дипломаты констатировали, что «социал-демократизм еще не изжит в стране и нередко дает о себе знать на различных участках политической, хо-

⁸⁴ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 39. П. 261. Д. 30. Л.29.

⁸⁵ Там же. П. 26. Д. 67. Л. 68.

⁸⁶ Там же. П. 66. Д. 267. Л. 104.

зяйственной и культурной жизни страны». Конкретным проявлением влияния социал-демократизма сотрудники посольства считали «случаи, когда рабочие отдельных фабрик и заводов, недовольные тем или иным мероразпорядком правительства, устраивают различного рода волынки и демонстративно не выходят на работу». Особенно много подобных проявлений наблюдалось в 1953 г. в Пльзене, Остраве и других промышленных городах. Имели место они и в 1954 г. на некоторых текстильных фабриках Градецкой области в связи с переходом рабочих на трехсменную работу. При этом, как отмечалось в справке посольства, «подобные выступления рабочих имеют место в тех случаях, когда дело касалось их кармана, а партийные организации не проводят соответствующей разъяснительной работы среди рабочих, а часто осуществляют многие мероприятия административными мерами»⁸⁷.

Неудивительно, что в складывавшейся обстановке бывшие члены социал-демократической партии становились объектом преследования органов безопасности. Советское посольство в марте 1955 г. регулярно сообщало в Москву об арестах «новых групп социал-демократов, проводивших подрывную работу». Однако попытки советников МГБ СССР получить от чехословацкой стороны «обобщающие материалы, раскрывающие характер подрывной деятельности, а также меры, которые предпринимает КПЧ против социал-демократии, не увенчались успехом», — подчеркивалось в одной из информационных записок советского посольства в Москву⁸⁸. При этом показательно, что судебные процессы над социал-демократами проходили тихо, без особого привлечения внимания общественности, без вынесения смертных приговоров. Но тем не менее они, безусловно, вносили свою лепту в создание общественной напряженности, прежде всего в Чешских землях.

В Словакии по-прежнему оставался «юридически незавершенным» начавшийся еще в 1948–1949 гг. передел властных рычагов внутри словацкой коммунистической элиты, проходивший под флагом борьбы со «словацким буржуазным национализмом». Арестованные в начале 1951 г. председатель Корпуса словацких уполномоченных (словацкого правительства) Г. Гусак и члены его кабинета — Л. Новомеский, курировавший систему просвещения и культуру, Д. Окали, занимавшийся вопросами внутренней политики, Л. Голдош, отвечавший

⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 401. Л. 71.

⁸⁸ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 39. П. 66. Д. 267. Л. 105.

за церковную политику, и И. Хорват — бывший посол в Будапеште, — пребывали в заключении уже около трех лет, когда наконец «коллективное руководство» решилось завершить «закрытым процессом» практически уже «раскрученное дело»⁸⁹. Как гласил приговор, подсудимые — «буржуазно-националистические предатели, враги чехословацкого народа, народно-демократического строя и социализма, находясь на службе западного империализма и будучи связанными с антигосударственным заговорщическим центром во главе с Р. Сланским создали подрывную буржуазную группу в Словакии и, таким образом, допустили тяжелейшее преступление против народа»⁹⁰. Меры наказания соответствовали тяжести обвинения: Гусак был приговорен к пожизненному заключению, Окали — к 18 годам тюрьмы, Хорват — к 22 годам, Голдош — к 13, Новомеский — к 10. Все, кроме Гусака, признали себя виновными⁹¹. Процесс над «словацкими буржуазными националистами» стал, можно сказать, последним отзвуком советско-югославского конфликта в Чехословакии. Но именно он, как показали последующие события, сыграл большую роль в нарастании политической напряженности как в словацком обществе, так и в стране в целом, на более позднем этапе — к середине 60-х гг. XX в.

Знаковым же событием, характеризующим настроения политических «верхов» страны к середине 1950-х гг., можно считать открытие в Праге на Летненском холме летом 1955 г. самого большого в мире памятника И. В. Сталину. Гигантская фигура советского лидера в шинели, окруженная представителями разных европейских народов, призвана была символизировать единство стран и народов, строивших социализм по советскому образцу и подобию. В Чехословакии к тому времени сложилась атмосфера, в которой публичное проявление каких-либо общественных настроений, отличных от генеральной

⁸⁹ Что стало толчком к проведению этого судебного процесса — сказать трудно. Исследователи уходят от ответа на этот вопрос. Не исключена возможность напоминания во время визита в Москву летом 1953 г. президента Запотоцкого о компромиссе, заключенном с К. Готвальдом в 1950 г., его обещании навести порядок в Словакии, покончив со «словацким национализмом». Но это лишь одна из возможных версий, требующих документального подтверждения.

⁹⁰ Цит. по: *Маршина В. В.* Словакия начала 1960 годов: реабилитация так называемых словацких буржуазных националистов и словацкий вопрос // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50–60-е гг. XX в. / Отв. ред. Н. М. Куренная. М., 2011. С. 427.

⁹¹ Там же. С. 428.

линии правящей партии, было практически невозможным. Для этого необходим был серьезный внешний толчок, внешнее воздействие.

Именно таким внешним импульсом для изменений политической атмосферы в Чехословакии стали визит Н. С. Хрущева в Белград в мае–июне 1955 г. и его переговоры с И. Броз Тито. Они завершились принятием Заключительной декларации о новых принципах взаимоотношений между двумя странами, находившимися длительное время в конфликте⁹².

Еще до начала советско-югославских переговоров в Москву по каналам Информбюро стали поступать материалы о реакции различных групп населения Чехословакии на предстоящие события. Так, в «Информационном бюллетене ЦК КПЧ» за 19 мая 1955 г. сообщалось, что на совещании актива завода им. Сталина говорилось об изменении советским правительством своего прежнего курса, «поскольку представители СССР пойдут на переговоры с Тито». Звучали вопросы об отношении Чехословакии к Югославии, о судьбе Тито («расправился с ним югославский народ или нет?»). Становилось ясно, что «вопрос об отношениях с Югославией неясен многим»⁹³. В бюллетене отмечалось, что сообщение о предстоящей поездке советской делегации в Белград «вызвало всеобщее удивление. Граждане Сушицкого района Пльзеньской области удивляются, почему советская правительственная делегация едет в Югославию, а не наоборот? Отдельные товарищи говорили, что решение Информбюро коммунистических и рабочих партий было согласовано с Тито для того, чтобы ввести в заблуждение западные державы. Некоторые утверждали, что Тито ищет возможность присоединиться к странам Варшавского договора, потому что зависимость Югославии от западных держав разрушает экономику страны. Высказывалось мнение и о том, что Тито меняет ориентацию своей внешней политики под давлением трудящихся, потому что в Югославии царят дороговизна, нищета и голод»⁹⁴. В Москву поступала информация и о позитивном восприятии переговоров в рабочей среде: на заводе им. Ленина в Пльзне говорили, что восстановление отношений между СССР и Югосла-

⁹² Анализ этого документа и его оценку см.: *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 гг. М., 2008. С. 456–469.

⁹³ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 405 (Информационный бюллетень ЦК КПЧ № 63). Л. 11.

⁹⁴ Там же. Л. 12.

вией приведет к улучшению политического положения на Балканах. Трудящиеся особенно подчеркивали, что Советский Союз стремится к мирному сотрудничеству со всеми народами, в том числе и с Югославией, «несмотря на ее титовское прошлое»⁹⁵.

Публикация сообщения о принятии совместной Заключительной декларации правительств СССР и СФРЮ значительно расширила круг обсуждаемых чехословацкими гражданами проблем.

«В отношении Югославии, — подчеркивалось в информации, поступившей в Москву в июне 1955 г., — среди трудящихся проявляются два новых взгляда. Большинство членов и функционеров КПЧ, а также и большая часть беспартийных оценивают установление хозяйственных и культурных связей СССР и Югославии как дальнейшее проявление мирных усилий Советского Союза по обеспечению мира и безопасности в Европе. Например, трудящиеся Оломоуцкой области белградские переговоры считают одним из важнейших политических событий, означающим ликвидацию новой войны, и выражают надежду, что, возможно, позже Югославия присоединится к Варшавскому договору. С другой стороны, меньшая часть людей считают эти переговоры излишними, поскольку ошибки, которые в прошлом допустили югославские деятели, уже нельзя исправить»⁹⁶.

В поступавшей в Москву информации отмечались и другие настроения, «которые использует классовый враг в своем стремлении понизить авторитет СССР и подорвать доверие трудящихся к КПСС». В качестве примера приводились вопросы, задаваемые в рабочей среде: будут ли возвращены награды президенту Тито? будет ли завод «Сталинград» переименован в завод им. президента Тито? Отмечалось также, что на некоторых промышленных предприятиях, в частности на заводе «Меопта и Моторлетс» и на заводе им. Я. Швермы, «злоупотребляют карикатурами президента Тито, напечатанными в газетах за прошлые годы... Эти карикатуры передают с одного рабочего места на другое. ...На заводе имени Я. Швермы они расклеены на стенах»⁹⁷.

На местах же партийные функционеры требовали от вышестоящих партийных инстанций провести в ближайшее время разъяснение

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 405 (Информационный бюллетень ЦК КПЧ № 75). Л. 26.

⁹⁷ Там же. Л. 27.

по целому ряду вопросов, касающихся оценки резолюций Информбюро 1947 и 1948 гг., а также экономического положения Югославии, деятельности Союза коммунистов Югославии и некоторых других проблем, «которые они не понимают и не могут объяснить»⁹⁸.

Оживленная реакция чехословацкого общества на поездку советской делегации в Белград, на состоявшиеся переговоры и принятие Заключительной декларации оказалась, по-видимому, неожиданной для чехословацких властей. Советский посол Н. П. Фириубин информировал Москву: «Чехословацкие друзья сообщают, что посюду Декларация Правительства СССР и Югославии вызвала политическое оживление и положительное реагирование трудящихся ЧСР. Многие рабочие и служащие учреждений ЧСР в стихийно организованных беседах одобрительно относятся к политике КПСС и Советского правительства. Однако, наряду с положительными откликами на Декларацию, реакционные элементы распускают слухи о том, что компартия Советского Союза официально признала два возможных пути построения социализма. Распространяются версии о том, что Р. Сланский и другие невиновны, что ЦК КПЧ и правительство ЧСР скоро объявят об этом. ...В связи с тем, что отдельные политработники неправильно истолковывают советско-югославские переговоры, не поняли некоторые положения Декларации, в Праге 2–4 июня был проведен специальный семинар-инструктаж»⁹⁹. Упоминание посла о спешном проведении семинара свидетельствовало о явной обеспокоенности властей столь широкой общественной интерпретацией событий, связанных с урегулированием советско-югославского конфликта и принятых летом 1955 г. документов, определявших новые принципы межгосударственных отношений. Это был явный сигнал того, что чехословацкое общество, очнувшись от «гипноза» репрессий, порожденных стремлением Москвы утвердить как истинную одну-единственную советскую модель перехода к социализму, вплотную подошло к новому этапу своего развития. Определяющей чертой его, как показало дальнейшее развитие, стало нарастающее размежевание общественных настроений с официальным курсом правящей партийной верхушки и поиски альтернативных путей решения проблем, встающих перед страной. Кульминацией этого этапа стала «Пражская весна» 1968 г.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 39-а. П. 6. Д. 27. Л. 110.

Заключение

Проведенное исследование показало, что возникший по вине советского руководства конфликт с Югославией вызвал изменение характера отношений между Белградом и странами «народной демократии». Большинство компартий, следуя указаниям Кремля, синхронно начали антиюгославскую кампанию, а затем разорвали договорные отношения с Югославией, свели к минимуму экономические связи. Доступные архивные материалы свидетельствуют, что оказанное Москвой давление на страны «социалистического лагеря» с целью их подключения к идеологической и экономической изоляции Югославии не привело ни к отказу от выполнения этой задачи, ни к скрытому пассивному противодействию.

Компартия Югославии воспринималась в партийной среде восточноевропейских стран как самая «революционная», передовая, а ее лидер как герой, достойный подражания. Тем не менее компартии стран «народной демократии» включились в борьбу с югославскими ревизионистами, а компартия Венгрии, возглавляемая преданным Москве М. Ракоши, даже делала это с особым рвением. Лишь небольшая часть политической элиты Чехословакии и Польши скептически восприняла изменение в политике Москвы и постаралась уклониться, насколько возможно, от системы санкций по отношению к Югославии. Этот факт заслуживает специального изучения в контексте возникновения латентного внутрипартийного сопротивления политике ВКП(б). Вместе с тем постоянный и плотный контроль Кремля над союзниками, поиск в высшем партийном руководстве стран «социалистического лагеря» сочувствующих «вызову»

Тито, показательные процессы над «титоистами» оказали значительное и долговременное, вплоть до 1953 г., влияние на формирование и функционирование политических режимов в Восточной Европе. Была окончательно развенчана концепция «национальных» путей к социализму; обещанная Сталиным в первые послевоенные годы поддержка коммунистов в их поисках «своего» пути в странах складывающегося советского блока забыта, а сторонники многообразия перехода к новому общественному строю подвергнуты политическому остракизму. В восточноевропейских странах утверждалась единая, сталинская модель социалистического строительства.

Конфликт изначально не был концептуально оформлен Кремлем как инструмент для решения задач консолидации советского блока и унификации программ строительства социализма по советскому образцу. Став производным от ряда обстоятельств, фактически, по мере нарастания, он способствовал ужесточению внутрисистемных связей, усилению советского контроля над партийной жизнью и всей государственной сферой стран-сателлитов. В ряде компартий он вызвал вполне ожидаемое соперничество внутри партийной элиты, усиление промосковских групп и их стремление использовать ситуацию для вытеснения с руководящих постов одних деятелей и сведения счетов с другими. Сталин приветствовал такой тип партийной «чистки», близкой ему по внутрипартийной борьбе в 1920–1930-х гг. в СССР: это позволяло ему еще успешнее контролировать зарубежные компартии, а значит, и государства в новой сфере советского влияния.

Интернационализация советско-югославского конфликта показала всему миру истинный характер сталинского социализма, способствовала сплочению Западной Европы, усилила скепсис в рядах зарубежных компартий, дала толчок центробежным тенденциям и укреплению социал-демократического движения. Москва в этот период с очевидностью продемонстрировала неспособность адекватно управлять своей новой, расширившейся после войны империей. Альтернативой могли стать использование традиционных инструментов правового государства, решение возникавших проблем за столом переговоров, готовность идти на компромиссы, не доводя ситуацию до конфликтной. Но Москва предпочла грубое давление, принуждение и опору в проведении своего политического курса на преданную Кремлю сервильную часть партийного руководства. Приоритет

«революционных» методов, апологетика «классовой борьбы» и насилия вкупе с представлениями о непогрешимости советского опыта и его мессианским предназначением не позволяли советским руководителям заглянуть за горизонт событий, оценить во всей полноте последствия принимаемых решений.

Кремлю оказалось не под силу решить вставшие перед ним задачи управления сложным, многоуровневым механизмом взаимодействия с оказавшимися в сфере его ответственности восточноевропейскими государствами, каждое из которых имело собственные национальные интересы и цивилизационную специфику. Сталину была близка при решении сложных вопросов такого рода привычная тактика борьбы с врагами и идейными противниками под лозунгом «Нет человека, нет проблемы». Эту тактику он собирался применить и по отношению к «кровавой клике Тито–Ранковича».

Югославия оказалась первой страной формирующегося советского блока, сумевшей без особых потерь вырваться из цепких лап «русского медведя» и, сохранив свою идеологическую идентичность, успешно создать на границе советской империи относительно либеральную, квазиэкспериментальную модель социализма с жесткой однопартийной диктатурой, развитой чиновничьей прослойкой и мощным репрессивным аппаратом. Следует признать, что объективно главная заслуга в этом принадлежит югославскому руководству и лично Й. Броз Тито. Они оказались способны в самые трудные минуты сплотиться, не позволив внешним силам разрушить единство в руководстве, обеспечить консолидацию югославского общества.

Существенным фактором, позволившим Белграду сохранить свою независимость от Москвы, явилась близость к восточно-средиземноморскому стратегическому ареалу, находящемуся в послевоенное время в зоне ответственности США и Великобритании. Как показано в проведенном исследовании, Москва вела против Югославии активную «войну нервов», сосредоточив на восточных границах как значительные собственные вооруженные силы, так и войска сателлитов. Данных о твердом намерении Кремля напасть на Югославию пока не обнаружено, но югославские документы о передвижениях войск на венгеро-югославской границе свидетельствуют о том, что серьезные намерения советского руководства нельзя было исключить.

Обстановка «военной тревоги», сохранявшаяся в Югославии вплоть до смерти Сталина, явилась существенным фактором

общественно-политической жизни страны, ее милитаризации, усиления влияния генералитета на внутреннюю жизнь, экономику и политику. Достаточно отметить, что расходы на поддержание обороноспособности составляли в первой половине 1950-х гг. более трети национального бюджета.

Авторы «Очерков» отнюдь не претендуют на исчерпывающее освещение проблематики конфликта. Дальнейшее ее исследование, в том числе и изучение последующей нормализации отношений Югославии с СССР и его сателлитами, требует расширения документальной базы, в первую очередь привлечения архивных материалов военных и силовых ведомств. Вполне вероятно, что они помогут выяснить истинный характер и объем военных приготовлений Москвы в отношении Югославии в 1949–1952 гг., роль и место армий Венгрии, Румынии, Болгарии и Албании, подтвердить или опровергнуть наличие планов возможных территориальных переделов в регионе и пр. От архивов спецслужб можно, видимо, ожидать освещения ряда важных с точки зрения генезиса конфликта вопросов. В частности, не до конца понятно значение получаемой Кремлем информации от советского источника в британском посольстве в США Д. Маклина. Именно эта информация могла вызвать резкую реакцию Сталина на февральской встрече 1948 г. с болгарами и югославами в Кремле. Представляется, что назрело изучение роли «империалистических держав» в конфликте, как и его влияния на общественно-политическую жизнь Западной Европы. «Западный фактор», по мнению авторов, должен стать предметом такого же всестороннего изучения, как и «советский». Реальным вкладом российских исследователей в решение этой задачи могло бы стать введение в научный оборот документов отечественных архивов.

Печальным итогом конфликта можно считать порожденное им долгое отчуждение близких народов Восточной Европы, преодолеть которое удалось лишь в процессе последующей нормализации отношений с Югославией.